ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VII.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VII.

Изданіе второе, исправленное.

Иждивеніемъ братьевъ Слёниныхъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1819.

Печатано

по высочайшему повелѣнію.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VII.

ГЛАВА I.

Государь Великій Князь Василій Іоанновичь.

Тѣсное заключеніе и смерть Іоаннова внука, Димитрія. Общій характеръ Василіева правленія. Посольство въ Тавриду. Царевичь Казанскій принимаетъ Вѣру нашу и женится на сестрѣ Великаго Князя. Походъ на Казань. Дѣла Литовскія. Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ. Миръ. Союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Освобожденіе Летифа. Неудовольствія нашего Посла въ Тавридѣ. Мирный договоръ съ Ливоніею. Дѣла Пскова: конецъ его гражданской вольности.

Г. 1505 — 1509.

Г. 1505 — 1509.

Василій пріялъ державу отца, но безъ всякихъ священныхъ обрядовъ, которые напомнили бы Россіянамъ о злополучномъ Димитріи, пышно вѣнчанномъ и сверженномъ съ престола въ темницу (1). Василій не хотѣлъ быть великодушнымъ: ненавидя племянника, помня дни его счастія и своего

Смерть Димитрія.

Г. 1505 — уничиженія, онъ безжалостно осудилъ сего
1509. юношу на самую тяжкую неволю, сокрылъ отъ людей, отъ свѣта солнечнаго въ тѣсной, мрачной палатѣ (2). Изнуряемый горестію, скукою празднаго уединенія, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, безъ отрады, безъ надежды въ лѣтахъ цвѣтущихъ, Димитрій преставился въ 1509 году, бывъ одною изъ умилительныхъ жертвъ лютой Политики, оплакиваемыхъ добрыми сердцами и находящихъ мстителя развѣ въ другомъ мірѣ (3). Смерть возвратила Димитрію права Царскія: Россія увидѣла его лежащаго на великолѣпномъ одрѣ, торжественно отпѣваемаго въ новомъ храмѣ Св. Михаила и преданнаго землѣ подлѣ гроба родителева.

Завѣщаніе, писанное симъ Княземъ въ присутствіи Духовника и Боярина, Князя Хованскаго, свидѣтельствуетъ, что онъ и въ самой темницѣ имѣлъ казну, деньги, множество драгоцѣнныхъ вещей, отчасти данныхъ ему Василіемъ, какъ бы въ замѣну престола и свободы, у него похищенныхъ. Исчисливъ все свое достояніе, жемчугъ, золото, серебро (вѣсомъ болѣе десяти пудъ), Димитрій не располагаетъ ничѣмъ, а желаетъ единственно, чтобы нѣкоторые изъ его земель были отданы монастырямъ, всѣ крѣпостные слуги освобождены, вольные призрѣны, купленныя имъ деревни возвращены безденежно прежнимъ владѣльцамъ, долговыя за-

писи уничтожены, и просить о томъ Великаго Князя безъ униженія и гордости, повинуясь судьбѣ, но не забывая своихъ правъ (4).

Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи подобно отцу ревнителемъ Самодержавія, твердымъ, непреклонньмъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ Политикѣ внѣшней и внутренней; рѣшилъ важныя дѣла въ Совѣтѣ Бояръ, учениковъ и сподвижниковъ Іоанновыхъ; ихъ мнѣніемъ утверждая собственное, являлъ скромность въ дѣйствіяхъ Монархической власти (5, но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не страшась войны, и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ важнымъ для государственнаго могущества; менѣе славился воинскимъ счастіемъ, болѣе опасною для враговъ хитростію (6); не унизилъ Россіи, даже возвеличилъ оную, и послѣ Іоанна еще казался достойнымъ Самодержавія.

Общій характеръ Василіева правленія.

Зная великую пользу союза Менгли-Гиреева, Василій нетерпѣливо желалъ возобновить его: увѣдомилъ Хана о кончинѣ родителя и требовалъ отъ него новой *Шертной* или клятвенной грамоты. Менгли-Гирей прислалъ ее съ двумя своими Вельможами: Бояре Московскіе нашли, что она не такъ писана, какъ данная имъ Іоанну, и предложили иную. Послы скрѣпили оную печатями,

Г. 1505. Посольство въ Тавриду.

а Великій Князь отправилъ знатнаго Окольничаго, Констáнтина Заболоцкаго, въ Тавриду, чтобы удостовѣриться въ искренней дружбѣ Хана и взять съ него присягу (7).

Измѣна Царя Казанскаго требовала мести. Въ сіе время братъ Алегамовъ, Царевичь Куйдакулъ, будучи нашимъ плѣнникомъ, изъявилъ желаніе принять Вѣру Христіанскую. Онъ жилъ въ Ростовѣ, въ домѣ Архіепископа: Государь велѣлъ ему пріѣхать въ Москву; нашелъ въ немъ любезныя свойства, умъ, добронравіе и ревность къ познанію истиннаго Бога (8). Его окрестили торжественно, на Москвѣ-рѣкѣ, въ присутствіи всего Двора; назвали Петромъ и черезъ мѣсяцъ удостоили чести быть зятемъ Государевымъ: Великій Князь выдалъ за него сестру свою, Евдокію, и симъ брачнымъ союзомъ какъ бы давъ себѣ новое право располагать жребіемъ Казани, началъ готовиться къ войнѣ съ нею. Димитрій, Василіевъ братъ, предводительствовалъ ратію, судовою и конною, съ Воеводами Ѳеодоромъ Бѣльскимъ, Шеиномъ, Княземъ Александромъ Ростовскимъ, Палецкимъ, Курбскимъ и другими (9). 22 Мая пѣхота Россійская вышла на берегъ близъ Казани. День былъ жаркой: утомленные воины сразились съ непріятельскими толпами передъ городомъ и тѣснили ихъ; но конница Татарская заѣхала имъ въ тылъ, отрѣзала отъ судовъ и сильнымъ ударомъ

Царевичь Казанскій принимаетъ нашу Вѣру и женится на сестрѣ Великаго Князя.

г. 1506.

Походъ на Казань.

смѣшала Россіянъ. Множество пало, утонуло въ Поганомъ озерѣ или отдалось въ плѣнъ; другіе открыли себѣ путь къ судамъ, и ждали конной рати: она пришла; но Государь, свѣдавъ о первой неудачѣ и въ тотъ же день выславъ Князя Василія Холмскаго съ новыми полками къ Казани, не велѣлъ Димитрію до ихъ прибытія тревожить города. Димитрій ослушался, и посрамилъ себя еще болѣе. Время славной ярмонки Казанской приближалось: Магметъ-Аминь, величаясь побѣдою, и думая, что Россіяне уже далеко, 22 Іюня веселился съ Князьями своими на лугу Арскомъ, гдѣ стояло болѣе тысячи шатровъ; купцы иноземные раскладывали товары, народъ гулялъ, жены сидѣли подъ тѣнію наметовъ, дѣти играли. Вдругъ явились полки Московскіе: „они какъ съ неба „упали на Казанцевъ,“ говоритъ Лѣтописецъ: топтали ихъ, рѣзали, гнали въ городъ; бѣгущіе давили другъ друга и задыхались въ тѣснотѣ улицъ. Россіяне могли бы легко взять Казань приступомъ: она сдалась бы имъ чрезъ пять или шесть дней; но утомленные побѣдители хотѣли отдохнуть въ шатрахъ: увидѣли тамъ яства, напитки, множество вещей драгоцѣнныхъ, и забыли войну; начался пиръ и грабежъ: ночь прекратила оные, утро возобновило. Бояре, чиновники нѣжились подъ Царскими наметами, любовались симъ зрѣлищемъ и хвали-

г. 1506.

Г. 1506. лись, что они ровно черезъ годъ отмстили Казанцамъ убіеніе нашихъ купцевъ; воины пили и шумѣли; стража дремала. Но Магметъ-Аминь бодрствовалъ въ высокой стрѣльницѣ: смотрѣлъ на ликованіе безпечныхъ непріятелей, и готовилъ имъ месть за месть, внезапность за внезапность. 25 Іюня, скоро по восходѣ солнца, 20,000 конныхъ и 30,000 пѣшихъ ратниковъ высыпало изъ города и съ крикомъ устремилось на Россіянъ полусонныхъ, которыхъ было вдвое болѣе числомъ, но которые въ смятеніи бѣжали къ судамъ, какъ стадо овецъ, въ слѣдъ за Воеводами, безъ устройства, безъ оружія (10). Лугъ Арскій взмокъ отъ ихъ крови и покрылся трупами. Князь Курбскій, Палецкій, лишились жизни: Воевода Шеинъ остался плѣнникомъ; но спаслось еще столько людей, что они могли бы новою битвою загладить свою оплошность и робость: никто не мыслилъ о томъ; въ безпамятствѣ ужаса кидались на суда, отрѣзывали якори; спѣшили удалиться. Одна конница Московская подъ начальствомъ Ѳедора Михайловича Киселева и нашего служиваго Царевича Зеденая, Нордоулатова сына (11), оказала нѣкоторую смѣлость: шла сухимъ путемъ къ Мурому, и въ 40 верстахъ отъ Суры настиженная Казанцами, отразила ихъ мужественно. Въ войскѣ у Димитрія находилось нѣсколько иноземцевъ съ огнестрѣль-

нымъ снарядомъ: только одинъ изъ нихъ привезъ свои пушки въ Москву. Товарищи его явились вмѣстѣ съ нимъ къ Государю, который, принявъ другихъ милостиво, сказалъ ему гнѣвно: „Ты берегъ снарядъ, а не „берегъ себя: знай же, что люди искусные „мнѣ дороже пушекъ“ (12)! Василій не наказалъ Воеводъ изъ уваженія къ брату, главному Полководцу, слѣдственно и главному виновнику сего бѣдствія; но *Димитрій* съ того времени уже не бывалъ никогда начальникомъ рати. Г. 1506.

Такимъ образомъ и Василіево государствованіе, подобно Іоаннову, началось неудачнымъ походомъ на Казань. Честь и безопасность Россіи предписывали Великому Князю смирить Магметъ-Аминя: уже знаменитый нашъ Полководецъ, Даніилъ Щеня, готовился итти къ берегамъ Волги (13); но вѣроломный присяжникъ изъявилъ раскаяніе: или убѣжденный Менгли-Гиреемъ, или самъ предвидя худыя слѣдствія войны для слабой Казани, онъ писалъ къ Василію весьма учтиво, прося извиненія и мира. Государь требовалъ освобожденія Посла нашего, Михайла Яропкина, также всѣхъ захваченныхъ съ нимъ купцевъ и военноплѣнныхъ Россіянъ: Магметъ-Аминь исполнилъ его волю; новою клятвенною грамотою обязался быть ему другомъ, и призналъ свою зависимость отъ Россіи, какъ было при Іоаннѣ (14).

г. 1506 Въ сношеніяхъ съ Литвою Василій изъявлялъ на словахъ миролюбіе, стараясь вредить ей тайно и явно. Еще не зная о
Дѣла Литовскія. смерти Іоанновой, Король Александръ отправилъ Посла въ Москву съ обыкновенными жалобами на обиды Россіянъ (15). Государь выслушалъ, обѣщалъ законное удовлетвореніе, привѣтствовалъ Посла, но не далъ ему руки, для того, что въ Литвѣ свирѣпствовали заразительныя болѣзни. Извѣстіе о новомъ Монархѣ въ Россіи обрадовало Короля. Всѣ знали твердость Іоаннову: неопытность и юность Василіева казались благопріятными для нашихъ естественныхъ недоброжелателей. Александръ надѣялся заключить миръ, приславъ въ Москву Вельможъ Глѣбова и Сапѣгу; но въ отвѣтъ на ихъ предложеніе, возвратить Литвѣ всѣ наши завоеванія, Бояре Московскіе сказали, что Великій Князь владѣетъ только собственными землями и ничего уступить не можетъ (16). Глѣбовъ и Сапѣга выѣхали съ неудовольствіемъ; а въ слѣдъ за ними Государь послалъ (17) объявить зятю о своемъ восшествіи на престолъ и вручить Еленѣ золотой крестъ съ мощами по духовной родителя. Василій призналъ жалобы Литовскихъ подданныхъ на Россіянъ совершенно несправедливыми, и, къ досадѣ Короля, напомнилъ ему въ сильныхъ выраженіяхъ, чтобы онъ не безпокоилъ супруги

въ разсужденіи ея Вѣры. — Однимъ словомъ, Г. 1506.
Александръ увидѣлъ, что въ Россіи другой Государь, но таже система войны и мира. Все осталось, какъ было. Съ обѣихъ сторонъ изъявлялась холодная учтивость. Король дозволилъ Греку Андрею Траханіоту ѣхать изъ Москвы въ Италію черезъ Литву (18), въ угодность Василію, который взаимно оказывалъ снисхожденіе въ случаяхъ маловажныхъ: такъ, на примѣръ, отдалъ Митрополиту Кіевскому, Іонѣ, сына его, бывшаго у насъ плѣнникомъ (19).

Въ Августѣ 1506 года Король Александръ умеръ: Великій Князь немедленно послалъ чиновника Наумова съ утѣшительною грамотою ко вдовствующей Еленѣ; но въ тайномъ наказѣ предписалъ ему объявить сестрѣ, что она можетъ прославить себя великимъ дѣломъ: именно, соединеніемъ Литвы, Польши и Россіи, ежели убѣдитъ своихъ Пановъ избрать его въ Короли; что разновѣріе не есть истинное препятствіе; что онъ дастъ клятву покровительствовать Римскій Законъ, будетъ отцемъ народа и сдѣлаетъ ему болѣе добра, нежели Государь единовѣрный (20). Наумовъ долженъ былъ сказать тоже Виленскому Епископу Войтеху, Пану Николаю Радзивилу и всѣмъ Думнымъ Вельможамъ. Мысль смѣлая и по тогдашнимъ обстоятельствамъ удивительная, внушенная не только властолюбіемъ Монарха-

г. 1506. юноши, но и проницанiемъ необыкновеннымъ. Литва и Россiя не могли дѣйствительно примириться иначе, какъ составивъ одну Державу: Василiй безъ наставленiя долговременныхъ опытовъ, безъ примѣра, умомъ своимъ постигъ сiю важную для нихъ обѣихъ истину; и если бы его желанiе исполнилось, то Сѣверъ Европы имѣлъ бы другую Исторiю. Василiй хотѣлъ отвратить бѣдствiя двухъ народовъ, которые въ теченiе трехъ слѣдующихъ вѣковъ рѣзались между собою, споря о *древнихъ* и *новыхъ* границахъ. Сiя кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелiю одного изъ нихъ; повинуясь Государю общему, въ духѣ братства, они сдѣлались бы мирными властелинами полуночной Европы.

Но Елена отвѣтствовала, что братъ ея супруга, Сигизмундъ, уже объявленъ его преемникомъ въ Вильнѣ и въ Краковѣ. Самъ новый Король извѣстилъ о томъ Василiя, предлагая ему вѣчный миръ съ условiемъ, чтобы онъ возвратилъ свободу Литовскимъ плѣнникамъ и тѣ мѣста, коими завладѣли Россiяне уже послѣ шестилѣтняго перемирiя. Сiе требованiе казалось умѣреннымъ; но Василiй — досадуя, можетъ быть, что его намѣренiе царствовать въ Литвѣ не исполнилось — хотѣлъ удержать все, оставленное ему въ наслѣдiе родителемъ (21), и жалуясь, что Литовцы преступаютъ договоръ 1503

года, тревожатъ набѣгами владѣнія Князей Стародубскаго и Рыльскаго, жгутъ села Брянскія, отнимаютъ наши земли, послалъ Князя Холмскаго и Боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область. Они доходили до Мстиславля, не встрѣтивъ непріятеля въ полѣ (22). Королевскіе Послы еще находились тогда въ Москвѣ: Сигизмундъ упрекалъ Василія, что онъ, говоря съ нимъ о мирѣ, *начинаетъ войну* (23).

Въ сіе время славный Константинъ Острожскій, измѣнивъ данной имъ Василію присягѣ, утвержденной ручательствомъ нашего Митрополита, бѣжалъ изъ Москвы въ Литву (24). Любовь къ отечеству и ненависть къ Россіи заставили его остыдить себя дѣломъ презрительнымъ: обмануть Государя, Митрополита, нарушить клятву, уставъ чести и совѣсти. Никакія побужденія не извиняютъ вѣроломства. — Сигизмундъ принялъ нашего измѣнника, Константина, съ милостію: Василій скоро отмстилъ Сигизмунду, объявивъ себя покровителемъ еще важнѣйшаго измѣнника Литовскаго. г. 1508.

Никто изъ Вельможъ не былъ въ Литвѣ столь знатенъ, силенъ, богатъ помѣстьями, щедръ къ услужникамъ и страшенъ для непріятелей, какъ Михаилъ Глинскій, коего родъ происходилъ отъ одного Князя Татарскаго, выѣхавшаго изъ Орды къ Витовту (25). Воспитанный въ Германіи, Михаилъ

г. 1508. заимствовалъ обычаи Нѣмецкіе, долго служилъ Албрехту Саксонскому, Императору Максимиліану въ Италіи; славился храбростію, умомъ, и возвратясь въ отечество, снискалъ милость Александрову, такъ, что сей Государь обходился съ нимъ какъ съ другомъ, повѣряя ему всѣ тайны сердечныя. Глинскій оправдывалъ сію любовь и довѣренность своими заслугами. Когда сильное войско Менгли-Гиреево быстрымъ нашествіемъ привело Литву въ трепетъ; когда Александръ, лежащій на смертномъ одрѣ почти въ виду непріятеля, требовалъ усердной защиты отъ Вельможъ и народа: Глинскій сѣлъ на коня, собралъ воиновъ, и славнѣйшею побѣдою утѣшилъ Короля въ послѣднія минуты его жизни (26). Завистники молчали; но смерть Александрова отверзла имъ уста: говорили, что онъ мыслилъ овладѣть престоломъ и не хотѣлъ присягать Сигизмунду. Всѣхъ болѣе ненавидѣлъ и злословилъ его Вельможа Забрезенскій. Михаилъ неотступно убѣждалъ новаго Короля быть судіею между ими. Сигизмундъ медлилъ, доброхотствуя непріятелямъ Глинскаго, который вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и сказалъ ему: „Государь! мы оба, ты и я, будемъ раскаи„ваться; но поздно.“ Онъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Василіемъ, уѣхалъ въ свой городъ Туровъ; призвалъ къ себѣ родственниковъ, друзей; требовалъ полнаго удовле-

шворенія отъ Сигизмунда и назначилъ срокъ. Г. 1508.
Слухъ о шомъ достигъ Москвы, гдѣ знали все, что въ Литвѣ происходило: Государь угадалъ тайную мысль Михаилову и послалъ къ нему умнаго Дьяка, предлагая всѣмъ тремъ Глинскимъ защиту Россіи, милость и жалованье (27). Еще соблюдая пристойность, они ждали рѣшительнаго Королевскаго отвѣта: не получивъ его, торжественно объявили себя слугами Государя Московскаго, съ условіемъ, чтобы Василій оружіемъ укрѣпилъ за ними ихъ города въ Литвѣ, помѣстные и тѣ, которые имъ волею или неволею сдадутся. Съ обѣихъ сторонъ утвердили сей договоръ клятвою. Пылая злобою мести, Михаилъ нечаянно схватилъ врага своего, Вельможу Забрезенскаго, въ увеселительномъ его домѣ близъ Гродна: отсѣкъ ему голову (28); умертвилъ многихъ другихъ Пановъ; составилъ полкъ изъ Дворянъ, слугъ и наемниковъ; взялъ Мозырь; заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ и Господаремъ Молдавскимъ (29), изъ коихъ первый обѣщалъ завоевать для него Кіевъ. Пишутъ, что Глинскіе дѣйствительно имѣли намѣреніе возстановить древнее Великое Княженіе Кіевское и господствовать въ немъ независимо; что многіе изъ тамошнихъ Бояръ присягнули имъ въ вѣрности; что Михаилъ думалъ жениться на вдовствующей супругѣ Симеона Олельковича, Анастасіи, и тѣмъ пріобрѣсти законное

Г. 1508. право на сіе Княжество, но что добродѣтельная Анастасія, гнушаясь его измѣною, не хотѣла о томъ слышать (30).

Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ.

Глинскій ждалъ Московской рати. Воеводы наши, Князья Шемякинъ, Одоевскіе, Трубецкіе, Воротынскіе, пришли къ нему на Березину, осадили Минскъ и разоряли все до самой Вильны; другіе воевали Смоленскую область (31). Желая и надѣясь сокрушить Литву, Василій двинулъ еще полки изъ Москвы и Новагорода къ Оршѣ: первые велъ знатный Бояринъ Яковъ Захарьевичъ, послѣдніе славный Князь Даніилъ Щеня. Глинскій, Шемякинъ, оставивъ Минскъ, явились близъ Друцка, обязали тамошнихъ Князей присягою вѣрности къ Государю Россійскому и соединились подъ Оршею съ Даніиломъ: громили пушками стѣны ея; замышляли приступъ.

Никогда Литва не бывала въ опаснѣйшемъ положеніи: Россія возстала, Менгли-Гирей и Волохи готовились къ нападенію; внутри бунтъ и правленіе новое, коего всѣ тайны, всѣ способы были извѣстны Глинскому; наемные Королевскіе воины, Нѣмцы, требовали жалованья, а расточительность Александрова истощила казну (32). Но Сигизмундъ имѣлъ твердость, благоразуміе и счастіе, которое въ дѣлахъ міра не рѣдко смѣется надъ вѣроятностями ума. Съ необыкновенною дѣятельностію собравъ, устроивъ войско, онъ при-

ближился къ Оршѣ, чтобы спасти сію важ- Г. 1508.
ную крѣпость. Полководцы Василіевы изумились, сняли осаду и стали на восточномъ берегу Днѣпра. Дней шесть непріятели чрезъ сію рѣку смотрѣли другъ на друга: Россіяне ждали къ себѣ Литовцевъ, Литовцы Россіянъ (33). Наконецъ Воеводы Московскіе пошли къ Кричеву, Мстиславлю; разорили нѣсколько селъ и спѣшили назадъ, защитить собственные предѣлы: ибо Король, вступивъ въ Смоленскъ, отрядилъ войско къ Дорогобужу, къ Бѣлой и къ Торопцу. Василій, поручивъ Князьямъ Стародубскому и Шемякину оберегать Украйну, велѣлъ Боярину Якову Захарьевичу стоять въ Вязмѣ, а Даніилу выгнать Литовскій отрядъ изъ Торопца, гдѣ жители, малодушно присягнувъ Сигизмунду, съ радостію встрѣтили нашего Воеводу, который донесъ Государю о бѣгствѣ непріятеля (34).

Хотя Василій по видимому не имѣлъ причины славиться успѣхами своихъ Полководцевъ, ни важными для Россіи слѣдствіями измѣны Глинскихъ: однакожь казался доволенъ первыми, и съ великою милостію угостилъ Михаила, который пріѣхалъ въ Москву, пировалъ во дворцѣ, былъ одаренъ щедро, не только одеждами богатыми, доспѣхомъ, Азіатскими конями, но и Московскими селами съ двумя помѣстными городами, Ярославцемъ и Медынью. Братья Михаиловы

г. 1508. оставались въ Мозырѣ, а люди, сокровища и знатнѣйшіе единомышленники, Князья Дмитрій Жижерскій, Иванъ Озерецкій, Андрей Лукомскій, въ Почепѣ. Михаилъ просилъ у Государя воиновъ для обереженія Турова и Мозыря: Василій далъ ему Воеводу, Князя Несвицкаго, съ Галицкими, Костромскими ратниками и съ Татарами (35).

Между тѣмъ Литовцы сожгли Бѣлую и взяли Дорогобужъ, обращенный въ пепелъ самими Россіянами (36). Константинъ Острожскій предводительствовалъ частію Сигизмундовой рати, обѣщая указать ей путь къ Москвѣ. Но Великій Князь не терялъ времени: самъ распорядилъ полки и велѣлъ имъ съ двухъ сторонъ, Холмскому изъ Можайска, Боярину Якову Захарьевичу изъ Вязьмы, итти къ Дорогобужу, гдѣ начальствовалъ Воевода Королевскій, Станиславъ Кишка: сей гордый Панъ, имѣвъ нѣкоторыя выгоды въ легкихъ сшибкахъ съ отрядами Россійскими, уже думалъ, что наше войско не существуетъ, и что бѣдные остатки его не дерзнутъ показаться изъ лѣсовъ: увидѣлъ полки Холмскаго и бѣжалъ въ Смоленскъ. — Такимъ образомъ непріятели выгнали другъ друга изъ своихъ предѣловъ, не бывъ ни побѣдителями, ни побѣжденными; но Король имѣлъ болѣе славы, среди опасностей новаго правленія и внутренней измѣны отразивъ внѣшняго, сильнаго врага, столь ужаснаго для его двухъ предшественниковъ.

Не ослѣпляясь легкомысленною гордостію, г. 1508.
боясь Менгли-Гирея и желая успокоить свою Державу, благоразумный Сигизмундъ снова предложилъ миръ Василію, который не отринулъ его. Глинскій хвалился многочисленностію друзей и единомышленниковъ въ Литвѣ; но, къ счастію всѣхъ Правленій, измѣнники рѣдко торжествуютъ: сила беззаконная или первымъ возстаніемъ испровергаетъ законный уставъ Государства, или ежечасно слабѣетъ отъ нераздѣльнаго съ нею страха, отъ естественнаго угрызенія совѣсти, если не главныхъ дѣйствующихъ лицъ, то по крайней мѣрѣ ихъ помощниковъ. Тщетно Глинскіе старались возмутить Кіевскую и Волынскую область: народъ равнодушно ждалъ происшествій; Бояре отчасти желали успѣховъ Михаилу, но не хотѣли бунтомъ подвергнуть себя казни; весьма не многіе присоединились къ нему, и войско его состояло едва изъ двухъ или трехъ тысячь всадниковъ; начальники городовъ были вѣрны Королю. Счастію Іоаннова оружія въ войнѣ Литовской способствовалъ Менгли-Гирей: Василій еще не видалъ въ немъ дѣятельнаго усердія къ пользамъ Россіи, и не смотря на союзную грамоту, утвержденную въ Москвѣ словомъ и печатію Ханскихъ Пословъ, разбойники Крымскіе безпокоили нашу Украйну, такъ, что Великій Князь

Г. 1508. должень былъ защитить оную войскомъ (57). Надежда, возбудить Ногаевъ къ сильному впаденію въ Литву, не исполнилась: слуга Василіевъ, Князь Темиръ, ѣздилъ къ Мурзамъ, Асану и другимъ, сыновьямъ Ямгурчея и Мусы, съ предложеніемъ, чтобы они, содѣйствуя намъ, отмстили Королю вѣроломное заключеніе Хана Шигъ-Ахмета, связаннаго съ ними родствомъ и дружбою: Темиръ долженъ былъ вести ихъ къ берегамъ Дона и Днѣпра; но не могъ успѣть въ своемъ порученіи (38). Сіи обстоятельства, моленіе вдовствующей Королевы Елены, рѣшительность Сигизмунда и сомнительный успѣхъ войны склонили Василія къ искреннему миролюбію. *Король прислалъ изъ Смоленска* въ Москву Станислава, Воеводу Полоцкаго, Маршалка Сапѣгу и Войтеха, Намѣстника Перемышльскаго, которые, слѣдуя обыкновенію, сначала требовали всего, а наконецъ
Миръ. удовольствовались не многимъ: хотѣли Чернигова, Любеча, Дорогобужа, Торопца, но согласились взять единственно пять или шесть волостей Смоленскихъ, отнятыхъ у Литвы уже въ государствованіе Василіево. Написали договоръ такъ называемаго вѣчнаго мира. Василій и Сигизмундъ, именуясь братьями и сватами, обязались жить въ любви, доброжелательствовать и помогать другъ другу на всякаго непріятеля, кромѣ Менгли-Гирея и такихъ случаевъ, гдѣ будетъ

не возможно исполнить сего условія (которое, слѣдственно, обращалось въ ничто). Король утверждалъ за Россіею всѣ пріобрѣтенія Іоанновы, а за слугами Государя Россійскаго, Князьями Шемякинымъ, Стародубскими, Трубецкими, Одоевскими, Воротынскими, Перемышльскими, Новосильскими, Бѣлевскими, Мосальскими, всѣ ихъ отчины и города. За то Василій обѣщалъ *не вступаться* въ Кіевъ, въ Смоленскъ, ни въ другія Литовскія владѣнія. Далѣе сказано въ договорѣ, что *Великій* Князь Рязанскій, Іоаннъ Іоанновичъ, съ своею землею принадлежитъ къ Государству Московскому; что ссоры между Литовскими и Россійскими подданными должны быть разбираемы судьями общими, присяжными, коихъ рѣшенія исполнятся во всей силѣ; что Посламъ и купцамъ обѣихъ Державъ вездѣ *путь чистъ* и свободенъ: ѣздятъ, торгуютъ, какъ имъ угодно; наконецъ, что Литовскіе и наши плѣнники освобождаются немедленно. О Глинскихъ не упоминается въ сей грамотѣ; но судьба ихъ была рѣшена: Василій призналъ Мозырь и Туровъ, города Михаиловы, собственностію Королевскою, обѣщая впредь уже не принимать къ себѣ никого изъ Литовскихъ Князей съ землями и помѣстьями (39). Онъ удовольствовался единственно словомъ Короля, что Глинскіе могутъ свободно выѣхать изъ Литвы въ Россію. г. 1508.

Г. 1508. Послы Сигизмундовы были десять разъ у Государя и дважды обѣдали. Размѣнялись договорными грамотами. Сеймъ Литовскій одобрилъ все условія. Король цѣловалъ крестъ въ присутствіи нашихъ Пословъ, въ Вильнѣ (10). Россіяне и Литовцы были довольны миромъ; но Глинскіе изъявляли негодованіе, и Сигизмундъ увѣдомилъ Великаго Князя, что Михаилъ не хочетъ ѣхать въ Москву, думая бѣжать въ степи съ вооруженными людьми своими и мстить равно обоимъ Государствамъ; но что войско Королевское уже идетъ смирить сего мятежника. Василій просилъ Короля не тревожить Глинскихъ и дать имъ свободный путь въ Россію. Проливая слезы, они выѣхали къ намъ изъ отечества со всѣми ближними. Литва жалѣла, а болѣе опасалась ихъ: Россія не любила: Великій Князь ласкалъ и честилъ, думая, что сіи измѣнники еще могутъ быть ему полезны.

Едва ли имѣя надежду и самое желаніе долго оставаться въ мирѣ съ Литвою, Василій нетерпѣливо ждалъ вѣстей изъ Тавриды, чтобы удостовѣриться въ важномъ для насъ союзѣ Менгли-Гиреевомъ. Можетъ быть, сей Царь и не участвовалъ въ набѣгѣ Крымскихъ разбойниковъ на Московскіе предѣлы, но усердіе его къ Россіи явно охладѣло: державъ Заболоцкаго долѣе года, онъ прислалъ гонца въ Москву съ требованіемъ, чтобы его пасынокъ, сверженный Царь

Казанскій, Абдылъ-Летифъ, былъ отпущенъ г. 1508. въ Тавриду. Великій Князь не сдѣлалъ сего, однакожъ возвратилъ Летифу свободу и милость, дозволилъ быть во дворцѣ, обѣщалъ Коширу въ помѣстье (41). Вѣроятно, что слухъ о мирныхъ переговорахъ Сигизмунда съ Василіемъ рѣшилъ наконецъ Менгли-Гирея утвердить дружбу съ нами: по крайней мѣрѣ онъ немедленно отпустилъ тогда Заболоцкаго и прислалъ трехъ Вельможъ своихъ въ Москву съ Шертною *золотою* грамотою (42): далъ клятву за себя, за дѣтей и внучатъ, жить въ братствѣ съ Великимъ Княземъ, вмѣстѣ воевать и мириться, съ Литвою и съ Татарами; унимать, казнить своихъ разбойниковъ, покровительствовать нашихъ купцевъ и путешественниковъ; однимъ словомъ, исполнять всѣ обязанности тѣсной, взаимной дружбы, какъ было въ Іоанново время.

Государь приказалъ встрѣтить Пословъ съ великою честію, звать во дворецъ къ обѣду, и *клалъ на нихъ руки* въ знакъ благоволенія. Они представили ему 16 грамотъ отъ Хана, писанныхъ весьма ласково. Менгли-Гирей убѣждалъ Василія послать судовую рать съ пушками для усмиренія Астрахани, обѣщалъ всѣми силами дѣйствовать противъ Сигизмунда и помогать Михаилу Глинскому, коего называлъ любезнымъ сыномъ; просилъ ловчихъ птицъ, соболей, рыбьихъ зубовъ,

Г. 1508. латъ и серебряной чары *въ два ведра* (43); требовалъ *какой-то дани, платимой* ему Князьями Одоевскими (44); а всего болѣе желалъ, чтобы Государь позволилъ Абдылъ-Летифу ѣхать въ Тавриду для свиданія съ матерью. Сіе послѣднее казалось Василію столь важнымъ, что онъ собралъ Думу Боярскую и хотѣлъ знать ея мнѣніе (45). Приговорили не отпускать Летифа. Государь велѣлъ ему самому явиться въ Думу и говорилъ такъ: „Царь Абдылъ-Летифъ! ты „вѣдаешь, что отецъ мой лишилъ тебя „свободы за вину не малую. Въ угодность „нашему брату, Менгли-Гирею, забывъ твое „преступленіе, я милостиво дарую тебѣ „вольность и городъ. Выслушай условія."

Освобожденіе Летифа.

Они состояли въ томъ, чтобы Летифъ клятвенно обязался вѣрно служить Россіи, не выѣзжать самовольно изъ ея предѣловъ, не имѣть сношенія съ Литвою, ни съ другими нашими врагами, и чтобы Менгли-Гиреевы Послы утвердили сей договоръ собственною ихъ присягою. Летифъ винился, благодарилъ, считалъ себя недостойнымъ видѣть лице Государево; *клялся не угнетать* Христіанъ, не ругаться надъ святынею, доносить Великому Князю о всякихъ злодѣйскихъ умыслахъ противъ него или Государства. Вмѣсто Коширы, прежде обѣщанной, ему дали Юрьевъ. Достойно замѣчанія, что и самъ Великій Князь присягнулъ

въ доброжелательствѣ къ Летифу, такъ же, какъ и въ вѣрности къ Менгли-Гирею, исполняя требованіе Пословъ Крымскихъ и совѣтъ Бояръ. Намѣстникъ Перевицкій, Морозовъ, былъ отправленъ въ Тавриду изъявить благодарность за дружбу Хана, увѣрить его въ нашей, извѣстить о заключенномъ съ Литвою мирѣ, и сказать на-единѣ, что долгое молчаніе Менгли-Гиреево безпокоило Государя; что носился даже слухъ о присоединеніи Ханскихъ сыновей къ Сигизмундовой рати (46); что сіе обстоятельство ускорило для насъ миръ, но что Великій Князь остается другомъ Менгли-Гирея, и не боится новой, справедливой войны съ ихъ общимъ, естественнымъ недругомъ; что намъ не льзя послать людей съ огнестрѣльнымъ снарядомъ къ Астрахани, ибо нѣтъ судовъ въ готовности; что Россіи, утомленной войнами, хотя мирной съ Литвою, но угрожаемой Ливонскими Нѣмцами, нужно отдохновеніе; что самъ Іоаннъ никогда не посылалъ туда войска (47), и проч. Уже ветхій лѣтами и здоровьемъ, Менгли-Гирей не могъ жить долго: Василій г. 1509. приказалъ Морозову тайно видѣться съ Ханскимъ старшимъ сыномъ, Магметъ-Гиреемъ; обязать его клятвою въ дружбѣ къ Россіи и присягнуть ему въ нашей именемъ Государя.

Сей Посолъ имѣлъ непріятность въ Тавридѣ отъ своевольства и корыстолюбія

г. 1509. Неудовольствія нашего посла въ Тавридѣ.

Ханскихъ Вельможъ. Государь именно велѣлъ Морозову наблюдать свое достоинство и не терпѣть ни малѣйшаго для насъ униженія въ обрядахъ Посольскихъ: ибо Крымскіе Мурзы любили величаться передъ Россіянами, воспоминая старину. „Я сошелъ съ коня „близъ дворца", пишетъ Морозовъ къ Великому Князю: „у воротъ сидѣли Князья „Ханскіе, и всѣ, какъ должно, привѣтство„вали Посла твоего, кромѣ Мурзы Кудояра, „дерзнувшаго назвать меня холопомъ. Тол„мачъ не смѣлъ перевести сихъ грубыхъ „словъ; а Мурза въ бѣшенствѣ хотѣлъ за„рѣзать его, и силою выхватилъ шубу изъ „рукъ моего Подьячаго, который несъ дары. „Въ дверяхъ Ясаулы преградили мнѣ путь, „бросивъ на землю жезлы свои, и требовали „пошлины: я ступилъ на жезлы и вошелъ „къ Царю. Онъ и Царевичи встрѣтили меня „ласково; пили изъ чаши и подали мнѣ „остатокъ. Я также поднесъ чашу имъ „и всѣмъ Князьямъ, но обошелъ Кудояра и „сказалъ Хану: *Царь, вольный человѣкъ! сей „Мурза невѣжливъ: суди насъ. . . Называюсь „холопомъ твоимъ и Государя моего, но не „Кудояровымъ. Говорю съ нимъ предъ тобою „съ очи на очи: какъ онъ дерзнулъ грубить „Послу и силою брать, что мы несли къ те„бѣ?* Менгли-Гирей, выслушавъ, извинялъ „Мурзу; но отпустивъ меня, бранилъ его „и выгналъ." Морозовъ не согласился вручить

Хану своего посольскаго наказа, ни описи Г. 1509.
присланныхъ съ нимъ даровъ, отвѣтствуя гордо Вельможамъ Царскимъ: „Рѣчи Великаго Князя вписаны у меня только въ сердцѣ, „а дары его вамъ доставлены: болѣе ничего „не требуйте.“ Одинъ изъ сыновей Ханскихъ, жалуясь на скупость Василіеву, грозилъ Морозову цѣпями. „Цѣпей твоихъ не „опасаюсь,“ сказалъ Посолъ: „боюсь единственно Бога, Великаго Князя и Царя, „вольнаго человѣка.... Если оскорбите меня, то Государь уже никогда не будетъ „присылать къ вамъ *людей знатныхъ*“ (48). — Однакожь, не смотря на слабость отягченнаго лѣтами Менгли-Гирея, коему сыновья и Вельможи худо повиновались, нашъ союзъ съ Тавридою остался до времени въ своей силѣ.

Мирный договоръ съ Ливоніею.

Россія заключила тогда мирный договоръ и съ Ливоніею. Въ 1506 году вторично былъ у насъ Посолъ Императорскій, Гартингеръ, съ дружественнымъ письмомъ отъ Максимиліана, который снова просилъ Великаго Князя освободить Ливонскихъ плѣнниковъ. Василій сказалъ, что вольность ихъ зависитъ отъ мира. Наконецъ Магистръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ Дерптскій и все Рыцарство прислали чиновниковъ въ Москву. Слѣдуя правилу отца, Государь не хотѣлъ самъ договариваться съ ними: они поѣхали въ Новгородъ, гдѣ Намѣстники, Да-

Г. 1509. ніилъ Щеня, Григорій Ѳедоровичъ Давыдовъ и Князь Иванъ Михайловичъ Оболенскій, дали имъ мирную грамоту отъ 25 Марта 1509 года впредь на 14 лѣтъ. Освободили плѣнныхъ; возобновили старыя, взаимныя условія о торговлѣ и безопасности путешественниковъ въ обѣихъ земляхъ. Важнѣе всего было то, что Нѣмцы отреклись отъ союза съ Королемъ Польскимъ. Государь не забылъ и нашихъ церквей въ Ливоніи: Магистръ обязался блюсти ихъ. Въ тоже время Императоръ, ходатайствуя за Ганзу, писалъ къ Великому Князю, что она издревле къ обоюдной пользѣ купечествовала въ Россіи, и желаетъ возстановить свою Контору въ Новѣгородѣ, ежели возвратятъ Любчанамъ товары, несправедливо отнятые Іоанномъ, единственно по наущенію злыхъ людей. Василій отвѣтствовалъ Максимиліану: „Пусть „Любчане и союзные съ ними 72 города „шлютъ должное челобитье къ моимъ Новогородскимъ и Псковскимъ Намѣстникамъ: „изъ дружбы къ тебѣ велю торговать съ „Нѣмцами, какъ было прежде; но имѣніе „отняли у нихъ за вину: его не льзя возвратить: о чемъ писалъ къ тебѣ и мой родитель“ (49).

Утвердивъ спокойствіе Россіи, Василій рѣшилъ судьбу древняго, знаменитаго Пскова. Какое-то особенное снисхожденіе Іоанново позволило сей Республикѣ пережить Но-

Дѣла Пскова.

вогородскую, еще имѣть видъ народнаго Г. 1509.
правленія и хвалиться тѣнію свободы: могла ли уцѣлѣть она въ системѣ общаго Самодержавія? Примѣръ Новагорода ужасалъ Псковитянъ; но, лаская себя свойственною людямъ надеждою, они такъ разсуждали: „Іоаннъ пощадилъ насъ: можетъ пощадить и „Василій. Мы спаслись при отцѣ благоговѣ„ніемъ къ его верховной волѣ: не оскорбимъ „и сына. Гордость есть безуміе для сла„бости. Не постоимъ за многое, чтобы „спасти главное: то есть, свободное бытіе „гражданское, или по крайней мѣрѣ долѣе „наслаждаться онымъ.“ Сіи мысли были основаніемъ ихъ Политики. Когда Намѣстники Великокняжескіе дѣйствовали беззаконно, Псковитяне жаловались Государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавидя Князя Ярослава, они снова приняли его къ себѣ Намѣстникомъ (50): ибо такъ хотѣлъ Іоаннъ, который, можетъ быть, единственно отлагалъ до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную съ государственнымъ уставомъ Россіи: войны, опасности внѣшнія, а наконецъ, можетъ быть, и старость помѣшали ему исполнить сіе намѣреніе. Юный Василій естественнымъ образомъ довершилъ дѣло отца: искалъ, и легко нашелъ предлогъ. Хотя Псковитяне вообще изъявляли болѣе умѣренности, нежели пылкіе Новогородцы; однакожъ, подобно

г. 1509. всѣмъ Республикамъ, имѣли внутренніе раздоры, обыкновенное дѣйствіе страстей человѣческихъ. Еще въ Іоанново время былъ у нихъ мятежъ, въ коемъ одинъ Посадникъ лишился жизни; а другіе чиновники бѣжали въ Москву. Тогда же земледѣльцы не хотѣли платить дани гражданамъ: Вѣче самовластно наказало первыхъ, отыскавъ древнюю уставную грамоту въ доказательство, что они всегда считались данниками и работниками послѣднихъ. Іоаннъ обвинилъ самовольство Вѣча: Псковитяне едва смягчили его гнѣвъ моленіемъ и дарами (51). При Василіи управлялъ ими въ санѣ Намѣстника Князь Иванъ Михайловичь Рѣпня-Оболенскій, не любимый народомъ: питая несогласія между Старшими и Младшими гражданами, онъ жаловался на ихъ строптивость и въ особенности на главныхъ чиновниковъ, которые будто бы вмѣшивались въ его права и суды (52). Сего было довольно для Василія.

Осенью въ 1509 году онъ поѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Андреемъ, съ зятемъ, Царевичемъ Петромъ, Царемъ Летифомъ, съ Коломенскимъ Епископомъ Митрофаномъ, съ знатнѣйшими Боярами, Воеводами, Дѣтьми Боярскими (53). Цѣль путешествія знали развѣ одни Вельможи Думные. Вездѣ народъ съ радостію встрѣчалъ юнаго Монарха: онъ ѣхалъ медленно, и съ величіемъ. Унылый Новгородъ оживился при-

суттствіемъ Двора и войска отборнаго; г. 1509.
а Псковитяне отправили къ Великому Князю многочисленное Посольство, семьдесятъ знатнѣйшихъ чиновниковъ и Бояръ, съ усерднымъ привѣтствіемъ и съ даромъ ста-пятидесяти рублей. Главный изъ нихъ, Посадникъ Юрій, сказалъ ему: „Отчина твоя, Псковъ, „бьетъ тебѣ челомъ и благодаритъ, что „ты, Царь всея Руси, *держишь насъ въ ста-„ринѣ* и милостиво обороняешь отъ всѣхъ „иноплеменниковъ. Такъ дѣлалъ и великій „твой родитель: за что мы готовы вѣрно „служить тебѣ, какъ служили Іоанну и ва-„шимъ предкамъ. Но будь правосуденъ: твой „Намѣстникъ утѣсняетъ *добровольныхъ* лю-„дей, Псковитянъ. Государь! защити насъ" (54). Онъ милостиво принялъ даръ; выслушалъ жалобы; обѣщалъ управу. Послы возвратились и сказали Вѣчу слова Государевы; *но мысли сердечныя*, прибавляетъ Лѣтописецъ, *извѣстны единому Богу* (55). Василій велѣлъ Окольничему своему, Князю Петру Шуйскому-Великому, съ Дьякомъ Долматовымъ ѣхать во Псковъ и на мѣстѣ узнать истину. Они донесли, что граждане винятъ Намѣстника, а Намѣстникъ гражданъ; что ихъ примирить не возможно, и что одна власть Государева должна рѣшить сію тяжбу. Новые Послы Псковскіе молили Великаго Князя смѣнить Оболенскаго: Василій отвѣтствовалъ, что не пристойно смѣнить его какъ

виновнаго безъ суда; что онъ приказываетъ ему быть въ Новгородъ вмѣстѣ со всѣми Псковитянами, которые считаютъ себя обиженными, и самъ разберетъ ихъ жалобы (56).

Здѣсь Лѣтописецъ Псковскій укоряетъ своихъ Правителей въ неосторожности: они письменно дали знать по всѣмъ волостямъ, чтобы недовольные Намѣстникомъ ѣхали судиться къ Великому Князю. Сыскалось ихъ множество; не мало и такихъ, которые поѣхали жаловаться Государю другъ на друга, и между ими были знатные люди, первые чиновники (57). Сіе обстоятельство предвѣщало Пскову судьбу Новагорода, гдѣ внутреннія несогласія и ссоры заставили граждан искать Великокняжескаго правосудія и служили Іоанну однимъ изъ способовъ къ уничтоженію ихъ вольности. Василій именно требовалъ къ себѣ Посадниковъ, для очной ставки съ Княземъ Оболенскимъ, велѣвъ написать къ Вѣчу, что если они не явятся, то *вся земля будетъ виновата* (58). Псковитяне содрогнулись: въ первый разъ представилась имъ мысль, что для нихъ готовится ударъ. Никто не смѣлъ ослушаться: девять Посадниковъ и купеческіе Старосты всѣхъ рядовъ отправились въ Новгородъ. Василій
г. 1510. приказалъ имъ ждать суда и назначилъ срокомъ 6 Генваря.

Въ сей день, то есть, въ праздникъ Крещенія, Великій Князь, окруженный Боярами

и Воеводами, слушалъ обѣдню въ церкви Софійской и ходилъ за крестами на рѣку Волховъ, гдѣ Епископъ Коломенскій, Митрофанъ, святилъ воду: ибо Новгородъ не имѣлъ тогда Архіепископа (59). Тамъ Вельможи Московскіе объявили Псковитянамъ, чтобы всѣ они шли въ Архіерейскій домъ къ Государю: чиновниковъ, Бояръ, купцевъ ввели въ палату; Младшихъ гражданъ остановили на дворѣ. Они готовились къ суду съ Намѣстникомъ; но тяжба ихъ была уже тайно рѣшена Василіемъ (60). Думные Великокняжескіе Бояре вышли къ нимъ и сказали: „вы *поиманы* Богомъ „и Государемъ Василіемъ Іоанновичемъ.“ Знатныхъ Псковитянъ заключили въ Архіепископскомъ домѣ, а Младшихъ гражданъ, переписавъ, отдали Новогородскимъ Боярскимъ Дѣтямъ подъ стражу. г. 1510.

Одинъ купецъ Псковскій ѣхалъ тогда въ Новгородъ: узнавъ дорогою о семъ происшествіи, онъ бросилъ свой товаръ и спѣшилъ извѣстить согражданъ, что ихъ Посадники и всѣ именитые люди въ темницѣ. Ужасъ объялъ Псковитянъ. „Отъ трепета и печали „(говоритъ Лѣтописецъ) засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бѣдствія, „язву и Нѣмцевъ передъ своими стѣнами; но „никогда не бывали въ такомъ отчаяніи“ (61). Собралось Вѣче. Народъ думалъ, что ему дѣлать? *ставить ли щитъ противъ Государя? затвориться ли въ городѣ?* „Но война, раз-

Г. 1510. „суждали они, будетъ для насъ беззаконіемъ „и конечною гибелію. Успѣхъ невозможенъ, „когда слабость идетъ на силу. И всѣхъ насъ „не много: что же сдѣлаемъ теперь безъ По„садниковъ и лучшихъ людей, которые си„дятъ въ Новѣгородѣ?“ Рѣшились послать гонца къ Великому Князю съ такими словами: „Бьемъ тебѣ челомъ отъ мала до велика, да „жалуешь свою древнюю отчину; а мы, си„роты твои, и прежде и нынѣ были отъ „тебя, Государя, *неотступны* и ни въ чемъ „не противились. Богъ и ты воленъ въ сво„ей отчинѣ.“

Видя смиреніе Псковитянъ, Государь велѣлъ снова привести всѣхъ задержанныхъ чиновниковъ въ Архіепископскую палату и выслалъ къ нимъ Бояръ, Князя Александра Ростовскаго, Григорія Ѳедоровича, Конюшаго Ивана Андреевича Челяднина, Окольничаго Князя Петра Шуйскаго, Казначея Дмитрія Владиміровича, Дьяковъ Мисюря-Мунехина и Луку Семенова, которые сказали: „Василій, „Божіею милостію Царь и Государь всея Руси, „такъ вѣщаетъ Пскову: Предки наши, „отецъ мой и мы сами доселѣ берегли васъ „милостиво, ибо вы *держали имя наше чест„но и грозно*, а Намѣстниковъ слушались; „нынѣ же дерзаете быть строптивыми, „оскорбляете Намѣстника, вступаетесь въ „его суды и пошлины. Еще свѣдали мы, что „ваши Посадники и судьи земскіе не даютъ

„истинной управы, тѣснятъ, обижаютъ на- г. 1510.
„родъ. И такъ вы заслужили *великую опалу.*
„Но хотимъ теперь изъявить милость, ес-
„ли исполните нашу волю: уничтожите
„Вѣче и примете къ себѣ Государевыхъ На-
„мѣстниковъ во Псковъ и во всѣ пригоро-
„ды. Въ такомъ случаѣ сами пріѣдемъ къ вамъ
„помолиться Святой Троицѣ и даемъ слово не
„касаться вашей собственности. Но если
„отвергнете сію милость, то *будемъ дѣ-
„лать свое дѣло* съ Божіею помощію, и кровь
„Христіанская взыщется на мятежникахъ,
„которые презираютъ Государево жалованье
„и не творятъ его воли." Псковитяне бла-
годарили, и въ присутствіи Великокняже-
скихъ Бояръ цѣловали крестъ, съ клятвою
служить вѣрно Монарху Россіи, его дѣтямъ,
наслѣдникамъ, до конца міра (62). Василій,
пригласивъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, сказалъ имъ,
что вмѣсто рати шлетъ во Псковъ Дьяка
своего, Третьяка Долматова, и что они са-
ми могутъ писать къ согражданамъ. Знат-
ный купецъ, Онисимъ Манушинъ, поѣхалъ
съ грамотою отъ чиновниковъ, Бояръ и всѣхъ
бывшихъ въ Новѣгородѣ Псковитянъ къ ихъ
народу. Они писали: „Предъ лицемъ Госуда-
„ря мы единомысленно дали ему *крѣпкое
„слово своими душами* за себя и за васъ,
„братья, исполнить его приказаніе. Не сдѣ-
„лайте насъ преступниками. Буде же взду-
„маете противиться, то знайте, что Ве-

г. 1510. „ликій Князь въ гнѣвѣ и въ ярости устре-„мишъ на васъ многочисленное воинство: „мы погибнемъ, и вы погибнете въ крово-„пролитіи. Рѣшитесь немедленно: послѣдній „срокъ есть 16 Генваря. Здравствуйте“ (63).

Долматовъ явился въ собраніи гражданъ Псковскихъ, сказалъ имъ поклонъ отъ Великаго Князя, и требовалъ его именемъ, чтобы они, если хотятъ жить *по старинѣ*, исполнили *двѣ воли* Государевы: отмѣнили Вѣче, сняли колоколъ онаго, и во всѣ города свои приняли Великокняжескихъ Намѣстниковъ. Посолъ заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что или самъ Государь будетъ у нихъ, добрыхъ подданныхъ, мирнымъ гостемъ, или пришлетъ къ нимъ воинство смирить мятежниковъ. Сказавъ, Долматовъ сѣлъ на степени Вѣча и долго ждалъ отвѣта: ибо граждане не могли говорить отъ слезъ и рыданія; наконецъ просили его дать имъ время на размышленіе до слѣдующаго утра. — Сей день и сія ночь были ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словамъ лѣтописи, не плакали тогда отъ горести. На улицахъ, въ домахъ раздавалось стенаніе: всѣ обнимали другъ друга какъ въ послѣдній часъ жизни (64). Столь велика любовь гражданъ къ древнимъ уставамъ свободы! Уже давно Псковитяне зависѣли отъ Государя Московскаго въ дѣлахъ внѣшней Политики и признавали въ немъ судію верховнаго; но Государь до-

тол ѣ уважалъ ихъ законы, и Намѣстники г. 1510.
его судили согласно съ оными; власть законодательная принадлежала Вѣчу, и многія тяжбы рѣшились народными чиновниками, особенно въ пригородахъ (65): одно избраніе сихъ чиновниковъ уже льстило народу. Василій уничтоженіемъ Вѣча искоренялъ все старое древо самобытнаго гражданства Псковскаго, хотя и поврежденное, однакожъ еще не мертвое, еще лиственное и плодоносное.

Народъ болѣе сѣтовалъ, нежели совѣтовался: необходимость уступить являлась всякому съ доказательствами неопровержимыми. Слышны были рѣчи смѣлыя, но безъ дерзости. Послѣднія торжественныя минуты издыхающей свободы благопріятствуютъ великодушію; но разсудокъ уже обуздываетъ сердце. На разсвѣтѣ ударили въ Вѣчевый колоколъ: сей звукъ представилъ гражданамъ мысль о погребеніи. Они собралися. Ждали Дьяка Московскаго. Долматовъ пріѣхалъ. Ему сказали: „Господинъ Посолъ! Лѣтописцы наши свидѣтельствуютъ, что *добровольные* Псковитяне всегда присягали Великимъ Князьямъ въ вѣрности: клялися непреложно имѣть ихъ своими Государями, не соединяться съ Литвою и съ Нѣмцами; а въ случаѣ измѣны подвергали себя гнѣву Божію, гладу, огню, потопу и нашествію иноплеменниковъ. Но сей крестный обѣтъ былъ взаимнымъ: Великіе Князья присягали

г. 1510. „не лишать насъ древней свободы; клятва „таже, таже и казнь преступнику. Нынѣ „воленъ Богъ и Государь въ своей отчинѣ, „во градѣ Псковѣ, въ насъ и въ *нашемъ колоколѣ*! По крайней мѣрѣ мы не хотимъ „измѣнить крестному цѣлованію, не хотимъ „поднять руки на Великаго Князя. Если „угодно ему помолиться Живоначальной „Троицѣ и видѣть свою отчину, да ѣдетъ „во Псковъ: мы будемъ ему рады, благодаря „его, что онъ не погубилъ насъ до конца“ (66)! — Генваря 13 граждане сняли Вѣчевый колоколъ у Святой Троицы, и смотря на него, долго плакали о своей *старинѣ* и *волѣ*.

Конецъ вольности Псковской.

Долматовъ въ ту же ночь поѣхалъ къ Государю съ симъ древнимъ колоколомъ и съ донесеніемъ, что Псковитяне уже не имѣютъ Вѣча. То же объявили ему и Послы ихъ (67). Онъ немедленно отправилъ къ нимъ Бояръ съ воинскою дружиною, обязать присягою гражданъ и сельскихъ жителей; велѣлъ очистить для себя дворъ Намѣстниковъ, а для Вельможъ своихъ, Дьяковъ и многочисленныхъ тѣлохранителей такъ называемый городъ Средній, откуда надлежало перевести всѣхъ жителей въ Большой городъ, и 20 Генваря выѣхалъ туда самъ съ *братомъ*, *зятемъ*, Царемъ Летифомъ, Епископомъ Коломенскимъ, Княземъ Даніиломъ Щенею, Бояриномъ Давыдовымъ и Михайломъ Глинскимъ. Псковитяне шли къ нему на встрѣчу: имъ

приказано было остановиться въ двухъ верстахъ отъ города. Увидѣвъ Государя, всѣ они пали ницъ. Великій Князь спросилъ у нихъ о здравіи. „Лишь бы ты, Государь, здравствовалъ!“ отвѣтствовали Старѣйшины. Народъ безмолвствовалъ. Епископъ Коломенскій опередилъ Великаго Князя, чтобы вмѣстѣ съ Духовенствомъ Псковскимъ встрѣтить его предъ стѣною Довмонтовою. Василій сошелъ съ коня, и за крестами вступилъ въ церковь Св. Троицы, гдѣ Епископъ, отпѣвъ молебенъ, возгласилъ ему многолѣтіе, и благословляя Великаго Князя, громко произнесъ: „слава Всевышнему, Который *далъ* тебѣ Псковъ безъ „войны“ (68)! Тутъ граждане, бывшіе въ церкви, горько заплакали и сказали: „Государь! *мы не чужіе*; мы искони служили „твоимъ предкамъ.“ Въ сей день, Генваря 24, Василій обѣдалъ съ Епископомъ Коломенскимъ, съ Архимандритомъ Симоновскимъ Варлаамомъ, съ Боярами и Воеводами; а въ Воскресенье, Генваря 27, приказалъ собраться Псковитянамъ на дворѣ своемъ. Къ нимъ вышелъ Окольничій, Князь Петръ Шуйскій: держа въ рукѣ списокъ, онъ перекликалъ всѣхъ чиновниковъ, Бояръ, Старостъ, купцевъ, людей Житыхъ, и велѣлъ имъ итти въ большую Судебную избу, куда Государь, сидя съ Думными Вельможами въ Передней избѣ, прислалъ Князя Александра Ро- Г. 1510.

г. 1510. стовскаго, Конюшаго Челяднина, Шуйскаго, Казначея Дмитрія Владиміровича, Дьяковъ Долмашова, Мисюря и другихъ. Они говорили такъ: „Знатные Псковитяне! Великій „Князь, Божіею милостію Царь и Государь „всея Русіи, объявляетъ вамъ свое жалованье; не хочетъ вступаться въ вашу собственность: пользуйтесь ею, нынѣ и всегда. Но здѣсь не можете остаться: ибо „вы утѣсняли народъ, и многіе, обиженные „вами, требовали Государева правосудія. „Возьмите женъ и дѣтей; идите въ землю „Московскую, и тамъ благоденствуйте „милостію Великаго Князя.“ Ихъ всѣхъ, изумленныхъ горестію, отдали на руки Дѣтямъ Боярскимъ; и въ ту же ночь увезли въ Москву 300 семействъ, въ числѣ коихъ находились и жены бывшихъ подъ стражею въ Новѣгородѣ Псковитянъ. Они могли взять съ собою только малую часть своего достоянія, но жалѣли единственно отчизны. — Другихъ Среднихъ и Младшихъ гражданъ отпустили въ домы, съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ *развода*; но ужасъ господствовалъ и плачь не умолкалъ во Псковѣ. Многіе, не вѣря обѣщанію и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родинѣ (69).

Государь велѣлъ быть Намѣстниками во Псковѣ Боярину Григорію Ѳедоровичу Давыдову (70) и Конюшему Челяднину, а Дьяку

Мисюрю вѣдать дѣла Приказныя, Андрею Г. 1510.
Волосатому Ямскія; опредѣлилъ Воеводъ, Тіуновъ и Старостъ въ пригороды; уставилъ новый чеканъ для монеты и торговую пошлину, дотолѣ неизвѣстную въ землѣ Псковской, гдѣ купцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздалъ деревни сосланныхъ Псковитянъ Московскимъ Боярамъ; вывелъ всѣхъ гражданъ изъ Застѣнья или Средняго города, гдѣ находилось 1500 дворовъ; указалъ тамъ жить однимъ Государевымъ чиновникамъ, Боярскимъ Дѣтямъ и Москвитянамъ, а купеческія лавки перенести изъ Довмонтовой стѣны въ Большой городъ; выбралъ мѣсто для своего дворца и заложилъ Церковь Святой Ксеніи, ибо въ день ея памяти уничтожилась вольность Пскова (71); наконецъ, все устроивъ въ теченіе мѣсяца, оставивъ Намѣстникамъ тысячу Боярскихъ Дѣтей и 500 Новогородскихъ пищальниковъ, съ торжествомъ поѣхалъ въ Москву, куда отправили за нимъ и Вѣчевый колоколъ. Въ замѣну убылыхъ гражданъ, триста семействъ купеческихъ изъ десяти Низовыхъ городовъ были переселены во Псковъ (72).

„Такъ" — говоритъ Лѣтописецъ Ольгиной родины — „исчезла слава Пскова, плѣненнаго не иновѣрными, но своими братьями „Христіанами. О градъ, нѣкогда великій! ты „сѣтуешь въ опустѣніи. Прилетѣлъ на

г. 1510. „тебя орелъ многокрыльный съ когтями „львиными, вырвалъ изъ нѣдръ твоихъ три „кедра Ливанскіе: похитилъ красоту, богат-„ство и гражданъ; раскопалъ торжища, или „заметалъ дрязгомъ (73); увлекъ нашихъ „братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, „гдѣ не бывали ни отцы ихъ, ни дѣды, ни „прадѣды!"

Болѣе шести вѣковъ Псковъ, основанный Славянами-Кривичами, имѣлъ свои гражданскіе уставы, любилъ оные, не зналъ и не хотѣлъ знать лучшихъ; былъ *вторымъ Новымгородомъ*, называясь его *меньшимъ братомъ*, ибо въ началѣ составлялъ съ нимъ одну Державу и до конца одну Епархію (74); подобно ему бѣдный въ дарахъ Природы, дѣятельною торговлею снискалъ богатство, а долговременною связію съ Нѣмцами художества и вѣжливость; уступая ему въ древней славѣ побѣдъ и завоеваній отдаленныхъ, долѣе его хранилъ духъ воинскій, питаемый частыми бранями съ Ливонскимъ Орденомъ. Какъ въ семействахъ, такъ и въ гражданскихъ обществахъ видимъ иногда наслѣдственныя добродѣтели: Псковъ отличался благоразуміемъ, справедливостію, вѣрностію; не измѣнялъ Россіи, угадывалъ судьбу ея, держался Великихъ Князей, желалъ отвратить гибель Новогородской вольности, тѣсно связанной съ его собственною; прощалъ сему завистливому народу обиды и досады; будучи

осторожень, являлъ и смѣлую отважность Г. 1510.
великодушія, на примѣръ въ защитѣ Александра Тверскаго, гонимаго Ханомъ и Государемъ Московскимъ (75); сдѣлался жертвою непремѣннаго Рока, уступилъ необходимости, но съ какимъ-то благороднымъ смиреніемъ, достойнымъ людей свободныхъ, и не оказавъ ни дерзости, ни робости своихъ Новогородскихъ братьевъ. — Сіи двѣ народныя Державы сходствовали во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ и законахъ; но Псковитяне имѣли особенную степень гражданскую, такъ называемыхъ *Дѣтей Посадничьихъ*, ставя ихъ выше купцевъ и Житейскихъ людей (76): слѣдственно изъявляли еще болѣе уваженія къ сану Посадниковъ, давъ ихъ роду наслѣдственную знатность.

Великій Князь хотѣлъ сдѣлать удовольствіе Псковитянамъ, и выбралъ изъ нихъ 12 Старость, чтобы они вмѣстѣ съ Московскими Намѣстниками и Тіунами судили въ ихъ бывшихъ двѣнадцати пригородахъ по изданной имъ тогда Уставной грамотѣ (77). Но сіи Старосты не могли обуздывать хищности сановниковъ Великокняжескихъ, которые именемъ новыхъ законовъ отягчали налогами гражданъ и земледѣльцевъ, не внимали справедливымъ жалобамъ и казнили за оныя, такъ, что несчастные жители толпами бѣжали въ чужія земли, оставляя женъ и дѣтей. Пригороды опустѣли. Ино-

г. 1510. странцы, купцы, ремесленники, имѣвшіе домы во Псковѣ, не хотѣли быть ни жертвою, ни свидѣтелями насилія, и всѣ выѣхали оттуда. — „Мы одни остались," прибавляетъ Лѣтописецъ: „смотрѣли на „землю: она не разступалась; смотрѣли на „небо: не льзя было летѣть вверхъ безъ „крыльевъ." Узнавъ о корыстолюбіи Намѣстниковъ, Государь смѣнилъ ихъ, и прислалъ достойнѣйшихъ, Князей Петра Шуйскаго и Симеона Курбскаго, мужей правосудныхъ, человѣколюбивыхъ: они успокоили гражданъ и народъ; бѣглецы возвратились. Псковитяне не переставали жалѣть о своихъ древнихъ уставахъ, но престали жаловаться. Съ сего времени они, какъ и всѣ другіе Россіяне, должны были посылать войско на службу Государеву (78).

Такъ Василій употребилъ первые четыре года своего правленія, страхомъ оружія, безъ побѣдъ, но не безъ славы умиривъ Россію, доказавъ *наслѣдственное могущество* ея Государей для непріятеля внѣшняго, и непремѣнную волю ихъ быть внутри Самодержавными.

ГЛАВА II.

Продолженіе государствованія Василіева.

Взаимныя досады Василіевы и Сигизмундовы. Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву. Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву. Раскаяніе Магметъ-Аминя Разрывъ съ Менгли-Гиреемъ. Набѣги Крымцевъ. Война съ Литвою. Союзъ съ Императоромъ Максимиліаномъ. Мирный договоръ съ Ганзою. Посольство Турецкое. Взятіе Смоленска. Измѣна Глинскаго. Битва Оршинская. Измѣна Епископа Смоленскаго. Приступъ Острожскаго къ Смоленску. Набѣгъ Крымцевъ. Вторичное Посольство къ Султану. Смерть Менгли-Гирея. Посольство отъ новаго Хана, Магметъ-Гирея, и наше къ нему. Болѣзнь и Посольство Царя Казанскаго. Впаденіе Крымцевъ. Союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Нѣмецкимъ Орденомъ. Посольство Императора Максимиліана. Послы Литовскіе. Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ. Переговоры о мирѣ. Посольство къ Максимиліану. Новые Послы отъ Императора. Смерть Летифа. Возобновленіе союза съ Крымомъ. Смерть Магметъ-Аминя. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани. Крымцы опустошаютъ Литву. Посольство къ Султану. Сношенія съ Магистромъ и съ Папою. Магистръ въ войнѣ съ Польшею. Походъ Воеводъ на Литву. Слабость Нѣм. Ордена. Посольство къ Султану. Бунтъ въ Казани. Нападеніе Магметъ-Гирея на Россію. Хабаръ Симскій. Судъ Воеводъ. Станъ подъ Коломною. Посолъ Солимановъ. Посольство Литовское и перемиріе. Конецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи. Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ.

Г. 1510 — 1521.

г. 1510. Не долго Россія и Литва могли наслаждаться миромъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи онаго возобновились взаимныя досады, упреки; обвиняли другъ друга въ неисполненіи договора, подозрѣвали въ непріятельскихъ замыслахъ; между тѣмъ хотѣли удалить войну. Сигизмундъ жаловался, что мы освободили не всѣхъ плѣнниковъ, и что Намѣстники Московскіе не даютъ управы его подданнымъ, у коихъ Россіяне, вопреки миру, отнимаютъ земли. Василій доказывалъ, что и наши плѣнники не всѣ возвратились изъ Литвы; что Король, отпустивъ Московскихъ купцевъ, удержалъ ихъ товары; что сами Литовцы дѣлаютъ несносныя обиды Россіянамъ. Нѣсколько разъ предлагали съ обѣихъ сторонъ выслать общихъ судей на границу; соглашались, назначали время: но тѣ или другіе не являлись къ сроку. Безпрепятственно отпустивъ Глинскихъ, Сигизмундъ раскаялся, заключилъ ихъ друзей въ темницу (79), и вздумалъ требовать, чтобы Великій Князь выдалъ ему самого Михаила съ братьями. Государь отвѣтствовалъ, что Глинскіе перешли въ его службу, когда Россія воевала съ Литвою, и что онъ никому не выдаетъ своихъ подданныхъ. *Сношенія* продолжались около трехъ
г. 1511 — 1512. лѣтъ (80): гонцы и Послы ѣздили съ изъявленіемъ неудовольствій, однакожь безъ угрозъ,

до самаго того времени, какъ вдовствующая Королева Елена увѣдомила брата, что Сигизмундъ, вмѣсто благодарности за ея ревность къ пользамъ Государства его, оказываетъ ей нелюбовь и даже презрѣніе; что Литовскіе Паны дерзаютъ быть наглыми съ нею; что она думала ѣхать изъ Вильны въ свою маетность, въ Бряславль, но Воеводы Николай Радзивилъ и Григорій Остиковъ схватили ее въ часъ обѣдни; сказавъ: *ты хочешь бѣжать въ Москву*, вывели за рукава изъ церкви, посадили въ сани, отвезли въ Троки и держатъ въ неволѣ, удаливъ всѣхъ ея слугъ. Встревоженный симъ извѣстіемъ, Василій спрашивалъ у Короля, чѣмъ Елена заслужила такое поруганіе? и требовалъ, чтобы ей возвратили свободу, казну, людей, со всѣми знаками должнаго уваженія (81). Не знаемъ отвѣта. Другое происшествіе сего времени умножило досады Великаго Князя на Сигизмунда. Г. 1511 — 1512.

Меньшій сынъ Іоанновъ, Симеонъ Калужскій, отличаясь тылкимъ нравомъ и легкомысліемъ, съ неудовольствіемъ видѣлъ себя подданнымъ старшаго брата, жаловался на его самовластіе, на стѣсненіе древняго права Князей Удѣльныхъ, и внимая совѣтамъ нѣкоторыхъ мятежныхъ Бояръ своихъ, вздумалъ искать Сигизмундова покровительства, измѣнить Россіи, бѣжать въ Литву (82). Государь узналъ о томъ, призвалъ и хотѣлъ заключить Симеона. Раскаяніе юнаго Князя, Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву.

Г. 1511 — 1512. моленіе братьевъ, Митрополита и всѣхъ Епископовъ смягчили гнѣвъ Василія: онъ далъ Симеону другихъ, надежныхъ Бояръ, и велѣлъ ему быть впредь благоразумнѣе; но съ горестію видѣлъ, что Сигизмундъ можетъ имѣть тайныхъ друзей въ самомъ семействѣ Великокняжескомъ. Сіе расположеніе не благопріятствовало миру: успѣхъ Литовскихъ козней въ Тавридѣ довершилъ необходимость войны.

Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву. Въ 1510 году жена Менгли-Гиреева, Нурсалтанъ, пріѣхала въ Москву съ Царевичемъ Саипомъ и съ тремя Послами, которые увѣряли Василія въ истинной къ нему дружбѣ Хана [83]. Цѣлію сего путешествія было свиданіе Царицы съ ея сыновьями, Летифомъ и Магметъ-Аминемъ. Великій Князь угощалъ ее какъ свою знаменитую пріятельницу, и чрезъ мѣсяцъ отпустилъ въ Казань, гдѣ она жила около года, стараясь утвердить сына въ искреннемъ къ намъ доброжелательствѣ, такъ, что Магметъ-Аминь новыми грамотами обязался быть совершенно преданнымъ Россіи, и еще недовольный клятвенными обѣтами

Раскаяніе Магметъ-Аминя. вѣрности, желалъ во всемъ открыться Государю: для чего былъ посланъ къ нему Бояринъ Иванъ Андреевичь Челяднинъ, коему онъ чистосердечно исповѣдалъ тайну прежней измѣны Казанской, обстоятельства и вину ея, не пожалѣвъ и своей жены-прелестницы [84]. Однимъ словомъ, Великій Князь не могъ сомнѣваться въ его искренности. Ца-

рица Нурсалтанъ по возвращеніи изъ Казани жила опять мѣсяцевъ шесть въ Москвѣ, ласкаемая, честимая при Дворѣ, и вмѣстѣ съ нашимъ Посломъ, Окольничимъ Тучковымъ, отправилась въ Тавриду, исполненная благодарности къ Василію, который имѣлъ всѣ причины вѣрить дружбѣ Менгли-Гиреевой, но обманулся. Г. 1511 — 1512.

Разрывъ съ Ханомъ Менгли-Гиреемъ.

Сей Ханъ престарѣлый, ослабѣвъ духомъ, уже зависѣлъ отъ своихъ легкомысленныхъ сыновей, которые хотѣли иной системы въ Политикѣ, или, лучше сказать, никакой не имѣли, слѣдуя единственно приманкамъ грабежа и корыстолюбія. Вельможи льстили Царевичамъ, ждали смерти Царя и хватали какъ можно болѣе золота. Такими обстоятельствами воспользовался Сигизмундъ, и сдѣлалъ, чего ни Казимиръ, ни Александръ никогда не могли сдѣлать: лишилъ насъ важнаго, долголѣтнаго *Менгли-Гиреева союза*, вопреки умной женѣ Ханской, ревностной въ пріязни къ Великому Князю. Литва обязалась давать ежегодно Менгли-Гирею 15,000 червонцевъ (85), съ условіемъ, чтобы онъ, измѣнивъ своимъ клятвамъ, безъ всякаго неудовольствія на Россію, объявилъ ей войну, то есть, жегъ и грабилъ въ ея предѣлахъ.

Набѣги Крымцевъ.

Сей тайный договоръ исполнился немедленно: въ Маѣ 1512 года сыновья Хановы, Ахматъ и Бурнашъ-Гиреи, со многолюдными шайками ворвались въ области Бѣлевскія,

Г. 1511 — 1512. Одоевскія: злодѣйствовали какъ разбойники и бѣжали, узнавъ, что Князь Даніилъ Щеня спѣшитъ ихъ встрѣтить въ полѣ (86). Хотя Государь совсѣмъ не ожидалъ впаденія Крымцевъ, однакожь не имѣлъ нужды въ долгихъ приготовленіяхъ: со временъ его отца Россія уже никогда не была безоружною; никогда всѣ полки не распускались, смѣняясь только одни съ другими въ дѣйствительной службѣ (87). За Даніиломъ Щенею выступили и многіе иные Воеводы къ границамъ. Ахматъ-Гирей думалъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ опустошить Рязанскую землю; но Князь Александръ Ростовскій стоялъ на берегахъ Осетра, Князь Булгакъ и Конюшій Челяднинъ на Упѣ: Ахматъ удалился. Болѣе смѣлости оказалъ сынъ Ханскій, Бурнашъ-Гирей: онъ приступилъ къ самой Рязанской столицѣ и взялъ нѣкоторыя внѣшнія укрѣпленія: города не взялъ. Воеводы Московскіе гнали Крымцевъ степями до Тихой Сосны (88).

Великій Князь зналъ истиннаго виновника сей войны, и желая усовѣстить Менгли-Гирея, представлялъ ему (89), что старая дружба, утвержденная священными клятвами и взаимною государственною пользою, лучше новой, основанной на подкупѣ, требующей вѣроломства и весьма ненадежной; что мы помнимъ услуги, а Литовцы помнятъ долговременную вражду сего Хана; что первое, возбуждая признательность, укрѣпляетъ связь

дружества, а второе готовитъ месть, которая если не нынѣ, то завтра обнаружится. Менгли-Гирей, извиняя себя, отвѣчалъ, что Царевичи безъ его повелѣнія и вѣдома воевали Россію. Сіе могло быть справедливо (90): тѣмъ не менѣе постоянный, счастливый для насъ союзъ, дѣло Іоанновой мудрости, рушился навѣки, и Крымъ, способствовавъ возрожденію нашего величія, обратился для Россіи въ скопище губителей. г. 1511 — 1512.

Скоро свѣдалъ Василій, что Король готовитъ полки и неотступно убѣждаетъ Менгли-Гирея дѣйствовать противъ насъ всѣми силами, желая вмѣстѣ съ нимъ начать войну лѣтомъ (91). Въ Думѣ Великокняжеской рѣшено было предупредить сей замыселъ: Государь послалъ къ Сигизмунду *складную грамоту*, написалъ въ ней имя Королевское безъ всякаго титула, исчислилъ всѣ знаки его непримиримой вражды, оскорбленіе Королевы Елены, нарушеніе договора, стараніе возбудить Менгли-Гирея ко впаденію въ Россію, и заключилъ сими словами: „взявъ себѣ „Господа въ помощь, иду на тебя и хочу „стоять, какъ будетъ угодно Богу; а крестное цѣлованіе слагаю“ (92). Тогда находились въ Москвѣ Послы Ливонскіе, которые, бывъ свидѣтелями нашего вооруженія, извѣстили своего Магистра, Плеттенберга, что никогда Россія не имѣла многочисленнѣйшаго войска и сильнѣйшаго огне- Война съ Литвою.

стрѣльнаго снаряда; что Великій Князь, пылая гнѣвомъ на Короля, сказалъ: „доколѣ конь „мой будетъ ходить и мечь рубить, не дамъ „покоя Литвѣ" (93). Самъ Василій предводительствовалъ ратію и выѣхалъ изъ столицы 19 Декабря съ братьями Юріемъ и Димитріемъ, съ зятемъ Царевичемъ Петромъ и съ Михаиломъ Глинскимъ (94). Главными Воеводами были Князья Даніилъ Щеня и Рѣпня. Приступили къ Смоленску. Тутъ гонецъ
Г. 1513.
Королевскій подалъ Василію письмо отъ Сигизмунда, который требовалъ, чтобы онъ немедленно прекратилъ воинскія дѣйствія и вышелъ изъ Литвы, если не хочетъ испытать его мести. Великій Князь не отвѣтствовалъ, а гонца задержали. Назначили быть приступу ночью, отъ рѣки Днѣпра. Для ободренія людей выкатили нѣсколько бочекъ крѣпкаго меду: пилъ, кто и сколько хотѣлъ. Сіе средство оказалось весьма неудачнымъ. Шумъ и крикъ пьяныхъ возвѣстилъ городу нѣчто чрезвычайное: тамъ удвоили осторожность. Они бросились смѣло на укрѣпленія; но хмѣль не устоялъ противъ ужасовъ смерти. Встрѣченные ядрами и мечами, Россіяне бѣжали (95), и Великій Князь чрезъ два мѣсяца возвратился въ Москву, не взявъ Смоленска, разоривъ только села и плѣнивъ ихъ жителей.

Въ сіе время скончалась въ Вильнѣ вдовствующая Королева Елена, умная и добро-

дѣтельная, бывъ жертвою горести, а не яда, Г. 1513.
какъ подозрѣвали въ Москвѣ отъ ненависти къ Литовцамъ (96): ибо Сигизмундъ имѣлъ въ ней важный залогъ для благопріятнаго съ нами мира, коего онъ желалъ, или еще не готовый къ войнѣ, или не довѣряя союзу Менгли-Гирея, и не имѣя надежды одинъ управиться съ Россіею. Онъ тогда же просилъ *опасныхъ грамотъ* въ Москвѣ для его Пословъ: Вельможи Литовскіе писали къ нашимъ Боярамъ, чтобы они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе (97). Письмо отъ гонца взяли въ Набережной Палатѣ, дали ему *опасную грамоту*, и Бояре отвѣтствовали Панамъ, что Великій Князь сдѣлалъ то единственно изъ уваженія къ ихъ предстательству. Срокъ назначенный въ грамотѣ минулъ: Сигизмундъ извѣстилъ Василія, что виною сего замедленія были Послы Римскіе, которые ѣдутъ въ Москву отъ Папы, и что вмѣстѣ съ ними будутъ и Литовскіе. Онъ просилъ новаго *опаса*, и получилъ его.

Однакожь, не теряя времени, Государь Іюня 14.
вторично выступилъ изъ Москвы съ полками, отправивъ напередъ къ Смоленску знатную часть рати съ Бояриномъ Княземъ Рѣпнею и съ Окольничимъ Сабуровымъ (98). Намѣстникъ Смоленскій, Панъ Юрій Сологубъ, имѣя не мало войска, встрѣтилъ ихъ въ полѣ: битва рѣшилась въ нашу пользу; онъ заключился въ городѣ. Привели многихъ плѣнниковъ къ

г. 1513. Василію въ Боровскъ, и Воеводы обложили Смоленскъ. Государь прибылъ къ нимъ въ станъ 25 Сентября. Началась осада; но худое искусство въ дѣйствіи огнестрѣльнаго снаряда и положеніе города, укрѣпленнаго высокими стѣнами, а еще болѣе стремнинами, холмами, дѣлали ее безуспѣшною. Что мы днемъ разрушали, то Литовцы ночью воздвигали снова. Тщетно Великій Князь писалъ къ осажденнымъ, или милостиво или съ угрозами, требуя, чтобы они сдалися. Миновало шесть недѣль. Войско наше усилилось приходомъ Новогородскаго и Псковскаго (99). Можно было упорствомъ и терпѣніемъ изнурить гражданъ; но глубокая осень, дожди, грязь, принудили Великаго Князя отступить. Россіяне хвалились единственно опустошеніемъ земли непріятельской вокругъ Смоленска и Полоцка, куда ходилъ изъ Великихъ Лукъ Князь Василій Шуйскій, также со многочисленными полками.

Дѣйствуя мечемъ, Государь дѣйствовалъ и Политикою. Еще въ 1508 году — свѣдавъ отъ Михаила Глинскаго, что Венгерскій Король, Владиславъ, боленъ, и что Максиміліанъ опять замышляетъ овладѣть сею Державою — Великій Князь писалъ къ Императору о войнѣ Россіи съ Литвою, напоминалъ ему союзъ его съ Іоанномъ и предлагалъ возобновить оный. Михаилъ взялся тайно переслать Василіеву грамоту въ Вѣну

Союзъ съ Императоромъ.

(100). Дѣла Италіи и другія обстоятельства г. 1514. были виною того, что Максимиліанъ долго не отвѣтствовалъ. Наконецъ въ Февралѣ 1514 года пріѣхалъ въ Москву Императорскій Посолъ, Совѣтникъ Георгій Шниценъ-Памеръ, который именемъ Государя своего заключилъ договоръ съ Россіею, чтобы общими силами и въ одно время наступить на Сигизмунда: Василію отнять у него Кіевъ и всѣ наши древніе города, а Максимиліану Прусскія области, захваченныя Королемъ. Обязались ни въ случаѣ успѣха, ни въ противномъ, какъ въ государствованіе Сигизмунда, такъ и послѣ, не разрывать сего союза, вѣчнаго, непремѣннаго; условились также въ свободѣ и безопасности для путешественниковъ, Пословъ и купцевъ въ обѣихъ земляхъ. Максимиліанъ и Василій именуютъ другъ друга братьями, Великими Государями и Царями. Русскую договорную грамоту перевели въ Москвѣ на языкъ Нѣмецкій, и вмѣсто слова Царь поставили Kayser. Въ Мартѣ Шниценъ-Памеръ отправился назадъ въ Германію съ Великокняжескимъ чиновникомъ, Грекомъ Дмитріемъ Ласкиревымъ, и съ Дьякомъ Елеазаромъ Суковымъ, предъ коими Максимиліанъ 4 Августа утвердилъ договоръ клятвою, собственноручною подписью и золотою печатію (101). Нѣмецкій подлинникъ сей любопытной грамоты, уцѣлѣвъ въ нашемъ Архивѣ, служилъ

г. 1514. Петру Великому законнымъ свидѣтельствомъ, что самые предки его назывались Императорами, и что Австрійскій Дворъ признаваль ихъ въ семъ достоинствѣ. — Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ новые Послы Максимиліановы, Докторъ Яковъ Ослеръ и Морицъ Бургштеллеръ, вручили Великому Князю хартію союза, были приняты съ отмѣнною ласкою, и не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ городахъ пышно угощаемы Намѣстниками: ихъ звали на обѣды, Дѣти Боярскіе встрѣчали у лѣсницы, знатные сановники на нижнемъ крыльцѣ, Намѣстники у дверей въ сѣняхъ; сажали въ первое мѣсто; хозяинъ, вставъ, подавалъ имъ двѣ чаши, пить здоровье Государей-братьевъ, соблюдая однакожь, чтобы гости начинали съ Россійскаго (102). Однимъ словомъ, никакимъ инымъ Посламъ не оказывалось болѣе чести, и безполезнѣе: ибо Максимиліанъ, опутанный дѣлами Южной и Западной Европы, скоро перемѣнилъ систему: выдалъ свою внуку, Марію, дочь Филиппа Кастильскаго, за племянника Сигизмундова, наслѣдника Владиславова, а юнаго Фердинанда, Филиппова сына, женилъ на дочери Короля Венгерскаго, и только именемъ остался союзникъ Россіи.

Въ сіе время Новогородскіе Намѣстники, Князь Василій Шуйскій и Морозовъ, заключили также достопамятное мирное условіе

съ семидесятью городами Нѣмецкими, или съ Ганзою, на десять лѣтъ. Чтобы возобновить свою древнюю торговлю въ Новѣгородѣ, она рѣшилась забыть претерпѣнное купцами ея въ Россіи бѣдствіе: обязалась не имѣть дружбы съ Сигизмундомъ, ни съ его друзьями, и во всемъ доброхотствовать Василію, который велѣлъ отдать Нѣмцамъ дворы, мѣста и церковь ихъ въ Новѣгородѣ; позволилъ имъ торговать солью, серебромъ, оловомъ, мѣдью, свинцомъ, сѣрою, медомъ, сельдями и всякими ремесленными произведеніями, обнадеживъ, что въ случаѣ войны съ Ливоніею или съ Швеціею Ганзейскіе купцы могутъ быть у насъ совершенно покойны. Уставили, чтобы Россіянъ судить въ Германіи какъ Нѣмцевъ, а Нѣмцевъ въ Новѣгородѣ какъ Россіянъ по однимъ законамъ; не наказывать первыхъ безъ вѣдома Намѣстниковъ Великокняжескихъ, а вторыхъ безъ вѣдома Ганзы; никого не лишать вольности безъ суда; разбойника, злодѣя казнить смертію: только не мстить его невиннымъ единоземцамъ (103). Великій Князь желалъ, исправляя ошибку Іоаннову, возстановить сію важную для насъ торговлю; но двадцати-лѣтній разрывъ и перемѣна въ политическомъ состояніи Новагорода ослабили ея дѣятельность, уменьшили богатство и пользу обоюдную. Рижскій Бургомистръ, Нейштетъ, около 1570 года бу-

Г. 1514.

Мирный договоръ съ Ганзою.

Г. 1514. дучи въ Новѣгородѣ, видѣлъ тамъ развалины древней каменной Нѣмецкой божницы Св. Петра и маленькій деревянный домикъ съ подваломъ, гдѣ еще складывались нѣкоторые товары Ганзейскіе (104).

Уже Іоаннъ, какъ мы видѣли, искалъ пріязни Баязета, но единственно для безопасности нашихъ купцевъ въ Азовѣ и Кафѣ, еще не думая, чтобы Россія могла имѣть выгоды отъ союза съ Константинополемъ въ

Посольство Турецкое.

дѣлахъ внѣшней Политики: Василій хотѣлъ въ семъ отношеніи узнать мысли Султана, и свѣдавъ, что несчастный Баязетъ сверженъ честолюбивымъ, жестокимъ сыномъ, отправилъ къ Селиму Дворянина Алексѣева съ ласковымъ поздравленіемъ. „Отцы наши" — писалъ Государь —„жили въ братской любви: „да будетъ она и между сыновьями." Послу, какъ обыкновенно, велѣно было не унижать себя, не кланяться Султану до земли, сложить только передъ нимъ руки; вручить ему дары, письмо, но не спрашивать объ его здравіи, если Селимъ не спроситъ о Василіевомъ. Алексѣевъ, принятый въ Константинополѣ весьма благосклонно, выѣхалъ оттуда съ Посломъ Султановымъ, Княземъ Мангупскимъ, Ѳеодоритомъ Камаломъ, знакомцемъ нашего именитаго чиновника, Траханіота, и, какъ вѣроятно, Грекомъ (105). Они были въ пути около девяти мѣсяцевъ (отъ Августа до Мая);

терпѣли недостатокъ, голодъ въ степяхъ г. 1514.
Воронежскихъ; лишились всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, гдѣ ждали ихъ люди высланные къ нимъ отъ Великаго Князя. Сей первый Турецкій Посолъ въ Москвѣ возбудилъ любопытство ея жителей, которые съ удовольствіемъ видѣли, что грозные завоеватели Византіи ищутъ нашей дружбы. Его встрѣтили пышно: Великій Князь сидѣлъ въ Малой Набережной Палатѣ; вокругъ Бояре въ *саженыхъ* шубахъ; у дверей стояли *Княжата* и Дѣти Боярскіе въ *саженыхъ терликахъ*. Представленный Государю Княземъ Шуйскимъ, Посолъ отдалъ ему Султанскую грамоту, писанную на языкѣ Арабскомъ, а другую на Сербскомъ; цѣловалъ у Василія руку; объявилъ желаніе Селимово быть съ нимъ въ вѣчной любви, имѣть однихъ друзей и непріятелей; обѣдалъ во дворцѣ, въ Средней Златой Палатѣ (106). Великій Князь желалъ заключить съ Селимомъ договоръ письменный; но Камалъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то приказанія. „По крайней „мѣрѣ — говорили Бояре — Государь долженъ „знать, кто друзья и непріятели Султану, „чтобы, согласно съ его предложеніемъ, „быть имъ также другомъ и непріятелемъ.“ Посолъ не смѣлъ входить въ объясненія столь важныя (107). — Селимъ убѣждалъ Великаго Князя изъ дружбы къ нему отпустить

г. 1514. Летифа въ Тавриду, но получилъ отказъ.

Во время переговоровъ съ симъ чиновникомъ Султанскимъ наше войско выступало изъ Москвы. Великій Князь пылалъ ревностію загладить неудачу двухъ походовъ къ Смоленску, думая менѣе о собственной ратной славѣ, чѣмъ о вредѣ государственномъ, который могъ быть ихъ слѣдствіемъ: Литовцы уже переставали бояться нашихъ многочисленныхъ ополченій, и думали, что завоеванія Россіянъ были единственно счастіемъ Іоанновымъ; надлежало увѣрить и непріятелей и своихъ въ неизмѣнномъ могуществѣ Россіи, страхомъ уменьшить силу первыхъ, бодростію увеличить нашу. Поощряя Василія къ неутомимости въ войнѣ, Михаилъ Глинскій ручался за успѣхъ новаго приступа къ Смоленску, съ условіемъ, какъ пишутъ, чтобы Великій Князь отдалъ ему сей городъ въ Удѣлъ наслѣдственный (108). По крайней мѣрѣ Глинскій оказалъ тогда Государю важную услугу, нанявъ въ Богеміи и въ Германіи многихъ людей искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, которые пріѣхали въ Москву черезъ Ливонію (109).

Взятіе Смоленска.

Самъ предводительствуя войскомъ, Великій Князь выѣхалъ изъ столицы 8 Іюня съ двумя братьями, Юріемъ и Симеономъ: третьему, Димитрію, велѣлъ быть въ Серпуховѣ; четвертаго, Андрея, оставилъ въ Москвѣ съ Царевичемъ Петромъ. 220 Бояръ и При-

дворныхъ Дѣтей Боярскихъ находилось въ Государевой дружинѣ (110). Въ Тулѣ, на Угрѣ стояли полки запасные. Государь осадилъ Смоленскъ, и 29 Іюля начали стрѣлять по городу изъ-за Днѣпра, большими и мелкими ядрами, *окованными свинцемъ*. Лѣтописецъ хвалитъ искусство главнаго Московскаго пушкаря, именемъ Стефана: отъ ужаснаго дѣйствія его орудій колебались стѣны и люди падали толпами; а пушки Литовскія, разрываясь, били своихъ (111). Весь городъ покрылся густыми облаками дыма; многія зданія пылали; жители въ безпамятствѣ вопили, и простирая руки къ осаждающимъ, требовали милосердія. Въ тысячу голосовъ кричали со стѣны: „Государь Великій Князь! уйми мечь свой! Мы тебѣ повинуемся." Пальба затихла. Смоленскій Епископъ, Варсонофій, вышелъ на мостъ, объявляя, что Воевода, Юрій Сологубъ, готовъ начать переговоры въ слѣдующій день. Великій Князь не далъ ни малѣйшаго срока и приказалъ снова громить крѣпость. Епископъ возвратился со слезами. Вопль народный усилился. Съ одной стороны смерть и пламя, съ другой убѣжденія многихъ преданныхъ Россіи людей дѣйствовали такъ сильно, что граждане не хотѣли слышать о дальнѣйшемъ сопротивленіи, виня Сигизмунда въ нерадивости. Воевода Юрій именемъ Королевскимъ обѣщалъ имъ скорое вспоможеніе: ему не вѣрили, и Духо- г. 1514.

г. 1514. венство, Князья, Бояре, мѣщане Смоленскіе послали сказать Государю, что они не входятъ съ нимъ ни въ какіе договоры, моля его единственно о томъ, чтобы онъ мирно взялъ ихъ подъ Россійскую Державу и допустилъ видѣть лице свое. Вдругъ прекратились всѣ дѣйствія непріятельскія. Епископъ, Архимандриты, Священники съ иконами и съ крестами, — Намѣстникъ, Вельможи, чиновники Смоленскіе явились въ станѣ Россійскомъ, проливали слезы, говорили Великому Князю: „Государь! довольно текло крови Христіанской; земля наша, твоя „отчина, пустѣетъ: пріими градъ съ тихо„*стію*.“ Епископъ благословилъ Василія, который велѣлъ ему, Юрію Сологубу и знатнѣйшимъ людямъ итти въ Великокняжескій шатеръ, гдѣ они, давъ клятву въ вѣрности къ Россіи, обѣдали съ Государемъ и должны были остаться до утра; а другихъ отпустили назадъ въ городъ. Стража Московская смѣнила Королевскую у всѣхъ воротъ крѣпости. Герой Іоанновъ, старецъ Князь Даніилъ Щеня, на разсвѣтѣ вступилъ въ оную съ полками конными: переписавъ жителей, обязалъ ихъ присягою служить, доброхотствовать Государю Россійскому, не думать о Королѣ, забыть Литву.

Августа 1 Епископъ Варсонофій торжественно святилъ воду на Днѣпрѣ и съ крестами пошелъ въ городъ; за Духовенствомъ

Великій Князь, Воеводы и все воинство въ стройномъ чинѣ. Бояре Смоленскіе, народъ, жены, дѣти встрѣтили Василія въ предмѣстіи *съ огами свѣтлыми.* Епископъ окропилъ святою водою Государя и народъ. Въ храмѣ Богоматери отпѣли молебенъ. Протодіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе побѣдителю. Благословивъ Великаго Князя животворящимъ крестомъ, Епископъ сказалъ ему: „Божіею милостію радуйся и „здравствуй, православный Царь всея Ру„сіи, на своей отчинѣ и *дѣдинѣ* града „Смоленска!“ Тутъ братья Государевы, Бояре, Воеводы, чиновники и всѣ жители Смоленскіе, поздравивъ его, начали цѣловаться другъ съ другомъ; плакали въ восхищеніи сердецъ, называясь родными, друзьями, единовѣрными. Окруженный воинскими сановниками, Василій сквозь толпы ликующаго народа прибылъ во дворецъ древнихъ Князей Мономахова племени и сѣлъ на ихъ тронѣ, среди Бояръ и Воеводъ; призвалъ знатнѣйшихъ гражданъ, объявилъ имъ милость, далъ грамоту льготную и Намѣстника, Князя Шуйскаго; утвердилъ права собственности, личную безопасность, свободу, уставы Витовтовы, Александровы и Сигизмундовы (112); всѣхъ угостилъ обѣдомъ; жаловалъ соболями, бархатами, камками, златыми деньгами. Оставивъ Варсонофія на Святительскомъ престолѣ, онъ дозволилъ бывшему Градоначаль- г. 1514.

г. 1514. нику Сологубу ѣхать въ Литву, также и всѣмъ Королевскимъ воинамъ, выдавъ на каждаго человѣка по рублю; а тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно записались къ намъ въ службу, по два рубля и по сукну Лунскому; не отнялъ земель ни у Дворянъ, ни у церквей; не вывелъ никого изъ Смоленска, ни Пана, ни гражданина (113); служивымъ людямъ назначилъ жалованье. Счастливый въ душѣ Государь изъявлялъ только любовь, снисхожденіе къ новымъ подданнымъ, радуясь, что совершилъ намѣреніе великаго отца своего и къ завоеваніямъ его прибавилъ столь блестящее. Взятіе Смоленска, говоритъ Лѣтописецъ, казалось свѣтлымъ праздникомъ для всей Россіи. Отнять чуждое лестно одному славолюбію Государя; но возвратить собственное весело народу.

Сто десять лѣтъ находился Смоленскъ подъ властію Литвы. Уже обычаи измѣнялись; но имя Русское еще трогало сердце жителей, и любовь къ древнему отечеству, вмѣстѣ съ братскимъ духомъ Единовѣрія, облегчили для Великаго Князя сіе важное завоеваніе, приписанное Сигизмундомъ измѣнѣ,-козням Михаила Глинскаго, подкупу, обману (114). Сологубу отсѣкли въ Литвѣ голову (115): онъ конечно не былъ измѣнникомъ, отвергнувъ всѣ милостивыя предложенія Василіевы, не захотѣвъ ни за какое богатство, ни за какіе чины остаться въ Россіи. Въ

дѣлахъ государственныхъ несчастіе бываетъ преступленіемъ. Но Михаилъ дѣйствительно могъ имѣть тайныя связи въ Смоленскѣ: по крайней мѣрѣ онъ думалъ, что ему, изъ благодарности за его услуги, отдадутъ сей знаменитый городъ во владѣніе. Великій Князь не сдѣлалъ того, и смѣялся, какъ увѣряютъ, надъ безмѣрнымъ честолюбіемъ Глинскаго; а Глинскій, уже опытный въ измѣнѣ, замыслилъ новую [116]. Г. 1514.

Государь немедленно отрядилъ Воеводъ Московскихъ и Смоленскихъ ко Мстиславлю, гдѣ княжилъ тогда одинъ изъ потомковъ Гедиминова сына, Евнутія, Михаилъ: не имѣя силъ противиться, онъ выѣхалъ на встрѣчу къ нашему войску, присягнулъ Россіи, былъ у Великаго Князя, и милостиво имъ одаренный, возвратился въ свою отчину. Граждане Кричева и Дубровны сами собою намъ поддалися [117]. Довольный сими пріобрѣтеніями, Василій не желалъ иныхъ: учредилъ Правительство въ Смоленскѣ, оставилъ тамъ часть войска, другую послалъ къ Борисову, къ Минску, и самъ возвратился въ Дорогобужъ [118]. Михаилъ Глинскій стоялъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ близъ Орши. Никто не зналъ объ его злыхъ умыслахъ. Потерявъ надежду видѣть себя Владѣтельнымъ Княземъ Смоленскимъ, досадуя на Василія и жалѣя о Литвѣ, онъ тайно предложилъ Сигизмунду свои услуги, изъявлялъ раскаяніе, обѣщалъ загладить

Измѣна Глинскаго.

г. 1514. прошедшее. Личная, справедливая ненависть къ измѣннику уступила явной пользѣ государственной: Король увѣрилъ Глинскаго въ милости. Утвердили договоръ клятвами; согласились, чтобы войско Литовское шло, какъ можно скорѣе, къ Днѣпру: ибо Михаилъ отвѣтствовалъ Королю за побѣду. Уже сіе войско находилось близъ Орши: Глинскій, узнавъ о томъ, ночью сѣлъ на коня и бѣжалъ изъ Россійскаго стана; но отъѣхалъ не далеко. Одинъ изъ его слугъ извѣстилъ Воеводу нашего, Князя Булгакова-Голицу, о бѣгствѣ измѣнника: Воевода въ ту же минуту съ легкою дружиною поскакалъ за нимъ въ обгонъ, пересѣкъ дорогу и ждалъ въ лѣсу. Глинскій ѣхалъ впереди; за нимъ, въ верстѣ, толпа вооруженныхъ слугъ: ихъ и господина схватили и представили въ Дорогобужѣ Великому Князю. Глинскій не могъ запираться: у него вынули изъ кармана Сигизмундовы письма (119). Готовясь къ смерти, онъ говорилъ смѣло о своихъ услугахъ и неблагодарности Василіевой. Государь приказалъ отвезти его скованнаго въ Москву; а Воеводамъ нашимъ, Князю Булгакову, Боярину Челяднину и многимъ другимъ итти на встрѣчу къ непріятельской рати. Константинъ Острожскій предводительствовалъ ею. Пишутъ, что нашихъ было 80,000, Литовцевъ же только 35,000, (120). Сошлися на берегахъ Днѣпра, и нѣсколько дней стояли тихо,

Россіяне на лѣвомъ, Литовцы на правомъ. Г. 1514.
Чтобы усыпить Московскихъ Воеводъ, Константинъ предлагалъ имъ разойтися безъ битвы (121), и тайно наводилъ мостъ въ пятнадцати верстахъ отъ ихъ стана. Узнавъ, что половина непріятелей уже на сей сторонѣ рѣки, гордый Бояринъ Челяднинъ сказалъ: „мнѣ мало половины; жду ихъ всѣхъ, и „тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними" (122). Конница, пѣхота Литовская перешли, устроились, заняли выгодное мѣсто: началась кровопролитная битва. Увѣряютъ, что главные Воеводы Московскіе, Князь Булгаковъ-Голица и Бояринъ Челяднинъ, отъ зависти не хотѣли помогать другъ другу; что движенія нашего войска не имѣли связи, ни общей цѣли; что въ самомъ пылу сраженія Челяднинъ выдалъ Булгакова и бѣжалъ (123). По другимъ извѣстіямъ, Князь Константинъ употребилъ хитрость: отступилъ притворно, навелъ Россіянъ на пушки, и въ то же время зашелъ имъ въ тылъ (124). Всѣ говорятъ согласно, что Литовцы никогда не одерживали такой знаменитой побѣды надъ Россіянами: гнали, рѣзали, топили ихъ въ Днѣпрѣ и въ Кропивнѣ; тѣлами усѣяли поля между Оршею и Дубровною; плѣнили Булгакова, Челяднина и шесть иныхъ Воеводъ, тридцать семь Князей, болѣе 1500 Дворянъ и чиновниковъ (125); взяли обозъ, знамена, снарядъ огнестрѣльный; однимъ словомъ, въ полной мѣрѣ

Битва Оршинская. 8 Сентября.

Г. 1514. отмстили намъ за Ведрошскую битву. Мы лишились тридцати тысячь воиновъ: ночь и лѣса спасли остальныхъ. На другой день Константинъ торжествовалъ побѣду надъ своими единовѣрными братьями и Русскимъ языкомъ славилъ Бога за истребленіе Россіянъ (126); пышно угостилъ знатныхъ плѣнниковъ и немедленно отправилъ къ Сигизмунду, который велѣлъ Челяднина и Булгакова оковать цѣпями: слѣдственно наказалъ ихъ за то, что они услужили ему своимъ неразуміемъ. Сіи злосчастные Воеводы долго томились въ неволѣ, презираемые Литвою и какъ бы забвенные отечествомъ (127). — Сигизмундъ, будучи внѣ себя отъ радости, спѣшилъ извѣстить всю Европу о славѣ Литовскаго оружія; дарилъ Государей и Папу нашими плѣнниками (128); мыслилъ, что отниметъ у Россіи не только Смоленскъ, но и всѣ ея прежнія завоеванія (129); что Василій не можетъ собрать новыхъ сильныхъ полковъ, и что ему остается только, бѣжать во глубину Московскихъ лѣсовъ. Король ошибся: сія блестящая побѣда не имѣла никакихъ важныхъ слѣдствій.

Съ первою вѣстію о нашемъ несчастіи прискакали въ Смоленскъ нѣкоторые раненные въ битвѣ чиновники Великокняжескіе. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Многіе тамошніе Бояре думали, подобно Сигизмунду, что Россія уже пала: совѣтовались между

собою, съ Епископомъ Варсонофіемъ, и рѣшились измѣнить Государю. Епископъ тайно послалъ къ Королю своего племянника (130) съ увѣреніемъ, что если онъ немедленно пришлетъ войско, то Смоленскъ будетъ его. Но другіе вѣрные Бояре донесли о семъ умыслѣ Намѣстнику, Князю Василію Шуйскому, который, едва успѣвъ взять измѣнниковъ и самого Епископа подъ стражу, увидѣлъ знамена Литовскія: самъ Константинъ съ шестью тысячами отборныхъ воиновъ явился предъ городскими стѣнами. Тутъ Шуйскій изумилъ его и жителей зрѣлищемъ ужаснымъ: велѣлъ на стѣнѣ, въ глазахъ Литвы, повѣсить всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ Святителя, надѣвъ на нихъ собольи шубы, бархаты, камки, а другимъ привязавъ къ шеѣ серебряные ковши или чарки, пожалованныя имъ отъ Великаго Князя (131). Константинъ воспылалъ гнѣвомъ: приступилъ къ Смоленску; но измѣнниковъ уже не было: граждане и воины бились мужественно съ Литвою. Константинъ ушелъ: Россіяне захватили не мало плѣнниковъ и часть обоза. Недостойнаго Пастыря, Варсонофія, отвезли въ Дорогобужъ къ Великому Князю; который, изъявивъ удовольствіе Шуйскому, и давъ всѣ нужныя повелѣнія для безопасности Смоленска, возвратился въ Москву (132). — Литовцы заняли только Дубровну, Мстиславль и Кричевъ, гдѣ жители снова присягнули Сигизмунду.

Г. 1514. Измѣна Епископа Смоленскаго.

Приступъ Острожскаго къ Смоленску.

Король желалъ отдохновенія и распустилъ войско; но сынъ Менгли-Гиреевъ, Магметъ, узнавъ о побѣдѣ его, хотѣлъ воспользоваться ею, чтобы опустошить южныя владѣнія Россійскія, съ помощію новаго измѣнника нашего, Воеводы Евстафія Дашковича. Мы упоминали о семъ Литовскомъ бѣглецѣ, коего милостиво принялъ Іоаннъ (133), и который, служивъ нѣсколько лѣтъ Василію, ушелъ къ Сигизмунду въ слѣдъ за Константиномъ Острожскимъ. Получивъ отъ Короля во владѣніе Каневъ и Черкасы, имѣя воинскія достоинства, смѣлость, мужество, Дашковичь прославился въ Исторіи Днѣпровскихъ Козаковъ, заслуживъ имя ихъ Ромула (134): образовалъ, устроилъ сіе легкое, дѣятельное, неутомимое ополченіе, коему удивлялась Европа; избралъ Вождей, ввелъ строгую подчиненность, далъ каждому воину мечь и ружье; наблюдалъ всѣ движенія Крымцевъ и преграждалъ имъ путь въ Литву. Дашковичь зналъ Россію и казался для насъ тѣмъ опаснѣе: вмѣстѣ съ Кіевскимъ Воеводою, Андреемъ Немировичемъ, онъ присоединился къ толпамъ Магметъ-Гиреевымъ, думая взять Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, гдѣ не было ни Князей, ни Московской рати: Шемякинъ и Князь Василій Стародубскій находились тогда у Государя (135). Непріятели, сверхъ многочисленной конницы, имѣли тяжелый снарядъ огнестрѣльный.

Набѣгъ Крымцевъ.

Г. 1516.

Но Воеводы Сѣверскіе отстояли города: ибо Магметъ-Гирей боялся тратить людей на приступахъ; не слушался Литовскихъ предводителей, и заключилъ свой походъ бѣгствомъ. г. 1515.

Тѣмъ не менѣе Василій съ огорченіемъ видѣлъ, что измѣна Менгли-Гиреева въ пользу Литвы уменьшаетъ силы Россіи. Онъ искалъ новаго средства обратить Хана къ прежней системѣ. Посолъ Турецкій еще былъ въ Москвѣ: Государь отпустилъ его въ Константинополь съ своимъ ближнимъ Дворяниномъ, Васильемъ Коробовымъ, написавъ съ нимъ въ отвѣтной грамотѣ къ Султану о вѣроломствѣ Менгли-Гирея, и прося, чтобы Селимъ запретилъ Хану дружиться съ Литвою [136]. Коробову надлежало стараться о заключеніи рѣшительнаго союза между Россіею и Портою Оттоманскою, съ обязательствомъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ, особенно противъ Литвы и Тавриды, ежели Менгли-Гирей не отступитъ отъ Сигизмунда. — Но Коробовъ не успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: Селимъ писалъ къ Государю, что пришлетъ въ Москву новаго Посла и не сдержалъ слова, будучи занятъ войною Персидскою. Уставили единственно правила свободной торговли въ Азовѣ и въ Кафѣ для нашихъ купцевъ.

Вторичное посольство къ Султану.

Въ сіе время не стало Менгли-Гирея [137]: Россія могла бы справедливо оплакивать его

Г. 1515 Смерть Менгли-Гирея.

кончину, если бы онъ былъ для Василія тоже, что для Іоанна. Сей достопамятный въ Исторіи Ханъ пережилъ самого себя, бывъ въ послѣдніе годы только тѣнію Царя, и Великій Князь могъ ждать болѣе успѣха въ дѣлахъ съ его наслѣдникомъ, старшимъ сыномъ, Магметъ-Гиреемъ. Къ несчастію, новый Ханъ не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами: вопреки Алкорану, любилъ пить до чрезмѣрности, раболѣпствовалъ женамъ, не зналъ добродѣтелей государственныхъ, зналъ одну прелесть корысти, былъ истиннымъ Атаманомъ разбойниковъ. Сначала онъ изъявилъ желаніе пріобрѣсти дружбу Россіи, и съ честію отпустилъ Великокняжескаго Посла, Тучкова; но скоро, взявъ дары отъ Сигизмунда, прислалъ въ Москву Вельможу своего, Дувана, съ наглыми и смѣшными требованіями: писалъ, что взятіе Смоленска нарушаетъ договоръ Василіевъ съ Менгли-Гиреемъ, который будто бы пожаловалъ Смоленское Княженіе Сигизмунду; что Василій долженъ возвратить оное, также и Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Путивль, вмѣстѣ съ другими городами, будто бы данными Ханомъ, отцемъ его, Іоанну въ знакъ милости (138). Магметъ-Гирей требовалъ еще освобожденія всѣхъ Крымскихъ плѣнниковъ, дани съ Одоева, многихъ вещей драгоцѣнныхъ, денегъ; а въ случаѣ отказа грозилъ местію. Великій Князь не могъ

Посольство отъ новаго Хана Магметъ-Гирея и наше къ нему.

образумить безсмысленнаго варвара; но могъ надѣяться на доброхотство нѣкоторыхъ Вельможъ Крымскихъ, въ особенности на втораго Менгли-Гиреева сына, Ахмата Хромаго, объявленнаго *Калгою Орды* или первымъ чиновникомъ по Ханѣ: для того вооружился терпѣніемъ, честилъ Посла, и въ удовольствіе Магметъ-Гирею освободилъ Летифа: ибо сей бывшій Царь Казанскій опять сидѣлъ тогда подъ стражею за неприятельскія дѣйствія Крымцевъ (139). Ему снова позволено было ѣздить во дворецъ и на охоту; но Великій Князь не согласился отпустить его къ матери, которая желала отправиться съ нимъ въ Мекку. — Бояринъ Мамоновъ повезъ отвѣтныя грамоты и дары Хану, весьма умѣренные (140). Г. 1515. — 1516 Онъ долженъ былъ сказать Магметъ-Гирею, что нелѣпыя его требованія суть плодъ Сигизмундова коварства; что Государь не только намѣренъ вѣчно владѣть Смоленскимъ Княженіемъ, но хочетъ отнять у Короля и всѣ иные древніе города наши; что Менгли-Гирей утвердилъ свое могущество дружбою Россіи, а не Литвы, и что мы готовы возобновить союзъ, ежели Ханъ съ искреннею любовію обратится къ Великому Князю и престанетъ намъ злодѣйствовать: ибо въ то самое время, когда его Посолъ выѣзжалъ изъ Москвы, Крымцы нападали на Мещеру и толпились въ окрестностяхъ

Г. 1515 — 1516. Азова, угрожая предѣламъ Рязанскимъ. — Главнымъ порученіемъ Мамонова было преклонить къ намъ Вельможъ Ханскихъ.

Два обстоятельства помогли сначала его успѣху: Магметъ-Гирей тщетно ждалъ новыхъ даровъ отъ Сигизмунда и свѣдалъ, что Султанъ имѣетъ особенное уваженіе къ Великому Князю (141). Хотя Мамоновъ нѣсколько разъ былъ оскорбляемъ наглостію Царедворцевъ (142); хотя Магметъ-Гирей жаловался на скупость Василіеву: однакожь изъявилъ желаніе отстать отъ Короля и вызвался даже, въ залогъ союза, прислать одного изъ сыновей на житье въ Россію, ежели Великій Князь пошлетъ сильную рать водою на Астрахань. Уже написали и грамоту договорную, которую надлежало утвердить присягою въ день Менгли-Гиреева поминовенія; но Сигизмундъ успѣлъ во-время доставить 30,000 червонцевъ Хану (143): грамоту забыли, Посла Московскаго не слушали, и сынъ Магметъ-Гиреевъ, Царевичь Богатырь, устремился на Россію съ *голодными* толпами: ибо отъ чрезвычайныхъ жаровъ сего лѣта поля и луга изсохли въ Тавридѣ. Опустошивъ села Мещерскія и Рязанскія, Богатырь ушелъ; а Ханъ въ отвѣтъ на жалобы Великаго Князя просилъ его извинить молодость Царевича, который будто бы самовольно тревожилъ Россійскія владѣнія. Еще мирныя сношенія не прерьі-

вались: мѣсто умершаго въ Тавридѣ Мамонова заступилъ Боярскій сынъ Шадринъ, умный, дѣятельный (144). Весьма усердно помогалъ ему братъ Ханскій, Калга Ахматъ, ненавистникъ Литвы и другъ Россіи, гдѣ онъ на всякой случай готовилъ себѣ вѣрное убѣжище. „Мы живемъ въ худыя времена", говорилъ Ахматъ Послу Московскому: „отецъ „нашъ повелѣвалъ всѣми, дѣтьми и Князьями. „Теперь братъ мой Царь, сынъ его Царь, „и Князья Цари" (145). Истину сего доказывалъ Калга собственными поступками: господствуя въ Очаковѣ, нападалъ на Литовскіе предѣлы, вопреки дружбѣ Сигизмундовой съ Магметъ-Гиреемъ, и писалъ къ Василію: „не думая ни о чемъ иномъ, возьми „для меня Кіевъ: я помогу тебѣ завоевать „Вильну, Троки и всю Литву" (146). Другіе Князья, также доброхотствуя намъ, враждовали Королю; увѣряли, что и Ханъ измѣнитъ ему, если Великій Князь будетъ только щедрѣе; а Магметъ-Гирею сказывали, что Россія намѣрена помогать его злодѣямъ, Ногаямъ и Астраханцамъ, если онъ не предпочтетъ ея союза Литовскому. Сіи Вельможи и безстыдное корыстолюбіе самого Хана произвели наконецъ то, что онъ, взявъ одною рукою Сигизмундово золото, занесъ другую съ мечемъ на его землю, не для услуги намъ, но единственно для добычи, пославъ 40,000 всадниковъ разорять южныя

г. 1515 — 1516.

Г. 1515 — 1516. Королевскія владѣнія (147). Сей варваръ не боялся мести за свое вѣроломство, понимая, что Россія и Литва все простятъ ему, въ надеждѣ вредить черезъ него другъ другу. Между тѣмъ открылось новое важное обстоятельство, которое убѣждало его искать Василіевой пріязни.

Болѣзнь и посольство Царя Казанскаго.

Царь Казанскій, Магметъ-Аминь, занемогъ жестокою болѣзнію: отъ головы до ногъ, по словамъ Лѣтописца, онъ *кипѣлъ* гноемъ и червями; призывалъ цѣлителей, волхвовъ, и не имѣлъ облегченія; заражалъ воздухъ смрадомъ гніющаго своего тѣла, и думалъ, что сія казнь послана ему Небомъ за вѣроломное убіеніе столь многихъ Россіянъ и за неблагодарность къ Великому Князю Іоанну. „Русской Богъ караетъ меня," говорилъ онъ ближнимъ: „Іоаннъ былъ мнѣ отцемъ, а я, слушаясь коварной жены, отплатилъ зломъ благодѣтелю. Теперь гибну: „къ чему мнѣ сребро и злато, престолъ и „вѣнецъ, одръ многоцѣнный и жены красныя? „Оставлю ихъ другимъ." Чтобы умереть спокойнѣе, Магметъ-Аминь желалъ удостовѣрить Василія въ своей искренности: прислалъ ему 300 коней украшенныхъ золотыми сѣдлами и червлеными коврами, Царскій доспѣхъ, щитъ и шатеръ, подарокъ Владѣтеля Персидскаго, столь богатый и хитро вытканный, что Нѣмецкіе купцы разсматривали его въ Москвѣ съ удивленіемъ (148),

Послы Казанскіе молили Великаго Князя объявить Летифа ихъ Владѣтелемъ въ случаѣ Магметъ-Аминевой смерти, обязываясь вѣчно зависѣть отъ Государя Московскаго и принимать Царей единственно отъ его руки (149). Написали грамоту: Окольничій Тучковъ ѣздилъ съ нею въ Казань, гдѣ Царь, Вельможи и народъ утвердили сей договоръ клятвами. Василій, въ доказательство своего благоволенія къ Магметъ-Аминю, пожаловалъ Летифу городъ Коширу. г. 1515 — 1516.

Ханъ Крымскій принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Казани, опасаясь, чтобы тамошніе Князья послѣ Магметъ-Аминя не взяли къ себѣ на престолъ кого нибудь изъ Астраханскихъ, ненавистныхъ ему Царевичей. Для сего онъ послалъ знатнаго человѣка въ Москву, дружески писалъ къ Великому Князю, хвалился разореніемъ Литвы, обѣщалъ немедленно дать свободу Московскимъ плѣнникамъ и заключить союзъ съ нами, если Государь возведетъ Летифа на Казанское Царство, отниметъ городокъ Мещерскій, бывшее Нордоулатово помѣстье, у своего служиваго Царевича Астраханскаго Шигъ-Алея, уступитъ оное которому нибудь изъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ и рѣшится воевать Астрахань. Долго Василій отвергалъ сіе послѣднее условіе: наконецъ и на то согласился (150). Казалось, что всѣ препятствія исчезли. Въ Москву ждали но- г. 1517.

г. 1517. выхъ Пословъ Ханскихъ съ договорною грамотою: они не ѣхали, и Великій Князь узналъ, что Сигизмундъ, подобно ему неутомимый въ исканіи Магметъ-Гиреевой дружбы, умѣлъ опять задобрить Хана богатыми дарами. 20,000 Крымцевъ съ огнемъ и мечемъ нечаянно явились въ Россіи и дошли до самой Тулы, гдѣ встрѣтили ихъ Московскіе Воеводы, Князья Одоевскій и Воротынскій. Хищниковъ наказали: спасаясь бѣгствомъ, они тонули въ рѣкахъ и въ болотахъ; гибли отъ руки нашихъ воиновъ и земледѣльцевъ, которые засѣли въ лѣсахъ и не давали имъ ни пути, ни пощады, такъ, что весьма не многіе возвратились домой, нагіе и босые. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Князь Шемякинъ выгналъ Крымцевъ изъ области Путивльской и побилъ ихъ за Сулою (151).

Впаденіе Крымцевъ.

Не имѣвъ успѣха въ сношеніяхъ съ Ханомъ, Василій пріобрѣлъ въ сіе время двухъ знаменитыхъ, искреннихъ друзей въ Европѣ. Еще въ 1513 году Посолъ Короля Датскаго, Іоанна, находился въ Москвѣ, или по дѣламъ Шведскимъ, или для того, чтобы склонить насъ къ соединенію Греческой Церкви съ Римскою, какъ самъ Король писалъ къ Императору Максимиліану и Людовику XII (152). Сынъ Іоанновъ, Христіанъ II, памятный въ Исторіи ужасною свирѣпостію и прозваніемъ Нерона Сѣвернаго, въ 1517 году утвер-

Союзъ съ Королемъ Датскимъ.

дилъ пріязнь съ Россіею торжественнымъ договоромъ воевать общими силами — *гдѣ и когда будетъ возможно* — Швецію и Польшу (153), хотя Намѣстники Великокняжескіе въ 1510 году заключили съ первою шестидесятилѣтнее перемиріе (154). Посолъ нашъ, Дворянинъ Микулинъ, былъ въ Копенгагенѣ: Христіановъ, Давидъ Герольтъ, въ Москвѣ. Великій Князь позволилъ Датскимъ купцамъ имѣть церковь въ Новѣгородѣ и свободно торговать въ Россіи. — Усильно домогаясь властвовать надъ всею древнею Скандинавіею, Христіанъ не могъ содѣйствовать намъ противъ Сигизмунда; а Василій, занятый Литовскою войною, оставался единственно доброжелателемъ Христіана въ его бореніи съ Шведскимъ Правителемъ Стуромъ. Однакожь тѣсная связь между сими двумя Государями устрашала ихъ враговъ: Сигизмундъ долженъ былъ опасаться Даніи, а Швеція Россіи (155). Г. 1517.

Союзъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ.

Вторымъ союзникомъ нашимъ былъ Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена, Албрехтъ Бранденбургскій. Пламенный духъ сего воинственнаго братства, освященнаго Вѣрою и добродѣтелію, памятнаго великодушіемъ и славою первыхъ его основателей, угасъ въ странахъ Сѣвера (156): богатство не замѣняетъ доблести, и Рыцари-Владѣтели, нѣкогда сильные презрѣніемъ жизни, въ избыткѣ ея пріятностей увидѣли свою слабость.

г. 1517. Покорители язычниковъ были покорены собратіями-Христіанами. Казимиръ и наслѣдники его уже взяли многіе Орденскіе города, именуя Великаго Магистра своимъ присяжникомъ. Рыцарство тосковало въ униженіи: хотѣло возвратить свою древнюю славу, независимость и владѣнія; молило Папу, Германію, Императора о защитѣ, и наконецъ обратилось къ Россіи, весьма естественно: ибо мы одни ревностно желали ослабить Сигизмунда. Хотя Нѣмецкій Орденъ, вступаясь за Ливонію, часто оглашалъ насъ въ Европѣ злодѣями, невѣрными, еретиками; но сіи укоризны были преданы забвенію, и крестоносные витязи Іерусалимскіе дружественно простерли руку къ Великому Князю (157). Албрехтъ прислалъ въ Москву Орденскаго чиновника, Дидриха Шонберга, принятаго со всѣми знаками уваженія. Въ такое время, когда Дворъ говѣлъ и обыкновенно не занимался дѣлами, на первой недѣлѣ Великаго поста, Шонбергъ имѣлъ переговоры съ Боярами, въ Субботу обѣдалъ у Государя, въ Воскресенье вмѣстѣ съ нимъ слушалъ Литургію въ храмѣ Успенія. Заключили наступательный союзъ противъ Короля (158). Магистръ требовалъ ежемѣсячно *шестидесяти тысячъ золотыхъ Реинскихъ* на содержаніе десяти тысячъ пѣхотныхъ и двухъ тысячъ конныхъ воиновъ: Государь обѣщалъ, если Нѣмцы возьмутъ Данцигъ,

Торнъ, Маріенвердеръ, Эльбингъ, и пойдутъ г. 1517.
на Краковъ; однакожь не хотѣлъ включить въ договоръ, чтобы Россіи не мириться съ Сигизмундомъ до отнятія у него всѣхъ Прусскихъ и нашихъ древнихъ городовъ, сказавъ Шонбергу: „отъ васъ надобно требовать „обязательства, ибо вы еще не воюете; а „мы уже давно въ полѣ, и дѣлаемъ, что мо„жемъ" (159). Условились хранить договоръ въ тайнѣ, чтобы Король не успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Шонбергъ, получивъ въ даръ бархатную шубу, 40 соболей и 2,000 бѣлокъ, отправился въ Кенигсбергъ, съ Дворяниномъ Загряскимъ (160). Размѣнялись клятвенными грамотами. Магистру хотѣлось, чтобы Великій Князь немедленно доставилъ 625 пудъ серебра въ Кенигсбергъ, гдѣ наши собственные чиновники могли бы обратить оное въ деньги и выдавать ихъ, въ случаѣ надобности, Нѣмецкимъ ратникамъ (161). Для сего новый Посолъ Орденскій, Мельхіоръ Робенштеинъ, былъ въ Москвѣ. Василій отвѣтствовалъ, что серебро готово, но что Нѣмцы должны прежде начать войну. — Магистръ Ливонскій, старецъ Плеттенбергъ, не участвовалъ въ семъ союзѣ: закоренѣлая ненависть къ Россіянамъ склоняла его, даже вопреки пользамъ Нѣмецкаго Ордена, доброжелательствовать Королю. Въ теченіе войны Литовской онъ съ досадою извѣщалъ Прусскаго Магистра о нашихъ вы-

г. 1517. годахъ, съ удовольствіемъ о неудачахъ (162), хотя и не могъ надѣяться на благодарность Короля, бывъ принужденъ отказаться отъ его дружбы въ угодность Великому Князю (163): положеніе весьма опасное для слабой Державы!

Отпуская Загряскаго въ Кенигсбергъ, Государь велѣлъ ему развѣдать тамъ о дѣлахъ Императора Максимиліана съ Королемъ Французскимъ, съ Венеціею; узнать, будетъ ли отъ него Посольство въ Москву, и въ какихъ сношеніяхъ онъ находится съ Сигизмундомъ (164)? Уже Василій не имѣлъ надежды на помощь Императора въ сей войнѣ, слышавъ о свиданіи его съ Королями Венгерскимъ и Польскимъ въ Вѣнѣ, о брачныхъ союзахъ ихъ семейства; напротивъ того желалъ, чтобы Максимиліанъ объявилъ себя посредникомъ между Литвою и Россіею. Обѣ Державы хотѣли отдохновенія; но *первая* еще *болѣе*. Великій Князь молчалъ, а Сигизмундъ просилъ Императора доставить миръ Литвѣ. Для сего Посолъ Вѣнскаго Двора, Баронъ Герберштейнъ, мужъ ученый и разумный, прибылъ въ Москву (165). Представленный Государю, онъ съ жаромъ, искусствомъ и краснорѣчіемъ описалъ *бѣдствіе междоусобія* въ Европѣ Христіанской и торжество злочестивыхъ Султановъ, которые, пользуясь ея несогласіемъ, берутъ земли и Царства. „На-„что" — сказано въ сей достопамятной рѣчи

Посольство Императора Максимиліана.

Посольской — „начто Монархи державствуютъ? ко благу Вѣры и для спокойствія подданныхъ. Такъ всегда мыслилъ Императоръ, „и воевалъ не ради суетной славы, не ради „пріобрѣтеній чуждаго, но для наказанія „сварливыхъ, презирая опасность личную, „самъ впереди, и съ меньшимъ числомъ побѣждая, ибо Господь за добродѣтель. Уже „Максимиліанъ благоденствуетъ въ тишинѣ. „Папа и вся Италія съ нимъ въ союзѣ. Королевства Испанскія, Неаполь, Сицилія и „всѣ другія, числомъ *двадцать шесть*, и всѣ „православныя, признаютъ въ его внукѣ, „Карлѣ, своего наслѣдственнаго, законнаго „Монарха. Король Португалліи ему родственникъ, Король Англіи издавна другъ сердечный, Датскій и Венгерскій сыновья „и братья, ибо женаты на внукахъ Максимиліановыхъ; а Польскій имѣетъ къ Государю моему неограниченную довѣренность. „Не буду говорить предъ тобою о твоемъ „Величествѣ: вѣдаешь истинную, взаимную „любовь, которая васъ соединяетъ. Оставались только Король Французскій и Венеція внѣ общаго Европейскаго братства: „ибо всегда хотѣли особенныхъ выгодъ своихъ, не занимаясь благомъ Христіанства; „но и тѣ уже изъявили миролюбіе: уже, какъ „слышу, и договоръ подписанъ. Теперь да „обозритъ человѣкъ вселенную, отъ Востока „до Запада, отъ Юга до Сѣвера: кто изъ „Вѣнценосцевъ православныхъ не связанъ съ

г. 1517.

г. 1517 „Императоромъ или родствомъ или дружбою?
„Все — и все въ мире, кроме Литвы и Рос-
„сіи. Максимиліанъ послалъ меня къ тебе,
„въ надежде, что ты, Государь знаменитый,
„въ честь и въ славу Божію успокоишь
„Христіанство и собственную землю: ибо
„миромъ цветутъ Державы, войною изну-
„ряются; победа изменяетъ — и кто въ ней
„увѣренъ? — Доселе вещалъ Императоръ: при-
„бавлю и мое слово. Будучи въ Вильне, я
„говорилъ съ Посломъ Турецкимъ: онъ ска-
„зывалъ, что Султанъ завоевалъ Дамаскъ,
„Іерусалимъ и все Царство Египетское. Въ
„истине сего уверялъ меня также одинъ
„благородный путешественникъ, который
„самъ былъ въ техъ местахъ. Государь! мы
„и прежде опасались Султанскаго могуще-
„ства: не должны ли ныне еще более опа-
„саться?" — Ученый Посолъ говорилъ о Фи-
липпе и Александре Македонскихъ: славилъ
миролюбіе отца, осуждалъ сына, ненасытнаго
въ кровопролитіи (166), и проч.

Василій имелъ бы право укорять Импера-
тора нарушеніемъ договора съ Россіею; но
зная, что такіе упреки безполезны, и что
Политика легко все извиняетъ, онъ за до-
брое намереніе изъявилъ ему благодарность и
свою готовность къ миру. Обязываясь быть
посредникомъ совершенно безпристрастнымъ
и даже объявить войну Литве, если Король
не согласится на предложенія умеренныя,

честныя, справедливыя, Максимиліанъ хо- г. 1517.
тѣлъ, чтобы наши Уполномоченные съѣхались для того съ Литовскими въ Даніи или на границѣ, или въ Ригѣ: Великій Князь сказалъ, что переговоры должны быть въ Москвѣ, какъ всегда бывало, а не иначе, и далъ *опасную грамоту* для Королевскихъ Пословъ, назвавъ себя въ ней *Смоленскимъ* (167). Они пріѣхали: Янъ Щитъ, Намѣстникъ Могилевскій, и Богушъ, Государственный Секретарь, съ семидесятью Дворянами; но ихъ не впустили въ Москву: велѣли имъ жить въ Дорогомиловѣ: ибо Великій Князь узналъ, что войско Сигизмундово вступило въ наши предѣлы, и что самъ Король находился въ Полоцкѣ съ запасною ратію.

Послы Литовскіе.

Сіе нападеніе было местію. За нѣсколько времени предъ тѣмъ Воевода Псковскій, Андрей Сабуровъ, безъ вѣдома Государева ходилъ съ тремя тысячами воиновъ на Литву: шелъ мирно, не дѣлалъ никакой обиды жителямъ и сталъ у Рославля, объявивъ гражданамъ, что бѣжитъ отъ Великаго Князя къ Королю. Они повѣрили и выслали ему, какъ другу, съѣстные припасы; но Сабуровъ нечаянно, въ торговый день, взялъ Рославль, обогатился добычею и вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, изъ коихъ освободилъ только 18 купцевъ Нѣмецкихъ (168). Чтобы наказать Псковитянъ, Герой Сигизмундовъ, Константинъ Острожскій, хотѣлъ завое-

г. 1517. вать Опочку, гдѣ былъ Намѣстникомъ Васи-
Приступъ лій Михайловичъ Салтыковъ, достойный
Острожскаго къ жить въ Исторіи: ибо онъ рѣдкимъ муже-
Опочкѣ. ствомъ удивилъ своихъ и непріятелей. Литовцы вмѣстѣ съ наемниками Богемскими и Нѣмецкими двѣ недѣли громили пушками сію ничтожную крѣпость: стѣны падали; но Салтыковъ, воины его и граждане не слабѣли
6 Октября. въ бодрой защитѣ, отразили приступъ, убили множество людей и Воеводу Сокола, отнявъ у него знамя. Между тѣмъ Воеводы Московскіе спѣшили къ Опочкѣ: изъ Великихъ Лукъ Князь Александръ Ростовскій, изъ Вязьмы Василій Шуйскій. Впереди были Князь Ѳеодоръ Оболенскій Телепневъ и храбрый мужъ Иванъ Ляцкій съ Дѣтьми Боярскими: они близъ Константинова стана въ трехъ мѣстахъ разбили на голову 14 тысячь непріятелей и новую рать, посланную Сигизмундомъ къ Острожскому; плѣнили Воеводъ, взяли обозъ и пушки (169). Наша главная сила шла прямо на Константина: онъ не захотѣлъ ждать ее, снялъ осаду, удалился скорыми шагами и не могъ спасти тяжелыхъ
Октября 18. стѣнобитныхъ орудій, которыя остались трофеями Салтыкова. Россіяне загладили стыдъ Оршинской битвы, возложивъ на Константина знаменіе бѣглеца, по выраженію одного Лѣтописца.

Октября 25. Узнавъ о сей побѣдѣ, Великій Князь дозволилъ Посламъ Сигизмундовымъ торже-

ственно въѣхать въ Москву и принялъ ихъ съ удовольствіемъ. „Король“ — сказалъ онъ — „предлагаетъ миръ и наступаетъ войною. „Теперь мы съ нимъ управились: можемъ „выслушать мирныя слова его.“ Переговоры начались весьма неумѣренными требованіями съ обѣихъ сторонъ. Мы хотѣли, чтобы Сигизмундъ отдалъ намъ Кіевъ, Витебскъ, Полоцкъ и другія области Россійскія, вмѣстѣ съ сокровищами и съ Удѣломъ покойной Королевы Елены, казнивъ всѣхъ наглыхъ Пановъ, оскорбителей ея чести; а Литовцы хотѣли имѣть не только Смоленскъ, Вязьму, Дорогобужъ, Путивль, всю землю Сѣверскую, но и половину Новагорода, Пскова, Твери (170). „Вотъ рѣчи *высокія,*“ сказалъ Баронъ Герберштеинъ: „надобно искать „средины, или я заѣхалъ въ Москву безполезно.“ Паны Щитъ и Богушъ объявили наконецъ, что Сигизмундъ согласится возобновить договоръ, заключенный между Великимъ Княземъ Іоанномъ и Королемъ Александромъ въ 1494 году. Посолъ Максимиліановъ убѣждалъ Василія уступить хотя одинъ Смоленскъ, ставя ему въ примѣръ умѣренность славнаго Царя Пирра (171), Максимиліана, отдавшаго Венеціянской Республикѣ Верону, и самого Великаго Князя Іоанна, не хотѣвшаго отнять Казани у древнихъ ея Царей. Бояре Московскіе, умолчавъ о Пиррѣ, отвѣтствовали, что Императоръ

Г. 1517.

Переговоры о мирѣ.

г. 1517. могъ быть великодушенъ противъ Венеціи, но что великодушіе не есть законъ; что Казань была и есть въ нашемъ подданствѣ; что Великій Князь не имѣетъ обычая уступать свои отчины, данныя ему Богомъ и побѣдою. Увѣряя въ своемъ безпристрастіи, Герберштеинъ явно держалъ сторону Литовскихъ Пословъ; оправдывалъ Сигизмунда; говорилъ, что Василій не долженъ вѣрить бѣглецамъ и плѣнникамъ, которые приписываютъ разбои Магметъ-Гирея Сигизмундовымъ наущеніямъ; что мысль Государева, наслѣдовать Удѣлъ Елены, противна всѣмъ уставамъ; что оскорбители Королевы могутъ быть наказаны, если мы умѣримъ иныя требованія, и проч. Въ сихъ любопытныхъ прѣніяхъ видны искусство и тонкость разума Герберштеинова, грубость Литовскихъ Пословъ и спокойная непреклонность Василіева: языкъ Бояръ его учтивъ, благороденъ и доказываетъ образованность ума. Спорили много и долго: Смоленскъ былъ главнымъ препятствіемъ мира. Панъ Щитъ сказалъ: „мы ѣдемъ: „Небо казнитъ виновника кровопролитія.“ *Не насъ*, отвѣтствовали Бояре. Государь, отпуская Пословъ, всталъ съ мѣста; велѣлъ кланяться Сигизмунду, и въ знакъ ласки далъ имъ руку. Все кончилось. Тогда Баронъ Герберштеинъ вручилъ Великому Князю особенную грамоту Максиміліанову о Михаилѣ Глинскомъ: Императоръ писалъ, что Ми-

хаилъ могъ бышь виновенъ, но уже довольно наказанъ за то неволею; что сей мужъ имѣетъ знаменитыя достоинства, воспитанъ при Дворѣ Вѣнскомъ, служилъ вѣрно ему и Курфирсту Саксонскому; что Василій сдѣлаетъ Максимиліану великое удовольствіе, если отпуститъ Глинскаго въ Испанію, къ его внуку Карлу. Государь не согласился, отвѣтствуя, что сей измѣнникъ положилъ бы свою голову на плахѣ, если бы не изъявилъ желанія принять нашу Вѣру; что отецъ и мать его были Греческаго Закона; что Михаилъ, въ Италіи легкомысленно приставъ къ Римскому, одумался, хочетъ умереть Христіаниномъ Восточной Церкви и порученъ Митрополиту для наставленія. г. 1517.

Такимъ образомъ Посольство Максимиліаново не имѣло никакого успѣха; однакожь Герберштеинъ выѣхалъ изъ Москвы съ надеждою, что если не миръ, то хотя перемиріе остается возможнымъ между воюющими Державами. Великій Князь послалъ въ Вѣну Дьяка Владиміра Племянникова объяснить Императору нашу справедливость и требовать его обѣщаннаго содѣйствія въ войнѣ противъ Сигизмунда (172). Сей Дьякъ не могъ нахвалиться учтивостію Максимиліана, который велѣлъ ему говорить рѣчь сидя, *въ коллакѣ*; посадилъ и нашего толмача Истому; при имени Великаго Князя снималъ шляпу; угостилъ ихъ пышно и ѣздилъ съ

Посольство къ Максимиліану.

г. 1518.

г. 1518. ними на охоту; предлагалъ имъ лучшихъ соколовъ въ даръ, и твердилъ, что не имѣетъ ничего завѣтнаго для своего брата, Великаго Князя. Но сія ласка происходила единственно отъ желанія прекратить войну Литовскую: ибо Максимиліанъ дѣйствительно замышлялъ тогда воздвигнуть всѣхъ Европейскихъ Государей на Султана, и видя слабость Короля, боялся, чтобы Россія не подавила его. „Цѣлость Литвы“ — писалъ онъ къ Великому Магистру Нѣмецкому — „необходима для блага всей Европы: величіе „Россіи опасно“ (173). — Новые Послы

Новые послы отъ Императора.

Максимиліановы, Совѣтникъ Франциекъ да-Колло и Антоній де-Конти, прибыли въ Москву съ Племянниковымъ (174), чтобы вторично ходатайствовать за Сигизмунда, или, какъ они говорили, за Христіанство; съ избыткомъ краснорѣчія представили картину Оттоманскихъ завоеваній въ трехъ частяхъ міра, отъ Воспора Ѳракійскаго до песковъ Египетскихъ, Кавказа и Венеціи; описали жалостное рабство Греческой Церкви, матери нашего Христіанства; униженіе святыни, гроба Спасителева, Назарета, Виѳлеема и Синая подъ властію Магометанъ; изъясняли, что Порта въ сосѣдствѣ съ нами чрезъ Тавриду и можетъ скоро наложить тяжкую свою руку на Россію; изобразили свирѣпость, хитрость, счастіе Селима, упоеннаго кровію отца и трехъ

братьевъ, *возжигающаго предъ собою свѣтильники отъ тука сердецъ Христiанскихъ* и давшаго себѣ имя *Владыки мiра* (175); убѣждали Василiя, какъ знаменитѣйшаго Царя Вѣрныхъ, итти за хоругвiю Iисуса; наконецъ молили его объявить искренно, желаетъ ли или не желаетъ мира съ Литвою, чтобы *не плодить рѣчей* безполезно? Великiй Князь хотѣлъ его, но не хотѣлъ возвратить Смоленска. Послы начали говорить о перемирiи на пять лѣтъ. Онъ соглашался, но съ условiемъ освободить всѣхъ плѣнниковъ: чего не принялъ Сигизмундъ, имѣя ихъ гораздо болѣе, нежели мы. Наконецъ Василiй, въ угодность Императору, далъ слово не воевать Литвы въ теченiе 1519 года, если Король также не будетъ безпокоить Россiи, и если Максимилiанъ обяжется послѣ того вмѣстѣ съ Россiею наступить войною на Сигизмунда (176). Съ симъ предложенiемъ отправился въ Австрiю Великокняжескiй Дьякъ Борисовъ. Но Максимилiанъ скончался. Василiй жалѣлъ объ немъ какъ о своемъ знаменитомъ прiятелѣ, а Сигизмундъ оплакалъ его какъ усерднаго покровителя, въ такое время, когда новые враги возстали на Литву и Польшу. Г. 1518.

Смерть Летифа. Абдылъ-Летифъ, названный преемникомъ Царя Магметъ-Аминя, умеръ въ Москвѣ (177), къ огорченiю Великаго Князя: ибо Летифъ

Г. 1518. служилъ ему орудіемъ Политики или залогомъ въ отношеніи къ Тавридѣ и Казани. Но сіе происшествіе имѣло сначала благопріятныя для насъ слѣдствія. Желая завоевать Астрахань, Магметъ-Гирей не менѣе желалъ подчинить себѣ и Казань: содѣйствіе Россіи, нужное и для перваго, было еще необходимѣе для успѣха въ послѣднемъ намѣреніи. И такъ, услышавъ о смерти Летифа, зная близость Магметъ-Аминевой и назначивъ Казанскій престолъ брату своему, Саипъ-Гирею, Ханъ обратился къ дружбѣ Великаго Князя. Хотя многіе Вельможи и Царевичи усильно противились сему расположенію; хотя Калга, Ахматъ-Гирей, нашъ ревностный пріятель, былъ однимъ изъ нихъ злодѣйски убитъ: но доброжелатели Россіи, въ числѣ коихъ находился Князь Аппакъ, главный любимецъ Ханскій, превозмогли, и Магметъ-Гирей извѣстилъ Василія, что онъ

Возобновленіе союза съ Крымомъ.

немедленно пришлетъ въ Москву сего Аппака съ клятвенною грамотою; что Крымцы уже воюютъ Литву; что мы ихъ усердною помощію истребимъ всѣхъ враговъ, если сами окажемъ услугу Хану: возьмемъ для него Астрахань или Кіевъ (178). Не упуская времени, Государь послалъ въ Тавриду Князя Юрья Пронскаго, а съ нимъ Дворянина

Г. 1519. Илью Челищева, весьма угоднаго Царю. Они встрѣтили Аппака, который дѣйствительно привезъ въ Москву Шертную грамоту

Ханскую, написанную слово въ слово по Г. 1519.
данному отъ насъ образцу, въ томъ смыслѣ, чтобы Великому Князю и Магметъ-Гирею соединить оружіе противъ Литвы и наслѣдниковъ Ахматовыхъ. Въ описаніи сего Посольства замѣтимъ нѣкоторыя любопытныя черты. Аппакъ явился въ чалмѣ и не хотѣлъ снимать ее предъ Василіемъ. „Что „значитъ такая новость?" спросили наши Бояре: „ты Князь, однакожь не Азей„скаго рода, не *Мольнинъ* (179), и никогда „не бывалъ въ Меккѣ." Аппакъ изъяснилъ, что Магметъ-Гирей дозволилъ ему ѣхать къ Магометову гробу, и въ знакъ сего украсилъ его голову знаменіемъ правовѣрія. Посолъ и чиновники Московскіе преклоняли колѣна, говоря другъ другу именемъ своихъ Государей (180). Онъ *здравствовался* съ Великимъ Княземъ и сталъ на колѣна, чтобы отдать Ханскія письма. Союзъ утвердился присягою. Хартія Шертная лежала на столѣ подъ крестомъ: Василій сказалъ: „Аппакъ! „на сей грамотѣ клянуся моему брату, „Магметъ-Гирею, дружить его друзьямъ, „враждовать непріятелямъ. Тутъ не упоми„нается объ Астрахани; но даю слово „вмѣстѣ съ нимъ объявить ей войну." Государь поцѣловалъ крестъ, взявъ письменное обязательство съ Аппака въ вѣрности Магметъ-Гирея.

Г. 1519. Смерть Магметъ-Аминя.

Между тѣмъ судьба Казани рѣшилась не такъ, какъ думалъ Ханъ. Магметъ-Аминь въ ужасныхъ мукахъ закрылъ глаза навѣки: исполняя волю его и свой торжественный обѣтъ, Уланы и Вельможи Казанскіе требовали новаго Царя отъ руки Василія (181), давно знавшаго мысль Хана Крымскаго, но таившаго свою. Настало время или угодить Магметъ-Гирею, или сдѣлать величайшую досаду. Василій не колебался: какъ ни желалъ союза Тавриды, но еще болѣе опасался усилить ея Хана, который въ надменности властолюбія замышлялъ, подчиненіемъ себѣ Астрахани и Казани, возстановить Царство Батыево, столь ужасное въ памяти Россіянъ. Одинъ безумный варваръ могъ въ такомъ случаѣ ждать ихъ услугъ и содѣйствія: не брату, а злодѣю Магметъ-Гирееву Василій готовилъ престолъ въ Казани, и

Шигъ-Алей Царемъ въ Казани.

послалъ туда Тверскаго Дворецкаго, Михайла Юрьева, объявить жителямъ, что даетъ имъ въ Цари юнаго Шигъ-Алея, внука Ахматова, который переѣхалъ къ Іоанну съ отцемъ своимъ, Шигъ-Авлеаромъ, изъ Астрахани, и, къ неудовольствію Магметъ-Гирея, владѣлъ у насъ городкомъ Мещерскимъ. Вельможи и народъ, изъявивъ благодарность, прислали въ Москву знатныхъ людей за Шигъ-Алеемъ. Димитрій Бѣльскій отправился съ ними и съ новымъ Царемъ въ Казань, возвелъ его на престолъ, взялъ съ народа

клятву въ вѣрности къ Государю Московскому. Всѣ были довольны, и Шигъ-Алей, воспитанный въ Россіи, искренно преданный Великому Князю, какъ единственному своему покровителю, не имѣлъ иной мысли, кромѣ той, чтобы служить ему усердно въ качествѣ присяжника. Г. 1519.

Сіе дѣлалось во время бытности Аппака въ Москвѣ, и хотя не помѣшало заключенію союза съ Тавридою, однакожь произвело объясненія. Посолъ съ удивленіемъ спросилъ, для чего Василій, другъ его Царя, отдалъ Казань внуку ненавистнаго Ахмата? „Развѣ „нѣтъ у насъ Царевичей?" сказалъ онъ: „раз„вѣ кровь Ординская лучше Менгли-Гиреевой? „Впрочемъ я говорю только отъ своего име„ни, угадывая мысли Хана" (182). Василій увѣрялъ, что онъ думалъ возвести брата или сына Магметъ-Гиреева на сіе Царство, но что Казанскіе Вельможи непремѣнно требовали Шигъ-Алея, и если бы воля ихъ не исполнилась, то они взяли бы себѣ Царя изъ Ногаевъ или Астрахани, слѣдственно опаснаго непріятеля Россіи. Аппакъ замолчалъ, и скоро пришла въ Москву желанная вѣсть, что Ханъ уже дѣйствуетъ какъ нашъ ревностный союзникъ; что сынъ его, Калга Богатырь, совсѣмъ нечаянно вступивъ *въ Литву съ тридцатью тысячами*, огнемъ и мечемъ опустошилъ Сигизмундовы владѣнія едва не до самаго Кракова, на голову Крымцы опустошаютъ Литву.

г. 1519. разбилъ Гетмана, Константина Острожскаго, плѣнилъ 60,000 жителей, умертвилъ еще болѣе и возвратился съ торжествомъ счастливаго разбойника, покрытый кровію и пепломъ (183). Доказавъ такимъ образомъ Королю, что мнимый союзъ варваровъ бываетъ хуже явной вражды (ибо производитъ оплошность) Магметъ-Гирей готовился доказать сію истину и Великому Князю; но еще около двухъ лѣтъ представлялъ лице нашего друга. Аппакъ выѣхалъ изъ Москвы весьма довольный милостію Государя, и новый Посолъ Россійскій, Бояринъ Ѳедоръ Клементьевъ, заступилъ въ Тавридѣ мѣсто Князя Пронскаго (184). Зная, сколь Магметъ-Гирей боится Султана, Василій отправилъ въ Царьградъ Дворянина Голохвастова съ письмомъ къ Селиму, изъявляя сожалѣніе, что онъ долго не шлетъ къ намъ втораго, обѣщаннаго имъ Посольства для заключенія союза, который могъ бы обуздывать Хана, ужасая Литву съ Польшею (185). Голохвастовъ имѣлъ еще тайное порученіе видѣться въ Константинополѣ съ Гемметомъ Царевичемъ, сыномъ убитаго въ Тавридѣ Калги Ахмата. Носился слухъ, что Султанъ мыслитъ дать ему Крымское Ханство (186); а какъ отецъ его любилъ Россію, то Великій Князь надѣялся и на дружбу сына. Голохвастовъ долженъ былъ предложить Геммету покровительство Василіево, вѣрное убѣ-

Посольство къ Султану.

жище въ Москвѣ, Удѣлъ и жалованье. Гемметъ, неприміримый врагъ своего дяди, Магметъ-Гирея, могъ и въ изгнаніи быть намъ полезенъ, имѣя связи и друзей въ Тавридѣ: тѣмъ болѣе надлежало искать въ немъ пріязни, если милость Султанская готовила для него Ханство. — Посолъ нашъ возвратился благополучно. Гемметъ не сдѣлался Ханомъ, не пріѣхалъ и въ Россію; но Селимъ, написавъ къ Василію ласковый отвѣтъ, въ доказательство истинной къ нему дружбы велѣлъ своимъ Пашамъ тревожить Королевскія владѣнія (187); подтвердилъ также условія свободной торговли между обѣими Державами (188). г. 1519.

Изумленный нападеніемъ Магметъ-Гирея, Сигизмундъ узналъ, что и присяжникъ его Албрехтъ, Магистръ Нѣмецкаго Ордена, въ слѣдствіе заключеннаго имъ договора съ Россіею готовится къ войнѣ. Долго сей искренній союзъ не имѣлъ своего дѣйствія отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ Папа, Леонъ X, убѣждалъ Магистра не только остаться въ мирѣ съ Королемъ, но и быть посредникомъ между имъ и Россіею, предлагая ему главное Воеводство въ Христіанскомъ всенародномъ ополченіи, коему надлежало собраться подъ знаменами Вѣры, чтобы смирить гордость Султана. Сей Папа, славный въ Исторіи любовію къ Искусствамъ и Наукамъ гораздо болѣе, нежели Пастырскою ревностію

Сношенія съ Магистромъ Нѣмецкимъ и съ Папою.

г. 1519. и государственнымъ благоразуміемъ, представлялъ чрезъ Магистра и Великому Князю, что Константинополь есть законное наслѣдіе Россійскаго Монарха, сына Греческой Царевны; что здравая Политика велитъ намъ примириться съ Литвою, ибо *время воюетъ* сію Державу, и Сигизмундъ не имѣетъ наслѣдниковъ; что смерть его разрушитъ связь между Литвою и Польшею, которыя безъ сомнѣнія изберутъ тогда разныхъ Владѣтелей и несогласіемъ ослабѣютъ; что все благопріятствуетъ величію Россіи, и мы станемъ на первой степени Державъ Европейскихъ, если, соединясь съ ними противъ Оттомановъ, соединимся и Вѣрою; что Церковь Греческая не имѣетъ Главы; что древняя сестра ея, Церковь Римская, возвыситъ нашего Митрополита въ санъ Патріарха, утвердитъ грамотою всѣ *добрые* наши обычаи, безъ малѣйшей перемѣны и новостей; что онъ (Папа) желаетъ украсить главу непобѣдимаго Царя Русскаго вѣнцемъ Царя Христіанскаго, безъ всякаго мірскаго возмездія или прибытка, единственно во славу Божію (189). Василій, какъ пишутъ, негодовалъ на Леона за то, что онъ торжественно праздновалъ въ Римѣ побѣду Сигизмундову въ 1514 году, объявивъ насъ еретиками (190); однакожь сей благоразумный Государь отвѣтствовалъ Магистру, что ему весьма пріятно видѣть доброе къ намъ расположеніе Папы и быть

съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ по Г. 1519.
государственнымъ дѣламъ Европы; но что касается до Вѣры, то Россія была, есть и будетъ Греческаго Исповѣданія во всей чистотѣ и неприкосновенности онаго (191). Повѣренный Леоновъ въ Краковѣ и въ Кенигсбергѣ, Монахъ Николай Шонбергъ, желалъ ѣхать и въ Москву: Великій Князь обѣщалъ принять его милостиво, и дозволилъ Папѣ имѣть через Россію сообщеніе съ Царемъ Персидскимъ (192). *Второю* виною Албрехтовой медленности былъ недостатокъ въ деньгахъ: онъ требовалъ ста тысячь гривенъ серебра отъ Великаго Князя, чтобы нанять воиновъ въ Германіи; но Великій Князь, опасаясь истощить казну свою безполезно, отвѣтствовалъ: „возьми прежде Данцигъ и „вступи въ Сигизмундову землю;“ а Магистръ говорилъ: „не могу ничего сдѣлать „безъ денегъ.“ По желанію Албрехта Василій написалъ дружественныя грамоты къ Королю Французскому и Нѣмецкимъ Избирателямъ или Курфирстамъ, убѣждая ихъ вступиться за Орденъ, утѣсняемый Польшею, и совѣтовалъ Князьямъ Германіи избрать такого Императора, который могъ бы сильною рукою защитить Христіанство отъ невѣрныхъ и ревностнѣе Максимиліана покровительствовать славное Рыцарство Нѣмецкое (193). Послы Магистровы были честимы въ Москвѣ, наши въ Кенигсбергѣ: Ал-

Г. 1519. брехтъ самъ ходилъ къ нимъ для переговоровъ, сажалъ ихъ за обѣдомъ на свое мѣсто, не хотѣлъ слушать *поклоновъ* отъ Великаго Князя, называя себя недостойнымъ такой высокой чести; приказывалъ къ нему *поклоны до земли*; училъ Нѣмцевъ языку Русскому (194); говорилъ съ умиленіемъ о благодѣяніяхъ, ожидаемыхъ имъ отъ Россіи для Ордена знаменитаго, хотя и несчастнаго въ угнетеніи; объявилъ Государю всѣхъ своихъ тайныхъ союзниковъ, и въ числѣ ихъ Короля Датскаго, Архіепископа Майнцскаго, Кельнскаго, Герцоговъ Саксонскаго, Баварскаго, Брауншвейгскаго и другихъ; увѣрялъ, что Папа Леонъ будетъ за насъ, если Сигизмундъ отвергнетъ миръ справедливый; въ порывѣ ревности даже не совѣтовалъ Василію мириться, чтобы Литва, находясь тогда въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, не имѣла времени отдохнуть (195). Великій Князь не сомнѣвался въ усердіи Магистра, но сомнѣвался въ его силахъ; наконецъ послалъ ему серебра на 14,000 червонцевъ для содержанія тысячи наемныхъ ратниковъ (196), къ удивленію Магистра Ливонскаго, Плеттенберга, который смѣялся надъ легковѣріемъ Албрехта, говоря: „я живу „въ сосѣдствѣ съ Россіянами и знаю ихъ „обычай; сулятъ много, а не даютъ ничего“ (197). Узнавъ же, что серебро привезли изъ Москвы въ Ригу, онъ вскочилъ съ мѣста, сплеснулъ руками и сказалъ: „чудо! Богъ явно

помогаетъ Великому Магистру!" Слыша, что Албрехтъ дѣйствительно вызываетъ къ себѣ 10,000 ратниковъ изъ Германіи и всѣми силами ополчается на Короля; свѣдавъ, что война уже открылась между ими (въ концѣ 1519 года), Великій Князь еще отправилъ знатную сумму денегъ въ Пруссію (198), желая Ордену счастія, славы и побѣды.

Г. 1519 Магистръ въ войнѣ съ Польшею.

Между тѣмъ Россія и сама бодро дѣйствовала оружіемъ. Московская дружина, Новогородцы и Псковитяне осаждали въ 1518 году Полоцкъ; но голодъ принудилъ ихъ отступить: не малое число Дѣтей Боярскихъ, гонимыхъ Литовскимъ Паномъ Волынцемъ, утонуло въ Двинѣ. Въ Августѣ 1519 года Воеводы наши, Князья Василій Шуйскій изъ Смоленска, Горбатый изъ Пскова, Курбскій изъ Стародуба ходили до самой Вильны и далѣе, опустошая, какъ обыкновенно, всю землю; разбили нѣсколько отрядовъ и шли прямо на большую Литовскую рать, которая стояла въ Кревѣ, но удалилась за Лоскъ, въ мѣста тѣсныя и непроходимыя (199). Россіяне удовольствовались добычею и плѣномъ, несмѣтнымъ, какъ говоритъ Лѣтописецъ. Другіе Воеводы Московскіе, Василій Годуновъ, Князь Елецкій, Засѣкинъ съ сильною Татарскою конницею приступали къ Витебску и Полоцку, выжгли предмѣстія, взяли внѣшнія укрѣпленія, убили множество людей (200). Третья рать подъ начальствомъ

Походъ нашихъ Воеводъ на Литву.

Θеодора Царевича, крещеннаго племянника Алегамова, также громила Литву [201]. Польза сихъ нападеній состояла единственно въ разореніи непріятельской земли: Магистръ совѣтовалъ намъ предпріять важнѣйшее: сперва завоевать Самогитію, открытую, беззащитную и богатую хлѣбомъ; а послѣ итти въ Мазовію, гдѣ онъ хотѣлъ соединиться съ Россійскимъ войскомъ, чтобы ударить на Короля въ сердцѣ его владѣній, въ самое то время, когда наемные Нѣмецкіе полки, идущіе къ Вислѣ, устремятся на него съ другой стороны (202).

Положеніе Сигизмундово казалось весьма бѣдственнымъ. Не только война, но и язва опустошала его Державу (203). Лучшее Королевское войско состояло изъ Нѣмцевъ и Богемскихъ Славянъ: они, послѣ неудачнаго приступа къ Опочкѣ, съ досадою ушли во свояси и говорили столь обидныя для Сигизмунда рѣчи, что единоземцы ихъ уже не хотѣли служить ему (204). Лавры славнаго Гетмана, Константина, увяли. Города Литовскіе стояли среди усѣянныхъ пепломъ степей, гдѣ скитались толпами бѣдные жители деревень, сожженныхъ Крымцами или Россіянами. Но счастіе вторично спасло Сигизмунда (205). Онъ не терялъ бодрости; искалъ мира, не отказываясь отъ прежнихъ требованій, и заключилъ въ Москвѣ, чрезъ
г. 1520. Пана Лелюшевича, только перемиріе на

шесть мѣсяцевъ (206): дѣйствовалъ въ Тавридѣ убѣжденіями и подкупомъ; укрѣплялъ границу противъ насъ, и всѣми силами наступилъ на Магистра, слабѣйшаго, однакожь весьма опаснаго врага, который имѣлъ тайныя связи въ Нѣмецкихъ городахъ Польши, зналъ ея способы, важныя мѣстныя обстоятельства, и могъ давать гибельные для нее совѣты Великому Князю. Албрехтъ предводительствовалъ не тысячами, а сотнями, ожидая серебра изъ Москвы и воиновъ изъ Германіи; сражаясь мужественно, уступалъ многочисленности непріятелей и едва защитилъ Кенигсбергъ, откуда Посолъ нашъ долженъ былъ для безопасности выѣхать въ Мемель (207). Наемники Ордена, 13,000 Нѣмцевъ, дѣйствительно явились на берегахъ Вислы, осадили Данцигъ, но разсѣялись, не имѣя съѣстныхъ запасовъ, ни вѣстей отъ Магистра. Воеводы Королевскіе взяли Маріенвердеръ, Голландъ, и заставили Албрехта просить мира (208).

г. 1520

Слабость Нѣмецкаго Ордена.

Но главнымъ Сигизмундовымъ счастіемъ была измѣна Казанская съ ея зловредными для насъ послѣдствіями. Если Ханъ Крымскій, свѣдавъ о воцареніи Шигъ-Алея, не вдругъ съ огнемъ и мечемъ устремился на Россію: то сіе происходило отъ боязни досадить Султану, коего отмѣнная благосклонность къ Великому Князю была ему извѣстна. Селимъ, гроза Азіи, Африки и Ев-

Злоба Магметъ-Гирея на Василія.

Г. 1521. Посольство къ Султану.

роны, умеръ: немедленно отправился въ Константинополь Посолъ Московскій, Третьякъ Губинъ, привѣтствовать его сына, Героя Солимана, на тронѣ Оттоманскомъ (209), и новый Султанъ велѣлъ объявить Магметъ-Гирею, чтобы онъ никогда не смѣлъ безпокоить Россіи (210). Тщетно Ханъ старался уничтожить сію дружбу, основанную на взаимныхъ выгодахъ торговли, и внушалъ Солиману, что Великій Князь ссылается съ злодѣями Порты, даетъ Царю Персидскому огнестрѣльный снарядъ и пушечныхъ художниковъ, искореняетъ Вѣру Магометанскую въ Казани, разоряетъ мечети, ставитъ церкви Христіанскія (211). Мы имѣли усердныхъ доброжелателей въ Пашахъ Азовскомъ и Кафинскомъ: утверждаемый ими въ пріязни къ намъ, Султанъ не вѣрилъ клеветамъ Магметъ-Гирея, который языкомъ разбойника сказалъ ему наконецъ: „чѣмъ же буду „сытъ и одѣтъ, если запретишь мнѣ во„евать Московскаго Князя“ (212)? Готовясь покорить Венгрію, Солиманъ желалъ, чтобы Крымцы опустошали земли ея союзника, Сигизмунда; но Ханъ уже возобновилъ дружбу съ Литвою. Еще называясь *братомъ* Магметъ-Гиреевымъ, Великій Князь вдругъ услышалъ о бунтѣ Казанцевъ (213). Года три Шигъ-Алей царствовалъ спокойно и тихо, ревностно исполняя обязанность нашего присяжника, угождая во всемъ Великому

Бунтъ въ Казани.

Князю, оказывая совершенную довѣренность Г. 1521. къ Россіянамъ и холодность къ Вельможамъ Казанскимъ: слѣдственно не могъ быть любимъ подданными, которые только боялись, а не любили насъ, и съ неудовольствіемъ видѣли въ немъ слугу Московскаго. Самая наружность Алеева казалась имъ противною, изображая склонность къ низкимъ, чувственнымъ наслажденіямъ, несогласнымъ съ доблестію и мужествомъ: онъ имѣлъ необыкновенно толстое, отвислое брюхо, едва замѣтную бороду и лице женское (214). Его добродушіе называли слабостію: тѣмъ болѣе жаловались, когда онъ, подвигнутый усердіемъ къ Россіи, наказывалъ злыхъ совѣтниковъ, предлагавшихъ ему отступить отъ Великаго Князя по примѣру Магметъ-Аминя (215. Такое общее расположеніе умовъ въ Казани благопріятствовало проискамъ Магметъ-Гирея, который обѣщалъ ея Князьямъ полную независимость, если они возьмутъ къ себѣ въ Цари брата его Саипа и соединятся съ Тавридою для возстановленія древней славы Чингисова потомства. Успѣхъ сихъ тайныхъ сношеній открылся весною въ 1521 году: Саипъ-Гирей съ полками явился предъ стѣнами Казанскими, безъ сопротивленія вступилъ въ городъ и былъ признанъ Царемъ: Алея, Воеводу Московскаго Карпова и Посла Великокняжескаго, Василія Юрьева, взяли подъ стражу, всѣхъ

Г. 1521. нашихъ купцевъ ограбили, заключили въ темницы, однакожь не умертвили ни одного человѣка: ибо новый Царь хотѣлъ показать умѣренность; объявилъ себя покровителемъ сверженнаго Шигъ-Алея, уважая въ немъ кровь Тохтамышеву; далъ ему волю ѣхать съ своею женою въ Москву, коней и проводника; освободилъ и Воеводу Карпова (216). Немедленно оставивъ Казань, Алей встрѣтился въ степяхъ съ нашими рыболовами, которые лѣтомъ обыкновенно жили на берегахъ Волги, у Дѣвичьихъ горъ (217), и тогда бѣжали въ Россію, испуганные возмущеніемъ Казанцевъ: онъ вмѣстѣ съ ними питался запасомъ сушеной рыбы, травою, кореньями; терпѣлъ голодъ, и едва могъ достигнуть Россійскихъ предѣловъ, откуда путешествіе его до столицы было уже какъ бы торжественнымъ: вездѣ чиновники Великокняжескіе ждали Царя-изгнанника съ привѣтствіями и съ брашномъ, а народъ съ изъявленіемъ усердія и любви. Всѣ Думные Бояре выѣхали къ нему изъ Москвы на встрѣчу. Самъ Государь на десницѣ дворца обнялся съ нимъ дружески. Оба плакали. „Хвала Всевышнему!" сказалъ Василій: „ты живъ: сего довольно" (218). Онъ благодарилъ Алея именемъ отечества за вѣрность; утѣшалъ, осыпалъ дарами; обѣщалъ ему и себѣ управу: но еще не успѣлъ предпріять мести, когда туча варваровъ нашла на Россію.

Г. 1521.

Нападеніе Магметъ-Гирея и Казанцевъ на Россію.

Исхитивъ Казань изъ нашихъ рукъ, Магметъ-Гирей не терялъ времени въ бездѣйствіи: хотѣлъ укрѣпить ее за своимъ братомъ и для того сильнымъ ударомъ потрясти Василіеву Державу; вооружилъ не только всѣхъ Крымцевъ, но поднялъ и Ногаевъ; соединился съ Атаманомъ Козаковъ Литовскихъ, Евстафіемъ Дашковичемъ, и двинулся такъ скоро къ Московскимъ предѣламъ, что Государь едва успѣлъ выслать рать на берега Оки, дабы удержать его стремленіе. Главнымъ Воеводою былъ юный Князь Димитрій Бѣльскій; съ нимъ находился и меньшій братъ Государевъ, Андрей: они въ безразсудной надменности не совѣтовались съ мужами опытными, или не слушались ихъ совѣтовъ; стали не тамъ, гдѣ надлежало; перепустили Хана чрезъ Оку, сразились не во-время, безъ устройства, и малодушно бѣжали. Воеводы Князь Владиміръ Курбскій, Шереметевъ, двое Замятниныхъ, положили свои головы въ несчастной битвѣ. Князя Ѳеодора Оболенскаго-Лопату взяли въ плѣнъ. Великій Князь ужаснулся, и еще гораздо болѣе, свѣдавъ, что другой непріятель, Саипъ-Гирей Казанскій, отъ береговъ Волги также идетъ къ нашей столицѣ (219). Сіи два Царя соединились подъ Коломною, опустошая всѣ мѣста, убивая, плѣняя людей тысячами, оскверняя святыню храмовъ, злодѣйствуя, какъ бывало въ старину при Батыѣ

Г. 1521. или Тохтамышѣ. Татары сожгли монастырь Св. Николая на Угрѣшѣ и любимое село Василіево, Островъ, а въ Воробьевѣ пили медъ изъ Великокняжескихъ погребовъ, смотря на Москву. Государь удалился въ Волокъ собирать полки, ввѣривъ оборону столицы зятю, Царевичу Петру, и Боярамъ (220). Все трепетало. Ханъ 29 Іюля, среди облаковъ дыма, подъ заревомъ пылающихъ деревень, стоялъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, куда стекались жители окрестностей съ ихъ семействами и драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ. Улицы заперлись обозами. Пришельцы и граждане, жены, дѣти, старцы, искали спасенія въ Кремлѣ, тѣснились въ воротахъ, давили другъ друга. Митрополитъ Варлаамъ (преемникъ Симоновъ) усердно молился съ народомъ: Градоначальники распорядили защиту, всего болѣе надѣясь на искусство Нѣмецкаго пушкаря, Никласа. Снарядъ огнестрѣльный могъ дѣйствительно спасти крѣпость; но былъ недостатокъ въ порохѣ. Открылось и другое бѣдствіе: ужасная тѣснота въ Кремлѣ грозила неминуемою заразою. Предвидя худыя слѣдствія, слабые начальники вздумали — такъ повѣствуетъ одинъ чужеземный, современный Историкъ (221) обезоружить Хана Магметъ-Гирея богатыми дарами: отправили къ нему Посольство и бочки съ крѣпкимъ медомъ. Опасаясь и нашего войска и непри-

ступныхъ для него Московскихъ укрѣпленій, г. 1521.
Ханъ согласился не тревожить столицы и мирно итти во-свояси, если Великій Князь, по уставу древнихъ временъ, обяжется грамотою платить ему дань. Едва ли самъ варваръ Магметъ-Гирей считалъ такое обязательство дѣйствительнымъ: вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ единственно унизить Василія и засвидѣтельствовать свою побѣду столь обиднымъ для Россіи договоромъ. Вѣроятно и то, что Бояре Московскіе не дерзнули бы дать сей грамоты безъ вѣдома Государева: Василій же, какъ видно, боялся временнаго стыда менѣе, нежели бѣдствія Москвы, и предпочелъ ея мирное избавленіе славнымъ опасностямъ кровопролитной, не вѣрной битвы. Написали хартію, скрѣпили Великокняжескою печатью, вручили Хану, который немедленно отступилъ къ Рязани, гдѣ станъ его имѣлъ видъ Азіатскаго торжища: разбойники сдѣлались купцами, звали къ себѣ жителей, увѣряли ихъ въ безопасности, продавали имъ свою добычу и плѣнниковъ, изъ коихъ многіе даже безъ выкупа уходили въ городъ. Сіе было хитростію. Атаманъ Литовскій, Евстафій Дашковичь, совѣтовалъ Магметъ-Гирею обманомъ взять крѣпость: къ счастію, въ ней бодрствовалъ Окольничій, Хабаръ Симскій, сынъ Іоаннова Воеводы, Василія Образца, мужъ опытный, благоразумный, спаситель Нижняго Нова-

Г. 1521.

Хабаръ Симскій спасаетъ Рязань и честь Великаго Князя.

города (222). Ханъ, желая усыпить его, послалъ къ нему Московскую грамоту, въ удостовѣреніе, что война кончилась, и что Великій Князь призналъ себя данникомъ Крыма; а между тѣмъ непріятельскія толпы шли къ крѣпости, будто бы для опысканія своихъ бѣглецовъ. Симскій, исполняя уставъ чести, выдалъ имъ всѣхъ плѣнниковъ, укрывавшихся въ городѣ, и заплатилъ 100 рублей за освобожденіе Князя Ѳеодора Оболенскаго; но число Литовцевъ и Татаръ непрестанно умножалось подъ стѣнами, до самаго того времени, какъ Рязанскій искусный пушкарь, Нѣмецъ Іорданъ, однимъ выстрѣломъ положилъ ихъ множество на мѣстѣ: остальные въ ужасѣ разсѣялись. Коварный Ханъ притворился изумленнымъ: жаловался на сіе непріятельское дѣйствіе; требовалъ головы Іордановой, стращалъ местію, но спѣшилъ удалиться, ибо свѣдалъ о впаденіи Астраханцевъ въ его собственные предѣлы (223). Торжество Симскаго было совершенно: онъ спасъ не только Рязань, но и честь Великокняжескую: постыдная хартія Московская осталась въ его рукахъ. Ему дали послѣ санъ Боярина, и — что еще важнѣе — внесли описаніе столь знаменитой услуги въ Книги Розрядныя и въ Родословныя на память вѣкамъ (224).

Сіе нашествіе варваровъ было самымъ несчастнѣйшимъ случаемъ Василіева государ-

ствованія. Предавъ огню селенія, отъ Нижняго Новагорода и Воронежа до береговъ Москвы-рѣки, они плѣнили несмѣтное число жителей (225), многихъ знатныхъ женъ и дѣвицъ, бросая грудныхъ младенцевъ на землю; продавали невольниковъ толпами въ Кафѣ, въ Астрахани; слабыхъ, престарѣлыхъ морили голодомъ: дѣти Крымцевъ учились надъ ними искусству язвить, убивать людей. Одна Москва славила свое, по мнѣнію народа, сверхъ-естественное спасеніе: разсказывали о явленіяхъ и чудесахъ (226); уставили особенный крестный ходъ въ монастырь Срѣтенія, гдѣ мы нынѣ три раза въ годъ благодаримъ Небо за избавленіе сей древней столицы отъ Тамерланова, Ахматова и Магметъ-Гиреева нападенія (227). Великій Князь, возвратясь, изъявилъ признательность Нѣмецкимъ чиновникамъ огнестрѣльнаго снаряда, Никласу и Іордану (228); но велѣлъ судить Воеводъ, которые пустили Хана въ сердце Россіи. Всѣ упрекали Бѣльскаго безразсудностію и малодушіемъ; а Бѣльскій слагалъ вину на брата Государева, Андрея, который, первый показавъ тылъ непріятелю, увлекъ другихъ за собою. Василій, щадя брата, наказалъ только одного Воеводу, Князя Ивана Воротынскаго, мужа весьма опытнаго въ ратномъ дѣлѣ и дотолѣ всегда храбраго. Вина его, кажется, состояла въ томъ, что онъ, будучи оскорбленъ надменностію Бѣльскаго, съ тайнымъ удоволь-

Г. 1521.

Судъ Воеводъ.

ствіемъ видѣлъ ошибки сего юнаго Полководца, жертвовалъ самолюбію отечествомъ и не сдѣлалъ всего возможнаго для блага Россіи: преступленіе важное и тѣмъ менѣе извинительное, чѣмъ труднѣе уличить виновнаго! Лишенный своего помѣстья и сана, Князь Воротынскій долгое время сидѣлъ въ заключеніи: былъ послѣ освобожденъ, ѣздилъ ко Двору, но не могъ выѣхать изъ столицы (229).

Скоро пришло въ Москву извѣстіе о новомъ грозномъ для насъ замыслѣ Хана: онъ велѣлъ объявить на трехъ торгахъ, въ Перекопи, въ Крымѣ, въ Кафѣ и въ другихъ мѣстахъ, чтобы его Уланы, Мурзы, воины не слагали съ себя оружія, не разсѣдлывали коней и готовились вторично итти на Россію (230). Татары не любили воевать въ зимнее время, безъ подножнаго корма: весною полки наши заняли берега Оки, куда прибылъ и самъ Великій Князь. Никогда Россія не имѣла лучшей конницы и столь многочисленной пѣхоты. Главный станъ, близъ Коломны, уподоблялся обширной крѣпости, подъ защитою огнестрѣльнаго снаряда, котораго мы прежде не употребляли въ полѣ (231). Сказываютъ, что Государь, любуясь прекраснымъ войскомъ и станомъ, послалъ вѣстника къ Магметъ-Гирею съ такими словами: „Вѣроломно нарушивъ миръ и союзъ, „ты въ видѣ разбойника, душегубца, зажи„гальщика, напалъ нечаянно на мою землю.

Г. 1522. Станъ подъ Коломною.

„Имѣешь ли бодрость воинскую? иди теперь: „предлагаю тебѣ честную битву въ полѣ.“ Ханъ отвѣтствовалъ, что ему извѣстны пути въ Россію и время удобное для войны; что онъ не спрашиваетъ у непріятелей, гдѣ и когда сражаться (232). Лѣто проходило: Магметъ-Гирей не являлся. Въ Августѣ Государь возвратился въ Москву, гдѣ Солимановъ Посолъ, Князь Мангупскій, Скиндеръ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ его, пріѣхавъ изъ Константинополя вмѣстѣ съ Третьякомъ-Губинымъ (233). Г. 1522. Посолъ Солимановъ.

Послу оказали великую честь: Государь всталъ съ мѣста, чтобы спросить у него о здравіи Султана; далъ ему руку и велѣлъ сѣсть *подлѣ себя* (234). Не льзя было писать ласковѣе, какъ Солиманъ писалъ къ Василію, своему *вѣрному пріятелю* и *доброму сосѣду*, увѣряя, что желаетъ быть съ нимъ *въ крѣпкой дружбѣ* и *въ братствѣ*; но Скиндеръ говорилъ единственно о дѣлахъ торговыхъ, и купивъ нѣсколько драгоцѣнныхъ мѣховъ, уѣхалъ (235). — Не теряя надежды пріобрѣсти дѣятельный союзъ Оттоманской Имперіи, Василій еще посылалъ въ Константинополь ближняго Дворянина, Ивана Морозова, съ дружественными грамотами; однакожь не велѣлъ ему объявлять условій, на коихъ мы желали заключить письменный договоръ съ Портою: ибо Великому Князю, по обыкновенной гордости новаго Россійскаго Двора, хо-

Г. 1522. тѣлось, чтобы Султанъ прислалъ для того собственнаго Вельможу въ Москву (236). Сей опытъ былъ послѣднимъ съ нашей стороны: Солиманъ довольствовался учтивостями, не думая, кажется, чтобы Россія могла искренно содѣйствовать Оттоманамъ въ покореніи Христіанскихъ Державъ, и еще менѣе думая быть орудіемъ нашей особенной Политики; стѣсняя Венгрію, завоевавъ Родосъ, готовясь устремиться на Мальту, онъ требовалъ отъ насъ мира, товаровъ, и ничего болѣе.

Если бы Сигизмундъ въ одно время съ Магметъ-Гиреемъ и съ Казанскимъ Царемъ напалъ на Россію, то Великій Князь увидѣлъ бы себя въ крайности, и поздно бы узналъ, сколь судьба Государствъ бываетъ непостоянна, вопреки хитрымъ соображеніямъ ума человѣческаго. Но, къ счастію нашему, Король не имѣлъ сильнаго войска, боялся ужаснаго Солимана, зналъ вѣроломство Хана Крымскаго, и радуясь претерпѣнному нами отъ него бѣдствію, надѣялся только, что оно склонитъ Василія къ миролюбію. Государь въ самомъ дѣлѣ желалъ прекратить войну съ Литвою для скорѣйшаго обузданія Тавриды и Казани. Пользуясь обстоятельствами, Сигизмундъ хотѣлъ договариваться о мирѣ не въ Москвѣ, какъ обыкновенно бывало, а въ Вильнѣ или въ Краковѣ: Великій Князь отвергнулъ сіе предложеніе, и знатный Королевскій чиновникъ, Петръ Стани-

славовичь, съ Секретаремъ Иваномъ Горностаемъ пріѣхали въ Москву, когда еще Воеводы наши стояли у Коломны, готовые итти на Татаръ или на Литву (237). Не могли согласиться въ условіяхъ вѣчнаго мира: долго спорили о перемиріи; наконецъ заключили его на пять лѣтъ отъ 25 Декабря 1522 года. Смоленскъ остался нашимъ; границею служили Днѣпръ, Ивака и Меря (238). Уставили вольность торговли; поручили Намѣстникамъ Украинскимъ рѣшить тяжбы между жителями обоихъ Государствъ: но плѣнникамъ не дали свободы, къ прискорбію Василія, который долженъ былъ отказаться отъ сего требованія. Окольничій Морозовъ и Дворецкій Бутурлинъ ѣздили въ Краковъ съ перемирною грамотою. Литовскій Историкъ съ удивленіемъ говоритъ о пышности сихъ Вельможъ, сказывая, что подъ ними было пять сотъ коней (239). Два раза Сигизмундъ звалъ ихъ обѣдать, и два раза они уходили изъ дворца, чтобы не сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ Папскими, Цесарскими и Венгерскими Повѣренными въ дѣлахъ: ибо сіе казалось для нихъ несовмѣстнымъ съ честію Великокняжескаго Посольства. Король утвердилъ грамоту присягою, облегчивъ судьбу нашихъ плѣнниковъ.

г. 1522. Посольство Литовское и перемиріе.

Такъ кончилась сія десятилѣтняя война Литовская, славная для Сигизмунда громкою побѣдою Оршинскою, а для насъ полезная

г. 1522. важнымъ пріобрѣтеніемъ Смоленска, для обоихъ же Государствъ равно опустошительная, если отнесемъ къ ней гибельное нашествіе Магметъ-Гиреево. Достопамятнымъ слѣдствіемъ ея было уничтоженіе Нѣмецкаго Ордена, къ прискорбію Василія, который лишился въ немъ хотя и слабаго, но ревностнаго союзника. Уступивъ силѣ, жалуясь на скупость Великаго Князя, можетъ быть невольную по нашимъ умѣреннымъ доходамъ, и на худое усердіе своего народа, Магистръ искалъ мира и пожертвовалъ ему бытіемъ Рыцарства, славнаго въ лѣтописяхъ. Сигизмундъ призналъ Албрехта наслѣдственнымъ Владѣтелемъ Орденскихъ городовъ, съ условіемъ, чтобы они вѣчно зависѣли отъ Государей Польскихъ, и далъ Пруссіи гербъ Чернаго Орла, съ изображеніемъ буквы S, начальной Сигизмундова имени (240). Хотя съ перемѣною обстоятельствъ сіе знаменитое Палестинское братство отжило вѣкъ свой и казалось уже несоотвѣтственнымъ новому государственному порядку въ Европѣ; однакожь гибель учрежденія столь памятнаго своею великодушною цѣлію, законами суровой добродѣтели и геройствомъ первыхъ основателей, произвела всеобщее сожалѣніе. — Орденъ Ливонскій, бывъ около трехъ вѣковъ сопряженъ съ Нѣмецкимъ, остался въ печальномъ уединеніи, среди грозныхъ опасностей и между двумя сильными Державами,

Конецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи.

Россіею и Польшею, въ ненадежной, но въ полной свободѣ, какъ старецъ при дверяхъ гроба. Ливонскіе Рыцари давали Великому Магистру Нѣмецкому деньги и людей для войны: за что онъ торжественно объявилъ ихъ независимыми навѣки (241). Судьба также готовила имъ конецъ; но Плеттенбергъ еще жилъ, и какъ бы въ награду за свое великодушіе долженствовалъ спокойно умереть Главою свободнаго братства. Въ 1521 году онъ возобновилъ мирный договоръ съ Россіею на десять лѣтъ (242).

Г. 1522.

Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ.

ГЛАВА III.

Продолженіе государствованія Василіева.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Заключеніе К. Шемякина Ханъ Крымскій взялъ Астрахань. Злодѣйства въ Казани. Бѣдствіе Крыма. Ханъ Сайдетъ-Гирей. Походы на Казань. Постриженіе Великой Княгини. Новый бракъ Великаго Князя. Сношенія съ Римомъ, съ Императоромъ Карломъ V. Перемиріе съ Литвою. Дружество съ Густавомъ Вазою. Посольства Солимановы. Набѣгъ Крымцевъ. Рать на Казань. Новый Царь въ Казани. Заточеніе Шигъ-Алея. Рожденіе Царя Іоанна Василіевича. Посольства Астраханскія, Молдавскія, Ногайское, Индѣйское. Набѣгъ Крымцевъ. Болѣзнь и кончина Великаго Князя. Характеръ Василіевъ. Строгость и милость. Дѣло Максима Грека. Жалобы на Великаго Князя. Образъ жизни Ва-

силія, охота, Дворъ, обѣды, титулъ. Иноземцы въ Москвѣ. Законы. Строенія. Церковныя дѣянія. Разныя бѣдствія Великіе современники Василіевы. Расколъ Лютеровъ.

Г. 1521 — 1534.

Г. 1517 — 1523. Распространивъ Литовскою войною предѣлы Государства, Василій въ то же время довершилъ великое дѣло Единовластія внутри онаго. Еще Рязань была особеннымъ Княженіемъ, хотя треть городовъ ея, часть умершаго Князя Ѳеодора, принадлежала къ Московскому и Василій уже именовался *Рязанскимъ* (243). Еще Князья Сѣверскій и Стародубскій или Черниговскій, называясь слугами Государя Россійскаго, имѣли права Владѣтелей. Василій, исполнитель Іоанновыхъ намѣреній, ждалъ только справедливаго повода къ необходимому уничтоженію сихъ остатковъ Удѣльной Системы.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Вдова, Княгиня Агриппина, нѣсколько лѣтъ господствовала въ Рязани именемъ своего малолѣтнаго сына, Іоанна (244): Василій оставлялъ въ покоѣ слабую жену и младенца, ибо первая во всемъ повиновалась ему какъ верховному Государю; но сынъ ея, достигнувъ юношескаго возраста, захотѣлъ вдругъ свергнуть съ себя опеку и матери и Великаго Князя Московскаго: то есть, властвовать независимо, какъ его предки, старѣйшіе въ родѣ Ярослава I (245). Пишутъ,

что онъ торжественно объявилъ сіе Василію, вступилъ въ тѣсную связь съ Ханомъ Крымскимъ и мыслилъ жениться на дочери Магметъ-Гиреевой (246). Государь велѣлъ ему быть къ себѣ въ Москву: Князь Іоаннъ долго не ѣхалъ; наконецъ, обманутый совѣтомъ знатнѣйшаго Боярина своего, Симеона Крубина, явился предъ Василіемъ, который, уличивъ его въ неблагодарности, въ измѣнѣ, въ дружбѣ съ злодѣями Россіи, отдалъ подъ стражу, взялъ всю Рязань, а вдовствующую Княгиню Агриппину сослалъ въ монастырь. Сіе случилось въ 1517 году (247). Когда Магметъ-Гирей шелъ къ Москвѣ, Князь Іоаннъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, бѣжалъ оттуда въ Литву, гдѣ и кончилъ жизнь въ неизвѣстности (248). — Такимъ образомъ, около четырехъ столѣтій бывъ отдѣльнымъ, независимымъ Княженіемъ (249), Рязань въ слѣдъ за Муромомъ и за Черниговымъ присоединилась къ сѣвернымъ владѣніямъ Мономахова потомства, которыя составили Россійское Единодержавіе. Она считалась тогда лучшею и богатѣйшею изъ всѣхъ областей Государства Московскаго, будучи путемъ нашей важной торговли съ Азовомъ и Кафою, изобилуя медомъ, птицами, звѣрями, рыбою, особенно хлѣбомъ, такъ, что нивы ея, по выраженію Писателей XVI вѣка, казались густымъ лѣсомъ. Жители славились воинскимъ духомъ; ихъ упрекали высокоумі- г. 1517. — 1523.

Г. 1517 — 1523. емъ и суровостію. Чтобы мирно господствовать надъ ними, Великій Князь многихъ перевелъ въ другія области (250).

Князь Василій Шемякинъ Сѣверскій отличался доблестію воинскою, былъ ужасомъ Крыма, ненавистникомъ Литвы и вѣрнымъ стражемъ южной Россіи: за что Великій Князь оказывалъ ему милость и далъ городъ Путивль (251); но опасался и не любилъ его, во первыхъ помня ужасный характеръ дѣда Василіева, Димитрія, а во вторыхъ зная безпокойный духъ внука, смѣлаго, надменнаго своими достоинствами: для того неусыпно наблюдалъ за нимъ и съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ непримиримую, взаимную злобу Князей Сѣверскихъ, Шемякина и Василія Симеоновича Стародубскаго, женатаго на своячинѣ Государевой. Послѣдній доносилъ, что первый ссылается съ Королемъ Сигизмундомъ и мыслитъ измѣнить Россіи; а Шемякинъ требовалъ суда и писалъ къ Великому Князю: „Прикажи мнѣ, „*холопу* твоему, быть въ Москвѣ, да оправ„даюсь изустно, и да умолкнетъ навѣки кле„ветникъ мой. Еще отецъ его, Симеонъ, „злословилъ меня: сынъ хвалится безстыд„ствомъ и говоритъ: *уморю Шемякина, или* „*самъ заслужу гнѣвъ Государевъ.* Изслѣдуй „дѣло: если я виновенъ, то голова моя предъ „Богомъ и предъ тобою“ (252). Въ Августѣ 1517 года онъ пріѣхалъ въ Москву; на дру-

Заключеніе К. Шемякина.

гой день, въ праздникъ Успенія, обѣдалъ съ Государемъ у Митрополита, совершенно оправдался и хотѣлъ, чтобы ему выдали лживыхъ доносителей. Ихъ было двое: одинъ слуга Князя Пронскаго, другой Стародубскаго, которые будто бы въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и въ Литвѣ узнали о мнимой измѣнѣ Шемякина. Государь велѣлъ выдать перваго доносителя: втораго же объявилъ невиннымъ. Шемякинъ съ честію и съ новымъ жалованьемъ возвратился въ область Сѣверскую, гдѣ властвовалъ спокойно еще пять лѣтъ, переживъ своего злодѣя, Стародубскаго (253). Но въ 1523 году возобновились подозрѣнія: письменно обнадеженный Государемъ и Митрополитомъ въ личной безопасности, Шемякинъ вторично явился на судъ въ столицу, былъ обласканъ, а чрезъ нѣсколько дней заключенъ въ темницу, какъ уличенный въ тайной связи и перепискѣ съ Литвою. Сомнѣвались въ истинѣ сего обвиненія; разсказывали, что одинъ умный шутъ въ Москвѣ ходилъ тогда изъ улицы въ улицу съ метлою и кричалъ: *время очистить Государство отъ послѣдняго сора*, то есть, избавить оное отъ послѣдняго Князя Удѣльнаго (254). Народъ смѣялся, разгадывая остроумную притчу. Другіе осуждали Государя и въ особенности Митрополита, который обманулъ Шемякина своимъ ручательствомъ (255). Не за-долго до сего времени Варлаамъ,

Г. 1517 — 1523.

г. 1517 — 1523. благочестивый, твердый и не льстецъ Великому Князю ни въ какихъ случаяхъ противныхъ совѣсти, долженъ былъ оставить Митрополію: на мѣсто его избрали Даніила, Игумена Іосифовскаго, молодаго, тритцатилѣтняго человѣка, свѣжаго, румянаго лицемъ, тучнаго тѣломъ и тонкаго умомъ (256). Думая о политическихъ выгодахъ болѣе, нежели о Христіанскихъ добродѣтеляхъ, Даніилъ оправдывалъ заключеніе Шемякина и говорилъ, что Богъ избавилъ Великаго Князя отъ внутренняго, домашняго врага (257). Не такъ мыслилъ Игуменъ Троицкій, Порфирій, мужъ воспитанный въ пустынѣ и въ простыхъ обычаяхъ: онъ торжественно и смѣло ходатайствовалъ за *гонимаго* Князя, беззаконно отягченнаго цѣпями; прогнѣвалъ Государя, и сложивъ съ себя одежду Игуменскую, удалился въ лѣсную пустыню на Бѣлоозеро (258). — Шемякинъ умеръ въ темницѣ. Отъ супруги его, привезенной въ Москву, отлучили всѣхъ Боярынь, которыя составляли ея пышный Дворъ (259). — Симъ навсегда пресѣклись Удѣлы въ Россіи, хотя не безъ насилія, не безъ личныхъ жертвъ и несправедливостей, но безъ народнаго кровопролитія. Въ самыхъ благихъ, общеполезныхъ дѣяніяхъ государственныхъ видимъ примѣсь страстей человѣческихъ, какъ бы для того, чтобы Исторія не представляла намъ идоловъ, будучи Исторіею людей или несовершенства.

Обратимся къ дѣламъ внѣшнимъ. Вмѣсто того, чтобы наказать Магметъ-Гирея за опустошеніе Россіи, Великій Князь желалъ какъ можно скорѣе съ нимъ примириться. Походъ на Тавриду казался опаснымъ и безполезнымъ: даль, степи, пустыни изнурили бы войско, и самый счастливый успѣхъ доставилъ бы намъ только скудную добычу: въ слѣдующее лѣто Крымцы могли бы снова явиться въ нашихъ предѣлахъ. Политика Великокняжеская ограничивалась Литвою: тамъ видѣли мы прочныя, естественныя, языкомъ и Вѣрою утверждаемыя пріобрѣтенія, нужныя для могущества Россіи; все другое относилось единственно къ сей цѣли. Посолъ Василіевъ, Наумовъ, еще оставался въ Тавридѣ и предлагалъ Хану миръ; а Магметъ - Гирей, готовя месть Астрахани, также хотѣлъ возобновить дружбу съ нами и прислалъ своихъ Пословъ въ Москву: самъ же выступилъ со многочисленнымъ войскомъ къ устью Волги. Г. 1517 — 1523.

Въ Астрахани господствовалъ тогда Усеинъ, сынъ умершаго Царя Чепибека (260): онъ искалъ покровительства Россіи, но не успѣлъ защитить себя отъ нашествія Магметъ-Гирея, который вмѣстѣ съ Ногайскимъ Княземъ Мамаемъ осадилъ Астрахань, изгналъ Усеина, и завоевавъ сей важный торговый городъ, исполнилъ такимъ образомъ свое давнишнее властолюбивое намѣ- Ханъ Крымскій взялъ Астрахань.

реніе совокупить три Батыевы Царства — Казань, Астрахань и Тавриду — въ единую Державу, которая могла бы и далѣе расшириться на Востокъ покореніемъ Ногаевъ, Шибанскихъ или Тюменскихъ и Хивинскихъ Моголовъ, примкнуть отъ моря Каспійскаго къ Персіи, къ Сибири, и новыми тучами варваровъ угрожать образованному Западу. Василій предвидѣлъ сію опасность: для того, стараясь удержать Казань въ зависимости отъ Россіи, не хотѣлъ помогать Магметъ-Гирею на Астрахань, и договариваясь съ нимъ о мирѣ, заключилъ тѣсный союзъ съ ея Царемъ, коего Послы свѣдали въ Москвѣ о бѣдствіи ихъ отечества. Но безпокойство Великаго Князя было непродолжительно: варваръ можетъ имѣть властолюбіе, смѣлость и счастіе; только не умѣетъ пользоваться успѣхами: легко пріобрѣтая, легко и теряетъ. Магметъ-Гиреево величіе исчезло какъ сновидѣніе.

Г. 1523. Злодѣйства въ Казани.

Услышавъ о завоеваніи Астрахани, Саипъ-Гирей, Царь Казанскій, вздумалъ праздновать оное кровопролитіемъ: уже не боясь Россіи, и въ безумной гордости считая всякую дальнѣйшую умѣренность малодушіемъ, онъ велѣлъ умертвить всѣхъ Московскихъ купцевъ и Посла Государева, Василья Юрьева [261]. Вѣсть о семъ ужасномъ злодѣйствѣ достигла Москвы въ одно время съ другою, весьма для насъ благопріятною: о внезапной гибели

Магметъ-Гирея и бѣдствіяхъ Тавриды. Между тѣмъ, какъ онъ, торжествуя побѣду, веселился и пировалъ въ богатой Астрахани, сподвижникъ его, Князь Ногайскій, Мамай, готовилъ ему сѣть, по внушеніямъ брата своего Агиша. „Что ты дѣлаешь?“ говорилъ Агишъ: „служишь орудіемъ сильному, властолюбивому сосѣду, который мыслитъ поработить всѣхъ насъ, одного за другимъ. Опомнись, или будетъ поздно.“ Мамай согласился съ братомъ, условился въ мѣрахъ, и началъ доказывать Хану, что ихъ войско слабѣетъ духомъ и тѣломъ въ городѣ; что надобно стоять въ полѣ, гдѣ Татаринъ дышетъ свободно и пылаетъ мужествомъ. Магметъ-Гирей, принявъ совѣтъ, вышелъ изъ города; но въ станѣ велъ роскошную, безпечную жизнь, не воображая никакихъ опасностей: воины ходили безъ оружія. Вдругъ Агишъ и Мамай съ толпами Ногайскими окружаютъ Царскій шатеръ, въ коемъ Магметъ-Гирей спокойно обѣдалъ съ юнымъ сыномъ Богатырь-Солтаномъ: убиваютъ ихъ и многихъ Вельможъ; нападаютъ на станъ, рѣжутъ изумленныхъ Крымцевъ, гонятъ бѣгущихъ, топятъ въ Дону (262). Только двое изъ сыновей Ханскихъ, Казы-Гирей и Бибей, съ пятидесятью Князьями прибѣжали въ Тавриду: въ слѣдъ за ними ринулись и Ногаи въ ея беззащитные Улусы, захватили стада, выжгли селенія, пла-

Г. 1523. Бѣдствія Крыма.

г. 1523. вали въ крови женъ и младенцевъ, которые укрывались въ лѣсахъ или въ ущелинахъ горъ. Вельможи Крымскіе собрали наконецъ тысячь двѣнадцать воиновъ и сразились съ Ногаями; но разбитые на голову, едва спаслися бѣгствомъ въ Перекопъ, охраняемую Султанскими Янычарами. Въ тоже время Атаманъ Днѣпровскихъ Козаковъ, Евстафій Дашковичь, бывъ дотолѣ союзникомъ Крымскимъ, сжегъ укрѣпленія Очакова, и все истребилъ, что могъ, въ Тавридѣ.

Московскій Бояринъ Колычовъ, посланный еще къ Магметъ-Гирею, находясь въ Перекопи, былъ свидѣтелемъ сихъ происшествій. Когда Ногаи и Дашковичь удалились, сынъ Ханскій, Казы-Гирей, назвалъ себя Царемъ Тавриды; но долженъ былъ уступить престолъ дядѣ, Сайдетъ-Гирею, который, съ Султанскимъ указомъ и съ Янычарами пріѣхавъ изъ Константинополя, удавилъ племянника въ Кафѣ, торжественно воцарился и спѣшилъ предложить Василію свою дружбу, хваляся могуществомъ и величіемъ. „Отецъ „твой —“ писалъ онъ къ Государю — „безо„пасно стоялъ за хребтомъ моего отца, и „его саблею сѣкъ головы непріятелямъ. Да „будетъ любовь и между нами. Имѣю рать „сильную: Великій Султанъ мнѣ покрови„тель, Царь Астраханскій Усеинъ другъ, Ка„занскій Саипъ-Гирей братъ, Ногаи, Чер„касы и Тюмень подданные, Король Сигиз-

Ханъ Сайдетъ-Гирей.

„мундъ холопъ, Волохи *путники* мои и стад- Г. 1523.
„ники. Исполняя волю Султанову, хочу „жить съ тобою въ тѣсномъ братствѣ. Не „тревожь моего единокровнаго въ Казани. „Минувшее забудемъ. Литвѣ не дадимъ по„коя," и проч. Новый Ханъ требовалъ отъ Василія шестидесяти тысячь алтынъ, увѣряя, что истинные братья никогда не отказываютъ другъ другу въ такихъ бездѣлицахъ. Хотя въ Москвѣ знали, что Крымъ находится въ самомъ ужасномъ опустошеніи; что Саидетъ-Гирей не могъ тогда имѣть ни двѣнадцати тысячь исправныхъ воиновъ: однакожъ Великій Князь старался воспользоваться добрымъ расположеніемъ Хана и заключить съ нимъ союзъ, чтобы по крайней мѣрѣ не опасаться набѣговъ Крымскихъ; только не далъ ему денегъ, и въ разсужденіи Царя Казанскаго отвѣтствовалъ: „Государи вою„ютъ, но Пословъ и купцевъ не убиваютъ: „нѣтъ и не будетъ мира съ злодѣемъ" (263).

Походы на Казань.

Между тѣмъ, какъ шли переговоры съ Тавридою объ условіяхъ союза, войско наше дѣйствовало противъ Казани. Самъ Государь ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, откуда послалъ Царя Шигъ-Алея и Князя Василія Шуйскаго съ судовою, а Князя Бориса Горбатаго съ конною ратію. Они не только воевали непріятельскую землю, убивая, плѣняя людей на берегахъ Волги, но сдѣлали и нѣчто важнѣйшее: основали городъ при устьѣ

Суры, назвавъ его именемъ Василія, и стѣснивъ предѣлы Казанскаго Царства, сею твердынею защитили Россію: валъ, острогъ и деревянныя стѣны были достаточны для приведенія варваровъ въ ужасъ. Алей и Шуйскій возвратились осенью. Не трудно было предвидѣть, что Россіяне возобновятъ нападеніе въ благопріятнѣйшее время: Саипъ-Гирей искалъ опоры, и рѣшился объявить себя подданнымъ Великаго Солимана, съ условіемъ, чтобы онъ спасъ его отъ мести Василіевой. Могъ ли дѣйствительно Глава Мусульмановъ не вступиться въ такомъ случаѣ за единовѣрнаго? Однакожь сіе заступленіе, весьма легкое и какъ бы мимоходомъ, оказалось безполезнымъ: Князь Манкупскій, Скиндеръ, находясь тогда въ Москвѣ единственно по дѣламъ купеческимъ, именемъ Султана объявилъ нашимъ Боярамъ, что Казань есть Турецкая область; но удовольствовался отвѣтомъ, что Казань была, есть и будетъ подвластна Россійскому Государю; что Саипъ-Гирей мятежникъ и не имѣетъ права дарить ею Султана (264).

г. 1524. Весною полки гораздо многочисленнѣйшіе выступили къ Казани, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завоевать оную. Въ судовой рати главными начальниками были Шигъ-Алей, Князья Иванъ Бѣльскій и Горбатый, Захарьинъ, Симеонъ Курбскій, Иванъ Лятцкій; а въ конной Бояринъ Хабаръ Симскій. Число вои-

новъ, какѣ увѣряютъ, простиралось до 150 тысячь (265). Слухъ о семъ необыкновенномъ ополченіи столь устрашилъ Саипъ-Гирея, что онъ немедленно бѣжалъ въ Тавриду, оставивъ въ Казани юнаго, тринадцати-лѣтняго племянника, Сафа-Гирея, внука Менгли-Гиреева (266), и сказавъ жителямъ, что ѣдетъ искать помощи Султановой, которая одна можетъ спасти ихъ. Гнушаясь его малодушіемъ, ненавидя и боясь Россіянъ, они назвали Сафа-Гирея Царемъ, клялися умереть за него и приготовились къ оборонѣ, вмѣстѣ съ Черемисами и Чувашами. 7 Іюля судовая рать Московская явилась предъ Гостинымъ островомъ, выше Казани; войско расположилось на берегу, и 20 дней провело въ бездѣйствіи, ожидая Хабара Симскаго съ конницею. Непріятель также стоялъ въ полѣ; тревожилъ Россіянъ частными, маловажными нападеніями; изъявлялъ смѣлость. Презирая отрока Сафа-Гирея, Алей писалъ къ нему, чтобы онъ мирно удалился въ свое отечество и не былъ виновникомъ кровопролитія. Сафа-Гирей отвѣтствовалъ: „чья „побѣда, того и Царство: сразимся." Въ сіе время загорѣлась Казанская деревянная крѣпость (267): Воеводы Московскіе не двинулись съ мѣста, дали жителямъ спокойно гасить огонь и строить новую стѣну; 28 Іюля перенесли станъ на луговую сторону Волги, къ берегамъ Казанки, и опять ничего не дѣ-

Г. 1524.

г. 1524. лали; а непріятель жегъ нивы въ окрестностяхъ, и занявъ всѣ дороги, наблюдалъ, чтобы мы не имѣли никакихъ подвозовъ. Истративъ свои запасы, войско уже терпѣло недостатокъ — и вдругъ разнесся слухъ, что конница наша совершенно истреблена непріятелемъ. Ужасъ объялъ Воеводъ. Не знали, что предпринять: боялись итти назадъ и медленно плыть Волгою вверхъ; думали спуститься ниже устья Камы, бросить суда и возвратиться сухимъ путемъ чрезъ отдаленную Вятку. Оказалось, что дикіе Черемисы разбили только одинъ конный отрядъ Московскій; что мужественный Хабаръ въ двадцати верстахъ отъ Казани, на берегу Свіяги, одержалъ славную побѣду надъ ними, Чувашами и Казанцами, хотѣвшими не допустить его до соединенія съ Алеемъ: множество взялъ въ плѣнъ, утопилъ въ рѣкѣ, и съ трофеями прибылъ въ станъ главной рати (268).

Не столь счастливъ былъ Князь Иванъ Палецкій, который изъ Нижняго Новагорода шелъ на судахъ къ Казани съ хлѣбомъ и съ тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ. Тамъ, гдѣ Волга, усѣянная островами, стѣсняется между ими, Черемисы запрудили рѣку каменьемъ и деревьями. Сія преграда изумила Россіянъ. Суда, увлекаемыя стремленіемъ воды, разбивались одно объ другое или объ камни, а съ высокаго берега сыпались на нихъ стрѣлы

и катились бревна, пускаемыя Черемисами. Г. 1524.
Погибло нѣсколько тысячь людей, убитыхъ или утопшихъ (269); и Князь Палецкій, оставивъ въ рѣкѣ большую часть военныхъ снарядовъ, съ немногими судами достигъ нашего стана. Сіе бѣдствіе, какъ думаютъ, произвело извѣстную старинную пословицу: *съ одну сторону Черемиса, а съ другой берегися* (270). „Волга“ — пишетъ Казанскій Историкъ — „сдѣлалась тогда для варваровъ златоструйнымъ Тигромъ: кромѣ пушекъ и ядеръ, „они пудами извлекали изъ ея глубины серебро и драгоцѣнное оружіе Москвитянъ.“

Хотя Россіяне обступили наконецъ крѣпость и могли бы взять ее, тѣмъ вѣроятнѣе, что въ самый первый день осады убивъ лучшаго непріятельскаго пушкаря, видѣли замѣшательство Казанцевъ и худое дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда; хотя Нѣмецкіе и Литовскіе воины, наемники Государевы, требовали приступа: но Воеводы, опасаясь неудачи и голода, предпочли миръ: ибо Казанцы, устрашенные побѣдою Симскаго, выслали къ нимъ дары, обѣщаясь немедленно отправить Посольство къ Великому Князю, умилостивить его, загладить свою вину. Малодушные или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, ослѣпленные золотомъ начальники прекратили войну, сняли осаду и вышли изъ земли Казанской безъ славы и съ болѣзнію, отъ коей умерло множество людей, такъ, что

Августа 15.

Г. 1524. едва ли половина рати осталась въ живыхъ. Главный Воевода, Князь Иванъ Бѣльскій, лишился милости Государевой; но Митрополитъ исходатайствовалъ ему прощеніе (271).

Послы Казанскіе дѣйствительно пріѣхали къ Государю; молили его, чтобы онъ утвердилъ Сафа-Гирея въ достоинствѣ Царя, и въ такомъ случаѣ обязывались, какъ и прежде, усердствовать Россіи (272). Василій требовалъ доказательствъ и залога въ вѣрности сего народа, постояннаго единственно въ обманахъ и злодѣйствѣ: впрочемъ желалъ обойтися безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Бояринъ, Князь Пенковъ, былъ въ Казани для переговоровъ. Между тѣмъ Государь безъ оружія нанесъ ей ударъ весьма чувствительный, запретивъ нашимъ купцамъ ѣздить на ея лѣтнюю ярмонку и назначивъ для ихъ торговли съ Азіею мѣсто въ Нижегородской области, на берегу Волги, гдѣ нынѣ Макарьевъ: отъ чего сія славная ярмонка упала: ибо Астраханскіе, Персидскіе, Арменскіе купцы всего болѣе искали тамъ нашихъ мѣховъ, и сами Казанцы лишились вещей необходимыхъ, на примѣръ соли, которую они получали изъ Россіи (273). Но какъ трудно перемѣнять старыя обыкновенія въ путяхъ купечества, то мы, сдѣлавъ зло другимъ, увидѣли и собственный вредъ: не скоро можно было пріучить людей къ новому, дикому, ненаселенному мѣсту, гдѣ нѣкогда существовалъ уеди-

ненный монастырь, заведенный Св. Макаріемъ Унженскимъ и разрушенный Татарами при Василіи Темномъ (274). Цѣна Азіатскихъ ремесленныхъ произведеній у насъ возвысилась; открылся недостатокъ въ нужномъ, особенно въ соленой рыбѣ, покупаемой въ Казани. Однимъ словомъ, досадивъ Казанскому народу, Великій Князь досадилъ и своему, который не могъ предвидѣть, что сіе юное торжище будетъ со временемъ нашею славною Макарьевскою ярмонкою, едва ли не богатѣйшею въ свѣтѣ. Жаловались, что Государь ищетъ себѣ непріятелей, равно какъ осуждали его и за основаніе города въ землѣ Казанской, хотя дальновиднѣйшіе изъ самыхъ современниковъ знали, что дѣло идетъ не объ истинномъ дружествѣ съ нею, но о вѣрнѣйшемъ ея, для насъ необходимомъ покореніи, и хвалили за то Великаго Князя (275).—Слѣдствіемъ переговоровъ между нами и Казанью было пятилѣтнее, мирное бездѣйствіе съ обѣихъ сторонъ.

Тогда Великій Князь, свободный отъ дѣлъ воинскихъ, занимался важнымъ дѣломъ семейственнымъ, тѣсно связаннымъ съ государственною пользою. Онъ былъ уже двадцать лѣтъ супругомъ, не имѣя дѣтей, слѣдственно и надежды имѣть ихъ. Отецъ съ удовольствіемъ видитъ наслѣдника въ сынѣ: таковъ уставъ Природы; но братья не столь близки къ сердцу, и Василіевы не оказывали ни ве- Г. 1525. Постриженіе Великой Княгини.

г. 1525 ликихъ свойствъ душевныхъ, ни искренней привязанности къ старѣйшему, болѣе опасаясь его какъ Государя, нежели любя какъ единокровнаго. Современный Лѣтописецъ повѣствуетъ, что Великій Князь, ѣдучи однажды на *позлащенной колесницѣ*, внѣ города, увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо, заплакалъ и сказалъ: „птицы счастливѣе „меня: у нихъ есть дѣти!“ Послѣ онъ также со слезами говорилъ Боярамъ: „кто будетъ „моимъ и Русскаго Царства наслѣдникомъ? „братья ли, которые не умѣютъ править и „своими Удѣлами?“ Бояре отвѣтствовали: „Государь! неплодную смоковницу посѣка„ютъ: на ея мѣстѣ садятъ иную въ вер„тоградѣ“ (276). Не только придворные угодники, но и ревностные друзья отечества могли совѣтовать Василію, чтобы онъ развелся съ Соломоніею, обвиняемою въ неплодіи, и новымъ супружествомъ даровалъ наслѣдника престолу. Слѣдуя ихъ мнѣнію, и желая быть отцемъ, Государь рѣшился на дѣло жестокое въ смыслѣ нравственности: немилосердо отвергнуть отъ своего ложа невинную, добродѣтельную супругу, которая двадцать лѣтъ жила единственно для его счастія; предать ее въ жертву горести, стыду, отчаянію; нарушить святый уставъ любви и благодарности. Если Митрополитъ Даніилъ, снисходительный, уклончивый, внимательный къ

міру болѣе, нежели къ Духу, согласно съ Великокняжескимъ Синклитомъ призналъ намѣреніе Василіево законнымъ или еще похвальнымъ: то нашлись и Духовные и міряне, которые смѣло сказали Государю, что оно противно совѣсти и Церкви. Въ числѣ ихъ былъ пустынный Инокъ Вассіанъ, сынъ Князя Липовскаго, Ивана Юрьевича Патрикеева, и самъ нѣкогда знатнѣйшій Бояринъ, вмѣстѣ съ отцемъ въ 1499 году неволею постриженный въ Монахи за усердіе къ юному Великому Князю, несчастному Димитрію (277). Сей мужъ уподоблялся, какъ пишутъ, древнему Святому Антонію: его заключили въ Волоко-Ламскомъ монастырѣ, коего Иноки любили угождать мірской власти; а престарѣлаго Воеводу, Князя Симеона Курбскаго, завоевателя земли Югорской, строгаго постника и Христіанина, удалили отъ Двора: ибо онъ также ревностно вступался за права Соломоніи (278). Самые простолюдины — одни по естественной жалости, другіе по Номоканону — осуждали Василія (279). Чтобы обмануть законъ и совѣсть, предложили Соломоніи добровольно отказаться отъ міра: она не хотѣла. Тогда употребили насиліе: вывели ее изъ дворца, постригли въ Рожественскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, увезли въ Суздаль, и тамъ, въ женской Обители, заключили. Увѣряютъ, что несчастная противилась совершенію безза- г. 1525.

коннаго обряда, и что сановникъ Великокняжескій, Иванъ Шигона, угрожалъ ей не только словами, но и побоями, дѣйствуя именемъ Государя; что она залилась слезами, и надѣвая ризу Инокини, торжественно сказала: „Богъ видитъ, и отмститъ моему гонителю“ (280). — Не умолчимъ здѣсь о преданіи любопытномъ, хотя и не достовѣрномъ: носился слухъ, что Соломонія, къ ужасу и безполезному раскаянію Великаго Князя, оказалась послѣ беременною, родила сына, дала ему имя Георгія, тайно воспитывала его и не хотѣла никому показать, говоря: „въ „свое время онъ явится въ могуществѣ и „славѣ.“ Многіе считали то за истину; другіе за сказку, вымышленную друзьями сей несчастной, добродѣтельной Княгини (281).

Г. 1526. Новый бракъ Великаго Князя.

Разрѣшивъ узы своего брака, Василій по уставу Церковному не могъ вторично быть супругомъ: чья жена съ согласія мужа постригается, тотъ долженъ самъ отказаться отъ свѣта. Но Митрополитъ далъ благословеніе, и Государь чрезъ два мѣсяца женился на Княжнѣ Еленѣ, дочери Василія Глинскаго, къ изумленію нашихъ Бояръ, которые не думали, чтобы родъ чужеземныхъ измѣнниковъ удостоился такой чести. Можетъ быть, не одна красота невѣсты рѣшила выборъ; можетъ быть, Елена, воспитанная въ знатномъ Владѣтельномъ Домѣ и въ обычаяхъ Нѣмецкихъ, коими славился ея дядя, Ми-

хаилъ, имѣла болѣе пріятности въ умѣ, нежели тогдашнія юныя Россіянки, научаемыя единственно цѣломудрію и кроткимъ, смиреннымъ добродѣтелямъ ихъ пола. Нѣкоторые думали, что Великій Князь изъ уваженія къ достоинствамъ Михаила Глинскаго женился на его племянницѣ, дабы оставить въ немъ надежнаго совѣтника и путеводителя своимъ дѣтямъ (282). Сіе менѣе вѣроятно: ибо Михаилъ послѣ того еще болѣе года сидѣлъ въ темницѣ, освобожденный наконецъ ревностнымъ ходатайствомъ Елены 283). — Свадьба была великолѣпна. Праздновали три дни. Дворъ блисталъ необыкновенною пышностію (284). Любя юную супругу, Василій желалъ ей нравиться не только ласковымъ обхожденіемъ съ нею, но и видомъ молодости, которая отъ него удалялась: обрилъ себѣ бороду и пекся о своей пріятной наружности (285). Г. 1526.

Въ теченіе пяти лѣтъ Россія имѣла единственно мирныя сношенія съ иными Державами. Еще при жизни Леона X одинъ Генуэзскій путешественникъ, называемый Капитаномъ Павломъ, съ дружелюбнымъ письмомъ отъ сего Папы и Нѣмецкаго Магистра Албрехта былъ въ Москвѣ, имѣя важное намѣреніе проложить купеческую дорогу въ Индостанъ черезъ Россію посредствомъ рѣкъ Инда, Окса или Гигона, моря Каспійскаго и Волги. Прежде счастливаго открытія Сношенія съ Римомъ.

г. 1526. Васка де-Гамы товары Индѣйскіе шли въ Европу или Персидскимъ Заливомъ, Евфратомъ, Чернымъ моремъ, или Заливомъ Аравійскимъ, Ниломъ и моремъ Средиземнымъ; но Португальцы, въ началѣ XVI вѣка овладѣвъ берегами Индіи, захвативъ всю ея торговлю и давъ ей удобнѣйшій путь Океаномъ, мимо Африки, употребляли свою выгоду во зло, и столь возвысили цѣну пряныхъ зелій, что Европа справедливо жаловалась на безумное корыстолюбіе Лиссабонскихъ купцевъ. Говорили даже, что ароматы Индѣйскіе въ дальнемъ плаваніи теряютъ запахъ и силу. Движимый ревностію отнять у Португалліи исключительное право сей торговли, Генуэзскій путешественникъ убѣдительно представлялъ нашимъ Боярамъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ можемъ обогатиться ею; что казна Государева наполнится золотомъ отъ купеческихъ пошлинъ; что Россіяне, любя употреблять пряныя зелья, будутъ имѣть оныя въ изобиліи и дешево; что ему надобно только узнать теченіе рѣкъ впадающихъ въ Волгу, и что онъ проситъ Великаго Князя отпустить его водою въ Астрахань. Но Государь, какъ пишутъ, не хотѣлъ открыть иноземцу путей нашей торговли съ Востокомъ (286). Павелъ возвратился въ Италію по смерти Леона X, вручилъ отвѣтную Василіеву грамоту Папѣ Адріану и въ 1525 году

вторично пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ г. 1526
отъ новаго Папы, Климента VII, уже не по торговымъ дѣламъ, но въ видѣ Посла, дабы склонить Великаго Князя къ войнѣ съ Турками и къ соединенію Церквей: за что Климентъ, подобно Леону, предлагалъ ему достоинство Короля (287). Сей опытъ, какъ и всѣ прежніе, не имѣлъ успѣха: Василій, довольный именемъ Великаго Князя и Царя, не думалъ о Королевскомъ, не хотѣлъ искать новыхъ враговъ и помнилъ худыя слѣдствія Флорентійскаго Собора; однакожь принялъ съ уваженіемъ и Посла и грамоту, честилъ его два мѣсяца въ Москвѣ и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Италію *гонца* своего, Димитрія Герасимова (288), о коемъ славный Историкъ того вѣка, Павелъ Іовій, говоритъ съ похвалою, сказывая, что онъ учился въ Ливоніи, зналъ хорошо языкъ Латинскій, былъ употребляемъ Великимъ Княземъ въ Посольствахъ Шведскомъ, Датскомъ, Прусскомъ, Вѣнскомъ; имѣлъ многія свѣдѣнія, здравый умъ, кротость и пріятность въ обхожденіи. Папа велѣлъ отвести ему богато украшенныя комнаты въ замкѣ Св. Ангела. Отдохнувъ нѣсколько дней, Димитрій въ великолѣпной Русской одеждѣ представился Клименту, поднесъ дары и письмо Государево, наполненное единственно учтивостями. Великій Князь изъявлялъ желаніе быть въ дружбѣ съ Папою, утвер-

г. 1526. ждать оную взаимными Посольствами, видѣть торжество Христіанства и гибель невѣрныхъ, прибавляя, что онъ издавна караетъ ихъ въ честь Божію. Ждали, что Димитрій объявитъ на словахъ какія нибудь тайныя порученія Государевы: онъ занемогъ въ Римѣ и долго находился въ опасности; наконецъ выздоровѣлъ, осмотрѣлъ всѣ достопамятности древней столицы міра, новыя зданія, церкви; хвалилъ пышное служеніе Папы, восхищался музыкою, присутствовалъ въ Кардинальскомъ Совѣтѣ, бесѣдовалъ съ учеными мужами, и въ особенности съ Павломъ Іовіемъ; разсказывалъ имъ много любопытнаго о своемъ отечествѣ; но, къ неудовольствію Папы, объявилъ, что не имѣетъ никакихъ повелѣній отъ Василія для переговоровъ о дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ. — Димитрій возвратился въ Москву (въ Іюлѣ 1526 года) съ новымъ Посломъ Климентовымъ, Іоанномъ Франциском, Епископомъ Скаренскимъ, коему надлежало доставить миръ Христіанству, то есть, Литвѣ (289). Явился и другой, еще знаменитѣйшій посредникъ въ семъ дѣлѣ.

Кончина Максимиліанова прервала сообщеніе нашего Двора съ Имперіею. Хитрый, Карлъ V. властолюбивый юноша, Карлъ V, заступивъ мѣсто дѣда на ея престолѣ, не имѣлъ времени мыслить о Сѣверѣ, повелѣвая Испаніею, Австріею, Нидерландами, и споря о господ-

ствѣ надъ всею юго-западною Европою Г. 1526.
съ прямодушнымъ Героемъ, Францискомъ I. Долго ждавъ, чтобы Карлъ вспомнилъ о Россіи, Великій Князь рѣшился самъ отправить къ нему гонца съ привѣтствіемъ. За симъ возобновились торжественныя Посольства съ обѣихъ сторонъ. Австрійскій Государственный Совѣтникъ Антоній прибылъ въ Москву съ дружественными грамотами, а Князь Иванъ Ярославскій-Засѣкинъ ѣздилъ съ такими же отъ Василія къ Императору въ Мадритъ (290), въ то самое время, когда несчастный Францискъ I находился тамъ плѣнникомъ, и когда Европа не безъ ужаса видѣла быстрые успѣхи Карлова властолюбія, угрожавшаго ей *всемірною Монархіею* или зависимостію всѣхъ Державъ отъ единой сильнѣйшей, какой не бывало послѣ Карла Великаго въ теченіе семи вѣковъ. Только Россія, хотя уже съ любопытствомъ наблюдающая государственныя движенія въ Европѣ, но еще далѣе враждебной Литвы не зрящая для себя прямыхъ опасностей, оставалась вдали спокойною, и даже могла желать, чтобы Карлъ исполнилъ намѣреніе дѣда присоединеніемъ Венгріи и Богеміи ко владѣніямъ Австрійскаго Дома (какъ и случилось): ибо сіи двѣ воинственныя Державы, управляемыя Сигизмундовымъ племянникомъ, Людовикомъ, служили опорою Литвѣ и Польшѣ. Не имѣя никакого совмѣстничества

г. 1526. съ Императоромъ и справедливо угадывая, что оно есть или будетъ между имъ и Королемъ Польскимъ, Великій Князь предложилъ Карлу склонить Сигизмунда къ твердому миру съ Россіею, или благоразумными убѣжденіями или страхомъ оружія, по торжественному Максиміліанову обѣщанію (291). Въ удовольствіе Василія Императоръ, отпустивъ Князя Засѣкина изъ Мадрита, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Графа Леонарда Нугарольскаго, а братъ его, Эрцгерцогъ Австрійскій Фердинандъ, Барона Герберштеина въ Польшу, чтобы объясниться съ Королемъ въ разсужденіи мирныхъ условій и ѣхать въ Москву для окончанія сего дѣла. Но Сигизмундъ, уже опасаясь замысловъ Императора на Венгрію, худо вѣрилъ его доброжелательству и сказалъ Посламъ, что онъ не просилъ ихъ Государей быть миротворцами и можетъ самъ *унять Россію*, примолвивъ съ досадою: „какая дружба у Князя Московскаго съ Им„ператоромъ? что они: ближніе сосѣды или „родственники?“ Однакожъ послалъ къ Василію Воеводу своего, Петра Кишку, и Маршалка Богуша, которые въ слѣдъ за Графомъ Леонардомъ и Герберштеиномъ пріѣхали въ нашу столицу. Великій Князь былъ въ Можайскѣ, увеселяясь звѣриною ловлею: тамъ и начались переговоры. Король возобновилъ старыя требованія на все отнятое у Литвы Іоанномъ, называя и Новгородъ и Псковъ

ея достояніемъ; а мы хотѣли Кіева, Полоцка, Витебска. Посредники, Епископъ Скаренскій, Леонардъ и Герберштеинъ, совѣтуя обѣимъ сторонамъ быть умѣреннѣе, предложили Василію уступить Королю хотя половину Смоленска: Бояре объявили сіе невозможнымъ; отвергнули и перемиріе на двадцать лѣтъ, желаемое Сигизмундомъ; согласились единственно продолжить оное до 1533 года, и то изъ особеннаго уваженія къ Императору и Папѣ, какъ изъяснился Великій Князь, жалуясь на худое расположеніе Короля къ истинному миру и нелѣпость его требованій. Споры о нашихъ границахъ съ Литвою остались безъ изслѣдованія, а плѣнники въ заточеніи. Посламъ Сигизмундовымъ была и личная досада: за столомъ Великокняжескимъ давали имъ мѣсто ниже Римскаго, Императорскаго и самаго Фердинандова Посла. Утверждая перемирную грамоту, Василій говорилъ рѣчь о своей пріязни къ Папѣ, Карлу, Эрцгерцогу; о любви къ тишинѣ, справедливости, и проч. На стѣнѣ висѣлъ золотый крестъ: Думный Бояринъ, снявъ его, обтеръ бѣлымъ платомъ. Дьякъ въ обѣихъ рукахъ держалъ хартіи договорныя. Великій Князь всталъ съ мѣста; указывая на грамоту, сказалъ: „исполню съ Божіею помо„щію"; взглянулъ съ умиленіемъ на крестъ, и тихо читая молитву, приложился къ оному. Тоже сдѣлали и Литовскіе чиновни-

Г. 1526.

Перемиріе съ Литвою.

Г. 1526. ки. Въ заключеніе обряда пили вино изъ большаго кубка. Государь снова увѣрялъ Пословъ въ своемъ дружествѣ къ Клименту и къ Максиміліановымъ наслѣдникамъ; обратился къ Панамъ Литовскимъ, кивнулъ головою, велѣлъ имъ кланяться Сигизмунду и желалъ счастливаго пути (292). Они всѣ вмѣстѣ выѣхали изъ Можайска, а за ними наши Послы: Трусовъ и Лодыгинъ въ Римъ, Ляпунъ и Волосатый къ Императору и къ Эрцгерцогу, Окольничій Ляцкій къ Сигизмунду (293). — Хотя Король утвердилъ договоръ и клятвенно обязался быть нашимъ мирнымъ сосѣдомъ, но взаимныя жалобы не могли прекратиться до самой кончины Василіевой: ибо Литовцы и Россіяне пограничные вели, такъ сказать, явную, всегдашнюю войну между собою, отнимая земли другъ у друга. Тщетно судьи съ обѣихъ сторонъ выѣзжали на рубежъ: то Литовскіе не могли дождаться нашихъ, то наши Литовскихъ. Къ неудовольствію Сигизмунда, Василій принялъ къ себѣ Князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго, выдалъ за него дочь сестры своей, Анастасію (294), сносился съ Господаремъ Молдавскимъ, непріятелемъ Литвы, и задержалъ (въ 1528 году) бывшихъ у насъ Королевскихъ Пословъ, свѣдавъ, что въ Минскѣ остановили Молдавскаго на пути его въ Россію. Король не хотѣлъ именовать Василія *Великимъ Государемъ*, а мы не хотѣли назы-

вать Короля *Россійскимъ* и *Прусскимъ*. По крайней мѣрѣ плѣнниковъ нашихъ и Литовскихъ, въ силу перемирія, продолженнаго еще на годъ, выпустили изъ темницъ и не обременяли цѣпями какъ злодѣевъ (295). Г. 1526.

Въ слѣдствіе одной изъ достопамятнѣйшихъ государственныхъ перемѣнъ въ мірѣ, Швеція, послѣ долговременнаго неустройства, угнетенія, безначалія, какъ бы обновленная въ своихъ жизненныхъ силахъ, образовалась, возставала тогда подъ Эгидою великаго мужа, Густава Вазы, который изъ рудокопни восшелъ на тронъ, озарилъ его славою, утвердилъ мудростію; возвеличилъ Государство, ободрилъ народъ, былъ честію вѣка, Монарховъ и людей. Освободивъ Королевство свое отъ ига Датчанъ, не думая о суетной воинской славѣ, думая только о мирномъ благоденствіи Шведовъ, Густавъ искалъ дружбы Василія и подтвердилъ заключенное съ Россіею перемиріе на 60 лѣтъ. Совѣтники его, Кануть Эриксонъ и Біорнъ Классонъ, пріѣзжали для того въ Новгородъ къ Намѣстнику, Князю Ивану Ивановичу Оболенскому, и Дворецкому Сабурову, а Эрикъ Флемингъ въ Москву (296). Уже Христіанъ, ненавистный и Шведамъ и Датчанамъ, скитался изгнанникомъ по Европѣ: преемникъ сего Нерона, Король Фридерикъ, менѣе властолюбивый, призналъ независимость Швеціи, и Василій, слыша о великихъ дѣлахъ

Дружество съ Густавомъ Вазою.

1526. Густава, тѣмъ охотнѣе согласился жить съ нимъ въ мирномъ сосѣдствѣ: дозволилъ Шведскимъ купцамъ имѣть свой особенный дворъ въ Новѣгородѣ и торговать во всей Россіи; обѣщалъ совершенную безопасность Финскимъ земледѣльцамъ, которые боялись селиться близъ нашей границы, и велѣлъ, въ угодность Королю, заточить въ Москвѣ славнаго Датскаго Адмирала Норби. Сей воинъ мужественный, но свирѣпый, по изгнаніи Христіана завладѣлъ-было Готландіею, сдѣлался морскимъ разбойникомъ, не щадилъ никого, бралъ всѣ корабли безъ исключенія, и въ особенности злодѣйствовалъ Швеціи; наконецъ, разбитый ея флотомъ, бѣжалъ въ Россію, чтобы возбудить насъ противъ Густава (297). Великій Князь объявилъ Норби мятежникомъ и наказалъ его, въ удостовѣреніе, что хочетъ мира и тишины на Сѣверѣ.

Посольства Солимановы.

Утративъ надежду имѣть союзника въ Султанѣ, Василій милостиво угощалъ его Посланника, Скиндера, который еще три раза былъ въ Москвѣ, по торговымъ дѣламъ, и тамъ внезапно умеръ съ именемъ корыстолюбиваго и злаго клеветника: ибо онъ, несправедливо жалуясь на скупость и худый пріемъ Великаго Князя, хвалился, что убѣдитъ Солимана воевать съ нами; но умный Султанъ не могъ быть орудіемъ подлаго Грека, и не думая умножать числа своихъ непріятелей, оставался другомъ Россіи, хотя

и безполезнымъ, и въ концѣ 1530 года писалъ къ Василію послѣднее ласковое письмо съ Туркомъ Ахматомъ, коему надлежало купить въ Москвѣ нѣсколько кречетовъ и мѣховъ собольихъ (298).

Въ сіе время одни Крымскіе хищники тревожили Россію, не смотря на усилія Великаго Князя быть въ мирѣ съ Ханомъ и на союзныя грамоты, послѣ многихъ переговоровъ утвержденныя взаимною клятвою. Сайдетъ-Гирей, ненавидимый народомъ и Князьями за его любовь къ Турецкимъ обычаямъ, лилъ кровь знатнѣйшихъ людей и не могъ держаться на своемъ ужасномъ тронѣ, бывъ два раза изгнанъ племянникомъ, сыномъ Магметъ-Гирея, Исламомъ; примирился съ нимъ, далъ ему санъ Калги, грабилъ Литву и требовалъ денегъ отъ Василія, который, видя ненадежность Ханской власти, сдѣлался тѣмъ умѣреннѣе въ дарахъ. Послы Сайдетъ-Гиреевы находились въ Москвѣ, когда донесли Государю, что Царевичь Исламъ идетъ на Россію. Войско наше заняло берегъ Оки, стояло долго, не видало непріятеля и разошлося осенью по городамъ: вдругъ запылали села Рязанскія: Исламъ спремился къ Коломнѣ и Москвѣ. Но Воеводы, Князья Одоевскій и Мстиславскій, оставались на Угрѣ; не пустили разбойниковъ за Оку и съ великимъ урономъ прогнали, въ числѣ многихъ плѣнныхъ захвативъ перваго Исламова любимца, Янглыча

Г. 1527. Набѣгъ Крымцевъ.

г. 1527. Мурзу (299). Государь былъ въ Коломнѣ: раздраженный вѣроломствомъ Хана, онъ велѣлъ утопить Крымскихъ Пословъ (300). И съ варварами не должно быть варваромъ. Самъ Великій Князь устыдился такого дѣла и приказалъ объявить Хану, что Послы убиты Московскою чернію. Ни мало не удивленный ихъ казнію, столь несогласною съ Народнымъ Правомъ, Сайдетъ-Гирей винилъ только своего племянника, будто бы самовольно дерзнувшаго напасть на Россію; снова клялся въ истинномъ дружествѣ къ Василію, и нагло ограбивъ его Посла, не мѣшалъ Крымцамъ злодѣйствовать въ областяхъ Бѣлевскихъ и Тульскихъ. Наконецъ, сверженный съ престола Князьями и народомъ, бѣжалъ къ Султану. Но Россія ничего не выиграла сею перемѣною: сперва Исламъ, властвовавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тавридѣ, а послѣ Саипъ, бывшій Царь Казанскій, утвержденный Султаномъ въ достоинствѣ Хана, угрожали намъ войною и пламенемъ, хотя оба, гонимые Сайдетъ-Гиреемъ, прежде искали милости въ Великомъ Князѣ, *названомъ отцѣ* Ислама и *братѣ* Саипъ-Гирея: они непрестанно хотѣли богатыхъ даровъ (301).

Къ счастію, Казань усмирилась на время. Юный Сафа-Гирей, ненавистникъ Россіи, исполняя желаніе народа, требовалъ рѣшительнаго мира отъ Великаго Князя, винился передъ нимъ, обѣщался быть его вѣрнымъ

присяжникомъ. Посолъ Московскій, Андрей Пильемовъ, взялъ съ Царя, Вельможъ и гражданъ клятвенную въ томъ грамоту; а Василій отправилъ къ нимъ свою съ Княземъ Иваномъ Палецкимъ. Но сей знатный чиновникъ узналъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, что Сафа-Гирей перемѣнилъ мысли, умѣлъ злобными внушеніями возбудить Казанцевъ противъ Россіи, согласилъ ихъ предложить ей новыя условія мира, и даже съ грубостію обезчестилъ Посла Великокняжескаго. Палецкій возвратился въ Москву, и Государь прибѣгнулъ къ оружію. Г. 1529.

Страшное многочисленностію войско въ судахъ и берегомъ выступило весною изъ Нижняго къ Казани подъ начальствомъ Князей Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго, Михаила Глинскаго, Горбатаго, Кубенскаго, Оболенскихъ и другихъ. Сафа-Гирей, одушевленный злобою, сдѣлалъ все, что могъ для сильной обороны: призвалъ свирѣпыхъ, дикихъ Черемисовъ и 30,000 Ногаевъ изъ Улусовъ тестя его Мамая; укрѣпилъ предмѣстія острогомъ съ глубокими рвами, отъ Булака Арскимъ полемъ до Казанки; примкнувъ новую стѣну съ двухъ сторонъ къ городу, осыпалъ ее землею и каменьемъ. Конные полки Московскіе, отразивъ пять или шесть нападеній смѣлаго непріятеля, соединились съ пѣхотою, которая вышла изъ судовъ на луговой сторонѣ Волги. Начались ежедневныя, кровопролит- Г. 1530. Рать на Казань. 10 Іюля.

г. 1530. ныя битвы. Казанцы, ободряемые Царемъ, не боялись смерти; но, изъявляя удивительную храбрость днемъ, не умѣли быть осторожными ночью: прекращая битву, обыкновенно пировали и спали глубокимъ сномъ до утра. Молодые воины полку Князя Оболенскаго, смотря издали при ясномъ свѣтѣ луны на острогъ, видѣли тамъ одну спящую стражу; вздумали отличить себя великимъ дѣломъ: тихо подползли къ стѣнѣ, натерли дерево смолою, сѣрою; зажгли и спѣшили извѣстить о томъ нашихъ Воеводъ. Въ одно время запылалъ острогъ, и Россіяне при звукѣ трубъ
16 Іюля. воинскихъ, съ грознымъ воплемъ, устремились на приступъ, конные и пѣшіе, одѣтые и полунагіе; сквозь дымъ и пламя ворвались въ укрѣпленіе; рѣзали, давили изумленныхъ Татаръ; взяли предмѣстіе; опустошили все огнемъ и мечемъ; кромѣ сгорѣвшихъ, убили, какъ пишутъ, 60,000 воиновъ и гражданъ, а въ числѣ ихъ и славнаго богатыря Казанскаго, Аталыка, ужаснаго видомъ и силою руки, омоченной кровію многихъ Россіянъ (302. Сафа-Гирей ушелъ въ городокъ Арскій: за нимъ гнался Князь Иванъ Телепневъ-Оболенскій съ легкимъ отрядомъ; а другіе Воеводы стояли на мѣстѣ, и такъ оплошно, что толпы Черемисскія взяли нашъ обозъ, семьдесятъ пушекъ, запасъ ядеръ и пороху, убивъ Князя Θедора Оболенскаго-Лопату, Дорогобужскаго и многихъ чиновниковъ. Тогда Россіяне при-

ступили къ городу и могли бы овладѣть г. 1530.
крѣпостію, гдѣ не было ни 12,000 воиновъ;
но Бѣльскій, уже и прежде подозрѣваемый въ
тайномъ лихоимствѣ (303), согласился на миръ:
принявъ, какъ пишутъ, серебро отъ жителей, съ клятвою, что они немедленно отправятъ Пословъ къ Василію и не будутъ избирать себѣ Царей безъ его воли, сей главный Воевода отступилъ, къ досадѣ всѣхъ товарищей; хвалился именемъ великодушнаго побѣдителя и спѣшилъ въ Москву, ожидая новыхъ милостей отъ Государя, своего дяди по матери (304). Одинъ Лѣтописецъ увѣряетъ, что Василій, съ лицемъ грознымъ встрѣтивъ племянника, объявилъ ему смерть и только изъ уваженія къ ревностному ходатайству Митрополита смягчилъ сей приговоръ: окованный цѣпями, Бѣльскій сидѣлъ нѣсколько времени въ темницѣ, въ наказаніе за кровь, которую надлежало еще пролить для необходимаго покоренія Казани, два раза упущенной имъ изъ нашихъ рукъ. Но сего извѣстія нѣтъ въ другихъ Лѣтописцахъ, и Бѣльскій чрезъ три года снова начальствовалъ въ ратяхъ (305).

Послы Казанскіе, знатные Князья Тагай, Тевекелъ, Ибрагимъ, пріѣхали и смиренно молили Государя, чтобы онъ простилъ народъ и Царя; увѣряли, что опытъ снялъ завѣсу съ ихъ глазъ, и что они видятъ необходимость повиноваться Россіи. Надлежало вѣрить или

г. 1530. воевать: Государь хотѣлъ отдохновенія, ибо не могъ бы безъ чрезвычайнаго усилія, тяжкаго для земли, снарядить новую рать. Согласные на всѣ условія, Послы остались въ Москвѣ; а Великій Князь отправилъ съ гонцемъ клятвенныя грамоты къ Царю и народу Казанскому для утвержденія, требуя, чтобы всѣ наши плѣнники были освобождены и всѣ огнестрѣльныя орудія, взятыя у насъ Черемисами, присланы въ Россію. Сей гонецъ не возвратился: Сафа-Гирей, задержавъ его, писалъ къ Государю, что не можетъ исполнить договора, ни присягнуть, пока чиновники Казанскіе не выѣдутъ изъ Москвы; пока Великій Князь самъ не возвратитъ ему плѣнниковъ и пушекъ, взятыхъ Бѣльскимъ, и пока, вмѣсто гонца, кто нибудь изъ знатнѣйшихъ Вельможъ Россійскихъ не пріѣдетъ въ Казань для размѣна клятвенныхъ грамотъ. Бояре наши съ укоризною объявили о томъ Посламъ Казанскимъ. Князь Тагай отвѣтствовалъ: „Слышали и знаемъ; „но мы не лжецы и не клятвопреступники. „Да исполнится воля Божія и Великаго „Князя! Хотимъ служить ему усердно. Земля „ля наша опустѣла; мужи знатные погибли „или онѣмѣли въ ужасѣ. Сафа-Гирей дѣлаетъ, „что хочетъ, съ своими Крымцами и Нога-„ями; распуская слухъ, что полки Москов-„скіе идутъ на Казань, мутитъ умами, не „держитъ слова и насъ вводитъ въ стыдъ.

„Не будетъ такъ: мы еще живы, имѣемъ „друзей и силу. Изгонимъ Сафа-Гирея! Да „изберетъ Государь достойнѣйшаго для насъ „Властителя!“ На сіе Бояре именемъ Великаго Князя сказали, что для Россіи все одно, кто ни царствуетъ въ Казани, Сафа-Гирей или другой, если будетъ только намъ послушенъ и вѣренъ въ клятвахъ. Тагай продолжалъ: „Напоминаемъ о невинномъ Шигъ-„Алеѣ; онъ былъ жертвою злодѣевъ: да возвратится на престолъ, вѣрно служитъ Ве-„ликому Князю и любитъ народъ! Пусть „ѣдетъ съ нами въ городъ Василь: оттуда „напишемъ къ Казанцамъ, къ Горнымъ и Лу-„говымъ Черемисамъ, къ Князьямъ Арскимъ, „о милости Государя, и скажемъ: *Царемъ „мы умерли, а Великимъ Княземъ ожили; „не хотимъ того, кто насъ не хочетъ.* Ка-„занскіе плѣнники, тоскующіе въ неволѣ, „имѣютъ отцевъ, братьевъ и друзей: всѣ къ “намъ пристанутъ, и будетъ миръ вѣчный.“ Василій совѣтовался съ Боярами; наконецъ отпустили Пословъ Казанскихъ съ Алеемъ въ Нижній Новгородъ, и Князь Тагай сдер- г. 1530 — 1531. жалъ слово: написалъ къ согражданамъ о гибельномъ для нихъ упрямствѣ Царя, возмутилъ народъ, свергнулъ Сафа-Гирея, который въ порывѣ злобы хотѣлъ-было умертвить всѣхъ задержанныхъ въ Казани Россіянъ; но граждане и Вельможи объявили ему, чтобы онъ немедленно удалился. Жену его от-

г. 1530 — 1531. правили въ Мамаевы Улусы и побили многихъ Ногаевъ, Вельможъ Крымскихъ, любимцевъ Сафа-Гиреевыхъ. Въ семъ благопріятномъ для насъ происшествіи не мало участвовала Казанская Царевна Горшадна, сестра Магметъ-Аминева. Сеитъ, Уланы, Князья, Мурзы извѣстили Василія объ изгнаніи Сафа-Гирея, и согласные быть подданными Россіи, молили, чтобы вмѣсто Шигъ-Алея, коего мести они страшатся, Великій Князь пожаловалъ имъ въ Цари меньшаго пятнадцати-лѣтняго брата его, Еналея, владѣвшаго у насъ городкомъ Мещерскимъ. Ихъ желаніе исполнилось: Еналей со многочисленною дружиною былъ отправленъ въ Казань и возведенъ на престолъ Окольничимъ Морозовымъ, къ удовольствію мятежныхъ сановниковъ и легкомысленнаго народа. Всѣ отъ Царевны и Сеита до послѣдняго гражданина, съ видомъ искренняго усердія, присягнули намъ въ подданствѣ, славя милость Государеву и любезныя свойства юнаго Царя, коему чрезъ нѣсколько лѣтъ надлежало быть жертвою ихъ неистовства! Но Василій не дожилъ до сей новой измѣны. Прошло три года въ мирѣ. Въ доказательство своего добраго расположенія къ Казанцамъ, Великій Князь уступилъ имъ всѣ бывшія у нихъ въ рукахъ Московскія пищали, чтобы они въ случаѣ непріятельскаго нападенія имѣли способъ обороняться, и дозволилъ Еналею жениться на дочери сильна-

Новый Царь въ Казани.

го Ногайскаго Мурзы Юсуфа, который могъ примирить его съ сею безпокойною Ордою. Важнѣйшія дѣла Казанскія, не только политическія, но и земскія, рѣшились въ Москвѣ, Государевымъ словомъ (306). — Между тѣмъ Шигъ-Алей, награжденный Коширою и Серпуховымъ, завидовалъ брату, и желая преклонить къ себѣ Казанцевъ, тайно сносился съ ними, съ Астраханью, съ Ногаями: происки его обнаружились, и злосчастный Алей, нѣкогда вѣрный слуга Россіи, былъ какъ преступникъ заточенъ съ женою на Бѣлоозеро (307). г. 1530 — 1531. Заточеніе Шигъ-Алея.

Въ сіе время Василій, благоразуміемъ заслуживая счастіе въ дѣяніяхъ государственныхъ, сдѣлался и счастливымъ отцемъ семейства. Болѣе трехъ лѣтъ Елена, вопреки желанію супруга и народа, не имѣла дѣтей. Она ѣздила съ Великимъ Княземъ въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, Вологду, на Бѣлоозеро; ходила пѣшкомъ въ святыя Обители и пустыни, раздавала богатую милостыню, со слезами молилась о чадородіи, и безъ услышанія. Добрые жалѣли о томъ: нѣкоторые, осуждая бракъ Василіевъ какъ беззаконный, съ тайнымъ удовольствіемъ предсказывали, что Богъ никогда не благословитъ онаго плодомъ вожделѣннымъ. Наконецъ Елена оказалась беременною. Какой-то *юродивый мужъ*, именемъ Домитіанъ, объявилъ ей, что она будетъ матерію *Тита, широкаго ума* (308), и — въ 1530 году, Августа 25, въ 7

Г. 1530 — 153·. Рожденіе Царя Іоанна Василіевича.

часу ночи — дѣйствительно родился сынъ, Іоаннъ, столь славный добромъ и зломъ въ нашей Исторіи! Пишутъ, что въ самую ту минуту земля и небо потряслися отъ неслыханныхъ громовыхъ ударовъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ съ ужасною, непрерывною молніею (309). Вѣроятно, что гадатели Двора Великокняжескаго умѣли растолковать сей случай въ пользу новорожденнаго: не только отецъ, но и вся Москва, вся Россія, по словамъ Лѣтописца, были въ восторгѣ. Чрезъ десять дней Великій Князь отвезъ младенца въ Троицкую Лавру, гдѣ Игуменъ Іоасафъ Скрыпицынъ вмѣстѣ съ благочестивѣйшими Иноками, столѣтнимъ Кассіаномъ Босымъ, Іосифова Волоко-Ламскаго монастыря, и Св. Даніиломъ Переславскимъ окрестили его. Обливаясь слезами умиленія, родитель взялъ изъ ихъ рукъ своего дражайшаго первенца и положилъ на раку Св. Сергія, моля Угодника, да будетъ ему наставникомъ и защитникомъ въ опасностяхъ жизни. Василій не зналъ, какъ изъявить благодарность Небу: сыпалъ золото въ казны церковныя и на бѣдныхъ; велѣлъ отворить всѣ темницы, и снялъ опалу со многихъ знатныхъ людей, бывшихъ у него подъ гнѣвомъ: съ Князя Ѳедора Мстиславскаго, женатаго на племянницѣ Государевой и ясно уличеннаго въ намѣреніи бѣжать къ Польскому Королю; съ Князей

Шенятева, Суздальскаго Горбатаго, Плещеева, Морозова, Ляцкаго, Шигоны и другихъ, подозрѣваемыхъ въ недоброжелательствѣ къ Еленѣ (310). Съ утра до вечера дворецъ наполнялся усердными поздравителями, не только Московскими, но и самыхъ отдаленныхъ городовъ жителями, которые хотѣли единственно взглянуть на счастливаго Государя и сказать ему: „мы счастливы вмѣстѣ съ тобою!" Пустынники, отшельники приходили благословить державнаго младенца въ пеленахъ, и были угощаемы за трапезою Великокняжескою. Въ знакъ признательности къ Угодникамъ Божіимъ, защитникамъ Москвы, Святымъ Митрополитамъ Петру и Алексію, Великій Князь заказалъ сдѣлать для ихъ мощей богатыя раки: для перваго *золотую* (311), для втораго серебряную. Однимъ словомъ, никто живѣе Василія не чувствовалъ радости быть отцемъ, тѣмъ болѣе, что онъ — вѣроятно, тревожимый совѣстію за разводъ съ несчастною, первою супругою — могъ видѣть въ семъ благословенномъ плодѣ втораго брака какъ бы знакъ Небеснаго умилостивленія. — Елена чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ родила еще сына Георгія (312). Тогда Государь женилъ меньшаго брата своего, Андрея, на Княжнѣ Хованской, Евфросиніи (313). Братья Симеонъ и Димитрій Іоанновичи скончались безбрачными: первый Г. 1530 — 1531.

въ 1518, а второй въ 1521 году. Василій, кажется, не дозволялъ имъ жениться, пока не имѣлъ дѣтей, чтобы отнять у нихъ всякую мысль о наслѣдованіи престола.

Упомянемъ о разныхъ Посольствахъ сего времени. Не увѣренный ни въ союзѣ Тавриды, ни въ мирномъ расположеніи *Литвы*, Великій Князь тѣмъ благосклоннѣе отвѣтствовалъ на дружественныя предложенія Молдавскаго Воеводы, Петра, который (въ 1533 году) писалъ къ нему, чтобы онъ, будучи въ перемиріи съ Королемъ Сигизмундомъ и въ дружбѣ съ Султаномъ, *берегъ* его отъ перваго или убѣдилъ Солимана защитить оружіемъ Молдавію отъ нападенія Поляковъ. Великій Князь отправлялъ не только гонцевъ, но и важныхъ чиновниковъ къ сему Воеводѣ мужественному, еще опасному для Польши, Литвы и Тавриды сосѣду (314).

Г. 1532 — 1533 Посольства Молдавскія.

Новый Царь Астраханскій, Касымъ, также предлагалъ тѣсный союзъ Великому Князю; но едва Посолъ его успѣлъ доѣхать до Москвы, Черкесы, взявъ Астрахань, убили Царя и съ богатою добычею удалились въ горы. Мѣсто Касымово заступилъ Акубекъ, но также не на-долго: въ 1534 году уже другой Царь Астраханскій, Абдылъ-Рахманъ, далъ на себя клятвенную грамоту Василію въ истинномъ къ нему дружествѣ (315). — Послы Ногайскіе тогда же находились въ Москвѣ единственно для исходатайство-

Астраханскія.

Ногайское.

ванія купцамъ своимъ дозволенія продавать лошадей въ Россіи (316). Г. 1532 — 1533.

Но любопытнѣйшимъ Посольствомъ было Индѣйское, отъ Хана Бабура, одного изъ Тамерлановыхъ потомковъ, знаменитаго основателя Имперіи Великихъ Моголовъ, о коемъ мы упоминали, и который, будучи изгнанъ изъ Хоросана, бѣжалъ въ Индостанъ, гдѣ мужествомъ и счастіемъ утвердилъ свое господство надъ прекраснѣйшими землями въ мірѣ. Обитавъ нѣкогда на берегахъ Каспійскаго моря, Бабуръ имѣлъ свѣдѣніе о Россіи: желалъ, не смотря на отдаленіе, быть въ дружелюбной связи съ ея Монархомъ, и писалъ къ нему о томъ съ своимъ чиновникомъ, Хозею Уссеиномъ, предлагая, чтобы Послы и купцы свободно ѣздили изъ Индіи въ Москву, а изъ Москвы въ Индію. Великій Князь принялъ Уссеина милостиво; отвѣтствовалъ Бабуру, что радъ видѣть его подданныхъ въ Россіи и не мѣшаетъ своимъ ѣздить въ Индію, но — какъ сказано въ лѣтописи — *не приказывалъ къ нему о братствѣ*: ибо не зналъ, что онъ, Самодержецъ или только *урядникъ* Индѣйскаго Царства (317)? Индѣйское.

Послѣ войны Казанской Россія наслаждалась спокойствіемъ. Были только слухи о непріятельскихъ замыслахъ Крымцевъ. Сафа-Гирей, изгнанный изъ Казани, дышалъ ненавистію, злобою, и всячески убѣждалъ

Г. 1533. Набѣгъ Крымцевъ.

Хана, дядю своего, ко впаденію въ Московскіе предѣлы. Наконецъ — когда Великій Князь по своему обыкновенію готовился ѣхать съ Дворомъ на любимую охоту въ Волокъ Ламскій, чтобы провести тамъ всю осень — узнали въ Москвѣ (14 Августа), что войско Ханское идетъ къ Рязани. Самъ Царевичь Исламъ, тогдашній Калга, увѣдомилъ о семъ Великаго Князя, слагая всю вину на Сафа-Гирея; однакожь шелъ вмѣстѣ съ нимъ, будто бы склоняя его къ миру. Увеличенные разсказы о силѣ непріятеля испугали Дворъ, такъ, что Государь, немедленно пославъ Воеводъ къ берегамъ Оки и въ слѣдъ за ними самъ 15 Августа выѣхавъ въ Коломну, велѣлъ Боярамъ Московскимъ изготовиться къ осадѣ, а жителямъ съ ихъ имѣніемъ перевозиться въ Кремль (318). На пути встрѣтились ему гонцы изъ Рязани отъ Намѣстника, Князя Андрея Ростовскаго, съ вѣстію, что Исламъ и Сафа-Гирей выжгли посады Рязанскіе, но что городъ будетъ крѣпкимъ щитомъ Москвы, если разбойники захотятъ осаждать его. Василій въ тотъ же часъ отрядилъ легкую конницу за Оку *добывать языковъ*. Смѣлый Воевода, Князь Димитрій Палецкій, нашелъ толпы хищниковъ близъ Зарайска; разбилъ ихъ и взялъ многихъ плѣнниковъ. Другой Воевода, Князь Оболенскій-Телепневъ-Овчина, съ Московскими Дворянами гналъ и по-

шопилъ спражу непріяшельскую въ Осепрѣ, г. 1533.
но въ горячноспи наскакавъ на главную силу Царевичей, спасся шолько необычайнымъ мужесшвомъ. Ожидая за ними Великаго Князя со всѣми полками, Ташары ушли въ сшепи. Война кончилась въ пяшь дней; но мы не могли ошбишь своихъ плѣнниковъ, уведенныхъ непріяшелемъ въ Улусы. Многолюдныя села Рязанскія снова опусшѣли; и Ханъ Саипъ-Гирей хвалился, что Россія лишилась шогда не менѣе ста шысячь людей (319). „Царевичи" — писалъ онъ къ Василію — „сдѣлали „по своему, а не по моему; я велѣлъ имъ воевашь Лишву: они воевали Россію. Но упрекай себя. Князья говорящъ мнѣ: *что даетъ „намъ дружба съ Москвою? по соболю въ годъ. „А рать? тысячи.* Я не умѣлъ ничего ошвѣшсшвовашь имъ. Избирай любое: хочешь ли „мира и союза? да будушъ дары шнои по „крайней мѣрѣ въ цѣну шрехъ или чешырехъ „сошъ плѣнниковъ". Онъ шребовалъ ошъ Великаго Князя денегъ, ловчихъ пшицъ, *хлѣбника* и *повара*. Калга Исламъ увѣрялъ Васидія, какъ *названаго отца*, въ непремѣнномъ дружесшвѣ; а Сафа-Гирей писалъ къ нему съ шакими угрозами: „Я былъ нѣкогда „шебѣ сыномъ; но шы не захошѣлъ моей люб„ви — и сколько бѣдсшвій пало на швою „голову? Видишь землю свою въ пеплѣ и въ ра„зореніи. Еще снова можешь сдѣлашься намъ „другомъ, или не пресшанемъ воевашь, пока

г. 1533. „здравствуютъ дяди мои, Царь и Калга; гдѣ „узнаю врага твоего, соединюсь съ нимъ на „тебя, и довершу месть ужасную. Вѣдай!" Сіи грамоты были отданы чиновникамъ Великокняжескимъ Декабря 1: Государь уже находился при послѣднемъ издыханіи.

Болѣзнь и кончина Великаго Князя. Лѣтописцы говорятъ, что странное небесное знаменіе еще 24 Августа предвѣстило смерть Василіеву; что въ первомъ часу дня кругъ солнца казался вверху будто бы срѣзаннымъ; что оно мало по малу темнѣло среди яснаго неба, и что многіе люди, смотря на то съ ужасомъ, ожидали какой нибудь великой государственной перемѣны (320). Василій имѣлъ 54 года отъ рожденія; бодрствовалъ духомъ и тѣломъ; не чувствовалъ дотолѣ никакихъ припадковъ старости; не зналъ болѣзней; любилъ всегда дѣятельность и движеніе. Радуясь изгнанію непріятеля, онъ съ супругою и дѣтьми праздновалъ 25 Сентября, день Св. Сергія, въ Троицкой Лаврѣ; поѣхалъ на охоту въ Волокъ Ламскій, и въ своемъ селѣ Озерецкомъ занемогъ такимъ недугомъ, который сперва ни мало не казался опаснымъ. На сгибѣ лѣваго стегна явилась болячка съ булавочную головку, безъ верха и гноя, но мучительная. Великій Князь съ нуждою доѣхалъ до Волока (321); однакожь былъ на пиру у Дворецкаго, Ивана Юрьевича Шигоны, а на другой день ходилъ въ мыльню и обѣдалъ съ

Боярами. Время стояло прекрасное для охоты: Государь выѣхалъ съ собаками; но отъ сильной боли возвратился съ поля, въ село Колпь, и легъ въ постелю. Немедленно призвали Михаила Глинскаго и двухъ Нѣмецкихъ Медиковъ, Николая Люева и Ѳеофила. Лекарства употреблялись Русскія: мука съ медомъ, печеный лукъ, мазть, горшки и сѣменники. Сдѣлалось воспаленіе: гной шелъ цѣлыми тазами изъ чирья. Боярскіе дѣти перенесли Государя въ Волокъ Ламскій. Онъ пересталъ ѣсть; чувствовалъ тягость въ груди, и скрывая опасность не отъ себя, но единственно отъ другихъ, послалъ Стряпчаго Мансурова съ Дьякомъ Путятинымъ въ Москву за духовными грамотами своего отца и дѣда, не велѣвъ имъ сказывать того ни Великой Княгинѣ, ни Митрополиту, ни Боярамъ. Съ нимъ находились въ Волокѣ, кромѣ брата, Андрея Іоанновича, и Глинскаго, Князья Бѣльскій, Шуйскій, Кубенскій: никто изъ нихъ не зналъ сей печальной тайны, кромѣ Дворецкаго Шигоны. Другой братъ Василіевъ, Юрій Іоанновичъ, спѣшилъ къ нему изъ Дмитрова: Великій Князь отпустилъ его съ утѣшеніемъ, что надѣется скоро выздоровѣть; приказалъ везти себя въ Москву, шагомъ, въ саняхъ, на постелѣ; заѣхалъ въ Іосифову Обитель, лежалъ въ церкви на одрѣ, и когда Діаконъ читалъ молитву о здравіи Государя, всѣ упали на колѣна и рыдали: г. 1533.

Г. 1533. Игуменъ, Бояре, народъ. Василій желалъ въѣхать въ Москву скрытно, чтобы иноземные Послы, тамъ бывшіе, не видали его въ слабости, въ изнеможеніи; остановился въ
21 Ноября. Воробьевѣ, принялъ Митрополита, Епископовъ, Бояръ, воинскихъ чиновниковъ, и только одинъ показывалъ твердость: духовные и міряне, знатные и простые граждане обливались слезами. Навели мостъ на рѣкѣ, просѣкая тонкій ледъ. Едва сани Государевы взъѣхали, сей мостъ обломился: лошади упали въ воду; но Боярскіе Дѣти, обрѣзавъ гужи, удержали сани на рукахъ. Великій Князь запретилъ наказывать строителей. Внесенный въ Кремлевскія *постельныя хоромы*, онъ созвалъ Бояръ, Князей Ивана и Василія Шуйскихъ, Михайла Юрьевича Захарьина, Михайла Семеновича Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Казначея Головина, Дворецкаго Шигону, и велѣлъ при нихъ Дьякамъ своимъ писать новую духовную грамоту, уничтоживъ прежнюю, сочиненную имъ во время Митрополита Варлаама (322); объявилъ трехлѣтняго сына, Іоанна, наслѣдникомъ Государства, подъ опекою матери и Бояръ до пятнадцати лѣтъ его возраста; назначилъ Удѣлъ меньшему сыну; устроилъ Державу и Церковь; не забылъ ничего, какъ сказано въ лѣтописяхъ: но, къ сожалѣнію, сія важная хартія утратилась, и мы не знаемъ ея любопытныхъ подробностей.

Желая утвердить душу свою въ сіи торжественныя минуты, Государь тайно причастился. Бывъ дотолѣ на одрѣ недвижимъ, онъ съ легкою помощію Боярина Захарьина всталъ, принялъ Святые Дары съ вѣрою, любовію и слезами умиленія; легъ снова и хотѣлъ видѣть Митрополита, братьевъ, всѣхъ Бояръ, которые, узнавъ о недугѣ его, съѣхались изъ деревень въ столицу; сказалъ имъ, что поручаетъ юнаго Іоанна Богу, Дѣвѣ Маріи, Святымъ Угодникамъ и Митрополиту; что даетъ ему Государство, наслѣдіе великаго отца своего; что надѣется на совѣсть и честь братьевъ, Юрія и Андрея; что они, исполняя крестные обѣты, должны служить племяннику усердно въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ, да будетъ тишина въ Московской Державѣ, и да *высится* рука Христіанъ надъ невѣрными. Отпустивъ Митрополита и братьевъ, такъ говорилъ Боярамъ: „Вѣдаете, что Державство наше „идетъ отъ Великаго Князя Кіевскаго, Святаго Владиміра; что мы природные вамъ „Государи, а вы наши *извѣстные* Бояре. Слу„жите сыну моему, какъ мнѣ служили: блю„дите *крѣпко*, да царствуетъ надъ землею; „да будетъ въ ней правда! Не оставьте мо„ихъ племянниковъ, Князей Бѣльскихъ; не „оставьте Михаила Глинскаго: онъ мнѣ бли„жній по Великой Княгинѣ. Стойте всѣ за„едино какъ братья, ревностные ко благу г. 1533.

г. 1533. „отечества! А вы, любезные племянники, „усердствуйте вашему юному Государю въ „правленіи и въ войнахъ; а ты, Князь Михаилъ, за моего сына Іоанна и за жену мою „Елену долженъ охотно пролить всю кровь „свою *и дать тѣло свое на раздробленіе!*“

Василій изнемогалъ болѣе и болѣе. Выславъ всѣхъ, кромѣ Глинскаго, Захарьина, ближнихъ Дѣтей Боярскихъ и двухъ врачей, Люева и Ѳеофила, онъ требовалъ, чтобы ему впустили въ рану чего нибудь крѣпкаго: ибо она гнила и смердѣла. Захарьинъ утѣшалъ его вѣроятностію скораго выздоровленія. Великій Князь сказалъ Нѣмцу Люеву: „Другъ „и братъ! ты добровольно пришелъ ко мнѣ „изъ земли своей, и видѣлъ, какъ я любилъ „тебя и жаловалъ: можешь ли исцѣлить ме„ня?“ Люевъ отвѣтствовалъ: „Государь! „слышавъ о твоей милости и ласкѣ къ до„брымъ иноземцамъ, я оставилъ отца и мать, „чтобы служить тебѣ; благодѣяній твоихъ „не могу исчислить; но, Государь! не умѣю „воскрешать мертвыхъ: я не Богъ!“ Тутъ Великій Князь обратился къ Дѣтямъ Боярскимъ и молвилъ съ улыбкою: „Друзья! слы„шите, что я уже не вашъ!“ Они горько заплакали; не хотѣли растрогать его, вышли вонъ и пали на землю какъ мертвые. Онъ забылся на нѣсколько минутъ; открылъ глаза и громко произнесъ: „да исполнится воля „Божія! буди имя Господне благословенно „отнынѣ и до вѣка!“

Сіе было 3 Декабря. Игуменъ Троицкій, Г. 1533. Іоасафъ, тихо приближился къ одру болящаго. Василій сказалъ ему: „Отче! молись за Государство, за моего сына и за бѣдную мать „его! У васъ я крестилъ Іоанна, отдалъ „Угоднику Сергію, клалъ на гробъ Святаго, „поручилъ вамъ особенно: молитесь о мла„денцѣ Государѣ!" Онъ не велѣлъ Іоасафу выѣзжать изъ Москвы, и пользуясь слабыми остатками жизни, еще призвалъ Думныхъ Бояръ: Шуйскихъ, Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Шигону, Головина и Дьяковъ; бесѣдовалъ съ ними отъ третьяго до седьмаго часа, о новомъ правленіи, о сношеніяхъ Бояръ съ Великою Княгинею Еленою во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, изъявляя удивительную твердость, хладнокровіе и заботливость о судьбѣ оставляемой имъ Державы. Пришли братья и неотступно молили его, чтобы онъ подкрѣпилъ свои силы пищею; но Василій не могъ ѣсть и сказалъ (323): „смерть предо мною; „желаю благословить сына, видѣть жену, „проститься съ нею . . . . Нѣтъ! боюсь ея „горести; видъ мой устрашитъ младенца." Братья и Бояре настояли, чтобы онъ призвалъ Елену. Князь Андрей Іоанновичь и Михаилъ Глинскій пошли за нею. Государь возложилъ на себя крестъ Св. Петра Митрополита и хотѣлъ прежде видѣть сына. Братъ Еленинъ, Князь Иванъ Глинскій, принесъ его на рукахъ. Держа крестъ, Василій

Г. 1533. сказалъ младенцу: „Буди на тебѣ милость „Божія и на дѣтяхъ твоихъ! Какъ Св. Петръ „благословилъ симъ крестомъ нашего пра„родителя, Великаго Князя Іоанна Даніило„вича, такъ имъ благословляю тебя, моего „сына" (324). Онъ просилъ надзирательницу, Боярыню Агриппину (325), чтобы она неусыпно берегла своего Державнаго питомца, и слыша голосъ супруги, велѣлъ унести Іоанна. Князь Андрей и Боярыня Челяднина (326) вели Елену подъ руки: она страшно вопила и билась объ землю въ отчаяніи. Великій Князь утѣшалъ ее, говоря: „мнѣ лучше; не „чувствую никакой боли" — и съ нѣжностію молилъ успокоиться. Елена наконецъ ободрилась и спросила: „кому же по„ручаешь бѣдную супругу и дѣтей?" Василій отвѣчалъ: „Іоаннъ будетъ Государемъ; а „тебѣ, слѣдуя обыкновенію нашихъ отцевъ, „я назначилъ въ духовной своей грамотѣ „особенное достояніе." Исполняя желаніе супруги, онъ велѣлъ принести и меньшаго сына, Юрія; также благословилъ его крестомъ, и сказалъ, что онъ не забытъ въ духовной (327). — Умилительное прощаніе съ Еленою раздирало сердца жалостію: всѣ плакали и стенали. Она не хотѣла удалиться: Василій приказалъ вывести ее, и заплативъ послѣднюю дань міру, Государству и чувствительности, уже думалъ только о Богѣ.

Еще находясь въ Волокѣ, онъ говорилъ

Духовнику своему, Протоіерею Алексію, и Г. 1533.
любимому старцу Мисаилу: „не предайте „меня землѣ въ бѣлой одеждѣ! не останусь „въ мірѣ, если и выздоровлю.“ Отпустивъ Елену, Государь велѣлъ Мисаилу принести монашескую ризу, и спросилъ Игумена Кирилловской Обители, въ которой онъ издавна желалъ быть постриженнымъ; но сего Игумена не было въ Москвѣ. Послали за Іоасафомъ Троицкимъ, за образами Владимірской Богоматери и Св. Николая Гостунскаго. Духовникъ Алексій пришелъ съ Запасными Дарами, чтобы дать ихъ Василію въ самую минуту кончины (328). „Будь передо мною,“ сказалъ Великій Князь: „смотри и не пропусти сего мгновенія.“ Подлѣ Духовника стоялъ Стряпчій Государевъ, Ѳеодоръ Кучецкой, бывшій свидѣтелемъ Іоанновой смерти. Читали Канонъ на исходъ души. Василій лежалъ въ усыпленіи; потомъ, кликнувъ ближняго Боярина, Михайла Воронцова, обнялъ его съ горячностію; сказалъ брату Юрію: „помнишь ли преставленіе нашего „родителя? я такъ же умираю“ — и требовалъ немедленнаго постриженія, одобряемаго Митрополитомъ и нѣкоторыми Боярами; но Князь Андрей Іоанновичъ, Воронцовъ и Шигона говорили, что Св. Владиміръ не хотѣлъ быть Монахомъ и названъ Равноапостольнымъ; что Герой Донскій также скончался міряниномъ, но своими доб-

Г. 1533. родителями безъ сомнѣнія заслужилъ Царствіе Небесное. Шумѣли, спорили, а Василій крестился и читалъ молитвы; уже языкъ его тупѣлъ, взоръ меркнулъ, рука упала: онъ смотрѣлъ на образъ Богоматери и цѣловалъ простыню, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидая священнаго обряда. Митрополитъ Даніилъ взялъ черную ризу и подалъ Игумену Іоасафу: Князь Андрей и Воронцовъ хотѣли вырвать ее. Тогда Митрополитъ съ гнѣвомъ произнесъ ужасныя слова: „*Не* „*благословляю васъ ни въ сей вѣкъ, ни въ бу*„*дущій!* Никто не отниметъ у меня души „его. Добръ сосудъ сребряный, но лучше „позлащенный!" Василій отходилъ. Спѣшили кончить обрядъ. Митрополитъ, надѣвъ епитрахиль на Игумена Іоасафа, самъ постригъ Великаго Князя, переименованнаго Варлаамомъ. Въ торопяхъ забыли мантію для новаго Инока: Келарь Троицкій, Серапіонъ, далъ свою. Евангеліе и Схима Ангельская лежали на груди умирающаго. Нѣсколько минутъ продолжалось безмолвіе: Шигона, стоя подлѣ одра, первый воскликнулъ (329): „Государь скончался!" и всѣ зарыдали. — Пишутъ, что лице Василіево сдѣлалось вдругъ свѣтло; что, вмѣсто бывшаго несноснаго запаха отъ его раны, комната наполнилась благоуханіемъ. Митрополитъ омылъ тѣло и вытеръ хлопчатою бумагою.

Была полночь. Никто не спалъ въ Москвѣ.

Съ ужасомъ ждали вѣсти: народъ толпился г. 1533.
въ улицахъ. Плачь и вой раздался отъ дворца до Красной площади. Напрасно Бояре, сами заливаясь слезами, удерживали другихъ отъ громкаго стенанія, представляя, что Великая Княгиня еще не знаетъ о кончинѣ супруга. Митрополитъ, облачивъ умершаго въ полное Монашеское одѣяніе, вывелъ его братьевъ въ переднюю горницу и взялъ съ нихъ клятву быть вѣрными слугами Іоанна и матери его (330), не мыслить о Великомъ Княженіи, не измѣнять ни дѣломъ, ни словомъ. Обязавъ такою же присягою и всѣхъ Вельможъ, чиновниковъ, Дѣтей Боярскихъ, онъ пошелъ съ знатнѣйшими людьми къ Еленѣ, которая, видя ихъ, упала въ обморокъ и два часа не открывала глазъ. Бояре безмолвствовали: говорилъ одинъ Митрополитъ именемъ Вѣры, утѣшая со слезами (331).

Между тѣмъ ударили въ большой колоколъ: тѣло положили на одръ, принесенный изъ Чудова Монастыря, и растворили двери: народъ съ воплемъ устремился лобызать хладныя руки мертваго. Любимые пѣвчіе Василіевы хоромъ пѣли: *Святый Боже*! Ихъ никто не слыхалъ. Иноки Іосифова и Троицкаго монастыря несли тѣло въ церковь Св. Михаила. Елена не могла итти. Дѣти Боярскіе взяли ее на руки. Всѣ Бояре окружали гробъ: Князья Василій Шуйскій, Михаилъ Глинскій, Иванъ Телепневъ-Оболен-

Г. 1533. скій и Воронцовъ шли за Еленою, вмѣстѣ съ знатнѣйшими Боярынями. Погребеніе было великолѣпно и скорбь неописанная въ народѣ. „Дѣти хоронили своего отца,“ по словамъ Лѣтописцевъ, которые съ чувствительностію называютъ Василія *добрымъ, ласковымъ Государемъ* (332: имя скромное, но умилительное, и простота его ручается за его истину.

Характеръ Василіевъ. Василій стоитъ съ честію въ памятникахъ нашей Исторіи между двумя великими характерами, Іоаннами III и IV, и не затмѣвается ихъ сіяніемъ для глазъ наблюдателя; уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ дарованіяхъ — первому въ обширномъ, плодотворномъ умѣ государственномъ, второму въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ правилъ добродѣтели, — онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростію отца, не устранился, двигался впередъ шагами размѣренными благоразуміемъ, безъ порывовъ страсти, и приближился къ цѣли, къ величію Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; былъ не Геніемъ, но добрымъ Правителемъ; любилъ Государство болѣе собственнаго великаго имени, и въ семъ отношеніи достоинъ истинной, вѣчной хвалы, которую не многіе Вѣнценосцы заслуживаютъ. Іоанны III творятъ, Іоанны IV прославляютъ и не рѣдко губятъ; Ва-

силіи сохраняютъ, утверждаютъ Державы, г. 1533.
и даются тѣмъ народамъ, коихъ долговременное бытіе и цѣлость угодны Провидѣнію.

Василій имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лице миловидное (333), взоръ проницательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствительно болѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ, по тогдашнему времени. Читая письма его къ Еленѣ, видимъ нѣжность супруга и отца, который, будучи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, непрестанно обращается къ нимъ въ мысляхъ, изъясняемыхъ простыми словами, но внушаемыми только чувствительнымъ сердцемъ (334). Рожденный въ вѣкъ еще грубый и въ Самодержавіи новомъ, для коего строгость необходима, Василій по своему характеру искалъ средины между жестокостію ужасною и слабостію вредною: наказывалъ Вельможъ, и самыхъ ближнихъ, но часто и миловалъ, забывалъ вины. Умный Бояринъ Беклемишевъ заслужилъ его гнѣвъ: удаленный отъ Двора, жаловался на Великаго Князя съ нескромною досадою; находилъ въ немъ пороки и предсказывалъ несчастія для Государства. Беклемишева судили, уличили въ дерзости и казнили смертію на Москвѣ-рѣкѣ; а Дьяку Ѳедору Жареному отрѣзали языкъ за лживыя слова, оскорбительныя для Государевой чести (335). Тогда не отличали словъ отъ дѣлъ, и думали, что Государь, какъ земный

г. 1533. Богъ, можетъ наказывать людей и за самыя мысли, ему противныя! Опасались милосердія въ такихъ случаяхъ, гдѣ святая особа Вѣнценосца могла унизиться въ народномъ мнѣніи; боялись, чтобы вина отпускаемая не показалась народу виною малою. — Кромѣ двухъ несчастныхъ жертвъ Политики, юнаго Великаго Князя Димитрія и Шемякина, сынъ Героя, Даніила Холмскаго, Воевода и Бояринъ Князь Василій, супругъ Государевой сестры, Ѳеодосіи, въ 1508 году былъ сосланъ на Бѣлоозеро и въ темницѣ умеръ. Такую же участь имѣлъ и знатный Дьякъ, Долматовъ: назначенный въ Посольство къ Императору Максимиліану, онъ не хотѣлъ ѣхать, отговариваясь своею бѣдностію: велѣли опечатать его домъ, нашли въ ономъ 3000 рублей денегъ и наказали Долматова какъ преступника (336). Государь простилъ Князей Ивана Воротынскаго и Шуйскихъ, которые думали уйти въ Литву (337). Иванъ Юрьевичь Шигона, бывъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ, сдѣлался послѣ однимъ изъ первыхъ любимцевъ Василіевыхъ, равно какъ и Георгій Малый Трахaніотъ, Грекъ выѣхавшій съ Великою Княгинею Софіею: пишутъ, что онъ впалъ въ немилость отъ тайной связи съ купцемъ Греческимъ, Маркомъ, осужденнымъ въ Москвѣ за какую-то опасную для Церкви ересь. Зная способности и необыкновенный разумъ Георгія, Великій Князь возвратилъ ему свою милость,

совѣтовался съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ, Г. 1533.
и для того приказывалъ знатнымъ чиновникамъ возить его нездороваго во дворецъ на тележкѣ (338). Мужъ славный въ нашей Церковной Исторіи, Инокъ Максимъ Грекъ, былъ также въ числѣ знаменитыхъ, винныхъ или невинныхъ страдальцевъ сего времени. Судьба его достопамятна: разскажемъ обстоятельства.

Дѣло Максима Грека.

Василій, въ самые первые дни своего правленія осматривая богатства, оставленныя ему родителемъ, увидѣлъ множество Греческихъ духовныхъ книгъ, собранныхъ отчасти древними Великими Князьями, отчасти привезенныхъ въ Москву Софіею, и лежавшихъ въ пыли, безъ всякаго употребленія. Онъ хотѣлъ имѣть человѣка, который могъ бы разсмотрѣть оныя и лучшія перевести на языкъ Славянскій: не нашли въ Москвѣ и писали въ Константинополь. Патріархъ, желая угодить Великому Князю, искалъ такого *Философа* въ Болгаріи, въ Македоніи, въ Ѳессалоникѣ; но иго Оттоманское задушило всѣ остатки древней учености: тьма и невѣжество господствовали въ областяхъ Султанскихъ. Наконецъ узнали, что въ славной Обители Благовѣщенія, на горѣ Аѳонской, есть два Инока, Савва и Максимъ, Богословы искусные въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ. Первый въ изнеможеніи старости не могъ предпріять даль-

г. 1533. няго путешествія въ Россію: второй согласился исполнить волю Патріарха и Великаго Князя. Въ самомъ дѣлѣ не льзя было найти человѣка способнѣйшаго для замышляемаго труда. Рожденный въ Греціи, но воспитанный въ образованной Западной Европѣ, Максимъ учился въ Парижѣ, во Флоренціи; много путешествовалъ, зналъ разные языки, имѣлъ свѣдѣнія необыкновенныя, пріобрѣтенныя въ лучшихъ Университетахъ и въ бесѣдахъ съ мужами просвѣщенными. Василій принялъ его съ отмѣнною милостію. Увидѣвъ нашу библіотеку, изумленный Максимъ сказалъ въ восторгѣ: „Государь! вся Греція не имѣетъ „нынѣ такого богатства, ни Италія, гдѣ „Латинскій Фанатизмъ обратилъ въ пепелъ „многія творенія нашихъ Богослововъ, спа„сенныя моими единоземцами отъ варваровъ „Магометовыхъ“ (339). Великій Князь слушалъ его съ живѣйшимъ удовольствіемъ и поручилъ ему библіотеку; а ревностный Грекъ, описавъ всѣ, еще неизвѣстныя Славянскому народу книги, по желанію Государеву перевелъ Толковую Псалтирь, съ помощію трехъ Москвитянъ, Власія, Димитрія и Михайла Медоварцова (340). Одобренная Митрополитомъ Варлаамомъ и всѣмъ Духовнымъ Соборомъ, сія важная книга, прославивъ Максима, сдѣлала его любимцемъ Великаго Князя, такъ, что онъ не могъ съ нимъ разстаться и ежедневно бесѣдовалъ о предметахъ Вѣ-

ры. Умный Грекъ не ослѣпился сею честію: г. 1533.
благодаря Василія, убѣдительно требовалъ отпуска въ тишину своей Аѳонской Обители, и говорилъ: „тамъ буду славить имя „твое; скажу моимъ единоземцамъ, что міръ „еще имѣетъ Царя Христіанскаго, сильна„го и великаго, который, если угодно Все„вышнему, можетъ освободить насъ отъ „тиранства невѣрныхъ." Но Василій отвѣтствовалъ ему новыми знаками благоволенія и держалъ его девять лѣтъ въ Москвѣ: время употребленное Максимомъ на переводы разныхъ книгъ, на исправленіе ошибокъ въ старыхъ переводахъ и на сочиненія душеспасительныя, изъ коихъ знаемъ болѣе ста (341). Имѣя свободный доступъ къ Великому Князю, онъ ходатайствовалъ иногда за Вельможъ лишаемыхъ Государевой милости и возвращалъ имъ оную, къ неудовольствію и зависти многихъ людей, въ особенности Духовенства и суетныхъ Иноковъ Іосифова монастыря, любимыхъ Великимъ Княземъ (342). Смиренный Митрополитъ Варлаамъ мало думалъ о земномъ; но преемникъ Варлаамовъ, гордый Даніилъ, не замедлилъ объявить себя врагомъ чужеземца. Говорили: „кто сей „человѣкъ, дерзающій искажать древнюю свя„тыню нашихъ церковныхъ книгъ и сни„мать опалу съ Бояръ?" Одни доказывали, что онъ еретикъ; другіе представили его Великому Князю злоязычникомъ, неблагодар-

г. 1535. нымъ, втайнѣ осуждающимъ дѣла Государевы. Сіе было во время развода Василіева съ несчастною Соломоніею: увѣряютъ, что сей благочестивый мужъ дѣйствительно не хвалилъ онаго; по крайней мѣрѣ находимъ въ Максимовыхъ твореніяхъ *Слово къ оставляющимъ женъ своихъ безъ вины законныя* (343). Любя вступаться за гонимыхъ, онъ тайно принималъ ихъ у себя въ кельѣ и слушалъ иногда рѣчи оскорбительныя для Государя и Митрополита. На примѣръ: несчастный Бояринъ, Иванъ Беклемишевъ, жалуясь ему на вспыльчивость Великаго Князя, сказалъ, что прежде достойные Церковные Пастыри удерживали Государей отъ страстей и несправедливости, но что Москва уже не имѣетъ Митрополита; что Даніилъ носитъ только имя и личину Пастыря, не мысля быть наставникомъ совѣсти, ни покровителемъ невинныхъ; что Максима никогда не выпустятъ изъ Россіи: ибо Великій Князь и Митрополитъ опасаются его нескромности въ чужихъ земляхъ, гдѣ онъ могъ бы огласить ихъ слабости (344). Наконецъ умѣли довести Государя до того, что онъ велѣлъ судить Максима: обвинили его и заточили въ одинъ изъ Тверскихъ монастырей какъ уличеннаго въ ложныхъ толкованіяхъ Св. Писанія и Догматовъ Церковныхъ: что, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, было клеветою, вымы-

шленною Чудовскимъ Архимандритомъ Іо- нною, Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ и Митрополитомъ (345). Г. 1533.

Въ государственныхъ бумагахъ сего времени находимъ, что знатные люди, не довольные Василіемъ, обвиняли его въ излишней надежности на самого себя, въ неуваженіи совѣтовъ, въ упрямствѣ, нетерпѣніи противорѣчій, не смотря на то, что онъ рѣшилъ всѣ дѣла *именемъ Боярскимъ*. „Іоаннъ" — говорили они — „не употреблялъ сего выраженія въ бумагахъ, но охотно слушалъ противорѣчія и любилъ смѣлыхъ; а Василій не „чтитъ старыхъ людей и дѣлаетъ всѣ дѣ- „ла запершися самъ-третей, у постели." Жаловались также на любовь его *къ новымъ обычаямъ*, привезеннымъ въ Москву Софіиными Греками которые, по ихъ словамъ, *замѣшали* Русскую землю (346). Но всѣ такія, можно сказать, легкія обвиненія, если и справедливыя, доказывая, что Василій не былъ чуждъ обыкновенныхъ слабостей человѣческихъ, опровергаютъ ли сказаніе Лѣтописцевъ о природномъ его добродушіи? Снискавъ общую любовь народа, онъ, по словамъ Историка Іовія, не имѣлъ воинской стражи во дворцѣ: ибо граждане служили ему вѣрными тѣлохранителями (347).

Жалобы на Великаго Князя.

Великій Князь, какъ говорили тогда, *судилъ* и *рядилъ землю* всякое утро до самаго обѣда, послѣ коего уже не занимался дѣлами (348); любилъ сельскую тиши-

Образъ жизни Василія.

г. 1533. ну; живалъ лѣтомъ въ Островѣ, Воробьевѣ или въ Москвѣ на Воронцовѣ полѣ до самой осени (349); часто ѣздилъ по другимъ горо-

Охота. дамъ и на псовую охоту, въ Можайскъ и Волокъ Ламскій; но и тамъ не забывалъ Государства: трудился съ Думными Боярами и Дьяками; иногда принималъ Пословъ иноземныхъ (350). Баронъ Герберштеинъ описываетъ такъ охоту Великокняжескую: „Мы увидѣли Государя въ полѣ; оставили лошадей своихъ „и приближились къ нему. Онъ сидѣлъ на „гордомъ конѣ, въ богатомъ терликѣ, въ высокой, осыпанной драгоцѣнными каменьями „шапкѣ, съ златыми перьями, которыя развѣвались вѣтромъ; на бедрѣ висѣли кинжалъ „и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. „Подлѣ него ѣхали съ правой стороны Царь „Казанскій, Алей, вооруженный лукомъ и „стрѣлами, а съ лѣвой два Князя молодые, „изъ коихъ одинъ держалъ сѣкиру, другой булаву или шестоперъ; вокругъ болѣе трехъ „сотъ всадниковъ." Передъ вечеромъ сходили съ коней; разставляли шатры на лугу. Государь, перемѣнивъ одежду, садился въ своемъ шатрѣ на кресла, призывалъ Бояръ и весело бесѣдовалъ съ ними о подробностяхъ счастливой или неудачной ловли того дня. Служители подавали закуски, вино и медъ (351). — Самые древніе Князья наши, Всеволодъ I, Мономахъ и другіе любили звѣриную ловлю; но Василій едва ли не первый завелъ *псовую* охо-

пу: ибо Россіяне въ старину считали псовъ животными нечистыми и гнушались ими (352). Г. 1533.

Дворъ его былъ великолѣпенъ. Василій умножилъ число сановниковъ онаго, прибавивъ къ нимъ *Оружничаго*, *Ловчихъ*, *Крайчаго* и *Рындъ* (353. *Крайчій* былъ тоже, что нынѣ Оберъ-Шенкъ; а *Рындами* именовались оруженосцы, молодые знатные люди, избираемые по красотѣ, нѣжной пріятности лица, стройному стану: одѣтые въ бѣлое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топориками, они ходили передъ Великимъ Княземъ, когда онъ являлся народу; стояли у трона и казались иноземцамъ подобіемъ Ангеловъ небесныхъ; а въ воинскихъ походахъ хранили доспѣхъ Государевъ. — Смиренный въ церкви — гдѣ, удаляя отъ себя многочисленныхъ Царедворцевъ, онъ стоялъ всегда одинъ, у стѣны, близъ дверей, опираясь на свой посохъ (354) — Василій любилъ пышность во всѣхъ иныхъ торжественныхъ собраніяхъ, особенно въ пріемѣ иноземныхъ Пословъ. Чтобы они видѣли множество и богатство народа, славу и могущество Великаго Князя, для того, въ день ихъ представленія, запирались всѣ лавки, останавливались всѣ работы и дѣла: граждане въ лучшемъ своемъ платьѣ спѣшили къ Кремлю и густыми толпами окружали стѣны его. Изъ окрестныхъ городовъ призывали Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Войско стояло въ ружьѣ. Чиновники Дворъ.

Г. 1533. за чиновниками, одни другихъ знатнѣе, выходили на встрѣчу къ Посламъ. Въ пріемной палатѣ, наполненной людьми, царствовало глубокое молчаніе. Государь сидѣлъ на тронѣ; близъ него, на стѣнѣ, висѣлъ образъ; передъ нимъ, съ правой стороны, лежалъ *коллакъ*, съ лѣвой посохъ. Бояре сидѣли на скамьяхъ, въ одеждѣ усѣянной жемчугомъ, въ высокихъ

Обѣды. *горлатныхъ* шапкахъ (355).—Обѣды Великокняжескіе продолжались иногда до самой ночи. Въ большой комнатѣ накрывались столы въ нѣсколько рядовъ. Подлѣ Государя занимали мѣсто братья его или Митрополитъ; далѣе Вельможи и чиновники, между коими угощались иногда и простые воины, отличные заслугами. Въ срединѣ, на высокомъ столѣ, сіяло множество золотыхъ сосудовъ, чашъ, кубковъ и проч. Первымъ блюдомъ были всегда жареные лебеди. Разносили кубки съ Мальвазіею и съ другими Греческими винами. Государь въ знакъ милости самъ къ нѣкоторымъ посылалъ кушанье: тогда они вставали и кланялись ему; другіе также вставали, изъ учтивости къ нимъ: за что надлежало ихъ благодарить особенными поклонами. Для сокращенія времени гости могли свободно разговаривать другъ съ другомъ. Бесѣды веселыя, благочинныя безъ принужденія, нравились Василію. Съ иноземцами говаривалъ онъ за обѣдомъ весьма ласково; называлъ ихъ Монарховъ великими; желалъ, чтобы они,

утружденные дальнимъ путемъ, насладились въ Москвѣ отдохновеніемъ и собрали новыя силы для пути обратнаго; предлагалъ имъ вопросы, и проч. „Когда мы" (пишетъ Францискъ да-Колло, Посолъ Максиміліановъ) „ночью возвращались домой изъ Кремля, всѣ „улицы были освѣщены такъ ярко, что ночь „казалась днемъ" (356). — Сверхъ даровъ, Посламъ ежедневно отпускалось въ изобиліи все для нихъ нужное; считалось за обиду, если они что нибудь покупали. Приставы смотрѣли имъ въ глаза, отвѣтствуя за малѣйшее неудовольствіе сихъ почетныхъ гостей. Г. 1533.

Василій такъ же, какъ и родитель его, назывался только Великимъ Княземъ для Россіи, употребляя слѣдующій титулъ *въ сношеніяхъ съ Державами иноземными*: „Великій Государь Василій, Божіею милостію „Царь и Государь всея Руси и Великій Князь „Владимірскій, Московскій, Новогородскій, „Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, „Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ; „Государь и Великій Князь Новагорода Низовской земли, и Черниговскій, и Рязанскій, „и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, и Ростовскій, и Ярославскій, и Бѣлозерскій, и „Удорскій, и Обдорскій, и Кондинскій, и „иныхъ" (357). Іоаннъ на предложеніе Императора, дать ему Королевское достоинство, отвѣтствовалъ, какъ мы видѣли, гордо; а Василій на такое же предложеніе Папы Ле- Титулъ.

Г. 1533. она X не отвѣтствовалъ ни слова, вопреки баснямъ иностранныхъ Писателей, которые думали, что наши Великіе Князья издревле домогались Королевскаго титула.

Иноземцы въ Москвѣ.

Слѣдуя во всемъ Іоанну, Василій старался привлекать иноземцевъ полезныхъ въ Россію. Кромѣ людей искусныхъ въ дѣлѣ воинскомъ, онъ первый изъ Великихъ Князей имѣлъ Нѣмецкихъ лекарей при Дворѣ. Мы упоминали о Люевѣ и Ѳеофилѣ: сей послѣдній былъ Любчанинъ, взятый въ плѣнъ Воеводою Сабуровымъ въ Литвѣ. Магистръ Прусскій ходатайствовалъ о свободѣ его; но Великій Князь сказалъ, что сей Нѣмецъ лечитъ одного изъ нашихъ Вельможъ и долженъ прежде возвратить ему здоровье, а послѣ требовать отпуска въ свою землю (358). Волею или неволею Ѳеофилъ остался въ Москвѣ, гдѣ находился и третій знаменитый лекарь, родомъ Грекъ, именемъ Марко, коего жена и дѣти жили въ Царѣградѣ. Султанъ писалъ къ Великому Князю: „Отпусти Марка къ „его семейству; онъ заѣхалъ въ Россію един„ственно для торговли;“ но Государь отвѣчалъ: „Марко издавна служитъ мнѣ добро„вольно, и лечитъ моего Новогородскаго „Намѣстника; пришли къ нему жену и дѣ„тей“ (359). Иноземцамъ съ умомъ и съ дарованіемъ легче было тогда въѣхать въ Россію, нежели выѣхать изъ нее.

Законы.

Василій издалъ многіе законы для внут-

реннягo благоустройства государственнаго, г. 1533.
которые, вмѣстѣ съ Уложеніемъ отца его, вошли въ Судебникъ Царя Іоанна Василіевича. На примѣръ, сей Великій Князь уставилъ, чтобы владѣльцы Тверскіе, Оболенскіе, Бѣлозерскіе и Рязанскіе не продавали отчинъ своихъ жителямъ другихъ областей; чтобы наслѣдники людей, отказавшихъ имѣніе монастырямъ, не выкупали онаго, если въ завѣщаніи не дано имъ право на сей выкупъ, и проч. (360. Жалованная Смоленская грамота велитъ Намѣстникамъ отдавать всякое поличное истцамъ, искоренять ябедниковъ и немедленно освобождать судимаго, представляющаго надежныхъ порукъ; дозволяетъ мѣщанамъ безъ явки рубить лѣсъ около города; запрещаетъ Боярамъ кабалить вольныхъ людей и держать корчмы; опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, *стадную, убойную* (361), и показываетъ намъ тогдашнюю многосложную, запутанную, мелочную систему казенныхъ доходовъ, изобрѣтенную въ вѣки невѣжества. Важное и любопытное судное постановленіе сдѣлано было Василіемъ въ Новѣгородѣ: узнавъ, что Намѣстники и Тіуны кривятъ душею въ рѣшеніи тяжбъ, онъ велѣлъ избрать тамъ 48 Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, съ тѣмъ, чтобы сіи люди, достойные общаго уваженія, по очереди судили всѣ дѣла съ Тіунами (362). Для чего не распространилъ онъ столь

Г. 1533 мудраго и благодѣтельнаго учрежденія на все Государство? Можетъ быть, другіе Россіяне еще не имѣли довольно гражданскаго ума и навыка: они молчали, а Новогородцы, воспоминая старину, жаловались и требовали. Самодержавіе не мѣшало Государю дать лучшимъ гражданамъ участіе въ судномъ правѣ. —Лѣтописцы хвалятъ еще Василія за утвержденіе тишины и безопасности въ Новѣгородѣ: онъ учредилъ тамъ пожарную и ночную стражу; велѣлъ, какъ и въ Москвѣ, замыкать ввечеру улицы рогатками, и совершенно прекратилъ воровство. Лишенные способа жить кражею и злодѣйствами, негодники ушли или обратились къ трудолюбію, выучились ремесламъ и сдѣлались людьми полезными (363).

Строенія. При семъ Великомъ Князѣ построены четыре важныя крѣпости съ каменными стѣнами: въ Нижнемъ Новѣгородѣ, Тулѣ, Коломнѣ и Зарайскѣ; первую строилъ Петръ Фрязинъ; она еще цѣла. Коширу и Черниговъ укрѣпили только валомъ и деревянными башнями. Въ Москвѣ Фрязинъ Алевизъ обложилъ Кремлевскіе рвы кирпичемъ и выкопалъ нѣсколько прудовъ въ предмѣстіяхъ (364). Въ Новѣгородѣ, опустошенномъ пожарами, чиновники Великокняжескіе размѣрили улицы, площади, ряды на образецъ Московскихъ (365). —Изъ храмовъ, созданныхъ Василіемъ, донынѣ существуютъ въ Москвѣ Кремлевская цер-

ковъ Св. Николая Гостунскаго (на томъ мѣстѣ, гдѣ была деревянная) и Дѣвичій монастырь, основанный въ знакъ благодарности ко *Всевышнему за взятіе Смоленска.* Государь изъ собственной казны своей отложилъ на то 3000 рублей (около шестидесяти тысячь нынѣшнихъ), кромѣ дворцовыхъ селъ и деревень, данныхъ сему монастырю (366). Главнымъ строителемъ церковнымъ былъ тогда Фрязинъ Алевизъ *Новый.* Довершивъ храмъ *Михаила Архангела, Василій* (въ 1507 году) перенесъ туда гробы своихъ предковъ, и самъ назначилъ себѣ могилу подлѣ родителя (367). Соборъ Успенскій былъ (въ 1515 году) украшенъ живописью, *чудною* и столь искусною, говорятъ Лѣтописцы, что Великій Князь, Святители и Бояре, вступивъ въ церковь, *сказали: „мы видимъ небеса!" Между* иконописцами славился Россіянинъ, Ѳедоръ Едикеевъ, который расписывалъ церковь Благовѣщенія, соединенную съ новымъ, великолѣпнымъ дворцемъ, куда Василій перешелъ въ Маѣ 1508 году (368). г. 1533.

Церковная Исторія Василіева государствованія, *кромѣ мнимой ереси Максима Грека* въ исправленіи священныхъ книгъ, представляетъ не много достопамятныхъ случаевъ. Уже давно мощи Алексія Митрополита, по сказанію Лѣтописцевъ, исцѣляли недужныхъ; но въ 1519 году были священнымъ обрядомъ утверждены во славѣ чудотворенія. Митро- Церковныя дѣянія.

г. 1533. политъ Варлаамъ донесъ Государю, что многіе слѣпцы, съ усердіемъ лобызая раку Алексія, прозрѣли. Собралось все Духовенство и несмѣтное число людей при колокольномъ звонѣ. Объявили чудеса и доказательства оныхъ. Пѣли молебенъ надъ святымъ гробомъ: Великій Князь, обливаясь слезами умиленія, первый поклонился оному и восхвалилъ милость Неба, которая во дни его царствованія открыла *вторый источникъ* благодати и спасенія для Москвы. Свѣтло праздновали сей день, и Св. Алексій, въ народномъ мнѣніи, сталъ на ряду съ древнимъ Московскимъ Угодникомъ Божіимъ, Митрополитомъ Петромъ (369).

Не малымъ соблазномъ для Духовенства и мірянъ была тогдашняя ссора Архіепископа Новогородскаго, Серапіона, съ Св. Іосифомъ Волоцкимъ, за то, что сей послѣдній съ монастыремъ своимъ отложился отъ его вѣдомства къ Митрополіи (370). Великій Князь въ гнѣвѣ лишилъ Серапіона Епархіи, и Новогородцы, 17 лѣтъ не имѣвъ Святителя, съ радостію встрѣтили наконецъ знаменитаго Макарія, бывшаго Архимандрита Лужковскаго, согласно съ древнимъ обычаемъ поставленнаго къ нимъ въ Архіепископы. Лѣтописецъ ихъ славитъ сіе время какъ счастливѣйшее для его отчизны, гдѣ, молитвами ревностнаго Пастыря, вселилась тишина, сопутствуемая здравіемъ людей, обиліемъ и

веселіемъ. Макарій первый учредилъ *обще-* г. 1533.
жительство въ монастыряхъ Новогородскихъ и тѣмъ умножилъ вездѣ число Иноковъ, доставивъ имъ способъ жить безпечно: ибо прежде каждый изъ нихъ имѣлъ свое хозяйство, соединенное съ заботами. Строгій въ наблюденіи благочинія, онъ вывелъ Игуменовъ изъ всѣхъ женскихъ монастырей и далъ Инокинямъ Настоятельницъ; отличался также усердіемъ къ лѣпотѣ церковной: сдѣлалъ въ Софіи, на мѣсто обветшалыхъ, новыя богатыя Царскія двери и великолѣпный амвонъ; расписалъ стѣны, обновилъ иконы, между которыми древнѣйшія были Греческія: Спасителя и Апостоловъ, Петра и Павла, *устроенныя* (какъ сказано въ лѣтописи) *изъ золота и серебра.* — Въ первые годы Макаріева Архіепископства Лапландскіе Поморяне, обитавшіе близъ устья рѣки Нивы и Кандалажской Губы, прислали старѣйшинъ къ Великому Князю, моля его дать имъ учителей Христіанскихъ; а Государь велѣлъ Макарію отправить туда Софійскаго Іерея съ Діакономъ, которые просвѣтили жителей истиною Евангельскою. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще отдаленнѣйшіе дикари, Лапландцы Кольскіе, изъявили Макарію желаніе креститься, и съ великимъ усердіемъ приняли Священниковъ. Такъ Россіяне, отъ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ, насаждали Вѣру Спасителеву, не употребляя

г. 1533. ни малѣйшаго принужденія. Но сіи люди полудикіе, уже вѣруя во Христа, еще держались старыхъ обычаевъ: въ Пятинѣ Вотской, въ Ижерѣ, около Ивангорода, Ямы, Копорья, Ладоги, Невы, до Каяніи и Лапландіи, на пространствѣ тысячи верстъ или болѣе, народъ еще обожалъ солнце, луну, звѣзды, озера, источники, рѣки, лѣса, камни, горы; имѣлъ жрецовъ именуемыхъ Арбуями, и ходя въ церкви Христіанскія, не измѣнялъ и кумирамъ. Макарій, съ дозволенія Государева, послалъ туда умнаго Монаха, Илію, съ наставительною грамотою къ жителямъ, которые, увѣряя его въ ихъ ревности къ Христіанству, говорили, что они не смѣютъ коснуться своихъ идоловъ, хранимыхъ ужасными духами. Илія зажегъ мнимые лѣса священные, бросилъ въ воду кумиры, удивилъ народъ, и проповѣдію Слова Божія довершилъ торжество Христіанства. Лѣтописецъ сказываетъ, что пятилѣтніе младенцы помогали сему добродѣтельному Иноку сокрушать мольбища идолопоклонниковъ (371). — Замѣтимъ, что не только Чудь, но и самые Россіяне въ XVI вѣкѣ еще усердно слѣдовали нѣкоторымъ языческимъ обыкновеніямъ. Жители Псковской области 24 Іюня праздновали день Купала: собирали травы въ пустыняхъ и въ дубравахъ съ какими-то суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопе-

ляхъ, на гудкахъ; молодыя жены, дѣвицы Г. 1533.
плясали, обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе: о чемъ ревностный Игуменъ Елеазаровской Обители, старецъ Памфилъ, съ укоризною писалъ къ Намѣстнику и сановникамъ Пскова въ 1505 году (372).

Угнетенное игомъ невѣрныхъ и бѣдностію, Духовенство Греческое, какъ и прежде, искало утѣшенія и благодѣяній въ Россіи. Константинопольскій Патріархъ Ѳеолиптъ (въ 1518 году) присылалъ къ намъ Янинскаго Митрополита Григорія съ Аѳонскими Иноками, чтобы разжалобить Великаго Князя описаніемъ ихъ печальнаго состоянія. Благословляя Христіанскую добродѣтель Россіянъ, они выѣхали изъ Москвы съ богатыми дарами. Будучи въ дружбѣ съ Султаномъ, Государь и самъ посылалъ милостыню въ Грецію съ своими чиновниками (373).

При Василіи (въ 1509 году) былъ церковный Соборъ въ Литовской Россіи, въ Вильнѣ: Духовенство наше не имѣло участія въ ономъ. Кіевскій Митрополитъ Іосифъ съ семью Епископами уставили тамъ весьма строгіе законы для нравственности Священниковъ, взявъ мѣры, чтобы мірская власть не вмѣшивалась въ права Духовной. Дѣянія сего достопамятнаго Собора свидѣтельствуютъ, что Церковь Греческая пользовалася тогда въ Литвѣ свободою, независимостію, и была вѣрною кореннымъ уставамъ Православія (374).

г. 1533. Разныя бѣдствія.

Въ 27 лѣтъ Василіева государствованія Россія испытала немалыя физическія бѣдствія: отъ 1507 до 1509 года свирѣпствовала язва съ *железою* въ Новѣгородѣ, и въ одну осень схоронено тамъ 15,000 человѣкъ; зимою въ 1512 году во многихъ областяхъ люди умирали кашлемъ; въ 1521 и 1532 году было во Псковѣ ужасное повѣтріе, отъ коего всѣ государственные чиновники разбѣжались, и которое миновалось, по извѣстію Лѣтописцевъ, отъ употребленія Святой воды, присланной Архіепископомъ Макаріемъ, Великимъ Княземъ и Митрополитомъ. Тогда же и въ Новѣгородѣ умерло болѣе тысячи жителей *отъ прыщей* (375). Были чрезвычайныя засухи: пишутъ, что лѣтомъ въ 1525 году около четырехъ недѣль солнце и луна не показывались на небѣ отъ густой мглы; что въ 1533 году отъ 29 Іюня до Сентября не упало ни одной дождевой капли на землю; что болота и ключи изсохли, лѣса горѣли: солнце тусклое, багровое, скрывалось за два часа до захожденія; люди въ день не распознавали другъ друга въ лице и задыхались отъ дымнаго смрада; путешественники, плаватели не видали пути; птицы не могли парить въ воздухѣ (376). Напротивъ того лѣтомъ въ 1518 году недѣль пять шли непрестанно сильные дожди: рѣки выступили изъ береговъ; поля залились водою; прервалось сообщеніе между городами

и селами. Великій Князь торжественными молебствіями старался умилостивить небо: Дворъ и народъ постились (377). — Общій неурожай въ 1512 году произвелъ неслыханную дороговизну: бѣдные умирали съ голоду (378). Въ Сентябрѣ 1515 года Москва имѣла недостатокъ въ хлѣбѣ: не льзя было купить ни четверти ржи. Въ 1525 году все съѣстное продавалось тамъ въ десять разъ дороже обыкновеннаго (379). — Лѣтописцы жалуются на частые пожары (обвиняя въ томъ учрежденіе пороховыхъ заводовъ): въ Москвѣ, Псковѣ, особенно въ Новѣгородѣ, гдѣ (въ 1508 году) самыя каменныя палаты распадались отъ силы огня и сгорѣло 5314 человѣкъ (380). — Явленіе трехъ Кометъ (отъ 1531 до 1533 года) во всей Россіи приводило народъ въ ужасъ (381). Г. 1533.

Описавъ дѣянія и случаи сего времени, напомнимъ Читателю, что оно, будучи достопамятно для Россіи благоразуміемъ ея Правленія, славно въ лѣтописяхъ Европы *во-первыхъ* рѣдкимъ собраніемъ Вѣнценосцевъ знаменитыхъ дѣлами и характеромъ, *во-вторыхъ* важнымъ Церковнымъ преобразованіемъ. Не многіе вѣки хвалятся такими Государями *современными*, каковы были Максимиліанъ, Карлъ V, Людовикъ XII, Францискъ I, Селимъ, Солиманъ, Генрикъ VIII, Густавъ Ваза: можемъ прибавить къ нимъ и Папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Всѣ Великіе современники Василіевы.

г. 1533. они, за исключеніемъ Англійскаго и Французскихъ Королей, находились въ сношеніяхъ съ Василіемъ, ихъ достойнымъ современникомъ; всѣ имѣли умъ и дарованія отличныя. Но была ли счастлива Европа? Видимъ, какъ обыкновенно, необузданность властолюбія, зависть, козни, битвы и бѣдствія: ибо не одинъ умъ, но умъ и страсти дѣйствуютъ на ѳеатрѣ міра. Ужасаемая могуществомъ Оттоманской Имперіи, волнуемая

Расколъ Лютеровъ. бореніемъ Франціи съ силами Испаніи и Австріи, Европа въ тоже время была потрясена Церковнымъ мятежемъ, который скоро сдѣлался государственнымъ. Уже Духовная власть, или Папская, очерненная многими злоупотребленіями, давно слабѣла въ Западныхъ Державахъ, но упорствовала въ своихъ гордыхъ требованіяхъ, и не хотѣла обратиться къ истинному Духу Христіанства, вопреки успѣхамъ просвѣщенія. Явился бѣдный Инокъ, Мартинъ Лютеръ, который, свергнувъ съ себя монашескую одежду, и держа въ рукѣ Евангеліе, смѣлъ назвать Папу Антихристомъ: уличалъ его въ обманахъ, въ корыстолюбіи, въ искаженіи Святыни, и не смотря на Церковныя клятвы, Соборы и гнѣвъ Карла V, основалъ новую Вѣру, хотя также на Евангельскомъ ученіи, но съ отверженіемъ многихъ важныхъ, значительныхъ обрядовъ, введенныхъ въ самомъ началѣ Христіанства и безъ сомнѣнія полезныхъ: ибо

люди имѣютъ не только разумъ, но и во- Г. 1555.
ображеніе, не менѣе перваго дѣйствующее на сердце. Обнаживъ Богослуженіе, лишивъ оное торжественности, и какъ бы закрывъ для мысли небо, куда взоръ и духъ молящихся устремляются отъ велелѣпія Олтарей, отъ таинственнаго священнодѣйствія Литургіи, сей рѣшительный преобразователь удовольствовался одною нравственною проповѣдію; оказалъ еще болѣе ненависти къ Риму, нежели усердія къ Сіону; ссылаясь единственно на Христа и Апостоловъ, не подражалъ имъ въ кротости: подвергая Догматы Церкви суду ума, говорилъ языкомъ страстей, и лишивъ Папу Духовной власти во многихъ земляхъ Германіи, въ трехъ Сѣверныхъ Королевствахъ, въ бывшихъ владѣніяхъ Нѣмецкаго Ордена и въ Ливоніи, самъ представлялъ лице начальника Церковнаго, обязанный своимъ торжествомъ не фанатизму народному, а земнымъ расчетамъ Правителей: удерживая имя Христіанъ и Святыню Евангелія, новымъ Исповѣданіемъ они свергали съ себя иго зависимости отъ гордаго, взыскательнаго, корыстолюбиваго Рима; присоединяли дани и пошлины Церковныя къ своимъ доходамъ, и могли въ дѣлахъ совѣсти уже не бояться Духовнаго запрещенія. Многіе *толкователи* всемірныхъ происшествій говорятъ о Лютеранской Вѣрѣ какъ о великомъ благодѣяніи для человѣчества:

г. 1533. она неоспоримо способствовала успѣхамъ просвѣщенія и лучшей нравственности, соединенной съ оными; но первымъ ея слѣдствіемъ были кровопролитія и новыя Секты Христіанскія, отчасти вредныя для самыхъ Правительствъ и спокойствія гражданскаго (382). Генрикъ VIII, написавъ книгу противъ Лютера, самъ послѣдовалъ его примѣру: оставилъ Римское Исповѣданіе и сдѣлался Главою Англиканскаго, связавъ оное крѣпкимъ узломъ съ пользою Королевской власти, и давъ себѣ волю удовлетворять своему гнусному любострастію перемѣною женъ. Однимъ словомъ, если враги Латинской Церкви справедливо винили ее въ невѣрности къ истинному Христіанству, то и ревностные Католики по совѣсти могли винить ихъ въ лицемѣріи, въ обманахъ и въ беззаконіи.

Сія важная перемѣна Церковная не укрылась отъ вниманія нашихъ современныхъ Богослововъ: объ ней разсуждали въ Москвѣ, и Грекъ Максимъ написалъ *Слово о Лютеровой ереси*, гдѣ, не хваля мірскаго властолюбія Папъ, строго осуждаетъ новости въ Законѣ, внушаемыя страстями человѣческими (383).

ГЛАВА IV.

Состояние России.

Г. 1462 — 1533.

Правленіе. Войско. Правосудіе. Торговля. Деньги. Бережливость Государей. Дороги и почта. Москва. Свойства и обычаи. Великокняжеская свадьба. Въѣздъ Пословъ. Иноземцы. Словесность. Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи.

Въ сіе время отечество наше было *какъ бы новымъ свѣтомъ, открытымъ* Царевною Софіею для знатнѣйшихъ Европейскихъ Державъ. Въ слѣдъ за нею Послы и путешественники являясь въ Москвѣ, съ любопытствомъ наблюдали физическія и нравственныя свойства земли, обычаи Двора и народа; записывали свои примѣчанія и выдавали оныя въ книгахъ, такъ, что уже въ первой половинѣ XVI вѣка состояніе и самая древняя Исторія Россіи были извѣстны въ Германіи и въ Италіи. Контарини, Павелъ Іовій, Франциско да-Колло, въ особенности Герберштейнъ, старались дать современникамъ ясное, удовлетворительное понятіе о сей новой Державѣ, которая вдругъ обратила на себя вниманіе ихъ отечества.

Ничто не удивляло такъ иноземцевъ, какъ Правленіе.

Самовластіе Государя Россійскаго и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для управленія землею. „Скажетъ, и сдѣлано,“ говоритъ Баронъ Герберштейнъ: „жизнь, достоянie людей, мірскихъ и духовныхъ, Вельможъ „и гражданъ, совершенно зависитъ отъ его „воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, „какъ въ дѣлахъ Божества: ибо Русскіе увѣ„рены, что Великій Князь есть исполни„тель воли Небесной. Обыкновенное слово „ихъ: *такъ угодно Богу и Государю; вѣдаетъ „Богъ и Государь.* Усердіе сихъ людей не„вѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ „Великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго „Посломъ въ Испаніи, сѣдаго старца, ко„торый, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Мо„скву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ „какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ текъ „съ лица его. Когда я изъявилъ ему свое „удивленіе, онъ громко сказалъ: *ахъ, Госпо„динъ Баронъ! мы служимъ Государю не по „вашему!* Не знаю, свойство ли народа тре„бовало для Россіи такихъ Самовластителей, „или Самовластители *дали* народу такое „свойство“ (384). Безъ сомнѣнія *дали*, чтобы Россія спаслась и была великою Державою. Два Государя, Іоаннъ и Василій, умѣли навѣки рѣшить судьбу нашего Правленія и сдѣлать Самодержавіе какъ бы необходимою принадлежностію Россіи, единственнымъ уставомъ Государственнымъ, единственною

основою цѣлости ея, силы, благоденствія. Сія неограниченная власть Монарховъ казалась иноземцамъ *Тираннiею*: они въ легкомысленномъ сужденіи своемъ забывали, что *Тираннія* есть только злоупотребленіе Самодержавія, являясь и въ Республикахъ, когда сильные граждане или сановники утѣсняютъ общество. Самодержавіе не есть отсутствіе законовъ: ибо гдѣ *обязанность*, тамъ и *законъ*: никто же и никогда не сомнѣвался въ обязанности Монарховъ блюсти счастіе народное.

Войско.

Сіи иноземные наблюдатели сказываютъ, что Великій Князь, будучи для подданныхъ образомъ Божества, превосходя всѣхъ иныхъ Вѣнценосцевъ въ *нравственномъ могуществѣ*, не уступалъ никому изъ нихъ и въ воинскихъ силахъ, имѣя *триста тысячъ* Боярскихъ Дѣтей и *шестьдесятъ тысячъ* сельскихъ ратниковъ, коихъ содержаніе ему ничего или мало стоило: ибо всякой Боярскій Сынъ, надѣленный отъ Казны землею, служилъ безъ жалованья, кромѣ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ, и кромѣ Литовскихъ или Нѣмецкихъ пѣхотныхъ воиновъ, числомъ менѣе двухъ тысячь. Конница составляла главную силу; пѣхота не могла съ успѣхомъ дѣйствовать въ степяхъ противъ непріятелей конныхъ. Оружіемъ были лукъ, стрѣлы, сѣкира, кистень, длинный кинжалъ, иногда мечь, копье. Знатнѣйшіе имѣли кольчуги, латы, нагруд-

ники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными въ полѣ: вылитыя Италіянскими художниками для защиты и осады городовъ, онѣ стояли неподвижно въ Кремлѣ на лафетахъ. Въ битвахъ мы надѣялись болѣе на силу, нежели на искусство; обыкновенно старались зайти въ тылъ непріятелю, окружить его, вообще дѣйствовать издали, не въ рукопашь; а когда нападали, то съ ужаснымъ стремленіемъ, но непродолжительнымъ. „Они" — пишетъ Герберштеинъ —„въ быстрыхъ своихъ нападеніяхъ какъ бы говорятъ непріятелю: *бѣги, или мы сами побѣжимъ!* И въ общежитіи и въ войнѣ народы „удивительно разнствуютъ между собою. „Татаринъ, сверженный съ коня, обагренный „кровію, лишенный оружія, еще не сдается „въ плѣнъ: машетъ руками, толкаетъ ногою, „грызетъ зубами. Турокъ, видя слабость свою, „бросаетъ саблю и молитъ побѣдителя о „милосердіи. Гонись за Русскимъ: онъ уже „не думаетъ обороняться въ бѣгствѣ; но „никогда не требуетъ пощады. Коли, руби „его: молчитъ и падаетъ." — Щадя людей и худо употребляя снарядъ огнестрѣльный, мы рѣдко брали города приступомъ, надѣясь изнурить жителей долговременною осадою и голодомъ. Располагались станомъ обыкновенно вдоль рѣки, не далеко отъ лѣса, въ мѣстахъ пастбенныхъ. Одни чиновники имѣли шатры; воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и

крыли ихъ подѣдѣльными войлоками, въ защиту отъ дождя. Обозовъ почти не было: возили все нужное на вьючныхъ лошадяхъ. Каждый воинъ бралъ съ собою въ походъ нѣсколько фунтовъ толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи, кромѣ Воеводъ, которые иногда давали имъ вкуснѣйшіе обѣды. Полки имѣли своихъ музыкантовъ или трубачей. На Великокняжескихъ знаменахъ изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце. — Въ каждомъ полку особенные сановники записывали имена храбрыхъ и малодушныхъ, означая первыхъ для благоволенія Государева и наградъ, а другихъ для его немилости или общественнаго стыда. — Молодые люди обыкновенно готовили себя къ воинской службѣ богатырскими играми: выходили въ поле, стрѣляли въ цѣль, скакали на коняхъ, боролись, и побѣдителямъ была слава (385).

Хваля ясность, простоту нашихъ законовъ и суда, не имѣвшихъ нужды ни въ толкователяхъ, ни въ стряпчихъ — не менѣе хваля и Василіеву любовь къ справедливости — иноземцы замѣчали однакожъ, что богатый рѣже бѣднаго оказывался у насъ виновнымъ въ тяжбахъ; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душею въ своихъ рѣшеніяхъ. Однажды донесли Василію, что судья Московскій, взявъ деньги съ истца и съ отвѣтчика, обвинилъ того, Правосудіе.

кико ему далъ менѣе. Великій Князь призвалъ его къ себѣ. Судья не запирался, и съ видомъ невиннаго отвѣтствовалъ: „Государь! я всегда вѣрю лучше богатому, „нежели бѣдному“, разумѣя, что первому менѣе нужды въ обманахъ и въ чужомъ. Василій улыбнулся, и корыстолюбецъ остался по крайней мѣрѣ безъ тяжкаго наказанія. — Не только законодательная, но и судная власть, какъ въ самую глубокую древность, принадлежала единственно Государю: всѣ другіе судьи были только его временными или чрезвычайными повѣренными, отъ Великокняжескихъ Думныхъ Совѣтниковъ до Тіуновъ сельскихъ. Государь нерѣдко уничтожалъ ихъ приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мірская власть наказывала и Духовныхъ. Иногда Митрополитъ жаловался на уголовныхъ судей, которые приговаривали Священниковъ къ кнуту и къ висѣлицѣ; судьи отвѣчали: „казнимъ не Священниковъ, а „негодяевъ, по древнему уставу нашихъ „отцевъ.“ — Въ сочиненіи Іовія и Герберштеина находимъ первое извѣстіе о жестокихъ судныхъ пыткахъ, коими заставляли у насъ преступниковъ винится въ ихъ злодѣяніяхъ: воровъ били по пятамъ; разбойникамъ капали сверху на голову и на все тѣло самую холодную воду и вбивали деревянныя спицы за ногти (386). Обыкновеніе ужасное, дан-

ное намъ Татарскимъ игомъ вмѣстѣ съ кнутомъ и всѣми тѣлесными, мучительными казнями.

Торговля сего времени была въ цвѣтущемъ состояніи. Къ намъ привозили изъ Европы серебро въ слиткахъ, сукна, сученое золото, мѣдь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; изъ Азіи шелковыя ткани, парчи, ковры, жемчугъ, драгоцѣнные каменья; отъ насъ вывозили въ Нѣмецкую землю мѣха, кожи, воскъ; въ Литву и въ Турцію мѣха и моржовые клыки; въ Татарію сѣдла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, въ обмѣнъ на лошадей Азіатскихъ. Оружіе и желѣзо не выпускалось изъ Россіи. Въ Москву ѣздили Польскіе и Литовскіе купцы; Датскіе, Шведскіе и Нѣмецкіе торговали въ Новѣгородѣ; Азіатскіе и Турецкіе на Мологѣ, гдѣ существовалъ прежде Холопій городокъ, и гдѣ находилась тогда одна церковь. Сія ярмонка еще славилась своею знатною мѣною. Иноземцы обязывались показывать товары свои въ Москвѣ Великому Князю: онъ выбиралъ для себя, что ему нравилось; платилъ деньги и дозволялъ продажу остальныхъ. Пряныя зелія, шелковыя ткани и многія иныя вещи были у насъ дешевы въ сравненіи съ ихъ цѣною въ Германіи. Лучшіе мѣха шли изъ земли Печорской и Сибири. Платили иногда за соболя 20 и 30 золотыхъ флориновъ, за черную лисицу (упо- Торговля.

употребляемую на Боярскія шапки) пятпадцать. Весьма уважались и бобры: ими опушивали нарядныя платья. Волчьи мѣха были дороги, рысьи дешевы. Горностай стоилъ три или четыре, бѣлка двѣ деньги и менѣе. — Съ товаровъ ввозимыхъ и вывозимыхъ брали въ казну пошлины, семь денегъ съ рубля; а за воскъ четыре деньги съ пуда сверхъ цѣны онаго. Россія считалась въ Европѣ землею изобильнѣйшею дикимъ или борщевымъ медомъ. — Монастырь Троицкій въ Смоленской области, на берегу Днѣпра, былъ главнымъ пристанищемъ для купцевъ Литовскихъ: они жили тамъ въ гостинницахъ и грузили товары, покупаемые ими въ Россіи для отправленія въ ихъ землю. — Нѣкоторыя мѣста особенно славились своими произведеніями для внутренней торговли: на примѣръ, Калуга деревянною, красивою посудою, Муромъ вкусною рыбою, Переславль сельдями, а еще болѣе Соловки, гдѣ находились лучшія соляныя варницы. — Многія судоходныя рѣки облегчали перевозъ товаровъ; но Россія еще не имѣла морей, кромѣ Сѣвернаго Океана, къ коему она примыкала своими полунощными, хладными пустынями. Иногда не большія суда ходили отъ устья Двины Бѣлымъ моремъ мимо Святаго Носа, Семи Островововъ и Шведской Лапландіи въ Норвегію и въ Данію. Симъ путемъ Датскій Посолъ возвращался изъ Москвы въ Нор-

вегію съ нашимъ толмачемъ Истомою. Другой толмачь, именемъ Власій, плылъ Сухоною, Югомъ и Двиною до Бѣлаго моря, чтобы ѣхать оттуда въ Копенгагенъ. Сіе плаваніе считалось весьма опаснымъ и затруднительнымъ: купцы Скандинавскіе не смѣли ввѣрять оному своихъ товаровъ и держались Новагорода. — Любопытно знать, что Россіяне уже имѣли тогда свѣдѣніе о Китаѣ, и думали, что можно Сѣвернымъ Океаномъ достигнуть береговъ сей отдаленной Имперіи (387).

Въ Россіи ходили серебряныя и мѣдныя деньги: Московскія, Тверскія, Псковскія, Новогородскія; серебряныхъ считалось 200 въ рублѣ (который стоилъ два червонца), а мѣдныхъ *пулъ* 1200 въ гривнѣ. Новогородскія деньги имѣли почти двойную цѣну: ихъ было только 140 въ рублѣ. На сихъ монетахъ изображался Великій Князь сидящій въ креслахъ и другой человѣкъ склоняющій предъ нимъ голову; на Псковскихъ голова въ вѣнцѣ; на Московскихъ всадникъ съ мечемъ: *новыя* были цѣною въ половину менѣе старыхъ. Золотыя деньги ходили только иностранныя: Венгерскіе червонцы, Римскіе гулдены и Ливонскія монеты, коихъ цѣна перемѣнялась. — Всякой серебреникъ билъ и выпускалъ монету: Правительство наблюдало, чтобы сіи *денежники* не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла. Государь

Деньги.

не запрещалъ вывозить монету изъ Россіи, однакожь хотѣлъ, чтобы мы единственно мѣнялись товарами съ иноземцами, а не покупали ихъ на деньги. — Вмѣсто нынѣшняго *ста*, обыкновеннымъ торговымъ счетомъ было *сорокъ* и *девяносто*; говорили: *сорокъ*, *два сорока*, или *девяносто*, *два девяноста* (388), и проч.

Успѣхи торговли болѣе и болѣе умножали доходы Государевы. Современники славятъ богатство и бережливость Василія.

Бережливость Государей.

Главная казна его хранилась на Бѣлѣозерѣ и въ Вологдѣ, какъ въ безопаснѣйшихъ и недоступныхъ для непріятеля мѣстахъ, окруженныхъ лѣсами и болотами непроходимыми (389). „Удивительно ли" — пишутъ иноземцы — „что Великій Князь богатъ? онъ „не даетъ денегъ ни войску, ни Посламъ, „и даже беретъ у нихъ, что они вывозятъ „драгоцѣннаго изъ чужихъ земель: такъ „Князь Ярославскій, возвратясь изъ Испаніи, отдалъ въ казну всѣ тяжелыя золотыя цѣпи, ожерелья, богатыя ткани, серебряные сосуды, подаренные ему Императоромъ и Фердинандомъ Австрійскимъ. „Сіи люди не жалуются, говоря: *Великій „Князь возметъ, Великій Князь и наградитъ* (390)." Не тѣмъ безъ сомнѣнія Іоаннъ и Василій богатѣли, что не давали серебромъ жалованья войску (ибо помѣстья стоили серебра) и не тѣмъ, что брали иногда у Пословъ вещи, которыя имъ отмѣнно нрави-

лись; но мудрою бережливостію, точнымъ соображеніемъ предпріятій съ государственными способами, запасомъ на случай нужды: правило важное для благоденствія Державъ. Карлъ V съ сокровищами Новаго Свѣта часто не имѣлъ денегъ, а Великіе Князья наши могли хвалиться богатствомъ, издерживая менѣе, нежели получая.

Не смотря на дѣятельность торговли, Россія казалась путешественникамъ малонаселенною въ сравненіи съ иными Европейскими странами: рѣдкія жительства, степи, дремучіе лѣса, худыя, пустынныя, уединенныя дороги свидѣтельствовали, что сія Держава была еще новою въ гражданскомъ образованіи. Съ ужасомъ говоря о нашихъ распутицахъ, тлѣнныхъ мостахъ, опасностяхъ, неудобствахъ въ пути, чужестранцы хвалятъ исправность и скорость нашей почты: изъ Новагорода въ Москву пріѣзжали они въ 72 часа, платя 6 денегъ за 20 верстъ. Лошадей было множество на учрежденныхъ ямахъ: кто требовалъ десяти или двѣнадцати, тому приводили сорокъ или пятьдесятъ. Усталыхъ кидали на дорогѣ; брали свѣжихъ въ первомъ селеніи или у проѣзжихъ (391). Дороги и почта.

Чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ болѣе селеній и людей встрѣчалось глазамъ путешественника. Все оживлялось: на дорогѣ обозы, вокругъ частыя поля, луга, пред- Москва.

ставляли картину человѣческой дѣятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнинѣ съ блестящими куполами своихъ несмѣтныхъ храмовъ, съ красивыми башнями, съ бѣлыми стѣнами Кремлевскими, съ рѣдкими каменными домами, окруженными темною грудою деревянныхъ зданій, среди зеленыхъ садовъ и рощей. Окрестные монастыри казались маленькими, прелестными городками. Въ слободахъ жили кузнецы и другіе ремесленники, которые непрестаннымъ употребленіемъ огня могли быть опасны въ сосѣдствѣ: разселенные на большомъ пространствѣ, они сѣяли хлѣбъ и косили траву предъ ихъ домами, на обѣихъ сторонахъ улицы. Одинъ Кремль считался городомъ: всѣ иныя части Москвы, уже весьма обширной, назывались предмѣстіями, ибо не имѣли никакихъ укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На крутоберегой Яузѣ стояло множество мельницъ. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ровъ Кремлевскій. Нѣкоторыя улицы были тѣсны и грязны; но сады вездѣ чистили воздухъ, такъ, что въ Москвѣ не знали никакихъ заразительныхъ болѣзней, кромѣ наносныхъ. Въ 1520 году, какъ пишутъ, находилось въ ней 41,500 домовъ, исчисленныхъ по указу Великаго Князя; а сколько жителей, не извѣстно: но можно полагать ихъ гораздо за 100,000. Въ

Кремлѣ, въ разныхъ улицахъ, въ огромныхъ деревянныхъ домахъ (между многими, отчасти также деревянными церквами) жили знатнѣйшіе люди, Митрополитъ, Князья, Бояре. Гостиный дворъ (тамъ же, гдѣ и нынѣ, на площади Китая-города) обнесенный каменною стѣною, прельщалъ глаза не красотою лавокъ, но богатствомъ товаровъ, Азіатскихъ и Европейскихъ. Зимою хлѣбъ, мясо, дрова, лѣсъ, сѣно, обыкновенно продавались на Москвѣ-рѣкѣ, въ лавкахъ или въ шалашахъ (392).

Наши свойства казались наблюдателямъ и худыми и добрыми, обычаи любопытными и странными. Контарини пишетъ, что Москвитяне толпятся съ утра до обѣда на площадяхъ, на рынкахъ, а заключаютъ день въ питейныхъ домахъ: глазѣютъ, шумятъ, а дѣла не дѣлаютъ. Герберштеинъ напротивъ того съ удивленіемъ видѣлъ ихъ работающихъ въ праздники. Въ будни запрещалось имъ пить; одни иноземные воины, служа Государю за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребленіи хмѣльнаго: для чего слобода за Москвою-рѣкою, гдѣ они жили, именовалась *Налейками*, отъ слова *наливай*. Великій Князь Василій, опасаясь дѣйствій худаго примѣра, не дозволялъ своимъ подданнымъ жить вмѣстѣ съ ними. У всякой рогатки на улицахъ стоялъ караулъ: никто не смѣлъ ходить ночью безъ особен- Природныя, гражданскія, свойства и обычаи

ной важной причины и безъ фонаря. Тишина царствовала въ городѣ. Замѣчали, что Россіяне не злы, не сварливы, терпѣливы, но склонны (особенно Москвитяне) къ обманамъ въ торговлѣ. Славили древнюю честность Новогородцевъ и Псковитянъ, которые тогда уже начинали измѣняться въ характерѣ. Пословица: *товаръ лицемъ продать*, служила уставомъ въ купечествѣ. Лихоимство не считалось стыдомъ: ростовщики брали обыкновенно 20 на 100, и еще хвалились умѣренностію: ибо въ древнія времена должники платили у насъ 40 на 100 (393). — „Рабство, несовмѣстное съ душевнымъ „благородствомъ, было" (по словамъ Герберштеина) „общимъ въ Россіи: ибо и самые „Вельможи назывались *холопями* Государя;" но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность Россіянъ къ Монарху; а въ самомъ дѣлѣ народъ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крѣпостные холопи, или дворовые или сельскіе, потомки людей купленныхъ, военоплѣнныхъ, закономъ лишенныхъ вольности (394). Въ XI вѣкѣ они не имѣли у насъ ни гражданскихъ, ни человѣческихъ правъ (такъ и въ древнемъ Римѣ): господинъ могъ располагать ими какъ собственностію, какъ *вещію*; могъ своевольно отнимать у нихъ жизнь, никому не отвѣтствуя. Но въ сіе время — или въ XVI вѣкѣ — уже одна государ-

ственная власть смертію казнила холопа, слѣдственно уже *человѣка*, уже *гражданина покровительствуемаго закономъ* (395). Здѣсь видимъ успѣхъ нравственности и дѣйствіе лучшихъ гражданскихъ понятій. Вообще судьба сихъ природныхъ рабовъ не казалась имъ тяжкою: ибо многіе изъ нихъ, освобождаемые по духовнымъ завѣщаніямъ, немедленно искали себѣ новыхъ господъ и шли къ нимъ въ кабалу или въ новую крѣпость, не для того, чтобы не находили способа жить своими трудами (ибо хорошій поденщикъ въ Москвѣ вырабатывалъ съ утра до вечера двѣ деньги или около двадцати копѣекъ нынѣшнихъ) но для того, что любили домашнюю легкую службу и безпечность: рабъ-отецъ не заботился о многочисленномъ семействѣ, не боялся ни старости, ни болѣзни. Законъ молчалъ о должности господъ: общее мнѣніе предписывало имъ человѣколюбіе и справедливость; тираномъ гнушались какъ безчестнымъ гражданиномъ; никто изъ вольныхъ людей не хотѣлъ итти къ нему въ услуженіе; именемъ его бранились на площадяхъ (396). Гораздо несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, которые, нанимая землю въ помѣстьяхъ или въ отчинахъ у Дворянъ, обязывались трудиться для нихъ свыше силъ человѣческихъ, не могли ни двухъ дней въ недѣлѣ работать на себя (397), переходили къ инымъ владѣль-

цамъ и обманывались въ надеждѣ на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые господа или помѣщики нигдѣ не жалѣли, не берегли ихъ для будущаго. Государь могъ бы отвести имъ степи, но не хотѣлъ того, чтобы помѣстья не опустѣли, и сей многочисленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только-что не умиралъ съ голоду: старецъ, бездомокъ отъ юности, изнуривъ жизненныя силы въ работѣ наемника, при двряхъ гроба не зналъ, гдѣ будетъ его могила. Бѣдность раждаетъ презрѣніе: въ старину называли у насъ земледѣльцевъ *смердами*: въ XIV вѣкѣ *крестьянами*, то есть *Христіанами*, но въ худомъ, варварскомъ смыслѣ: ибо долговременные наши тираны, Батыевы Моголы, поносили Россіянъ симъ именемъ. — Вѣроятно, что многіе земледѣльцы шли тогда въ кабалу къ Дворянамъ; по крайней мѣрѣ знаемъ, что многіе отцы продавали своихъ дѣтей, не имѣя способа кормиться. Сынъ могъ быть нѣсколько разъ проданъ отцемъ; но въ четвертый разъ отпущенный господиномъ на волю, уже зависѣлъ единственно отъ себя.

Здѣсь представляется любопытный вопросъ: не уже ли никогда не бывало въ Россіи крестьянъ-*владѣльцевъ*? По крайней мѣрѣ не знаемъ, когда они были. Видимъ, что Князья, Бояре, воины и купцы — то есть, *городскіе жители* — искони владѣя

землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностію его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ, вѣроятно, сіе право мечемъ, въ такое время, до коего не восходятъ лѣтописи, ни преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ наемщикамъ, имѣли свободу личную и движимую собственность.

Не только Бояре знатные, но и самые простые, бѣдные Дворяне казались спесивыми, недоступными. Къ первымъ никто не смѣлъ въѣхать на дворъ: оставляли лошадей у воротъ. Благородные стыдились ходить пѣшкомъ и не имѣли знакомства съ мѣщанами, опасаясь тѣмъ унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, какъ можно заниматься дѣлами стоя или ходя. Молодыя женщины были совершенными затворницами: боялись показываться чужимъ людямъ; и въ церковь ходили рѣдко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для нихъ позволенною: качели. Богатыя не пеклися о домашнемъ хозяйствѣ, которое лежало единственно на слугахъ и служанкахъ. Бѣдныя по неволѣ трудились; но самая бѣднѣйшая, готовя для себя кушанье, не могла умертвить никакого животнаго: стояла у воротъ съ курицею или съ уткою и просила мимоходящихъ, чтобы они закололи сію

птицу ей на обѣдъ. — Не смотря на строгое заключеніе женъ, бывали, какъ и вездѣ, примѣры невѣрности, тѣмъ естественнѣе, что взаимная любовь не участвовала въ бракахъ, и что мужья-Дворяне, находясь въ Государевой службѣ, рѣдко живали дома. Не женихъ обыкновенно сватался за невѣсту, но отецъ ея выбиралъ себѣ зятя и говорилъ о томъ съ отцемъ его. Назначали день свадьбы, а будущіе супруги еще не знали другъ друга въ глаза. Когда нетерпѣливый женихъ домогался видѣть невѣсту, то родители ея всегда отвѣчали ему: „спроси у добрыхъ „людей, какова она?" Приданое состояло въ одеждѣ, въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, въ слугахъ, въ коняхъ и проч.; а что родственники и пріятели дарили невѣстѣ, то мужъ долженъ былъ послѣ свадьбы возвращать имъ или платить деньгами. Герберштеинъ первый сказалъ, что жена Россіянка не увѣрена въ любви супруга безъ частыхъ отъ него побоевъ: сіе вошло въ пословицу, хотя могло быть только отчасти истиною, объясняемою для насъ древними обычаями Славянскими и грубою нравственностію временъ Батыева ига (398).

Спесивые противъ бѣдныхъ мѣщанъ, Дворяне и богатые купцы были гостепріимны и вѣжливы между собою. Гость, входя въ комнату, глазами искалъ святыхъ образовъ, шелъ къ нимъ, крестился, и нѣсколько разъ сказавъ въ слухъ: *Господи помилуй!* обращался къ

хозяину съ привѣтствіемъ: *дай Боже тебѣ здравія!* Они цѣловались, кланялись другъ другу, и чѣмъ ниже, тѣмъ лучше; переставали и снова начинали кланяться; садились, бесѣдовали, и гость, взявъ шапку, шелъ опять къ образамъ; хозяинъ провожалъ его до крыльца, а любимаго до самыхъ воротъ. Подчивали пріятелей медомъ, пивомъ, винами иноземными: Романеею, Мушкателемъ, Канарскимъ, бѣлымъ Рейнскимъ; лучшимъ считалась Мальвазія, употребляемая однакожъ болѣе въ лекарство и во дворцѣ, за Великокняжескою трапезою. Ужиновъ не знали: обѣды были изобильные и вкусные для самыхъ иноземцевъ, которые дивились у насъ множеству и дешевизнѣ всякаго скота, рыбы, птицъ, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тенетами. Вообще роскошь тогдашняя состояла въ избыткѣ обыкновенныхъ, дешевыхъ вещей; умѣли хвалиться ею не разоряясь; бережливость не славилась добродѣтелію, ибо казалась естественною людямъ, которые еще не вѣдали прелестей изнѣженнаго вкуса. Дорогія одежды означали первостепенныхъ государственныхъ сановниковъ: если не законъ, то обыкновеніе воспрещало другимъ равняться съ ними въ сихъ принадлежностяхъ знатности, соединенной всегда съ богатствомъ. Сіи наряды употреблялись бережно; вѣтреная мода не измѣняла оныхъ, и Вельможа оставлялъ свою праздничную одежду въ

наслѣдство сыну. Платье Боярское, Дворянское, купеческое не различалось покроемъ: верхнее съ опушкою, широкое, длинное называлось *однорядками*; другое *охабнями*, съ ворошникомъ; третіе *ферезями*, съ пуговицами до подола, съ нашивками или безъ нашивокъ; такое же длинное, съ нашивками или только съ пуговицами до пояса, *кунтышами, доломанами, кафтанами*; у всякаго были клинья, а на бокахъ прорѣхи. Полукафтанье носили съ козыремъ; рубахи съ вышитымъ, разноцвѣтнымъ ворошникомъ и съ серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, съ желѣзными подковами; шапки высокія, шляпы поярковыя, черныя и бѣлыя. Мужчины стригли себѣ волосы. — Домы не блистали внутреннимъ украшеніемъ: самые богатые люди жили въ голыхъ стѣнахъ. Сѣни огромныя, а двери низкія, и входящій всегда наклонялся, чтобы не удариться головою объ верхній косякъ [399].

Опишемъ нѣкоторыя достопамятныя обыкновенія. Посланникъ Великокняжескій, Димитрій, будучи въ Римѣ и бесѣдуя съ Павломъ Іовіемъ о нравахъ своего отечества, сказывалъ ему, что Россіяне, искони набожные, любя чтеніе душеспасительныхъ книгъ, не терпятъ проповѣди въ церквахъ, дабы слышать въ нихъ единственно Слово Господне, безъ примѣса мудрованій человѣческихъ, несогласныхъ съ простотою Евангель-

скою; что нигдѣ не имѣютъ такого священнаго уваженія къ храмамъ, какъ у насъ; что мужъ и жена, вкусивъ удовольствіе законной любви, не дерзаютъ войти въ церковь, и слушаютъ обѣдню стоя на паперти; что молодые, не скромные люди, видя ихъ тамъ, угадываютъ причину и своими насмѣшками заставляютъ женщинъ краснѣться; что мы весьма не любимъ Католиковъ, а Евреями гнушаемся и не дозволяемъ имъ въѣзжать въ Россію (400). — Сіе время особенно славилось открытіемъ многихъ святыхъ, цѣлебныхъ мощей; но Іоаннъ и Василій не всегда вѣрили молвѣ и разсказамъ народнымъ; а безъ согласія Государева Духовенство не умножало числа Святыхъ: когда же строгое изслѣдованіе и достовѣрныя свидѣтельства убѣждали Великаго Князя въ истинѣ чудесъ, то объявляли ихъ всенародно, звонили въ колокола, пѣли молебны, и недужные со всѣхъ сторонъ спѣшили ко праху новыхъ Угодниковъ, какъ нынѣ спѣшатъ къ новымъ славнымъ врачамъ, чтобы найти исцѣленіе. — Тогдашняя Христіанская набожность произвела одинъ умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое *селомъ скудельничимъ*, гдѣ люди добролюбивые въ Четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ сходились рыть могилы для странниковъ и пѣть Панихиды, въ успокоеніе души тѣхъ, коихъ имена, отече-

ство и Вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли назвать ихъ, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно Христіанскія молитвы. Тамъ погребались тѣла находимыя въ окрестностяхъ города, а можетъ быть и всѣхъ иноземцевъ (401).

Обрядъ Великокняжеской свадьбы.

Іовій пишетъ, что Великіе Князья, подобно Султанамъ, избираютъ себѣ женъ за красоту и добродѣтель, ни мало не уважая знатности; что невѣстъ привозятъ изъ всей Россіи; что искусныя, опытныя бабки осматриваютъ ихъ тайныя прелести; что совершеннѣйшая или счастливѣйшая выходитъ за Государя, а другія въ тотъ же день за молодыхъ придворныхъ чиновниковъ (402). Сіе извѣстіе можетъ относиться единственно къ двумъ бракамъ Василія: ибо отецъ, дѣдъ и предки его женились обыкновенно на Княжнахъ Владѣтельныхъ. — Сообщимъ здѣсь любопытныя подробности изъ описанія Василіевой свадьбы 1526 года.

„Державный женихъ, нарядясь, сидѣлъ въ „*брусяной столовой избѣ* съ своимъ поѣздомъ; „а невѣста, Елена Глинская, съ женою Тысяцкаго, двумя свахами, Боярынями и многими знатными людьми шла изъ дому въ „*середнюю палату*. Передъ нею несли двѣ „*брачныя* свѣчи въ фонаряхъ, два коровая и „серебряныя деньги. Въ сей палатѣ были „сдѣланы два мѣста, одѣтыя бархатомъ и

„камками; на нихъ лежали два зголовья и „два сорока черныхъ соболей; а третьимъ „сорокомъ надлежало опахивать жениха и „невѣсту. На столѣ, покрытомъ скатертью, „стояло блюдо съ калачами и солью. Елена „сѣла на своемъ мѣстѣ; сестра ея, Княжна „Анастасія, на жениховомъ; Боярыни во„кругъ стола. Василій прислалъ туда бра„та, Князя Юрія, который, занявъ *большое „мѣсто*, велѣлъ звать жениха. *Государь*! ска„зали ему: *иди съ Богомъ на дѣло*. Великій „Князь вошелъ съ Тысяцкимъ и со всѣми „чиновниками, поклонился иконамъ, свелъ „Княжну Анастасію съ своего мѣста и „сѣлъ на оное. Читали молитву. Жена Ты„сяцкаго гребнемъ чесала голову Василію „и Еленѣ. Свѣчами *Богоявленскими* зажгли „*брачныя* (403), обогнутыя соболями и вдѣ„тыя въ кольцы. Невѣстѣ подали кику и „фату. На золотой мисѣ, въ трехъ углахъ, „лежали хмѣль, соболи, одноцвѣтные платки „бархатные, атласные, камчатные, и пѣ„нязи, числомъ по девяти въ каждомъ углѣ. „Жена Тысяцкаго осыпала хмѣлемъ Вели„каго Князя и Елену, опахиваемыхъ собо„лями. Дружка Государевъ, благословясь, „изрѣзалъ перепечу и сыры для всего поѣзда; „а Еленинъ дружка раздавалъ ширинки. „Поѣхали въ церковь Успенія: Государь съ „братьями и Вельможами, Елена въ однихъ

„саняхъ съ женою Тысяцкаго и съ двумя „*большими* свахами; за нею шли нѣкоторые „Бояре и чиновники; передъ нею несли „свѣчи и короваи. Женихъ стоялъ въ церкви „на правой сторонѣ у столпа, невѣста на „лѣвой. Они шли къ вѣнчанію по камкамъ „и соболямъ. Знатнѣйшая Боярыня держала „скляницу съ виномъ Фряжскимъ: Митро-„политъ подалъ ее Государю и Государынѣ: „первый, выпивъ вино, растопталъ скляницу „ногою. Когда священный обрядъ совер-„шился, новобрачные сѣли на двухъ крас-„ныхъ зголовьяхъ. Митрополитъ, Князья „и Бояре поздравляли ихъ; пѣвчіе пѣли „многолѣтіе. Возвратились во дворецъ. Свѣ-„чи съ короваями отнесли въ спальню, „или въ *сѣнникъ*, и поставили въ кадь пше-„ницы. Въ четырехъ углахъ сѣнника были „воткнуты стрѣлы, лежали колачи съ собо-„лями, у кровати два зголовья, двѣ шапки, „одѣяло кунье, шуба; на лавкахъ стояли „*оловянники* съ медомъ; въ головахъ кровати „икона Рождества Христова, Богоматери „и Крестъ Воздвизальный; на стѣнахъ так-„же иконы Богоматери со младенцемъ; надъ „дверью и надъ всѣми окнами, внутри и „снаружи, кресты. Постелю стлали на „двадцати-семи ржаныхъ снопахъ. Великій „Князь завтракалъ съ людьми ближними; „ѣздилъ верхомъ по монастырямъ, и обѣдалъ „со всѣмъ Дворомъ. Князь Юрій Іоаннович

„сидѣлъ опять *на большомъ мѣстѣ*, а Василій рядомъ съ Еленою; передъ ними поставили жаренаго пѣтуха: дружка взялъ его, „обернулъ верхнею скатертью и отнесъ „въ спальню, куда повели и Молодыхъ изъ „за-стола. Въ дверяхъ знатнѣйшій Бояринъ „*выдавалъ* Великую Княгиню и говорилъ рѣчь. „Жена Тысяцкаго, надѣвъ двѣ шубы, одну „наизворотъ, вторично осыпала новобрачныхъ хмѣлемъ; а дружки и свахи кормили „ихъ пѣтухомъ. Во всю ночь Конюшій „Государевъ ѣздилъ на жеребцѣ подъ окнами „спальни съ обнаженнымъ мечемъ. На другой день супруги ходили въ мыльню и ѣли „кашу на постелѣ.“ Легко угадать разумъ сихъ обрядовъ, безъ сомнѣнія весьма древнихъ, отчасти, можетъ быть, Славянскихъ, отчасти Скандинавскихъ: нѣкоторые образовали любовь, согласіе, чадородіе, богатство; другіе должны были удалять дѣйствіе злаго волшебства.

Василій, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Государями Европейскими, любилъ хвалиться ласкою, оказываемою ихъ Посламъ въ Россіи; но иноземцы жаловались на сей милостивый пріемъ, соединенный съ обрядами скучными и тягостными. Приближаясь къ границѣ, Посолъ давалъ о томъ знать Намѣстникамъ ближайшихъ городовъ. Ему предлагали множество вопросовъ: „изъ какой земли, отъ „кого ѣдетъ? знатный ли человѣкъ? какого

Въѣздъ чужеземныхъ Пословъ въ Россію.

„именно званія? бывалъ ли прежде въ Россіи? „говоритъ ли нашимъ языкомъ? сколько съ „нимъ людей, и какихъ?“ О семъ немедленно доносили Великому Князю; а къ Послу высылали чиновника, который, встрѣтивъ его, не уступалъ ему дороги, и всегда требовалъ, чтобы онъ стоя выслушивалъ Государево привѣтствіе со всѣмъ Великокняжескимъ титуломъ, нѣсколько разъ повторяемымъ. Назначали дорогу и мѣста, гдѣ надлежало обѣдать, ночевать. Ѣхали тихо, иногда не болѣе пятнадцати или двадцати верстъ въ день: ибо ждали отвѣта изъ Москвы. Иногда останавливались въ полѣ, не смотря на зимній морозъ; иногда худо ѣли. За то Приставъ терпѣливо сносилъ брань иноземцевъ. Наконецъ Государь высылалъ Дворянъ своихъ къ Послу: тутъ везли его уже скорѣе и лучше содержали. Встрѣча передъ Москвою была всегда пышная: являлось вдругъ нѣсколько чиновниковъ въ богатыхъ одеждахъ и съ отрядомъ конницы; говорили рѣчи, спрашивали о здоровьѣ, и проч. Дворъ Посольскій находился близъ Москвырѣки: большое зданіе со многими комнатами, но совершенно пустыми; никто не жилъ въ семъ домѣ. Приставы служили гостямъ, непрестанно заглядывая въ роспись, гдѣ было все исчислено, все измѣрено, что надлежало давать Посламъ Нѣмецкимъ, Литовскимъ, Азіатскимъ: сколько мясныхъ блюдъ, меду, луку, перцу, масла, даже дровъ (404). Между тѣмъ при-

дворные чиновники ежедневно спрашивали у нихъ, довольны ли они угощеніемъ? Не скоро назначался день представленія: ибо любили долго изготовляться къ оному. Послы сидѣли одни, не могли заводить знакомствъ, и скучали. Великій Князь къ сему дню, для ихъ торжественнаго въѣзда въ Кремль, обыкновенно дарилъ имъ коней съ богатыми сѣдлами.

Иноземные художники и ремесленники въ Москвѣ.

Кромѣ зодчихъ, денежниковъ, литейщиковъ, находились у насъ тогда и другіе иноземные художники и ремесленники. Толмачь Димитрій Герасимовъ, будучи въ Римѣ, показывалъ Историку Іовію портретъ Великаго Князя Василія, писанный безъ сомнѣнія не Рускимъ живописцемъ. Герберштеинъ упоминаетъ о Нѣмецкомъ слесарѣ въ Москвѣ, женатомъ на Россіянкѣ (405). Искусства Европейскія съ удивительною легкостію переселялись къ намъ: ибо Іоаннъ и Василій, по внушенію истинно великаго ума, дѣятельно старались присвоить оныя Россіи, не имѣя ни предразсудковъ суевѣрія, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные волѣ Государей, рано выучились уважать сіи плоды гражданскаго образованія, собственность не Вѣръ и не языковъ, а человѣчества; мы хвалились исключительнымъ Православіемъ и любили святыню древнихъ нравовъ, но въ то же время отдавали справедливость разуму, художеству Западныхъ Европейцевъ, которые находили въ Москвѣ

гостепріимство, мирную жизнь, избытокъ. Однимъ словомъ, Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу: „хорошее отъ всякаго хорошо,“ и никогда не была вторымъ Китаемъ въ отношеніи къ иноземцамъ.

Словесность. Языкъ нашъ, то есть, Славянскій, былъ въ сіе время извѣстенъ отъ Каменнаго Пояса до Адріатическаго моря, Воспора Өракійскаго и Нила: имъ говорили при Дворѣ Турецкаго и Египетскаго Султановъ, жены ихъ, Ренегаты, Мамелюки (406). Мы имѣли въ переводахъ сочиненія Св. Амвросія, Августина, Іеронима, Григорія, Исторію Римскихъ Императоровъ (вѣроятно, Светонову), Марка Антонія и Клеопатры (407); но Іовій укоряетъ насъ совершеннымъ невѣжествомъ въ Наукахъ: въ Философіи, Астрономіи, Физикѣ, Медицинѣ, сказывая, что мы именуемъ лекаремъ всякаго, кто знаетъ нѣкоторыя цѣлебныя свойства растѣній. Успѣхи Словесности примѣчались въ чистѣйшемъ слогѣ лѣтописей, пастырскихъ духовныхъ посланій, святыхъ житій, и проч. Старецъ, Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ, могъ назваться Демосөеномъ сего времени, если истинное краснорѣчіе состоитъ въ сильномъ выраженіи мыслей и чувствъ: славное посланіе его къ Іоанну уже извѣстно Читателю (408). Житіе Св. Даніила Переяславскаго писано не безъ искусства, умно и пріятно (409). Особеннаго замѣчанія достойны два Слова: пер-

вое о рожденіи Царя Іоанна, второе похвальное Василію; въ томъ и въ другомъ есть прекрасныя мѣста; выпишемъ нѣкоторыя:

„Кто повѣдаетъ силу Господню и всѣ „чудеса Его? Во дни наши совершилось дѣло „Небесной любви, коего примѣры видѣли „мы въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ: молитва „отверзаетъ ложесна неплодныя! Господь „милостію утѣшаетъ людей Своихъ въ „отчаяніи: ибо славный и великій во Ца„ряхъ не скудѣетъ въ Вѣрѣ, припадая ко „Всевышнему; уже вступаетъ въ шестое „*десятилѣтіе* жизни, и еще надѣется благо„словить чадо милое, вожделѣнное не толь„ко родителю, но и всей Державѣ Христі„анской: она требуетъ Пастыря для дней „будущихъ. Слышитъ Господь молитву и „долго не исполняетъ, да болѣе и болѣе „разгарается усердіемъ сердце Державнаго. „О диво! Монархъ оставляетъ престолъ „и величіе, идетъ съ жезломъ какъ бѣдный „странникъ въ Обители дальнія, смирен„ный видомъ и душею: се Царскія стопы „его изображаются на пескахъ дикой пу„стыни! За нимъ добродѣтельная, премудрая „Царица, ему подобная. Оба исполнены „смиренія и надежды; оба вѣдаютъ, что „*вѣра возмогаетъ и надежда не посрамитъ.* „И бысть! лобызаемъ наслѣдника Державы! „ . . . Когда бы Всевышній даровалъ Ва„силію дщерь, и тогда бы сердце родителя

„возвеселилось, но едино: Господь даруетъ „ему сына, да веселится и блаженствуетъ „съ нимъ вся Россія!“ — Въ похвальномъ Словѣ Василію такъ описаны дѣла и свойства его: „Сей Государь *добрѣ правилъ* „*хоругвями* отечества, твердо укорененнаго „Богомъ, подобно вѣковому древу; всегда „благословляемый успѣхомъ, всегда спасаемый „отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, по„корялъ страны мечемъ и миромъ, а въ сво„ей наблюдалъ правду, не усыпая ни умомъ, „ни сердцемъ; бодрствовалъ надъ душами, „питалъ въ нихъ добродѣтель, гналъ злобу, „да не погрязнетъ корабль великой Держа„вы его въ волнахъ беззаконія! Душа Царева „свѣтилась яко зерцало, блистая въ лучахъ „Божественной премудрости. Мы знаемъ, „что Государь естествомъ тѣлеснымъ ра„венъ всѣмъ людямъ; но властію не подобенъ „ли Богу единому? Неприступенъ во славѣ „земнаго Царствія: но есть вышнее, небес„ное, для коего онъ долженъ быть при„ступенъ и снисходителенъ къ людямъ. Тѣлу „дано око, а міру Царь, да промышляетъ о „благѣ его. Царь истинный царствуетъ надъ „страстями, въ вѣнцѣ святаго цѣломудрія, „въ порфирѣ закона и правды. Таковъ былъ „Великій Князь Василій, правитель *веле*„*умный*, наказатель добродѣтельный, истин„ный кормчій, образъ благости, столпъ „твердости и терпѣнія; защитникъ Госу-

„дарства, отецъ Вельможъ и народа, мудрый „*соглагольникъ* Духовенства; высокій житі-„емъ на престолѣ, смиренный сердцемъ яко „въ пещерѣ, кротокъ взоромъ, почтенъ „Божіею благостію; всѣхъ любилъ и любимъ „всѣми: ближніе и дальніе припадали къ нему, „отъ Синая и Палестины, отъ Италіи и „Антіохіи, да узрятъ лице его, да услы-„шатъ слово. Кто опишетъ его достоин-„ства? Какъ Саламандръ, по сказанію Бого-„слова, среди огня не сгараетъ; какъ свѣт-„лая рѣка, именуемая Кавосъ, течетъ сквозь „море и не теряетъ сладости водъ своихъ: „такъ огнь страстей человѣческихъ, такъ „бурное житейское море не повредило душѣ „Василія: она чистою, благою воспарила отъ „земли на небо. Однимъ словомъ, сей Великій „Князь въ житіи богомудромъ уподоблялся „Димитрію Іоанновичу Донскому.“ (410). — Мы предложили здѣсь Читателю не точныя *слова*, но *точныя мысли Авторовъ*: слова принадлежатъ вѣку, а мысли вѣкамъ.

Судя по слогу, можемъ отнести къ сему времени сочиненіе двухъ Русскихъ сказокъ: *о купцѣ Кіевскомъ* и *Дракулѣ*, *Мутьянскомъ Воеводѣ*. Въ первой описывается мучитель, именемъ *Сміянъ гордый*, Владѣтель неизвѣстной приморской страны, гибельной для всѣхъ плавателей, которые искали тамъ убѣжища отъ бурь, и не умѣли отгадать Царскихъ загадокъ: имъ надлежало отвер-

гнуться Христа или умереть. Сынъ путешествующаго Кіевлянина, Борзосмыслъ, юный отрокъ, вдохновенный небесною мудростію, какъ новый Эдипъ рѣшитъ всѣ хитрыя задачи Сміяна, отсѣкаетъ ему голову въ присутствіи народа, садится на тронъ, проповѣдуетъ Вѣру Христову, плѣняетъ гражданъ, остается у нихъ Царемъ и женится на Сміяновой дочери (411). Вотъ содержаніе. Красотъ піитическихъ мало, остроумія также; разсказъ довольно складенъ. — Вторая повѣсть любопытнѣе. Дракула, хищникъ Мутьянской или Волошской Державы (о коемъ упоминается въ Византійской Исторіи Дуки около 1430 года) представленъ гонителемъ всякой неправды, обмановъ, воровства, и свирѣпымъ кровопійцею. Никто въ землѣ Волошской не дерзаетъ взять чужаго, ни обидѣть слабаго. Испытывая народъ, онъ поставилъ золотую чару у колодезя отдаленнаго отъ домовъ: мимоходящіе пили воду и не трогали богатаго сосуда. Искоренивъ злодѣевъ, сей Воевода казнилъ и за самыя легкія вины. Не только жена вѣроломная, любострастная, но и лѣнивая, у которой въ домѣ было не чисто или мужъ не имѣлъ хорошаго бѣлья, лишалась жизни. На площади, вмѣсто украшеній, висѣли трупы. Однажды пришли къ нему два Монаха изъ Венгріи: Дракула желалъ знать ихъ мысли о себѣ. „Ты хочешь „быть правосуднымъ" — отвѣчалъ старѣй-

щій изъ нихъ — „но дѣлаешься тираномъ, „наказывая тѣхъ, коихъ должны наказывать „единственно Богъ и совѣсть, а не законъ „гражданскій.“ Другой хвалилъ тирана, какъ исполнителя судовъ Божественныхъ. Велѣвъ умертвить перваго Монаха, Дракула отпустилъ его товарища съ дарами, и наконецъ увѣнчалъ свои подвиги сожженіемъ всѣхъ бѣдныхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ въ землѣ Волошской, разсуждая: „начто жить людямъ, живущимъ въ тягость себѣ и другимъ?“ Авторъ могъ бы заключить сію сказку прекраснымъ нравоученіемъ, но не сдѣлалъ того, оставляя читателямъ судить о *Философіи* Дракулы, который лечилъ подданныхъ отъ злодѣйства, пороковъ, слабостей, нищеты и болѣзней однимъ лекарствомъ: смертію! — Замѣтимъ, что древніе Русскіе *писцы* имѣли болѣе гордости, нежели *Писатели*: первые почти всегда означали имя свое въ концѣ переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь такимъ образомъ отъ хвалы и критики: знаемъ творенія, не зная творцевъ. По крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши занимались не только историческими или Богословскими сочиненіями, но и романами; любили произведеніе остроумія и воображенія.

Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи.

Въ окончаніи сей статьи предложимъ нѣкоторыя извѣстія изъ Герберштеиновой книги о сосѣдственныхъ съ Россіею земляхъ,

восточныхъ и сѣверныхъ. Ногайскіе Татары, кочуя близъ моря Каспійскаго, раздѣлялись въ Василіево время на три Улуса, принадлежащіе тремъ Князьямъ братьямъ: Шидаку, Кошуму и Шигъ-Мамаю; первый жилъ въ городѣ Сарайчикѣ на Яикѣ; вторый повелѣвалъ всею землею между Кумою, Яикомъ и Волгою; третій господствовалъ надъ частію Сибири. Въ двадцати дняхъ пути отъ Шидаковыхъ владѣній, къ Востоку, обитали Юргенскіе или Хивинскіе Татары, повинуясь Баракъ-Солтану, брату сосѣдственнаго Хана Катайскаго или Киргизъ-Кайсакскаго, Бебейда. За Вяткою и Пермію жили въ лѣсахъ Тюменскіе и Шибанскіе Моголы; первыхъ считалось не болѣе десяти тысячь. За Волгою находились еще Улусы Калмыковъ: сіе имя дано имъ для того, что они не стригли волосъ на головѣ, какъ другіе Моголы. Астрахань, знатнѣйшій *базаръ Татарскій*, славилась богатствомъ, а Шамаха, уже подвластная тогда Персіи, своими прекрасными шелковыми тканями. На Дону, въ двѣнадцати миляхъ отъ Азова, былъ городъ *Ахасъ* (гдѣ нынѣ Старый Черкаскъ) изобильный плодами, рыбою, дичью, веселый мѣстоположеніемъ, окруженный садами природными, богатый всѣмъ, что нужно человѣку для самой роскошной жизни. Говорили: „имѣй только „огонь и соль: все прочее найдешь въ Ахасѣ!“ — На восточномъ берегу Чернаго моря жили

Авхасы; далѣе въ горахъ вольные Черкесы, не подвластные ни Туркамъ, ни Татарамъ, ужасные разбойники; текущими изъ горъ рѣками выплывая на лодкахъ въ море, они грабили суда купеческія; исповѣдывали Христіанскую Греческую Вѣру, употребляли въ Богослуженіи языкъ Славянскій, впрочемъ мало думали о Законѣ (412). — Близъ устья рѣки Фазиса, или Ріона, показывали островъ, гдѣ будто бы стоялъ корабль Язоновъ.

Описывая наружность Татаръ, Герберштеинъ сказываетъ, что они были средняго роста, черноволосые, широколицые съ маленькими, впалыми глазами, и что знатнѣйшіе носили длинныя плетенки или косы: въ семъ изображеніи еще узнаемъ истинныхъ Моголовъ, нынѣшнихъ Калмыковъ и Киргизовъ. Сему же Писателю обязаны мы изъясненіемъ достоинствъ и чиновъ Татарскихъ. Солтанами назывались сыновья Ханскіе, Уланами главнѣйшіе по Ханѣ сановники, Беями Князья, ихъ дѣти Мурзами; Первосвященники (Магометова рода) Сеитами (413).

Сѣверъ Россіи былъ еще предметомъ баснословія для самыхъ Москвитянъ. Увѣряли, что тамъ, на берегахъ Океана, въ горахъ, пылаетъ неугасимый огнь Чистилища; что въ Лукоморьѣ есть люди, которые ежегодно 27 Ноября, въ день Св. Георгія, умираютъ,

а 24 Апрѣля оживаютъ снова; что они передъ смертію сносятъ товары свои въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди, въ теченіе зимы, могутъ брать оные, за всякую вещь оставляя должную плату и не смѣя обманывать: ибо мертвецы, воскресая весною, расчитываются съ ними и всегда наказываютъ безсовѣстныхъ; что тамъ есть и другіе чудесные люди, покрытые звѣриною шерстью, съ собачьими головами, съ лицемъ на груди, съ длинными руками, но безногіе; есть рыбы человѣкообразные, но только нѣмые, и проч. Сіи басни питали любопытство грубыхъ умовъ. Однакожъ Москвитяне уже знали имена всѣхъ главныхъ рѣкъ Западной Сибири. Они сказывали, что Обь вытекаетъ изъ озера (Телейскаго); что за сею рѣкою и за Иртышемъ находятся два города, *Серпоновъ* и *Грустина*, коихъ жители получаютъ жемчугъ и драгоцѣнные каменья отъ *черныхъ людей*, обитающихъ близъ озера Китая. Мы обязаны были сими свѣдѣніями господству Великихъ Князей надъ землею Пермскою и Югорскою. Лапландія также платила намъ дань. Дикіе жители ея приходили иногда въ сосѣдственныя Россійскія области, начинали заимствовать нѣкоторыя гражданскія обыкновенія и ласково угощали купцевъ иноземныхъ, которые привозили къ нимъ вещи нужныя для хозяйства (414).

Вообще Герберштейново описаніе Россіи есть важное твореніе для нашей Исторіи XVI вѣка, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя ошибки.

Конецъ VII тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ VII тому

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

---

(1) Герберштеинъ именно говоритъ, что Василій ни при жизни отца, ни по смерти его не хотѣлъ короноваться, для того, что Димитрій былъ коронованъ (R. M. Comment. стр. 8). Онъ же разсказываетъ, что Іоаннъ, готовясь умереть, призвалъ Димитрія къ себѣ и сказалъ ему: „Любезный внукъ! я согрѣшилъ предъ Богомъ и тобою, заключивъ тебя и лишивъ законнаго наслѣдія: прости мнѣ сію жестокость. Ты свободенъ: иди и пользуйся своимъ правомъ!" Димитрій, тронутый до глубины сердца, искренно простилъ дѣда; но какъ скоро вышелъ отъ умирающаго, то Василій приказалъ отвести его въ темницу. — Сіе любопытное повѣствованіе кажется невѣроятнымъ. Іоаннъ безъ сомнѣнія взялъ бы мѣры для непремѣннаго исполненія воли своей, если бы хотѣлъ оставить престолъ внуку: собрали бы Вельможъ, обязали бы ихъ присягою служить Димитрію, а не Василію, который въ такомъ случаѣ не могъ бы столь легко заключить племянника. Не говорю о твердости Іоаннова характера; не говорю даже о завѣщаніи, въ коемъ Василій объявленъ наслѣдникомъ Монархіи: ибо оно сохранилось только въ спискѣ; подлинника не имѣемъ.

(2) Въ *Архонг. Лѣт.* стр. 178: „К. В. Василей „Иванов. *посадилъ въ желѣза* племянника своего, „В. К. Димитрея Иванов., и въ полату тѣсну посади." Первое кажется невѣроятнымъ и несогласнымъ съ характеромъ Василія, который не любилъ безполезныхъ жестокостей. Димитрій, сидя въ темницѣ, имѣлъ помѣстья, свою казну, чиновниковъ, какъ видно изъ его завѣщанія. Такихъ правъ не оставляютъ колодникамъ въ цѣпяхъ.

(3) Въ лѣтописяхъ сказано: „Февр. 14 преставился В. К. Дмитрей Иванов. въ *нужѣ*, въ тюрмѣ". Герберштт. пишетъ: „думаютъ, что онъ „умеръ отъ холода, или отъ голода, или задохнулся отъ дыма."

(4) См. *Собраніе Государственныхъ Грамотъ*, Т. I, стр. 405. При описаніи многихъ драгоцѣнныхъ вещей Димитрій говоритъ: „что мнѣ далъ К. В. „Василей." Между оными были подаренныя Дими-

трію дѣдомъ, Королемъ Казимиромъ, Княземъ Иван. Юрьев. Патрикеевымъ, Митроп. Геронтіемъ, Архіеписк. Новогородскимъ, Бояриномъ Морозовымъ и проч. Далѣе сказано: „а вся моя рухлядь въ сундукѣ за моею печатью въ казнѣ у моихъ Дьяковъ „..... а платье у моего Постельничово ... а денегъ „моихъ въ казнѣ осталося у моихъ Дьяковъ 1000 „рублевъ .... А у сево списка былъ отецъ мой ду„ховной, Воскресенской Архиманд. Ефремъ, да Бояринъ мой К. Андрей Федоров. Хованской; а пи„салъ Дьякъ мой Небогатой Исаковъ сынъ Дубро„вина.“ Внизу приписано рукою его слѣдующее: „А къ сему списку язъ К. Дмитрей Ивановичь ру„ку свою приложилъ. А што есми въ семъ спи„ску написалъ, у кого есми села покупилъ, и К. бы „Великій пожаловалъ тѣ села имъ подавалъ и куп„чіе грамоты велѣлъ имъ выдати безденежно.“

(5) На примѣръ, въ дѣлахъ Крымскихъ No. 3, стр. 24, 25, и далѣе обыкновенно встрѣчается выраженіе: „приговорилъ К. В. съ Бояры.“

(6) Герберш. стр. 9: multas provincias non tam bello, in quo erat infelicior, quam industria imperio suo adiecit.

(7) Вел. К. 7 Дек. 1505 года послалъ въ Крымъ своего *ближняго человѣка*, Василья Наумова, который пріѣхалъ назадъ 1 Авг. 1506 съ послами Ханскими, Князьями Казимиръ - Кіадомъ и Магмедшею. Они выѣхали изъ Москвы въ Декаб. съ Константиномъ Григорьев. Заболоцкимъ.

(8) См. *Никон. Лѣт.* и *Временникъ* стр. 204. Царевичь отнесся сперва къ Митрополиту Симону. Его крестилъ 21 Дек. 1505 у тайника Спасскій Архимандритъ Аѳанасій; онъ же вѣнчалъ и свадьбу 25 Генв. 1506. — Царевичь Петръ обязался клятвенною грамотою въ вѣрности къ Государю за поручительствомъ Митропол и духовнаго отца своего, Епископа Суздальскаго Нифонта (См. *Собраніе Государ. Грамотъ*, I, 401).

(9) См. *Временникъ*, II, 205. Димитрій, братъ В. К., прозывался *Жилкою* (см. Розряд. Кн. о семъ походѣ). Съ нимъ былъ и двоюродный братъ его, К. Ѳедоръ Борисов. Волоцкій; а Воеводъ множество: К. Иванъ Васильев. Курака, Дмитрій Иван. Ларевъ, К. Давидъ Данилов. Пенковъ-Хромой, К. Иванъ Михайлов. Рѣпня Оболенскій, К. Мих. Ѳед.

Теляшевскій, Князья Микулинскіе, К. Иванъ Иванов. Щетина Стригинъ-Оболенскій, Өедоръ Юрьев. Щука-Кутузевъ, К. Өед. Сицкій-Кривой, К. Семенъ Өед. Курбскій, К. Александ. Оленка и проч. Одна судовая рать послана была на перевозъ, 30 верстъ ниже Казани.

(10) См. *Казан. Лѣт.* гл. XIV, и Герберштт. R. M. Comment., стр 68. Послѣдній говоритъ, что Казанцы обманули Россіянъ *притворнымъ* ужасомъ и бѣгствомъ изъ шатровъ своихъ въ городъ, а послѣ съ Черемисскими стрѣлками ударили на нихъ въ расплохъ. — Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что кромѣ К. Михаила Өедоров. Курбскаго и К. Өедора Иванов. Палецкаго, тутъ погибъ и третій Воевода, К. Романъ, братъ перваго; что Димитрій Шеинъ былъ замученъ Магметъ-Аминемъ; что Россіянъ изо 100,000 спаслось только 7000. См. также *Архив. Лѣт.*, *Продолженіе Нестора* и *Русск. Времен.* — Съ вѣстію о первой неудачной битвѣ Димитріевой пріѣхалъ въ Москву 9 Іюня Василій Голенинъ.

(11) См. *Родослов. Кн.* — Въ *Казан. Лѣт.* Өедоръ Киселевъ несправедливо именуется въ числѣ убитыхъ подъ Казанью.

(12) См. Герберштт. R. M. Comment. 68. Между сими иноземцами былъ Италіянецъ Бартоломей, который принялъ нашу Вѣру и пользовался особенною милостію Василія, когда Герберштеинъ находился въ Москвѣ.

(13) См. Розрядн. Кн., гдѣ сказано: „Того же лѣ„та по Казанскимъ вѣстямъ послалъ К. В въ Му„ромъ К. Данила Васильев. да Юрья Константт. „Сабурова а на Плесо К. Михайла Голицу Ива„новича Булгакова ... Розрядъ: въ большомъ полку „Бояр. и Воев. К. Данило Васильев. Щеня ... а Ца„ревичу Енаю (или Зеденаю) быти у передоваго „полку на правѣ“ и проч.

(14) Въ Мартѣ 1507 Магметъ-Аминъ прислалъ своего чиновника, Абдулу, съ извинительною грамотою. Марта 25 Вел. К. отпустилъ его назадъ съ своимъ гонцемъ, Алексѣемъ Лукинымъ. „И Царь „со Алексѣемъ прислалъ Бакшея своего, Бозека, съ „грамотою бити челомъ, чтобы К. В. пожаловалъ „взялъ съ нимъ миръ по старинѣ, какъ было со „отцемъ его, съ Вел. К. Иваномъ Васильев.; а по„сла его, Мих. Кляпика, отпущу съ его това-

„рищи, да и тѣхъ людей, которые на бою въ на-
„ши руки попали. И К В., приговоря съ братьею
„и съ Бояры, для Христьянскихъ душъ, кои въ
„бусурменскіе руки попали, проступку его ему
„отдалъ ... и послалъ къ Царю Дьяка Екулу Суко-
„ва ... И тогожъ лѣта Царь Мих. Кляпика отпу-
„стилъ, да и людей, коихъ поималъ, да и своего
„посла, Барашъ-Сеита, прислалъ бити челомъ о
„миру .... Сент. 8 К. В. Барашъ-Сеита отпустилъ,
„и послалъ Боярина, Окольничаго Ивана Григорьева
„Поплевина, да Дьяка Алексѣя Лукина въ Казань ....
„Тояжъ зимы Генв. (1508) пріиде въ Москву По-
„плевинъ, да и грамоты шертныя отъ Царя при-
„везли, да Царь передъ нимъ и шерть далъ о друж-
„бѣ и о братствѣ, *какъ было съ* В. К. *Иваномъ*
„*Васильев.*; да и тѣхъ людей отпустилъ, кои ему
„на бою въ руки попали."

(15) См. Дѣла Польскія No. 2, стр. 78. Посломъ былъ Богданъ Долгирдовичъ.

(16) Тамъ же, стр. 79. Юрій Глѣбовъ былъ Намѣстникъ Витебскій, а Иванъ Сапѣга Намѣст. Браславскій. Съ ними находился Конюшій Смоленскій, Иванъ Өедоровъ.

(17) Өедора Степановича Яропкина, Ивана Оксенова и Подьячаго Ивашку Микулина.

(18) См. тамъ же, стр. 81. Василій требовалъ пропуска и для посла Датскаго, бывшаго въ Москвѣ. Король хотѣлъ отвѣчать на то послѣ.

(19) См. тамъ же, стр. 83: „Съ писаремъ Коро-
„левскимъ, Григорьемъ съ Горемыкою, пріѣхалъ къ
„Государю отъ Кіев. Митроп. Іоны человѣкъ его
„Левка съ грамотою, штобъ Государь милость
„показалъ, велѣлъ его сына Сенку Кривого пусти-
„ти на обмѣну на одномъ Сынѣ Боярскомъ, и К.
„В. приказалъ Левкѣ съ Болдыремъ Паясовымъ,
„што о Митрополичьѣ сынѣ о Сенкѣ били челомъ
„Митрополитъ Симонъ да и Бояре, и Государь
„того Сенку отдалъ Симону Митр. и Бояромъ
„своимъ."

(20) См. Дѣла Польскія No. 2, стр. 83.

(21) Тамъ же, стр. 85. Сигизмундъ присылалъ въ Москву Пана Яна Николаевича Радзивила, Намѣст. Слонимскаго, Кухмистра Олехнова и Писаря Богдана Сапѣгу, Окольничаго Смоленскаго.

(22) Воеводы пошли на Литву 14 Сент. См. ни-

же, примѣч. 46. Въ *Продолж. Нестора*, стр. 347, сказано, что Воеводы Литовскіе сожгли тогда Черниговъ и ушли назадъ; что подъ Кричевымъ застрѣлили изъ пищали Михайла Васильев. Образцова, и что Россіяне выжгли посады въ Мстиславлѣ. Въ Розрядн. Книгахъ наименованы главными Полководцами Князья Стародубскіе, а при нихъ въ большомъ полку Холмскій, Яковъ Захарьев. и К. Владиміръ Андреев. Микулинскій и проч. Стрыковскій (кн. XXII, гл. 2) пишетъ, что Король вышелъ тогда съ войскомъ, заставилъ Россіянъ удалиться въ свои предѣлы и взялъ Гзыковъ.

(23) Сигизмундъ вторично присылалъ пословъ въ Москву, Петра Кухмистра и Богдана Сапѣгу, которые говорили, что Ханъ Менгли-Гирей многократно предлагалъ Королю заключить твердый миръ съ Россіею, и что Король самъ желаетъ того, если В. К. освободитъ ихъ плѣнниковъ и возвратитъ отнятые у Литвы города. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ отъ Сигизмунда гонецъ съ извѣстіемъ, что новые Большіе послы Литовскіе ѣдутъ въ Россію. Король, жалуясь на впаденіе Россіянъ въ Литву, просилъ Василія отпустить задержанныхъ въ Москвѣ купцевъ Польскихъ (см. Дѣла Польск. No. 2, стр. 86 — 90).

(24) См. Стриков. Хрон. кн. XXIII, гл. 2, и цѣловальную запись Острожскаго въ *Собраніи Государ. Грамотъ*, I, 403, въ коей сказано: ,,Се язъ ,,Константинъ Иван. Острожской, что еми билъ ,,челомъ своему Государю В. К. Василью Ив. за ,,свою вину своимъ господиномъ Симономъ Митро-,,политомъ и его дѣтми и сослужебники, Трифо-,,номъ Епископомъ Сарскимъ, Спаскимъ Архим. ,,Аѳонасьемъ, Чудов. Ѳеогностомъ, Симонов. Вар-,,ламомъ, Андроников. Митрофаномъ, Богоявлен. ,,Игуменомъ Ниломъ, и Государь мой, К. В., ихъ ,,дѣля прошенья меня, своего слугу, пожаловалъ, ,,нелюбье свое мнѣ отдалъ. А мнѣ своему Госуда-,,рю, Вел. К. Василью Иван. и его дѣтемъ служити ,,и до своего живота, а не отъѣхати ми (отъ не-,,го) и отъ его дѣтей къ его братьѣ, ни къ иному ,,никому .... а въ томъ во всемъ *ялся* по мнѣ го-,,сподинъ мой, Митроп. и его сослужебники .... А ,,черезъ сю мою грамоту что явится которое ,,мое лихо передъ моимъ Государемъ, ино не буди

„на мнѣ милости Божіей ... въ сесь вѣкъ, ни въ „будущій .... А дана грамота на Москвѣ л. 7015 „(1506) Окт. въ 18." Курбскій пишетъ, что К. Острожскій, сосланный въ Вологду Іоанномъ III, подружился тамъ съ Св. Димитріемъ Прилуцкимъ. Далѣе: „Той Святый К. Константина (Острож„скаго) отъ многолѣтныхъ его веригъ свободилъ, „ими же былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, и „изсохшія уже ему руцѣ прикосновеніемъ своимъ „исцѣлилъ, яко и здѣ (въ Польшѣ) уже Князь сей „зѣло Святаго прославлялъ, и любовь къ нему ве„лію имѣлъ до преставленія своего."

(25) Въ Родослов. Кн.: „Къ В. К. Витовту пріѣ„халъ служити Татаринъ К. Лексада, крестился, „и во крещеніи имя ему Александръ; а отчина у „него была Глинескъ да Глинница, да Полтава." Нѣкоторые производятъ родъ Глинскихъ отъ Мамая.

(26) См. Стриков. Хроник. к. XXIII, гл. 3, Кромера стр. 447, и Герберштт. 79.

(27) См. *Архив. Лѣт.* л. 186, и *Русск. Времен.* стр. 215. Король прислалъ къ Глинскимъ въ Туровъ Пана Яна Костевича, съ клятвою убѣждая ихъ возвратиться къ нему; но они не вѣрили Яну и требовали, чтобы Сигизмундъ велѣлъ присягнуть за себя Пану Албрехту Мартынову-Гастовтову. Вел. К. отправилъ къ нимъ прежде Боярскаго Сына Коломнятина Митю Губу, а послѣ въ Мозырь Дьяка Никиту Губу-Моклокова, который заключилъ съ ними договоръ; а Глинскіе посылали въ Москву Боярскаго Сына, Ивана, и Королевскаго Дворянина, Пана Воина Яковича.

(28) Стриков.: „Срѣте въ пути Глинскій лю„бительницу Забрезинскаго; и поимавши ю, повелѣ „мучити, да повѣсть вся тайны Забрезенскаго, „кая отъ страха вся исповѣда. Тако Глинскій, „обскочившій его во дворѣ, повелѣ въ ложницу „двери разбити .... и повелѣша обезглавити его „Турченину, и воткнувши главу его на саблю, при„несли предъ Глинскаго: онъ же ту повелѣ на дре„во воткнути, и несли ю предъ нимъ 20 поприщь, „до езера единаго къ Вильни идучи, и тамо ю по„велѣ утопити, гдѣ и доднесь столпъ каменный „при томъ езерѣ въ бору стоитъ."

(29) Менгли-Гирей присылалъ Вельможу своего

въ Мозырь, откуда Глинскій ходилъ къ Глуцку, гдѣ встрѣтили его послы наши: Иванъ Юрьев. Шигона Поджогинъ, и Господаря Волошскаго, Стефана Александров., за три недѣли до Пасхи.

(30) Стриков. кн. XXIII, гл. 3. Анастасія жила тогда въ Слуцкѣ.

(31) См. *Русск. Времен.* 216, и Розряд. Кн. Изъ Дорогобужа ходили на Литву Воеводы К. Телятевскій, Микулинской и проч.; на Смоленскія области Иванъ Щедра Окольничій, К. Палецкій, Салтыковъ; отъ Стародубскихъ же Князей и Шемякина К. Сицкій, Скрябинъ, Мурза Конбаръ, Прозоровскій; а съ Шемякинымъ были еще Андрей Сабуровъ, К. Александръ Оленка и другіе Воеводы, которые пришли къ Бобруйску передъ Троицынымъ днемъ.

(32) Стриков. кн. XXIII, гл. 2.

(33) См. *Русск. Времен.* 219 и Розрядн. Книги. Въ первомъ: „К. Василей Шемячичь и всѣ Воеводы „пошли отъ Орши за Днѣпръ, и послѣ того три „дни спустя, пришелъ Король; а В. К. Воеводы по-„шли ко Мстиславлю.“ Въ послѣднихъ: „Воеводы „съ Королемъ подъ Оршею объ рѣку Днѣпръ со-„шлись, и полки съ полками видѣлись, и Шемячичь „и Глинскій и Воеводы отъ Днѣпра отступили и „стояли въ Дубровнѣ 7 дней; а Король за рѣку ни „самъ не пошелъ, ни людей не послалъ; и Воеводы „В. К. пошли подъ Кричевъ и подъ Мстиславль, и „воевавъ Литовскую землю, вышли на Брянскъ со „всѣми людми, далъ Богъ, здорово.“ Стриковскій пишетъ, что Литовцы переходили за Днѣпръ, разгромили нашъ обозъ и побили многихъ Россіянъ; что Глинскій совѣтовалъ Воеводамъ сразиться всѣми силами, но что они не хотѣли того, и проч.

(34) Въ Розрядн. Книгахъ: „7017 (1508) Сент. въ „4, писалъ къ В. К. изъ Торопца К. Данило Ва-„сильев., что Торопчане его встрѣтили, и онъ „ихъ къ цѣлованью привелъ; а которые у него не „были, и онъ по тѣхъ послалъ; а которые Литов-„скіе люди приводили Торопчанъ къ цѣлованью, и „тѣ сбѣжали“

(35) См. *Русск. Времен.* 220 и Розряд. Кн.

(36) См. *Архив. Лѣт. л.* 189 на об. и Стриков. кн. XXIII, гл 3. Въ Розрядн. Кн.: „И по тѣмъ вѣ-„стямъ послалъ К. В. къ Воеводамъ К. Семена Се-

„ребренаго, а велѣлъ итти къ Дорогобужу, и Вое-„воды приказали къ В. К. со Князь С. Серебренымъ, „что съ ними людей мало, и къ нимъ бы людей „еще прибавили; и К. В. отъ себя послалъ къ Вое-„водамъ Шигоню Поджогина съ рѣчми и приказалъ, „которымъ Воеводамъ въ которомъ полку быти.... „И послали Воеводы изъ Вязмы напередъ себя къ „Дорогобужу К. Мих. Горбатаго, да Алексѣя За-„болоцкаго Литовскихъ людей отвѣстить и язы-„ковъ добывать. и которые люди Литовскіе дѣ-„ловцы пришли было города Дорогобужа дѣлати, „они тѣхъ побили, а человѣкъ со 100 послали къ „В. К. А Станиславъ Китка, заслышавъ то, изъ „Дорогобужа побѣжалъ назадъ .... и К. В. приказалъ „городъ Дорогобужъ дѣлати древянной.“ — Главные изъ Воеводъ были тутъ: Князья Холмскій, Александ. Ростовскій, Вас. Вас. Шуйскій, Иванъ Мих. Воротынскій, Конст. Ушатой, Вас. Вас. Голенинъ, Петръ Семен. Одоевскій, Ив. Вас. Шуйскій, Петръ Ѳедор. Челяднинъ, К. Александ. Оленка, Ив. Вас. Хабаръ, К. Сицкій, К. Вас. Губка-Ростовскій, К. Ив. Мих. Рѣпня, Андрей Курбскій, Стригинъ-Оболенскій, Лобанъ Ряполовскій, Петръ Царевичь и другіе.

(37) „Тогоже лѣта (1507) приходиша Крымскіе „Татарове, Янчигитъ Мурза, Янкуватовъ сынъ, „на Бѣлевскіе мѣста и на Одоевскіе, и воеваша; и „Воеводы В. К., К. Иванъ Холмской, да К. Конст. „Ушатой, а изъ своихъ отчинъ К. Вас. Сем. Одо-„евской, да К. Ив. Воротынской, да Козельской „Намѣстникъ К. Александръ Стригинъ, побили „ихъ, а полонъ весь отполониша; а гоняли ихъ до „рѣчки до Рыбницы.“

(38) См. въ Архивѣ Ин. Кол. Дѣла Ногайскія, No. 1, л. 42 на об. Князь Темиръ Якщенинъ былъ посланъ 13 Апр. 1508 съ письмами къ Асану и къ Алачу Мурзѣ, въ коихъ сказано: „Зять вашъ Шигъ-„Ахметъ Царь, надѣясь на Литовского дружбу, въ „его землю пришелъ, и Литовской Царя поималъ „.... а намъ Литовской недругомъ ся учинилъ; ино „какъ нынѣ вамъ, такъ и мнѣ недругъ.“ Темиръ долженъ былъ увѣдомить Государя, гдѣ найдетъ Улусы Ногайскіе, на сей или на той сторонѣ Волги. Въ данной ему *памяти* сказано: „А какъ дастъ „Богъ, Темиръ пріѣдетъ съ ними (Ногаями) къ До-

,,ну, и Темиру тогды простися, чтобы его от-
,,пустили къ В. К. .... *и Государь мой также ва-*
,,шему и своему недругу Литовскому недружбу бу-
,,детъ чинити .... Да говорити, чтобы Мурзы всѣ
,,заказали своимъ людемъ на-крѣпко, чтобы идучи
,,В. Князя людемъ Украйнымъ лиха не чинили." —
Нѣсколько разъ послы Ногайскіе были въ Москвѣ
съ изъявленіемъ дружества и съ прозьбою о сво-
бодной торговлѣ въ Россіи. Они всегда приводили
къ намъ лошадей. Въ 1507 году В. К. писалъ къ
Асану и къ другимъ Мурзамъ, чтобы они не помо-
гали Казанскому Царю Магметъ-Аминю, и напоми-
налъ имъ свое благодѣяніе, которое состояло въ
томъ, что Василій освободилъ какого-то юнаго
Князя ихъ, бывшаго у насъ плѣнникомъ. Въ Авгу-
стѣ 1508 пріѣзжалъ къ В. К. сынъ Царевича Но-
гайскаго Ахкурта, Акдевлетъ, и просилъ, чтобы Го-
сударь далъ отцу его или Казань или город Мещер-
скій (Касимовъ), или Андреевъ городокъ каменной Чи-
новники Великокняжескіе отвѣчали ему, что Ка-
занскій Царь. Магметъ-Аминь, сдѣлался уже дру-
гомъ Василію, а городокъ Мещерскій и Андреевъ
пожалованы Янаю Царевичу. Акдевлета отпусти-
ли съ дарами, но безъ писемъ. См. тамъ же, л.
56 — 65.

(39) Подлинная договорная грамота хранится
въ Архивѣ подъ No 5.

(40) См. Дѣла Польскія No. 2, стр. 90 — 95.
Отъ насъ ѣздили послами въ Литву Бояринъ и
Намѣстникъ Новогородскій Григорій Ѳедоров. За-
выдовъ, Бояринъ и Конюшій Иванъ Андреев. Че-
ляднинъ, Сокольничій Михайло Кляпикъ-Ятропкинъ
и Дьякъ Никита Моклоковъ. — Съ Глинскими вы-
хали тогда въ Россію Кн. Иванъ Озерецкій, Дми-
трій и Иванъ Глинскіе, К. Дмитрій и Василій Жи-
жемскіе, Панъ Андрей Александров. Дрожжа съ бра-
томъ Петромъ, Якубъ Ивашинцовъ, Семенъ Алек-
сандровъ съ сыновьями Михайломъ и Борисомъ, К.
Василій Мунча, Мих. Гагинъ, Дьякъ Королевской
Никольской, К. Андрей Друцкій, Петръ Фурсъ съ
братомъ Ѳедоромъ, Иванъ Матовъ, Святоша Де-
меня, Измаилъ Туровъ, Воинъ Яцковичъ, трое Кри-
жиныхъ, К. Иванъ Козловскій. *Времен.* 225: ,,К.
,,В. пожаловалъ К. Ивану да К. Василью Глинскимъ
,,во отчину Медыню, а К. Михайлу Яросла-

„вецъ, да Боровскъ въ кормленіе, а всѣхъ Княжатъ „и Паповъ пожаловалъ помѣстьи"

(41) См. Дѣла Крымск. No. 3, л. 24.

(42) Тамъ же л. 1, и No 4, л. 95. Послами отъ Царя были К. Магмедша, *Теть* (то есть, второй человѣкъ въ посольствѣ) Абдылъ Зода и Бахшей Кайсымъ. Они пріѣхали въ Москву 27 Окт. 1508. „Окт. „24 послалъ К. В. противъ Крымскихъ Пословъ „Θеодора Иванова сына Карпова, да Таможника „своего Микиту Романова, да Діяка Алексѣа Лукина, а велѣлъ имъ у гостей рухлядь попечатать, „которые идутъ съ послы. Окт. 27 послалъ К. В. „противъ Крым. пословъ Ясельничего Θеодора Семенова сына Хлопова, а велѣлъ ихъ спросити о здоровіи, и встрѣтилъ ихъ Θеодоръ за рѣкою за Москвою „на Поклонной горѣ, и ѣхалъ съ ними въ городъ „до ихъ подворей .... и К. В. послалъ къ нимъ о „Царевѣ здоровьѣ спросити, да и о ихъ здоровьѣ „Цигора Щепина."

(43) No. 3, л. 7: „У тебя, брата своего, прошу „кречата бѣлаго, которой лебеди ловитъ, да сѣ„рого кречата *дикольти*, да высокого кречата, да „бѣлого ястреба; да на поминки пришли мнѣ пять „кречатовъ, да три сороки добрыхъ соболей, да „шесть великихъ зубовъ рыбьихъ, да горла черныхъ „лисицъ; а восемь горлъ столько не будетъ, при„шли 40 черныхъ лисицъ; да еще прошу 5 один„цовъ добрыхъ соболей. Да братъ мой К. В. Иванъ „присылывалъ ми чару серебряну съ серебрянымъ „черпальцомъ: ино у меня ее взялъ Баазитъ Сал„тановъ сынъ, Шахъ-Зада: и ты бы нынѣ ко мнѣ „прислалъ .... и язъ бы за-все изъ нее пилъ, а те„бя, брата своего, поминалъ .... да пансырь, кото„рой бы былъ легокъ, а стрѣла бы его не имяла, „да чтобы еси показалъ Магмедшѣ, и онъ бы его „попыталъ стрѣлити," и проч. Менгли-Гирей требовалъ еще съ В. К. полутора-ста тысячь Оттоманскихъ денегъ, отданныхъ имъ Молдавскому Господарю Стефану за нашихъ Пословъ Италіянскихъ, Ларева и Карачарова; просилъ освободить Крымцевъ, плѣненныхъ Холмскимъ во время ихъ набѣга на Украйну; желалъ, чтобы купцы его торговали въ Россіи безъ пошлины, и проч. Царица Нурсалтанъ, братъ Ханскій Ямгурчей-Салтанъ, сыновья Менгли-Гиреевы, Магметъ-Гирей, Ахматъ,

фети, Бурнашъ, Мубарекъ, Магмутъ, Саипъ, Саадетъ, и *Алли-гиреи*, также многіе Князья и Царевны особенно писали къ В. К., хвалились оказанными ему услугами и просили даровъ.

(44) „И ты бы нынчи, братъ мой, по старинѣ, „что намъ идетъ съ Одоева, безъ ущерба собравши, сполна прислалъ."

(45) Дѣла Крым. No. 3, л. 24. Крымскіе послы хотѣли, чтобы В. К. непремѣнно далъ Летифу Коширу, а не Юрьевъ: наконецъ уступили волѣ Государя.

(46) Тамъ же, л. 44: „А Литовской, Господине, „послалъ на Государя нашего слугъ, на дву Князей „Василіевъ (Шемякина и Стародубскаго) Воеводъ „своихъ; а вѣсть Государю нашему учинилась, „что ты дѣтей своихъ и рать свою на Государя „нашего землю послалъ вмѣстѣ съ Литовского „людми .... Госудря нашего Воеводы слугъ его Князей отстояли и людей Литовского прогонили."

(47) Тамъ же, л. 45 на об.: „Государь нашъ, Господине, по которой годъ стоялъ противъ недруговъ своихъ безъ пособи? и люди ся потомили. „А Нѣмци и нынѣ съ Государемъ нашимъ не въ „миру, а Нагаи на поли на сей сторонѣ Волги. А „къ Азтарахани рати посылати не мочно, какъ „судовъ тамъ въ тѣхъ мѣстѣхъ и при отцѣ его „не дѣлывали, да и нынѣ не дѣлаютъ, и наряду „служебного нынѣ допровадити туды не мочно." — Морозовъ выѣхалъ изъ Москвы 4 Марта 1509.

(48) Тамъ же, л. 61 — 63. Еще до пріѣзда Морозова въ Тавриду сынъ Менгли-Гиреевъ, Магметъ-Гирей, разбилъ Ногайскихъ Мурзъ, Агиша, Ахметъ-Али и Шидяка, которые, соединясь съ Астраханскимъ Царемъ Абдылъ-Киримомъ, переправились черезъ Волгу и хотѣли напасть на Крымскія владѣнія. Менгли-Гирей собралъ тогда до 250 тысячь воиновъ, какъ онъ самъ писалъ къ Василію съ гонцемъ своимъ пріѣхавшимъ въ Москву 12 Сент. 1509. „Слава Богу! (говоритъ Ханъ) рати нашіе рука „надъ нашимъ недругомъ высока учиниласяѣ Мурзъ „пограбили, улусы и куны, кони и верблюды, овци и животину, ничего не оставивъ, взявъ привели" (л. 51). — Изъ донесеній Морозова видно, что Ханскіе Мурзы нагло обирали Заболоцкаго, когда онъ былъ посломъ въ Тавридѣ.

(49) См. Дѣла Цесарскаго Двора No. 1, л. 151. Гартингеръ пріѣхалъ 4 Окт. 1506 съ грамотою *безъ печати*, писанною 25 Мая сего же года. Писецъ ошибкою, вмѣсто Василіева, поставилъ Іоанново имя: въ чемъ Гартингеръ извинился, сказавъ: „ино „то Дьякъ описался; а Государю нашему то до„полна вѣдомо, что Государя вашего отца въ жи„вотѣ не стало; а сказывалъ ему посолъ Волош„ской; да и меня Государь мой въспрашивалъ о „имени Государя вашего, В. К. Василья ... а пе„чать притчею порушилася", и проч. Съ Гартингеромъ имѣлъ переговоры Великокняжескій Дьякъ Болдырь Паюсовъ черезъ Нѣмецкаго толмача. Отвѣтная Василіева грамота писана была на Латинскомъ языкѣ.

О мирѣ съ Орденомъ см. Арнта Liefländ. Chron. 177, и *Архив. Лѣт.* л. 192. Ливонскіе послы пріѣхали въ Москву 8 Марта 1509. Подлинная договорная Нѣмецкая грамота находится въ Архивѣ подъ No. 2. Въ ней именованы, сверхъ Магистра, Архіепископъ Рижскій, Епископы Юрьевскій, Островскій или Эзельскій, Курляндскій и Ревельскій. В. Князю дается титулъ Императора. — Послами были Іоаннъ Гильдорфъ, Магистръ І. Ольдензонъ, Канцлеръ І. Каммеръ и Карстенъ-Зеге. Вмѣсто Намѣстниковъ крестъ цѣловали Дворянинъ Замыцкой и Купецкіе Старосты Саларовъ и Кириловъ.

Максиміліаново письмо о Ганзѣ привезли (17 Іюня 1509) изъ Нарвы къ Ивангородскому Намѣстнику, Князю Ивану Темкѣ, Нѣмцы *Гридя* и *Еремейко, заморяне*. Оно писано изъ Брисселя отъ 19 Февр. 1509. Василій отвѣчалъ Императору 9 Авг. (см. Дѣла Цесарскія No. 1, л. 167—171).

(50) См. Т. VI, примѣч. 629, подъ годомъ 1485.

(51) Тамъ же, подъ г. 1484 и 1485.

(52) См. *Русск. Времен.* 227 и *Архив. Лѣт.* 194 на об.

(53) Вел. К. выѣхалъ 23. Сент., а пріѣхалъ въ Новгородъ Окт. 26. Съ нимъ былъ и Симоновскій Архимандритъ Варлаамъ.

(54) См. Псковскую Лѣтопись, подаренную въ Библіотеку Архива Иностран. Коллегіи Е. П. Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ. Мы будемъ означать сію любопытную рукопись, стараго письма, его именемъ.

(55) Тамъ же: „К. В. даръ ихъ честно принялъ, „а сердечныя мысли никто жь вѣсть, что К. В. „здумалъ на свою отчину и на градъ Псковъ.“

(56) См. *Русск. Времен.* 228.

(57) Въ *Пск. Лѣт.* Малиновскаго: „Поѣхалъ изо „Пскова К. Иванъ Рѣпня Суздальскихъ Князей къ „Государю жаловатись на Псковичь, что де его „безчествовали. А тотъ Рѣпня не пошлиною (не „законно) пріѣхалъ во Псковъ, да сѣлъ на Княже-„ніе, не по крестному цѣлованью учалъ во Псковѣ „жити, а не учалъ добра хотѣти Живоначальной „Троицѣ .... много зла чинилъ Дѣтямъ Боярскимъ „и Посадничимъ, и тые Дѣти Боярскіе и Посад-„ничи ѣхали В. Князю бити челомъ .... и Посадни-„ки со Псковичи здумавъ себѣ не на пользу, и на-„чаша грамоты писати по пригородомъ и по во-„лостемъ, ркучи то: аще которой человѣкъ жало-„вался на Князя, и выбъ ѣхали ко Государю въ „Новгородъ бити челомъ. И на той же недѣли „поѣхалъ Леонтей Посадникъ бити челомъ на По-„садника Юрья, и Юрьи поѣхалъ отвѣчати.“ Въ *Русск. Времен.*: „а иные на Новогородскихъ помѣщи-„ковъ.“

(58) Тамъ же: „и Юрьи Посадникъ прислалъ гра-„моту во Псковъ, а пишетъ: аже не ѣдутъ По-„садники противъ Князя говорити, ино будетъ „вся земля виновата. И въ ту пору Псковичемъ „сердце уныло.“

(59) См. ниже, примѣч. 370.

(60) Въ Московскихъ лѣтописяхъ (*Времен.* 228) сказано такъ: „и Князь Великій велѣлъ Псков. На-„мѣстнику съ Посадники стати предъ собою, и „выслушалъ ихъ и обыскалъ, что Намѣстнику его „отъ Псков. Посадниковъ непослушаніе было ве-„ликое, и въ суды и въ пошлины у него вступа-„лися, также отъ нихъ и своей братьѣ мно-„ги обиды были; надъ всѣмъ же симъ его Государ-„ское имя презираху: и за то на тѣхъ Посадни-„ковъ опалу свою положилъ.“ А въ *Псков. Лѣт.* Малинов.: „К. В. управы имъ (Псковичамъ) никакой „не даетъ, а рекъ тако: *копитеся вы, жалобные „люди, на Крещеніе Господне, и азъ вамъ всѣмъ упра-„ву подаю,*“ и проч. Въ сей день суда не было, а только взяли ихъ подъ стражу. Въ *Псков. Лѣт.* названъ Епископъ, святившій воду, *Смоленскимъ*.

(61) См. *Псков. Лѣт.* Малинов.
(62) См. *Времен.* 229 и *Архив. Лѣт.* л. 198.
(63) См. *Архив. Лѣт.* л. 200 на об.
(64) Въ *Псков. Лѣт.* Малин.: „И прислалъ К. В. „Дьяка Третьяка Долматова съ жалованнымъ со „льстивымъ словомъ, и Псковичи обрадовались .... „Третьякъ имъ на Вѣчи сказалъ первую и новую „пошлину: поклонъ отъ В. К.," и проч. Далѣе: „да „отговоривъ то (Третьякъ), да сѣлъ на степени, „и Псковичи удариша челомъ въ землю, и не мо- „гли пропивъ его отвѣта дати отъ слезъ и туги „сердечныя .... Токмо тые не испустили слезъ, „иже младенцы ссущіе млеко ... И бѣ тогда во „Псковѣ плачь и стонаніе во всѣхъ домѣхъ, другъ дру- „га обнимающе," и проч. Сіе было съ Субботы на Воскресенье.
(65) См. Т. VI, примѣч. 30.
(66) Въ *Псков. Лѣт.* Малин. и Толст.: „На утріе „жъ, освитающу дни, позвониша на Вѣчье, и собра- „шася .... И начаша ему (послу) тако говорити: „тако у насъ написано въ лѣтописцѣхъ: съ прадѣ- „ды и съ дѣды и со отцемъ его, Государемъ, кре- „стное цѣлованіе съ В. Князми положено, что „намъ Псковичемъ отъ Государя своего, В. К., „койни будетъ на Московскомъ Государствѣ, и намъ „ отъ него не отойти, ни въ Литву, ни въ Нѣмцы, а „намъ жити по старинѣ въ добровольи; а мы Пско- „вичи отъидемъ отъ В. К. въ Литву или въ Нѣмцы, „или особѣ станемъ жити безъ Государя, ино на „насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огнь, и потопъ и наше- „ствіе поганыхъ; а Государь нашъ не учнетъ тое „крестное цѣлованіе на себѣ держати, ино на не- „го тотъ же обѣтъ, коли насъ не учнетъ въ ста- „ринѣ держати. А нынѣча Богъ воленъ да Госу- „дарь въ своей отчинѣ и дѣдинѣ во градѣ Псковѣ, и въ „насъ, и въ колоколѣ нашемъ; а мы прежняго своего „цѣлованія не хотимъ измѣнити, и мы на Госуда- „ря своего руки подняти и въ городѣ запретися „не хотимъ; а Государь нашъ хочетъ Живонач. „Троицѣ помолитися, а въ своей отчинѣ побыва- „ти во Псковѣ, и мы его, Государя своего, ради „всѣмъ сердцемъ, что насъ не погубилъ до конца. „И Генв. въ 13 спустиша колоколъ Вѣчной у Св. „Троицы, и начаша Псковичи, на колоколъ смо- „тря, плакати по своей старинѣ и по своей воли,

„и повезоша его на Светогорской дворъ, къ Ивану „Богослову, гдѣ нынѣ Намѣстничь дворъ,“ и проч.

(67) *Архив. Лѣт.* л. 201: „Генв. въ 15 Дьякъ Т. „Долматовъ къ В. К. изо Пскова пріѣхалъ . . . . а „съ Третьякомъ пріѣхали ко Государю бити челомъ „отъ всего Пскова Посадникъ Кузьма Сысоевъ, да „Бояре; и того же дни послалъ К. В. напередъ со„бя Бояръ своихъ,“ и проч. — Знатнѣйшіе Псковитяне ждали В. К. на Дубровнѣ.

(68) Въ *Псков. Лѣт.* Толст. и Малин.: „Генв. въ „24 пріѣхалъ Государь, и того дни порану пріѣхалъ „Владыка Коломенской, Васьянъ Кривой“ (а по Московск. лѣтописи Митрофанъ)'.... „и хотѣша встрѣ„тити Государя у образа въ поли, и Владыка мол„вилъ: не велѣлъ Государь встрѣчати далече . . . . „и встрѣтилъ его Владыка на торгу, идѣже нынѣ „площадь, и К. В. слѣзъ съ коня у Спаса на пло„щади .... и благословляя его Владыка, рече: Богъ „де тобя благословляетъ, Государь, Псковъ взем„ши безъ брани; и кои Псковичи были въ церкви, и „то слышали, и заплакали горько,“ и проч.

(69) См. *Псков. Лѣт.* Малин., *Архив. Лѣт.* и *Времен.* Въ *Ростов. Лѣт.*: „Вина Псковичей та, что „былъ Архіеп. Генадій во Псковѣ, и они не велѣли „своимъ Попомъ съ нимъ служити, а проскурни„цамъ проскуръ печи.“

(70) То есть, сыну Боярина Ѳедора Давидовича; а въ *Псков. Лѣт.* сей Намѣстникъ именуется Морозовымъ.

(71) „Посла К. В. къ Москвѣ Петра Яковлев. „Захарьева, Москвѣ всей здравствовати, что К. В. „Псковъ взялъ, и прислаша съ Москвы гостей там„гу уставливати, занеже во Псковѣ тамга не бы„вала, безданно торговали; и прислаша съ Москвы „пищальниковъ казенныхъ 1000 и воротниковъ; и „даша мѣсто, гдѣ новой торгъ ставити за серед„нимъ городомъ противъ Лужскихъ воротъ за „рвомъ на Юшковѣ огородѣ Носухина, да на Гри„горьевѣ Посадниковѣ Кротовѣ; да и церковь по„стави К. В. Преподобную Ксенію, въ которой „день Псковъ взялъ, на Пустой улицѣ, въ Ермолни„нѣ въ садикѣ Хлѣбникова; а потому та улица „Пустая слыла, что межъ огородовъ, а дворовъ на „ней не было; а жилъ К. В. во Псковѣ 4 недѣли, и „поѣха на другой недѣли въ Понедѣльникъ.“

(72) Въ *Архив. Псков. Лѣт.*, сказано, что число Псковитянъ, задержанныхъ въ Новѣгородѣ, простиралось также до трехъ сотъ.

(73) *Псков. Лѣт.* Малинов.: „И тогда отъятся „слава Псковская, и бысть плѣненъ не иновѣрными, „но своими единовѣрными людьми. И кто сего не „восплачетъ и не возрыдаетъ? О славнѣйшій граде „Пскове, великій во градѣхъ! почто сѣтуеши и „плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: „како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и „не скорбѣти своего опустѣнія? прилетѣлъ бо на „мя многокрыльный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ „когтей, и взя отъ мене три кедра Ливанова, и „красоту мою и богатство и чада моя восхити, „Богу попустившу за грѣхи наша; и землю пусту „сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя „плѣниша, и торжища мои раскопаша, а иные тор„жища коневымъ каломъ заметаша, и отецъ и бра„тію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣ„ды и прадѣды наша, и матери и сестры наша въ „поруганіе даша . . . И мнози тогда мужи и жены „постригошася во иноческій образъ," и проч. Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: „Такъ Богъ повелѣлъ быти, за„неже писано во Апокалипсисѣ, глав. 54: пять бо „Царей минуло, а шестый есть, но еще не бѣ при„шелъ: шестое бо Царство именуетъ въ Руси „Скиѳскаго; именуетъ и седмый потомъ еще, а „осмый Антихристъ. Се бо Христосъ глаголя: да „не будетъ бѣжство ваше зимѣ, ни въ Суботу. Се „убо пріиде на ны зима. Сему бо Царству расши„рятися и злодѣйству умножитися"

(74) См. сей *Истори* Т. IV, г. 1348.

(75) Тамъ же, Т. III, г. 1329 и слѣд.

(76) Въ *Псков. Лѣт.* Малин и въ *Русск. Времен.* 233: „Велѣлъ К. В. у себя быти Посадникомъ „Псковскимъ и Дѣтемъ Посадничьимъ, и Бояромъ." Такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ Новѣгородѣ именовали граждан нарочитыхъ *Житьими людми*, а во Псковѣ *Житейскими.*

(77) Въ *Псков. Лѣт.* Малинов. и Толст.: „Посади „12 Городничихъ и Старостъ Московскихъ 12 и „Псковскихъ 12; а велѣлъ имъ въ судѣ сидѣти съ „Намѣстники и съ Тіуны правды стеречи, и у На„мѣстниковъ и у ихъ Тіуновъ и у Дьяковъ В. К. „правда и крестное цѣлованье возлетѣли на небо,

„а кривда въ нихъ нача ходити . . . . а Псковичи „бѣдныя не вѣдаша правды Московскія, и далъ К. „В. свою грамошу уставную Псковичамъ . . . . и „начаша Пригородскіе Намѣстники пригорожаны „торговати и продавати великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ . . . а Приставы „ихъ (Намѣстниковъ Псков.) начаша отъ поруки „имати по десяти рублевъ и по семи и по пяти; „а Псковитянъ кто молвитъ: В. Князя грамотою „по чему отъ поруки имати велѣно? и они того „убьютъ .... И разбѣгошася (граждане) по чюжимъ „городомъ, пометавъ женъ и дѣтей; а кои иноземци жили во Псковѣ, и тѣ разыдошася въ свои земли. Только одны Псковичи осташа: ано земля не „расступитца, а вверхъ не взлетишь . . . . . Пригородовъ было во Псков. земли 10 и 2 Городища: „Кобылье и Вышегородище; а всѣ были жилы, а „стали пусты отъ Намѣстниковъ; и на второй „годъ услышалъ К. В. таковое насильство, и свелъ „ихъ, и прислалъ на ихъ мѣсто К. Петра Великого-Шуйского, да К. Симеона Курбскаго, и К. „Петръ прежъ бывалъ во Псковѣ, и начаша добры „быти до Псковичь," и проч.

(78) Въ *Псков. Лѣт.* Малин.: „Ходилъ К. В. подъ „Смоленескъ, а со Пскова взялъ 1000 пищалниковъ „и Псковскихъ земцовъ: тогда еще не сведены быша съ своихъ вотчинъ."

(79) Стриков. кн. XXIII, гл. 5.

(80) Дѣла Польск. Двора, № 2, стр. 97—110. Въ 1509 г. пріѣзжали къ намъ отъ Короля Дворянинъ Долгирдовъ, Янъ Радзивиловичь, Намѣстн. Слонимскій, Войтехъ Яновичь, Намѣст. Бѣльской, и Писарь Богушъ; а отъ насъ ѣздили въ Польшу Борисъ Голохвастовъ и Печатникъ Николай Иванов. Ангеловъ, развѣдать о неудовольствіяхъ вдовствующей Королевы Елены. Сигизмундъ требовалъ, чтобы мы отпустили къ нему остальныхъ плѣнниковъ: Никол. Глѣбовича, К. Богдана Глинскаго, К. Андрея Прозоровскаго, Якуба Ивашенцова, Кіевскихъ военныхъ людей и Нѣмцевъ; а Василій требовалъ жены К. Ивана Озерецкаго, матери Князей Друцкихъ, и проч. Въ 1510 г. послы Литовскіе, Войтехъ Нарбутовичь, Намѣстн. Переломскій, и Григорій Горемыка, Писарь Королевскій, пріѣхали къ Государю во Псковъ, сказывая, что Князья

Друцкіе съ ихъ машерью отпущены въ Россію и находятся въ Полоцкѣ. Въ семъ же году Меньшой Пушяшинъ былъ посыланъ къ Сигизмунду, который жаловался, что Россіяне отняли у него волости Вишебскія, Усвяшскія и другія. — Въ 1511 г. Дворецкій В. Князя, Михайло Юрьевъ, ѣздилъ къ Королю съ разными жалобами. Ему надлежало узнать отъ Елены, какимъ образомъ Василій можетъ переписываться съ нею тайно. Король присылалъ въ Москву Воеводу Полоцкаго, Станислава, и Дворянина Богдана Долгирдова. Сигизмундъ изъявлялъ неудовольствіе на Можайскаго Воеводу, который захватилъ нѣсколько селъ Литовскихъ и считаетъ рѣку Днѣпръ границею. В. К. далъ слово отпустить въ Литву женъ К. Боряшинскаго и Сапѣги. — Въ 1512 г. Константинъ Замыцкой, возвратясь изъ Литвы, извѣстилъ Государя о неистовыхъ поступкахъ Вельможъ Королевскихъ съ Еленою.

(81) Для того ѣздили къ Королю Григорій Жорновъ и Меньшой Пушяшинъ въ 1512 г.

(82) Въ Генв. 1511: см. *Никон. Лѣт.* 189.

(83) Съ Царицею возвратился нашъ посолъ Морозовъ 21 Іюля. Она выѣхала въ Казань 20 Авг. съ Дворяниномъ Иваномъ Кобякомъ, возвратилась 22 Іюня 1511, а поѣхала въ Крымъ 5 Дек. К. Михайло Щеняшевъ провожалъ ее до Путивля.

(84) Магметъ-Аминь прислалъ въ Ген. 1512 къ Государю Вельможу Шаусеина-Сеита для написанія шертной грамоты, которую отвезли въ Казань Окольничій Морозовъ и Дьякъ Харламовъ, а въ Февр. чрезъ слугу своего, Бузюку Бакшея, Царь молилъ Василія отправить къ нему Челяднина: см. *Никон.* 191, и *Казан. Лѣт.*

(85) Стриков. кн. XXIII, гл. 6.

(86) Вѣсть о нападеніи Крымцевъ пришла въ Москву 8 Мая 1512. Они злодѣйствовали еще около Алексина, Ворошынска, Коломны, *Волкона* (см. *Продолж. Нестора* 355).

(87) См. Розрядн. Книги.

(88) Или до Сернавы, какъ сказано въ другихъ лѣтописяхъ: см. *Продолж. Нест.* 355.

(89) Тогда былъ посыланъ въ Крымъ *Останя* Андреевъ къ Околвничему, Михаилу Васильевичу Тучкову: см. Архив. Переписную Книгу, л. 203 на об.

(90) Въ Розряд. Книгахъ, г. 1512: „Писалъ къ В. „Князю К. Шемякинъ, что отъ Менгли-Гирея Ца-„ря отступили дѣти его, Ахматъ“ (а въ лѣтописяхъ: *Магмедъ*) „съ братьею, пять Царевичей, а „хотятъ быти на В. Князя украйны,“ и проч.

(91) Дѣла Польск. No 2, стр. 111.

(92) Съ сею грамотою отправили къ Королю Подъячаго Ваську Всесвяцкаго: см. Дѣла Польск. No 2, стр. 111—112.

(93) См. между моими Кенигсб. бумагами письмо Плеттенберга къ Магистру Прусскому 1513 г. No. 719: Inn seynem Ausszuge sich personnlich horen lassen, das ber dyweile seyne Pferth gehen unnd seyne Sabelf schneiden will, nicht abzihenn, и проч.

(94) Въ Розряд. Книгахъ: „А съ нимъ братья его, „К. Юрьй, да К. Дмитрей Ивановичи, да К. Ѳедоръ „Борисовъ, да Петръ Царевичь, да Царевичь Шигъ-„Авлеяръ (Астраханскій); а Воеводы К. Ив. Мих. „Воротынской, да Петръ Иван. Житовъ. А напе-„редъ себя послалъ къ Смоленску: въ больш. полку „К. Ив. Мих. Рѣпня, да Конюшей Ив. Андр. Челяд-„нинъ; въ передов. К. Андр. Вас. Бѣлевской, да Ѳед. „Никитичь Бутурлинъ; въ правой рукѣ К. Ив. Андр. „Лугвица Микулинской, да Ѳед. Клементьев. Про-„тасьевъ; въ лѣвой К. Никита Вас. Оболенской, да „Иванъ Никитичь Бутурлинъ; въ сторож. Мих. „Юр. Захарьинъ, да Ив. Вас. Собакинъ. А къ Бря-„славлю послалъ К. Великій Ѳед. Юр. Щуку Куту-„зова, да Мих. Семен. Воронцова, да Анд. Никит. „Бутурлина. А съ Лукъ велѣлъ итти ко Бряславлю „же: въ больш. полку К. Вас. Семен. Одоевской, „въ перед. К. Семенъ Ѳед. Курбской, въ правой ру-„кѣ К. Данило Бахтеяръ, да Ив. Мисиновъ, въ лѣ-„вой К. Петръ Елецкой, да Андр. Кутузовъ, въ „сторож. Ив. Андр. Колычовъ. А изъ Новагорода „велѣлъ стоять въ Холмскомъ городѣ Воеводамъ: „въ больш. полку К. Василей Васил. Шуйской, въ „перед. К. Борисъ Тебетъ-Улановъ, въ правой ру-„кѣ Ив. Григор. Морозовъ, въ лѣвой Василей Григ. „Морозовъ, въ сторож. К. Ив. Александ. Буйносъ-„Ростовской. — Пошелъ К. В. изъ Можайска къ „Смоленску, а Воеводы въ больш. полку Петръ Ца-„ревичь, да Бояринъ К. Данило Вас. Щеня, да К. „Мих. Льв. Глинской, да Мосальскіе К. Дмитрей, „да К. Семенъ Ивановичи; въ перед. К. Вас. Семен.

,,Стародубской, да Бояр. К. Вас. Шуйской, да К. ,,Ив. Мих. Ворошынской, да Петръ Яковлев. Захарьинъ; въ правой рукѣ братъ В. Князя К. Юр. ,,Иванов. Дмитровской, да К. Алексан. Володимир. ,,Ростовской, да К. Петръ Лобанъ Семеновичь Ряполовской; въ лѣвой рукѣ брать В. К. К. Дмитрей ,,Иванов. да Григор. Ѳед. Давыдовъ, да К. Ив. Ѳед. ,,Ушатой; въ стор. К. Ѳед. Борисов. Волоцкой, да ,,К. Мих. Ив. Голица, да Петръ Ив. Житто, да К. ,,Констант..Ѳед. Ушатой. А Дворовые Воеводы ,,Дворецкой Василей Андр. Челяднинъ, да Оружейничей Андр. Мих. Салтыковъ."

(95) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: ,,Пріѣхалъ К. ,,В. подъ Смоленскъ въ Рожественское говѣніе, а ,,1000 пищальниковъ со Пскова, а Псковичемъ тотъ ,,рубежъ не за обычай . . . и велѣлъ имъ кормъ давати, и стояли 6 недѣль, и К. В. далъ Хорузѣ ,,Сотнику съ товарищи 3 бочки пива, да 3 меду, и ,,напившися и полѣзоша на приступъ, и иныхъ городовъ пищальники, и приметъ понесли въ полнощь . . . . а изъ туровъ пушками биша и много ,,побиша, занеже пьяни полѣзоша . . и поѣха К. ,,В. ничтоже учинивъ." Государь возвратился въ Москву на третьей недѣли Вел. поста.

(96) Въ *Никон. Лѣт.* 193: ,,и Королевы Елены въ ,,той нужи и въ животѣ не стало, Богъ вѣсть, которыми дѣлы!" Она скончалась 24 Генв. 1513.

(97) Дѣла Польск. No 2, стр. 112, 113.

(98) Въ Розряди. Книгахъ: ,,В. К. пошелъ къ Боровску, а съ нимъ братья его, К. Дмитрей, да К. ,,Андрей, и отпустилъ ихъ на Коширу, а брату ,,своему, К. Юрью, велѣлъ выѣхати изъ Дмитрова ,,тогожь дни, а стояти въ Рузѣ, а въ Вязму не ходити. Бояре съ В. К. Григор. Ѳед. Челяднинъ, Конюшей и Бояринъ Ив. Андр. Челяднинъ, Дворецкой ,,Вас. Андр., Оружничей Никита Иван. Карповъ; да ,,съ нимъ же стряпають у доспѣха Юшка да Василей Княжь Ивановы дѣти Щетинина .... Послалъ ,,К. В. напередъ себя Воеводъ къ Смоленску изъ Дорогобужа: въ больш. полку К. Ив. Мих. Рѣпня, въ ,,перед. Окольничей Анд. Васил. Сабуровъ, да Юрій ,,Замятнинъ, да съ служивыми Татары Гридя Аѳанасьевъ Дровнинъ; въ правой рукѣ К. Ив. Андр. ,,Микулинской, да К. Андр. Семен. Мезецкой, да К. ,,Юрья Иванов. Воевода, К. Давыдъ Данила Хромой;

„въ лѣвой рукѣ Мих. Андр. Плещеевъ, да К. Вас. „Вас. Чулокъ-Ушатой; въ сторож К. Петръ Се„мен. Романовича Ярославской, да Ѳедоръ Никит. „Бутурлинъ. А съ Лукъ велѣлъ отпустить къ По„лоцку Князю Вас. Вас. Шуйскому: въ болш. пол„ку К. Михайло Вас. Горбатой, въ перед. Дмитр. „Вас. Китаевъ, въ правой рукѣ К. Семенъ Ѳед. „Курбской, въ лѣвой К. Петръ Ив. Елецкой, да „Дмитр. Данил. Ивановъ; въ сторож. Ив. Семен. „Колычовъ, да Вас. Иван. Володимеровъ. А боль„шимъ Воеводамъ велѣлъ К. В. итти къ Смоленску „изъ Дорогобужа напередъ себя Авг. въ 11 день: въ „больш. полку К. Данило Вас. Щеня, да К. Ив. Ми„хайл. Рѣпня; въ перед. К. Мих. Льв. Глинской, да „Андр. Вас. Сабуровъ, да Юр. Замятнинъ; въ пра„вой рукѣ К. Мих. Данил. Щенятевъ, да Ѳедору „Никит. Бутурлинъ (а какъ придетъ К. Лобанъ-Ря„половской, и Лобану быти со К. Михайломъ въ „правой рукѣ на Ѳед. мѣсто Бутурлина, а Ѳедору „быти со К. Даниломъ въ больш. полку); въ лѣвой „рукѣ К. Андрей Ивановичь Курака-Булгаковъ, да „Мих. Андр. Плещеевъ; въ сторож. К. Борисъ Ив. „Горбатой, да Григ. Ѳоминъ Ивановъ. Да съ Лукъ „велѣлъ К. В. итти къ Полоцку: въ болш. полку „Бояринъ К. Василей Вас. Шуйской, въ перед. К. „Бор. Тебетъ-Улановъ, въ правой рукѣ Окольничей „Ив. Григор. Морозовъ, въ лѣвой Ив. Андр. Колы„човъ, въ сторож. К. Ив. Александр. Буйносъ-Рос„товской; а какъ придутъ къ Полоцку, и тогды „быти въ болш. полку К. Василью Вас. Шуйскому „да Морозову, въ перед. К. Мих. Вас. Горбатову „да Дмит. Вас. Китаеву, въ правой рукѣ К. Семе„ну Ѳед. Курбскому, въ лѣвой Ив. Андр. Колычову, „въ сторож. Буйносу-Ростовскому, да Ив. Семен. „Пупку-Колычову. А на Москвѣ К. В. оставилъ „Петра Царевича, а съ нимъ быти Бояромъ К. Ва„силью Мих. Холмскому, К. Вас. Ромодановскому, „Петру Житову, Ѳед. Мусавешкову-Сабурову. — „Тогоже лѣта съ Марта были Воеводы на Тулѣ: въ „болш. полку К. Александ. Волод. Ростовской, да „Мих. Юр. Захарьинъ; въ перед. К. Ив. Мих. Воро„тынской, да К. Ив. Семенка Семенов. Ярослав„ской, да Юр. Замятнинъ; въ правой рукѣ К. Ив. „Дмитр. Пронской, да Мих. Сем. Воронцовъ, въ лѣ„вой К. Ѳед. Дмитр. Пронской, да К. Ив. Мих.

„Шаминъ; въ сторож. К. Андр. Дмитр. Курбской, „да Андр. Никит. Бутурлинъ, да Вас. Андр. Коробовъ. — Тогожe лѣта были на Угрѣ: въ больш. полку К. Ив. Мих. Булгаковъ-Голица, въ перед. К. Ив. „Ив. Телепневъ, да К. Семенъ Дмитр. Серебряной; „въ правой рукѣ К. Костянт. Өед. Ушатой; въ „стор. К. Сем. Мезецкой, въ лѣвой К. Ив. Ушатой. „Изъ тѣхъ Воеводъ К. В. послалъ въ Стародубъ К. „Ив. Ушатова, да К. Семена Серебрянова съ людми ко К. Василью Семенов. Стародубскому, да К. „Василью Шемятичу; а на Угрѣ велѣлъ быти въ „больш. полку Князю М. И. Голицѣ, да К. Ив Вас. „Нѣмому - Оболенскому; въ перед. К. Ив. Дмитр. „Золотому, въ правой рукѣ Окольничему К. Кост. „Өед. Ушатому, въ лѣвой К. Андр. Мих. Пенинскому, въ сторож. К. Семену Мезецкому; да изъ „Тульскихъ Воеводъ взялъ К. В. Князя Ив. Воротынскаго, да К. Ив. Сем. Ярославскаго, да К. „Андр. Курбскаго, да Андр. Никит. Бутурлина; а „въ ихъ мѣсто послалъ К. Ив. Бѣлевскаго, да Щуку-Кутузова, да Петра Яков. Захарьина, да К. „Ив. Шамина — Тогоже лѣта въ Вязьмѣ были Воеводы въ больш полку Бояр. К. Дан. Вас. Щеня, въ „перед. Бояр. К. Рѣпня, въ правой рукѣ К. Мих. Данила. Щенятевъ, въ лѣвой К. Андрей Ивановичь „Курака-Булгаковъ, въ сторож. Окольн. Андр. Вас. „Сабуровъ. Въ Дорогобужѣ въ больш. полку К. Борисъ Горбатой, да Григор. Өоминъ Ивановъ, въ „перед. К. Ив. Лугвица-Микулинской, въ лѣвой рукѣ Мих. Андр. Плещеевъ, въ сторож. Өед. Ник. „Бутурлинъ. Іюня въ 18 день К. В. пришелъ въ Боровскъ для своего дѣла Смоленского и того дня „стоялъ противъ Савы Св. на Митрополичьемъ лугу; а изъ Боровска пошелъ къ Смоленску Сент. „въ 5 (въ лѣтописяхъ 11), а подъ Смоленскъ пришелъ Сент. въ 25"

(99) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: „Поѣха К. В. „подъ Смоленескъ съ пушками, и туры поставиша, и что разобьютъ днемъ, а въ нощи все задѣлаютъ; и К. В. посылаше къ нимъ грамоты многiе „о добрѣ и о злѣ, чтобъ задалися за него." Далѣе говорится о приходѣ Новогородцевъ и Псковскихъ Дѣтей Боярскихъ съ К. Мих. Кислицею (Горбатымъ) 26 Окт. „И нарядъ весь отослалъ (В. К.) къ

„Москвѣ, а самъ послѣ пошолъ, погодя мало, а не „учинивъ ничтоже."

(100) См Дѣла Цесарск Двора No 1, л. 163.

(101) Въ *Никон. Лѣт.* 195.: „Февр. 2 пріиде на „Москву отъ Цесаря Максиміяна посолъ, именемъ „Сниценпомеръ, Цесар. Величествія Совѣтникъ, о „любви и о братствѣ. Княжь же В. съ Максиміа-„номъ братство и любовь и вѣчное докончанье „взялъ, да и грамоты докончальные промежъ себя „написаша, и печать свою златую къ ней прило-„жилъ, и почтивъ посла, отпустилъ Марта въ 7." Стр. 203: „Дек. въ 1 день пріиде на Москву посолъ „Дмитрей Даскаревъ да Е. Суковъ, и грамоту Це-„сареву докончальную привезоша . . . . А съ ними „пришелъ Максиміяна посолъ, именемъ Яковъ Док-„торъ да Маврецъ." Стр. 204: „Тоя же весны „Апр. (1515) Государь отпустилъ Максиміянова по-„сла, да съ нимъ послалъ Алексѣя Григорьевича За-„болоцкаго, да Дьяка Алексѣя Малаго." Русская союзная грамота утратилась. Государь Петръ Великій приказалъ издать Нѣмецкую съ Французскимъ и Русскимъ переводомъ, напечатаннымъ 10 Мая 1718 въ Императорской С. Петербургской типографіи. Въ Русскомъ переводѣ поставлено: „дано „въ нашемъ градѣ *Гунденѣ*;" а въ Нѣмецкомъ ошибкою: Brundenaw. Сія ошибка заставила нѣкоторыхъ ученыхъ людей сомнѣваться въ истинѣ договора: ибо нѣтъ города *Брунденау*; но въ подлинникѣ стоитъ ясно Gmunden, какъ я видѣлъ собственными глазами; окончательный слогъ am, а не aw, относится къ слѣдующему: am vierdten Tag. Гмундъ есть извѣстный городъ въ Верхней Австріи, гдѣ живали Императоры. Выраженія: wir haben genomen Liebeschaft und ewige Verpundtnüss — bis zu unnser Lebent — und ist Sach das y etzt Veindt die Sach nit nach unnser Maynunnge geschicht - и другія показались странными; но должно знать, что наше древнее Министерство всегда требовало словеснаго перевода Русскихъ выраженій въ заключаемыхъ съ иноземцами договорахъ, не заботясь о чистотѣ языка, какъ то свидѣтельствуютъ многія старинныя Нѣмецкія грамоты въ Московскомъ и Кенигсбергскомъ Архивѣ, наполненныя *Рутенизмами*, только для насъ ясными. — Императоръ Іосифъ II, будучи въ Москвѣ, съ любопытствомъ читалъ сію харатей-

ную Максимиліанову грамошу, и сказалъ съ усмѣшкою чиновникамъ Архивскимъ: „Господа! покажише эшо Французскому Королю:“ ибо Версальскій Дворъ долго не хошѣлъ именовашь нашихъ Государей Императорами.

(102) Дѣла Цесар. No. 1, л. 189 (въ Государевомъ наказѣ Окольн. Ивану Григорьев. Морозову, Намѣсш. Новогород.): „а опослѣ сшола похошяшъ у шебя „пиши, и шы бы ихъ унялъ и сѣлъ съ ними пиши; „а какъ будешъ чаша подаши, и шы бы чяшу по„далъ вмѣсшѣ и мою и Максиміянову, а помянулъ „бы еси первое мое здоровье, а послѣ его; а посшѣ„шашъ они чашу подаши своего Государя, и шы „бы ихъ не унималъ, а шы бы опослѣ его мою чя„шу не подавалъ.“

(103) Сія харашейная договорная грамоша находишся въ Архивѣ между Лифляндскими No. 3. Она писана въ Маѣ 1514. Начало шакъ: „По Божьей во„лѣ и по Великаго Государя велѣнью“ (слѣдуешъ шишулъ В. К.) . . . „мы послове семидесяши горо„довъ, изъ Юрьева Иванъ Буликъ Бергомесшеръ, да „Ареншъ фонъ Лоне Рашманъ, да Попъ Машіясъ, „Лемке писарь Юрьевской, а изъ Колывани Иванъ „Віяншъ Бергомесшеръ, да Иванъ Ропшерсъ Раш„манъ, какъ ошъ Любека, шакъ ошъ Риги . . . . и „ошъ всѣхъ семидесяши городовъ съ сее сшороны „поморья и съ оной сшороны заморья, пріѣхаша „въ Вел. Новгородъ къ В. Государя Намѣсшникомъ.... „биши челомъ о шомъ, чшобы Вел. Государь, Бо„жіею милосшію Царь“ (а въ Нѣмецк. подлинникѣ сшоишъ, какъ обыкновенно, Kayser) „всея Руси Бер„гамесшровъ и Рашмановъ и всѣхъ купцовъ и ку„пецкихъ дѣшей семидесяши городовъ пожаловалъ,“ и проч. Далѣе: „Торговаши бы велѣлъ всякимъ шо„варомъ безъ вывѣша . . . а кошорые церкви Руские „и Концы въ Немѣшцкихъ городѣхъ, и шѣ очисши„ши по сшаринѣ, а ихъ не обидѣши . . . . Госшю „Ноугородцкому ѣздиши въ Нѣмешцкую землю съ „шоваромъ, горою и водою пушь чисшъ . . . А ку„пишъ Нѣмчинъ у Ноугородца воскъ, а будешъ „воскъ не чисшъ, и Ноугородцу шошъ воскъ обмѣ„ниши . . . А будешъ продаваши въ ласшъ, ино съ „него вѣсчего нѣшъ; а учнешъ купиши и продава„ши въ вѣсъ, ино съ него вѣсчее имаши.... А дасшь „Нѣмчинъ серебро, а будешъ нечисшо, и Нѣмчину

„то серебро обмѣнити; а учнетъ продавати Нѣм-„чинъ соль и сельдь и медъ въ ластъ, ино вѣсчего „нѣтъ . . . . а ластъ имъ продавати и купити по „старинѣ не скупо . . . . А доспѣется каково лихо „надъ Ноугородцкимъ купцомъ на морѣ отъ лихихъ „людей семидесяти городовъ, ино тѣхъ искати се-„мидесяти городомъ . . . . и казнити смертью ..., „а въ лихомъ человѣкѣ, въ разбойникѣ, купцовъ не „порубати . . . . . А похочетъ Ноугородецъ товаръ „класти съ Нѣмчиномъ въ лодью или въ бусу въ „одномъ мѣстѣ, а доспѣетца притча на морѣ, ино „дѣлитись по товару, что останетца по крест-„ному цѣлованью; а задеретъ на морѣ Новогородц-„кую бусу вѣтромъ, да прибьетъ къ Нѣметцкому „берегу семидесяти городовъ, также и Нѣметц-„кую къ Новогородцкой землѣ, и тѣ бусы обыскавъ „отдавати на обѣ стороны безъ хитрости . . . . „имати отъ тѣхъ бусъ перейма отъ 10 рублевъ „по рублю . . . . А дойдетъ Ноугородецъ до казни „въ семидесяти городѣхъ, ино его не казнити, а „обослатись съ Намѣстники Вел. Новагорода, и „Намѣстники пришлютъ въ Ригу и въ Юрьевъ и въ „Колывань человѣка два или три добрыхъ, и намъ „передъ тѣми людми Ноугородцу туто и управа „учинити . . . А взыщетъ Ноугородецъ на Нѣмчи-„нѣ, а досудятъ до цѣлованья, ино цѣловати от-„вѣтчику ..... А въ Нѣмецк. городѣхъ судити Ноу-„городца какъ своего Нѣмчина, а въ Новѣгородѣ „Нѣмчина какъ своего Ноугородца . . . а порубу не „быти на обѣ стороны . . . . ни въ клѣтку, ни въ „погребъ безъ суда не сажати, ни ковати.“ Далѣе сказано, что послы наши и другихъ Государей къ намъ ѣздятъ свободно чрезъ Нѣмецкіе города, а Ганзейскіе послы черезъ Россію. За Намѣстниковъ цѣловали крестъ Бояре Новогородскіе, Григорій Петровичь Валуевъ, Иванъ Ивановичь Пушкинъ, Купецкій Староста Василій Никитичь Тороканововъ, а вмѣсто другаго Старосты Купецкаго Новогородскій купецъ Ѳедоръ Владиміровъ Волковъ. Къ грамотѣ было привѣшено 5 печатей: ихъ уже нѣтъ; остались только снурки.

(104) См. Арнта Lieft. Chr. стр. 158.

(105) Михайло Ивановъ сынъ Алексѣевъ былъ отправленъ изъ Москвы 15 Дек. 1512, а возвратился въ Маѣ 1514 (см. Дѣла Турец. No 1, л. 1 — 17, и

Никон. Лѣт. 195, гдѣ Турецкій посолъ названъ Кемалби). Камалъ писалъ съ дороги къ Траханіоту: „Господине брате Георгіе! отъ мене Камала, нѣкогда зовомый Θеодоритъ: послалъ есми къ твоему господству племянника своего Мануила," и проч. Алексѣевъ въ донесеніяхъ Государю жаловался на К. Василія Шемякина, что онъ въ городахъ своихъ худо кормилъ его и пословъ Крымскихъ, Девлетъ-Кельдея и Кудояра, вмѣстѣ съ нимъ ѣхавшихъ изъ Москвы.

(106) „И Маіа 28 велѣлъ К. В. Камалу быти на „Дворѣ и у себя . . . а передъ Малою палатою стояли Княжата и Дѣти Боярскіе въ терликѣхъ въ саженыхъ, а иные въ кожуоѣхъ и въ шубахъ . . . . „и К. Вел. велѣлъ ему сѣсти близко себя на скамьѣ." Посолъ не долго сидѣлъ за столомъ, и вышелъ вонъ по болѣзни.

(107) „И Камалъ говорилъ: то дѣло великое: намъ „то какъ умѣть сказать: кто нашему Государю „другъ, и кто недругъ?

(108) См. Герберштт. R. M. Comment. стр. 9.

(109) Стриков. кн. XXIII, гл. 7.

(110) См Розряд. Книги. 4 Мая В. К. послалъ въ Тулу Воеводъ К. Александ. Ростовскаго, Мих. Юрьевича Захарьина, К. Ив. Мих. Воротынскаго, Григ. Θомина Иванова, К. Андр. Дмитр. Курбскаго, Андр. Бутурлина, К. Семенку Ярославскаго, Юрья Замятнина, К. Ив. Андр. Микулинскаго и К. Ив. Шамина. Подъ Смоленскимъ главными Воеводами были К. Даніилъ Щеня, Конюшій Челяднинъ; а въ передполку К Мих. Глинскій съ К. Мих. Горбатымъ; въ правой рукѣ К. Мих. Даниил. Щенятевъ, К. Никита Вас. Оболенскій и К. Ив. Θед. Ушатой; въ лѣвой К. Андрей Ивановичъ Курака-Булгаковъ, К. Ив. Ив. Щетинъ-Оболенскій; въ сторож. К. Бор. Ив. Горбатой и Дмит. Вас. Китаевъ. Новогородскіе Намѣстники, К. Вас. Шуйскій и Морозовъ, съ Конюшимъ Замятнею и съ Констт. Беззубцевымъ стояли въ Лукахъ; тутъ же и К. Ив. Ив. Темка-Ростовскій, Вас. Ив. Овца-Владиміровъ, Ив. Сем. Пупокъ-Колычовъ. Іюня 7 Вас. Серг. Левашевъ былъ отправленъ къ нимъ съ повелѣніемъ итти къ Оршѣ. Тульскіе полки также двинулись къ Смоленску. *Дворовыми* Дѣтьми Боярскими предводительствовали К. Вас. Андр. Ногтевъ и К. Алекс. Θед. Сицкій. Въ числѣ

другихъ Воеводъ именованы еще К. Ив. Дм. Золотой-Щепинъ, К. Ив. Вас. Нѣмой-Телепневъ, К. Сем. Дм. Серебряной-Щепинъ. На Угрѣ оставались Бояринъ Сем. Ив. Воронцовъ, Окольничіе Ив. Вас. Хабаръ и Петръ Яков. Захарьинъ.

(111) См. *Арханг. Лѣт.* 181-183 — *Никон.*, *Архив.* и проч. Сказано, что Смоленскъ сдался Государю 31 Іюля.

(112) См. жалованную грамоту Смоленскимъ жителямъ въ *Собраніи Государствен. Грамотъ* I, 411. Василій уже называется въ ней *Смоленскимъ*; она писана или 30 или 31 Іюля: число стерлось: видна только одна черта буквы *Л.* Начало: „Даемъ вѣдати, что намъ билъ челомъ нашъ богомолецъ, на„шіе Смол. отчины Владыка Варсонофей и Уряд„ники, Окольничіе, и Князи, и Бояре, и мѣщане, и „черные люди, о томъ, что намъ ихъ пожаловати, „держати въ ихъ старинѣ, какъ ихъ держалъ К. В. „Витовтъ и иные прежніе Государеве ихъ, по той „утверженной грамотѣ, какову имъ далъ Алек„сандръ Король, и въ Домъ Пречистые и въ скарбъ, „и во всѣ монастыри и въ церков. земли и въ воды „не вступатися; а которые отчины за ними, и „намъ въ тѣ не вступатися, и розвода имъ самимъ „не чинити . . . Въ ихъ выслугу не вступатися, „ни у жонъ, ни у дѣтей . . . ни по неволѣ жонъ за„мужъ не отдавати; а кого въ животѣ не станетъ, „ино намъ животъ свой дастъ послѣ себя, и намъ „у нихъ въ тѣ ихъ животы не вступатися . . . . А „который судъ былъ у нихъ при Витовтѣ, и суду „у нихъ быти о всемъ по тому. А кто приведетъ „татя съ поличнымъ къ нашимъ Намѣстникомъ, „и поличное отдать истцу . . . . Намѣстникомъ „и Околничимъ, и Княземъ, и Бояромъ и мѣщаномъ, „и чернымъ людемъ, и ихъ людемъ, и всѣмъ Уряд„никомъ Смоленскіе земли корчемъ не держати; а „Недѣльщикомъ Намѣстничимъ имати хоженое съ „рубля съ Ризского по два гроша. Также есми по„жаловалъ Смолнянъ, съ котораго товару имѣли „вѣсчего напередъ сего, съ воску и съ меду и съ „соли и съ иного товару, тѣмъ есми ихъ пожало„валъ, мѣщаномъ и чернымъ людемъ то вѣсчее има„ти на себя. А что давали прежнимъ Государемъ „со всего города съ году на годъ по сту рублевъ, „и язъ ихъ тѣмъ пожаловалъ: того имъ въ нашу

„казну не давати. А Бояромъ мѣщанъ и черныхъ „людей въ закладни не пріимати; а мѣщаномъ и „чер. людемъ подъ наши гонци подводъ не давати, „а держати подводы нашимъ ямщикомъ, и наемъ „давати отъ подводъ по тому жъ, какъ и въ нашихъ „земляхъ. Также есми Бояръ Смоленскихъ пожало„валъ: которые волости Смоленскіе, тѣ волости „держати Бояромъ Смоленскимъ, какъ котораго „пожалую . . . . Наши Намѣстники и Окольничіе, „кудѣ имъ лучится ѣхати или послати, и имъ у „мѣщанъ и у черн. людей подводъ не имати, а ѣз„ду давати имъ довотчику на милю по грошу, а „на правду вдвое. А черезъ поруку Намѣсничимъ „людемъ людей въ желѣза не ковати и въ тюрму „не метати. А Сокольничей нашъ и Намѣстники „емлютъ съ мясниковъ, которой на посадѣ убьетъ, „съ яловици по полугрошу. А отъ ябедниковъ На„мѣстнику и Окольничимъ Бояръ и мѣщанъ бере„чи; а котораго ябедника уттяжутъ, и они его каз„нятъ по его винѣ. А конюшіе наши Смоленскіе „съ конскаго стада и съ животиннного на лѣто ем„лютъ по 12 грошей. Также есми пожаловалъ мѣ„щанъ и черн. людей, велѣлъ есми имъ лѣсъ сѣчи „въ своихъ лѣсѣхъ и въ Боярскихъ около города „безъ явки. А мировая куница и свадебная имати „по 6 грошей; а со вдовы имати по тому жъ, ко„торая пойдетъ за-мужъ. А люди Околничихъ и „Князей и Бояръ Смоленскихъ которые живутъ „на посадѣ и въ городѣ, а торгуютъ, и съ тѣхъ „емлютъ съ воротъ сторожевщину по силамъ, по „старинѣ. А хто человѣка держитъ въ денгахъ, и „онъ того своего человѣка судитъ самъ, а Околни„чіе въ то у него не вступаютца.“ Привѣшена Великокняж. печать съ двуглавымъ орломъ; на оборотѣ грамоты подписано: „Вел. Государь Василей, „Божіею милостію Государь всеа Русія и Вел. „Князь.“

(113) См. *Арханг. Лѣт.* 183: „и которые *похотѣ„ли* на Москвѣ жити, и тѣмъ людемъ денегъ на „подъемъ давалъ своей казны“

(114) Стриков. кн. XXIII, гл. 7, и Герберш. R. M. Comment. 79.

(115) *Арханг. Лѣт.* 183.

(116) Герберш. R. M. Comment. 79.

(117) „Авг. 7 послалъ К. В. Боярина Воеводу, К. „Мих. Данил. Щеняшева, да К. Ив. Мих. Воротын-„скаго, да Князей и Бояръ Смоленскихъ ко Мсти-„славлю .... Тогоже мѣсяца въ 13 день пріѣхаша изъ „Кричева и изъ Дубровны мѣщане и черные люди, „чтобы Государь пожаловалъ, велѣлъ имъ себѣ слу-„жити.“

(118) *Арханг. Лѣт.* 184. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Государь поѣхалъ въ Москву.

(119) Такъ въ *Арханг. Лѣт.* стр. 185. „Князь же „Михайло Голица скоро вѣсть посла Воеводѣ Ив. „Андр. Челяднину, а самъ всѣдъ борзо на конь со „всѣмъ Дворомъ своимъ .... и тое ночи гнавъ ... „и бысть въ четвертую стражу нощи, оже М. „Глинскій ѣдетъ одинъ напередъ своихъ Дворянъ за „версту, и пойма его К. М. Голица а Дѣти Бояр-„скіе переимали Дворянъ Глинскаго; а на всходѣ сол-„нечномъ приспѣ Иванъ Андреевичь.“ Герберштн. разсказываетъ, что Глинскій, не вѣря Королю, требовалъ ручательства его двухъ любимцевъ, Нѣмцевъ Георгія Писбека и Ганса Рехенберга, которые и присягнули ему въ искренности Сигизмундовой; что слуга Глинскаго съ Королевскимъ отвѣтомъ попался въ руки нашимъ Воеводамъ; что Сигизмундъ въ тоже время послалъ къ Глинскому Дворянина Трепко, также захваченнаго и пытаннаго Россіянами, но не открывшаго имъ своей тайны; а Стриковскій прибавляетъ, что Трепко назвался посломъ Римскимъ, и что Василій приказалъ наконецъ съ честію отпустить его. Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: „и человѣка его (Глинскаго) изымаша съ пе-„ревѣтными грамотами къ Королю.“ — Далѣе пишетъ Герберштеинъ, что Глинскій отвѣтствовалъ Василію на его укоризны: „Если бы ты ис-„полнилъ данное мнѣ обѣщаніе (въ разсужденіи Смо-„ленска), то я до гроба служилъ бы тебѣ вѣрно. „Не боюсь казни, и готовъ умереть, чтобы не ви-„дать тирана.“ Въ Вязьмѣ привели его къ Московскому Воеводѣ, который, бросивъ передъ нимъ тяжкія цѣпи, сказалъ: „Государь нашъ любилъ те-„бя, а ты измѣнилъ ему: и такъ пріими сіи оковы.“ Михаилъ, видя вокругъ себя множество людей, произнесъ будто бы длинную рѣчь, доказывая вѣроломство В. К. и свою невинность. „Обманутый имъ „(говорилъ онъ), я хотѣлъ только удалиться отъ

„него, мирно и безъ всякаго предательства," и проч.

(120) Герберш. R. M. Comment. стр. 9. Тоже говоритъ и самъ Король Сигизмундъ въ письмѣ къ Магистру Ливонскому (см. между моими Кенигсбер. бумагами No. 733).

(121) См. *Арханг. Лѣт.* 186, гдѣ однакожь несправедливо названа рѣка *Березиною*: сраженіе было на *Днѣпрѣ* по всѣмъ другимъ лѣтописямъ, Розряд. Книгамъ и по сказанію Герберштеина. Одинъ Стриковскій пишетъ, что Константинъ 27 Авг. имѣлъ на *Березинѣ*, Бобрѣ и Дровѣ счастливыя сшибки съ Россіянами, которые послѣ отступили за Днѣпръ.

(122) Герберш. R. M. Comment. 9.

(123) *Арханг. Лѣт.* 186: „Нача съ Литвою первое битися К. Мих. Голица своимъ полкомъ, а „Ив. Андреев. въ зависти не поможе К. Михайлу, „и не бися съ Литвою въ ту пору; и бившеся „много, и роступившеся. И въ другіе Литва при„шла на Ив. Андр., и начатъ Ив. Андр. битися, а „К. Мих. не поможе; и бившеся много, и распу„пившеся, а силы паде на обоихъ ступѣхъ мно„го. И въ третіе наступиша Литва на К. Мих. „Голицу, и бися К. Михайло много, и Иванъ Андр. „въ ту пору К. Михайла выдалъ, а самъ побѣже ... „а за Ив. Андр. погнаша, да и того поимавше," и проч. Въ *Никон. Лѣт.*: „В. К. пойде изъ Смол. на „Москву, а къ Воеводамъ, ко К. Мих. Булгакову „и инымъ послалъ, велѣлъ имъ итти за собою къ „Москвѣ. Воеводы же поостались, ожидая тѣхъ „людей, которые были отъ нихъ посланы на Дрюц„кіе поля и къ Борисову и къ Менску; и въ тѣ „поры, по того измѣнника К. М. Глинского ссыл„кѣ, Королевы Воеводы со многими людми *безвѣ„стно* нападоша на Воеводъ В. К.," и проч. Въ *Русск. Временникѣ*: „а мѣсто пришло тѣсно, и „побиша В. К. людей изъ лѣсовъ, и убиша изъ „пушки Воеводу въ серед. полку, К. Ив. Ив. Тем„ку-Ростовскаго." Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: „Бысть побоище великое подъ Оршею и возопиша „жены Оршанки на трубы Московскія, и слыша„ша быти стуку и грому велику межу Москвича„ми и Литвою, и вдаришася Бояре и Князи Рускія „съ дивными удальцы Рускими на сильную рать „Литовскую, и треснули копія, и гремятъ мечи

„булатныя о шеломы *Литовскія* на полѣ Оршин-„скомъ." Это напоминаетъ *Слово о полку Игоревѣ.*

(124) См. Герберштт. R. M. Comment. стр. 9. По его извѣстію, не весьма удовлетворительному, „Литовцы вытянули свои ряды на большомъ пространствѣ. Главная наша сила была въ срединѣ, а два крыла подались впередъ, чтобы окружить непріятеля. Въ 4000 шагахъ отъ города Орши вступили въ бой: напали Россіяне, съ ужаснымъ воплемъ: Литовцы отразили ихъ; но первые съ новыми полками напали вторично и смяли Литовцевъ. Нѣсколько разъ тѣ и другіе бѣжали и гнали; наконецъ сошлись главныя рати. Тутъ Литовцы хитрымъ отступленіемъ навели Россіянъ на пушки, зашли имъ въ тылъ, разбили ихъ сторожевой полкъ, и дружнымъ общимъ нападеніемъ одержали побѣду." Стриковскій воспѣлъ ее въ стихахъ, сказывая, что Константинъ, велѣвъ готовить суда и дѣлать мостъ на Днѣпрѣ для пѣхоты, переправилъ 16,000 конницы въ бродъ; что съ нимъ соединился Польскій Воевода Свѣрчовскій, и проч. — У меня есть краткій Кіев. современный лѣтописецъ, который удивительнымъ образомъ славитъ Острожскаго за сію побѣду, сравнивая его съ Александромъ Македонскимъ, Поромъ Индѣйскимъ, со всѣми Героями свѣтской и священной Исторіи; радуется, что птицы клюютъ и звѣри терзаютъ тѣла Москвитянъ, и говоритъ о Великомъ Князѣ, что онъ клятвопреступникъ, имѣющій *ненасытную утробу лихоиманія*, и проч.

(125) Въ письмѣ Короля къ Магистру Ливонскому: Triginta milia sunt cesa, octo summi et precipui eorum Voyewode et consiliarii, triginta septem Duces, Barones et Officiales cum aliis super mille quingentis Nobilibus capti. Стриковскій полагаетъ число убитыхъ Россіянъ до 40,000, кромѣ утопшихъ, именуя знатныхъ плѣнниковъ: Челяднина, К. Мих. Голицу, К. Димит. Булгакова (Михаилова брата), К. Ив. Дм. Пронскаго, Дм. Вас. Китаева, Дан. Андр. Плещеева, Ив. и Владим. Сем. Колычовыхъ, К. Бориса и сына его К. Петра Ромодановскихъ, К. Ив. Сем. Стародубскаго, К. Петра и племянника его К. Сем. Ив. Путятиныхъ, Бориса Ив. Плещеева, Ив. Вас. Калетова, Фил. Ив. Киселева, Юр. Димит. *Лыскова*, Андр. Фил. Нащокина, Ив. Андр. Яропина, Матв.

Ив. Внука, Тимоѳ. Дм. Губарева, К. Юр. Ив. Дива, Ѳед. Ив. Новосильцева, Гр. Борис. Безумнаго, и другихъ.

(126) Константинъ обѣщался построить 2 церкви, и велѣлъ сперва пѣть молебенъ на Латинскомъ, а послѣ на Русскомъ или Славянскомъ языкѣ (см. Энгеля Gesch. der Ukraine, стр. 52).

(127) Герберштт. пишетъ, что онъ, будучи въ Вильнѣ, съ Королевскаго дозволенія ходилъ къ Челяднину и къ двумъ, весьма старымъ Воеводамъ нашимъ, окованнымъ цѣпями: утѣшалъ ихъ и далъ имъ въ заемъ нѣсколько золотыхъ гульденовъ (R. M. Comment. 10).

(128) Стриков. (кн. XXIV, гл. 2) пишетъ, что Сигизмундъ послалъ къ Папѣ 14 Дворянъ Московскихъ, но Импер. Максимиліанъ велѣлъ отнять ихъ у посла, и чрезъ Любекъ отправилъ въ Россію.

(129) Королъ пишетъ къ Магистру Ливонскому: Iam arcem Dambrowno de manibus eorundem hostium eripuimus, speramusque fore quod brevi et Smolensko et reliquas arces nostras, dudum amissas, recuperabimus. Далѣе говоритъ о бѣгствѣ В. К. въ Москву, и проч.

(130) Ваську Кодыкина.

(131) *Арханг. Лѣт.* 187.

(132) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин. сказано, что Епископа Варсонофія и сначала подозрѣвали въ ненависти къ В. К., который для того, будучи въ Смоленскѣ, не поѣхалъ къ нему обѣдать, жилъ за городомъ и ѣздилъ только всякой день въ Соборную церковь; что Государь, получивъ извѣстіе о несчастной битвѣ, спѣшилъ удалиться отъ Смоленска, а Варсонофія сослалъ на *Кубено озеро, на Камено въ монастырь.* — На мѣсто Варсонофія поставили въ Москвѣ Чудовскаго Архимандр. Іосифа, 15 Февр. 1515. Онъ поѣхалъ въ Смоленскъ на четвертой недѣлѣ поста, въ Мартѣ.

(133) См. Т. VI, въ описаніи 1504 года. Неизвѣстно, когда ушелъ Дашковичь въ Литву.

(134) См. Энгеля Gesch. der Ukraine, стр. 49 — 50.

(135) См. Дѣла Турецк. No. 1, л. 26 — 27.

(136) Василій Андреевъ Коробовъ былъ отправленъ 15 Марта 1515 (см. Дѣла Турецк. No. 1, л.

28 — 65). Ему дали и грамоты образцовыя для заключенія союза съ Селимомъ. Въ тоже время Василій Копылъ и Ив. Варавинъ поѣхали въ Греческіе монастыри съ милостынею. — Коробовъ возвратился въ Москву 19 Февр. 1516 (см. тамъ же, л. 87). Султанъ писалъ къ В. К. о купеческихъ дѣлахъ: „А торговымъ людемъ нашимъ и вашимъ съ „торгомъ и безъ торгу слободно ходити, и хо„дятъ безъ всякихъ зацѣпокъ, въ береженьи и въ „оборони, и да торгуютъ какъ хотятъ .... Кото„рому человѣку смерть ся лучитъ, остатокъ его „взяти, что ся остало, какъ было по старому за„кону при славномъ родителѣ нашемъ ... все пе„реписати и запечатати сполна; все лицемъ на „торгъ посылати." Писано Авг. 30, 1516. — Въ сихъ переговорахъ упоминается о Козакахъ Азовскихъ: В. К. требовалъ, чтобы Султанъ запретилъ имъ тревожить нашу Украйну и хватать людей, которые посылаются оттуда въ степи для развѣдыванія о Крымцахъ и Ногаяхъ.

(137) Менгли-Гирей умеръ въ Вел. Субботу 1515 (см. Дѣла Турецк. л. 70 на об.) и погребенъ въ Свѣтлое Воскресеніе.

(138) См. Дѣла Крым. No. 4, л. 20 и слѣд. Посолъ, Янчюра Дуванъ, привезъ въ Москву (31 Авг. 1515) и Менгли-Гиреeву грамоту, писанную симъ Ханомъ передъ его смертію къ В. К., такого же содержанія, какъ и Магметова. — Злоба покойнаго Хана на Россію (какъ писалъ одинъ изъ нашихъ доброжелателей, К. Аппакъ) произошла отъ того, что В. К. прислалъ къ его старшему сыну болѣе даровъ, нежели къ самому Менгли-Гирею.

(139) В. К., призвавъ къ себѣ Летифа, сказалъ ему: „Мы тебя съ собою въ дружбѣ и братствѣ „учинили .... и то вѣдаешь, котораго есмя для дѣ„ла не учали съ тобою быти въ дружбѣ и въ „братствѣ; а опослѣ того Менгли-Гирей Царь съ „нами не учалъ быти въ дружбѣ, и то тебѣ вѣдо„мо, что Магметъ-Гирей приходилъ на наши „Украйны, и ты все вѣдаешь, котораго еси „для дѣла у насъ такъ былъ" (см. Дѣла Крым. No. 4, л. 59).

(140) Ив. Григорьевъ. Мамоновъ выѣхалъ въ Тавриду 15 Ноября 1515, и повезъ Хану краснаго кре-

чета, соболью шубу, чару, ковшъ и черпало серебряныя.

(141) Нашъ посолъ Коробовъ ѣхалъ тогда отъ Султана съ его сановникомъ черезъ Тавриду. Магметъ-Гирей сказалъ нашему доброжелателю, К. Кудояру: ,,Се таковъ твой К. В.! ссылался съ Тур- ,,скимъ: ино Камалъ (Селимовъ посолъ) здѣси былъ ,,да бредилъ, да и у В. К. бредилъ же, будто Тур- ,,ской говорилъ: *Магметъ-Гирей и вся Орда въ моей ,,волѣ*. И К. В. по знатью послушалъ того, да ,,опроче меня Камалу и своему послу по своей ,,землѣ на Донъ дорогу доспѣлъ. А была бы В. Кня- ,,зя правда, пригоже было ему, со мною обослався, ,,да отпустить было ему тѣхъ пословъ на мою ,,землю.“ (Дѣла Крым. No 4, л. 333 на об.).

(142) Мамоновъ писалъ къ Государю, что съ него въ Ханскомъ дворцѣ Ясаулы требовали *посошной* дани за входъ и силою взяли дары для Царевича Алпъ-Гирея, который находился въ Литвѣ и въ угожденіе Сигизмунду посылалъ своихъ Татаръ на Смоленскія мѣста.

(143) Кудояръ сказалъ Мамонову: ,,Король при- ,,слалъ ко Царю на два года поминки, 500 поста- ,,вовъ сукна, да 30,000 золотыхъ, и Царь всѣ зо- ,,лотые себѣ затаилъ“ (Дѣла Крым. No. 4, л. 332, на об.).

(144) Сей Василій Ивановъ Шадринъ былъ захваченъ Крымцами въ одномъ изъ ихъ набѣговъ на Россію и послѣ освобожденъ. В. К. отправилъ къ нему въ помощники Дворянина Илью Челищева.

(145) ,,Видишь самъ, каковъ мой братъ Царь! ,,Коли былъ отецъ нашъ Царь, ино онъ одинъ былъ ,,Царь, а мы дѣти его слушали, а Князи и всѣ лю- ,,ди его же слушали; а нынѣча братъ нашъ Царь, ,,а сынъ у него Царь же, а Князи у него Цари ,,же“ (Дѣла Крым. No. 4, л. 320 на об.).

(146) ,,К. В., братъ мой! гораздо выслушавъ, по- ,,думай. Сего году рать свою отъ всѣхъ сторонъ ,,поостави: пошли свою рать, чтобы взяти Кіевъ. ,,Съ сю сторону язъ пришедъ, имъ подокучаю; а ,,съ другіе стороны твоя рать приди; а сее бы ,,зимы Кіевъ взявъ ты, да мнѣ, брату своему, далъ: ,,ино бы въ немъ язъ сидѣлъ, а послѣ того Вильну ,,и Троки, Королевской столъ, язъ взявъ, да тебѣ ,,дамъ“ (см. тамъ же, л. 372 на об.).

(147) Калга Ахматъ-Гирей писалъ къ Государю въ Нояб. 1516: „Брата моего сынъ (Алпъ-Гирей), „да и мой сынъ Геммешъ-Гирей на недруга твоего, „на Литовской Юртъ, а съ ними 40,000 нарядные „рати воевати ходили, и, слава Богу! по здорову „и обогатѣвъ пришли" (см. тамъ же, л. 370 на об.).

(148) См. *Казан. Лѣт.* гл. XV.

(149) См. *Никон.* 205 и *Архив. Лѣт.* л. 220. Послами изъ Казани (въ Іюнѣ 1515) были Усеинъ-Сеитъ (духовный сановникъ), Земской Князь Шаисупъ и Бакшей-Бузака. Съ Мих. Вас. Тучковымъ ѣздили въ Казань Оружничій Никита Ив. Карповъ и Дьякъ Ив. Телешевъ, съ коими вторично пріѣхалъ въ Москву Шаусеинъ-Сеитъ: тогда Василій далъ Летифу городъ Коширу.

(150) Въ 1516 году, въ бытность В. Князя въ Можайскѣ, пріѣхалъ посолъ отъ Хана, Абдылъ Авельшихъ Зода, который не былъ званъ ни къ рукѣ, ни къ столу Государеву, для того, что въ Тавридѣ свирѣпствовала язва. Магметъ-Гирей, хваляся нападеніемъ на Литву, писалъ, что его *Ширинскіе* или первостепенные Князья не хотятъ присягнуть въ дружбѣ къ Россіи, видя Шигъ-Алея Владѣтелемъ городка Мещерскаго; требовалъ также, чтобы Василій превзошелъ Сигизмунда въ щедрости даровъ. — Гонецъ Великокняжескій, Байкула Олферовъ, въ Іюнѣ 1517 г. былъ посланъ къ Хану съ извѣстіемъ, что Россіяне готовы итти на Астрахань.

(151) Въ *Архив. Лѣт.* 222 (г. 1517): „Король „Польскій посылалъ въ Крымъ Пана Олбрехта „Мартынова съ великою казною, къ Менгли-Гиреевымъ дѣтямъ, а велѣлъ ихъ наводити на Вел. Го„сударя Василья Украйны ... И того же лѣта Авг. „приходиша Крым. Татарове Туказанъ Мурза, Бех„теревъ сынъ Шириновъ, да Удеимъ Мурза Ман„гитъ, да Алповъ Царевичевъ шуринъ .... и начаша „воевати около Тулы и Безпуты .... И Воеводы „послаша Ивашку Тутыхина да *Волконскихъ* Кня„зей со многими людми ...., Тогоже мѣсяца (Ноя„бря) прислалъ К. Василей Иванов. Шемячичь сво„его человѣка Мих. Янова съ тѣмъ, что приходили „Татарове," и проч.

(152) Въ *Никон. Лѣт.* 195: „Апрѣля въ 9 К. В.

„отпустилъ Датскаго посла Давыда, да съ нимъ „послалъ Ивана Микулина, да Дьяка Василья Бѣлаго; того же лѣта Авг. въ 14 и пріидоша на Москву, а съ ними посолъ Короля Христерна, тотъ „же Давыдъ." Сей Давидъ (родомъ изъ Шотландіи по сказанію Герберштейна) называется въ договорѣ *Герольтомъ*, а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ *Гер адомъ* См. Маллет. Hist. de Dannemarc кн. VI, г. 1513. Максимиліанъ и Людовикъ XII предлагали Королю Іоанну послать знатнѣйшихъ Духовныхъ сановниковъ въ Пизу на Соборъ: Іоаннъ же хотѣлъ, чтобы сей Соборъ былъ въ Германіи; въ такомъ случаѣ надѣялся, что и мы согласимся въ ономъ участвовать, а можетъ быть и пристанемъ къ Римской Церкви.

(153) Сей договоръ хранится въ Копенгагенскомъ Архивѣ и напечатанъ на Нѣмецкомъ языкѣ въ Бишинговомъ Историч. Магазинѣ, Ч, III, стр. 178. О взаимной помощи сказано такъ: Sind wir übereinkommen, nach Inhalt dieses Briefs, wo das nöthig ist, unsern Bruder, König Christian, unsre Hülfe und Beystand zu leisten, wo wir können, das Ihr uns auch wiederum, da es nöthig, eure Hülfe und Beystand leisten sollet, so viel als möglich. Und in eurer Widerwärtigkeit gegen der Schweden Statthalter, Herr Schwantsohn, Stein Sture, und den Statthalter zu Wyburg und gantzen Schweden-Land wollen wir zusammen kommen mit unsern Bruder für einen Mann, und wollen das Schweden-Land unter uns erobern und unterbringen ... Im Fall, dass der König von Pohlen Sigismund dir, unserm Bruder, widerstehen würde, so will ich (Король Датскій) dagegen meine Hauptleute auf Sigismund ohne Arglist schicken. Упоминается о Максимиліанѣ какъ о союзникѣ Василіевомъ противъ Сигизмунда. Писано въ Москвѣ 2 Авг. 1517.

Въ нашемъ Архивѣ сохранились только выписка изъ сего договора и привилегіи данныя Христіановымъ подданымъ въ Россіи: сообщаемъ оныя здѣсь:

1. „А которые наши земли сошлися рубежемъ „съ вашими землями, имъ съ обѣихъ сторонъ быть „по прежнему, чтобы въ земляхъ и въ водахъ, гдѣ „рыбныя ловли и всякія угодья есть въ нашихъ „земляхъ, также и въ земляхъ и въ водахъ и гдѣ „рыбная ловля обрѣтается и всякія угодья, тебѣ „и землямъ твоимъ отъ насъ и отъ людей нашихъ

„никакого преступленія не было; также въ тѣхъ „земляхъ и въ водахъ, гдѣ рыбная ловля и всякія „угодья тяглыя, въ вашихъ земляхъ, намъ и людямъ „нашимъ отъ васъ и отъ вашихъ людей противъ „того никакова наѣзда не будетъ.

„Также иноземцамъ, и торговымъ людямъ, и „всякому, и всѣмъ ремесленнымъ людямъ вольно „будетъ ѣздить въ наши земли и по водамъ, и „торговати и всякой промыслъ чинити по ихъ „волѣ съ обѣихъ сторонъ безъ всякихъ убытковъ, „всякому на своихъ протторехъ, какъ въ иныхъ го„сударствахъ повелось, такожъ имъ въ оберега„тельствѣ быти, и управа съ обѣихъ сторонъ „будетъ безо всякія хитрости." Писано 2 Авг. 1517.

2. „Мы, Великій Князь Василій, Божіею мило„стію Царь и Обладатель всеа Руссіи и Великій „Князь, по прошенію брата нашего Крестьяна, „Короля Дацкого, пожаловали его земли Датцкіе „торговыхъ людей и дали имъ мѣсто въ нашей „отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ у Волхвы рѣки „противъ Любеницъ длиною шестдесять саженъ, „а поперешнику тридцать саженъ, а въ Иванѣго„родѣ такожъ указалъ имъ мѣсто дать въ деревнѣ „Увагѣ избу подъ горою противъ Стрильской ули„цы къ воротамъ противъ города, длиннику трит„цать саженъ, поперешнику двацать саженъ, а „Кирку на томъ дворѣ пожаловали строить велѣ„ли и держать имъ попа или старца въ той Кир„кѣ, а въ Иванѣгородѣ строить имъ дворъ и Кир„ку, такожъ заборъ около деревянной, и даемъ имъ „повольность въ нашемъ государствѣ торговать „всякими товары; а въ которомъ городѣ въ госу„дарствѣ нашемъ у торговыхъ людей Датцкихъ „съ нашими людьми ссоры и дѣла будутъ, и имъ „въ тѣхъ же городахъ управа учинена быти имѣ„етъ во всякихъ дѣлахъ противъ сей грамоты и „при крестномъ цѣлованьи. — А буде Датчане въ „нашемъ государствѣ учнутъ бити челомъ на на„шихъ людей, что до крестнаго цѣлованія дой„детъ, и отвѣтчику крестъ поцѣловать. А будутъ „наши на Датчанъ въ нашемъ государствѣ о упра„вѣ бити челомъ, и буде до крестнаго цѣлованія „дойдетъ, и Датчанину отвѣтчику такожъ прися„гать, а судиться имъ въ нашемъ государствѣ въ

„Великомъ Новѣгородѣ и въ Иванѣгородѣ Датчаномъ, какъ нашимъ Новогородцамъ; а во всѣхъ дѣлахъ управу дать истцу и отвѣтчику по нашему уложенью, и въ томъ имъ никакихъ убытковъ „и налогъ не доставичь на обѣ стороны; такожь „на обоихъ сторонахъ накакихъ поединковъ *не по-* „*лить*; а буде погода Датскимъ кораблямъ на морѣ „какую досаду учинитъ, и прибьетъ ихъ нашего „государства къ берегу, и корабль и достальные „товары, которые на немъ, отдать назадъ безо „всякой хитрости противъ сей грамоты, и по „крестному цѣлованью взять изъ того корабля „отъ двухъ рублей по рублю; а сколько тѣхъ то- „варовъ найдется, столько съ нихъ противъ того „и имать съ того корабля; а гостемъ Датцкимъ „въ наше Государство пріѣхать и отъѣхать воль- „но будетъ со всякими товарами по ихъ волѣ безъ „помѣшки, и торговать имъ всякими товарами „безъ разбору." Писано въ Іюлѣ 1517.

(154) Вотъ подтвердительный мирный договоръ съ Швеціею, находящійся въ Московскомъ Архивѣ:

„Мы послы Генстенъ-Стуровы, Правителя Свей- „скіе земли, Николай Ешкилевъ, да Индрикъ Спе- „невъ, да Арвидусъ Каноникъ Абской, Бартоломей „Капланъ, били есма челомъ Вел. Государя Василья, „Божіею милостію Царя и Государя всеа Русіи, и „В. Князя Боярину и Намѣстнику В. Новагорода, „К. Василью Васильевичу (Шуйскому) и Окольни- „чему и Дворецкому Ивану Андреевичю отъ Ген- „стенъ-Стура, Прав. Свѣйск. земли, и отъ Арци- „бискупа Псаленского (Упсальскаго) и отъ Биско- „повъ и отъ всее земли Свейскіе, что В. Гос. Ва- „силей (и проч.) Шванта (Сванта-Стура) и всю „землю Свейскую по ихъ челобитью пожаловалъ, „велѣлъ своимъ Намѣстникомъ В. Новагорода взя- „ти съ ними перемирье на 60 лѣтъ отъ прошед- „шаго лѣта отъ Благовѣщеньева дни лѣтъ 7018 „(1510) .... Да и грамоты перемирные написаны ... „И нынѣ Шванта не стало, а на Швантово мѣсто „учиненъ Генстенъ-Стуръ; и В. Госуд. Царя Бояре „и Намѣстники В. Новагор. тотъ миръ держали „крѣпко .... И добита челомъ мы послы ..., К. Ва- „силью Васильев. и Окольн. и Двор. Ивану Андреев., „и приговорили съ ними .... тотъ миръ держати „крѣпко .... на тѣжь лѣта .... А что былъ учиненъ

„срокъ съѣзду быти на Соболинѣ, на Окcѣ рѣкѣ, „послѣ взятья миру на четвертомъ году на Ильинъ „день, лѣта 7021, и мы послы ... приговорили о „томъ, чтобы тотъ срокъ отсрочити, съѣзду „быти на иное лѣто .... на Соболинѣ же послѣ „сего приговора на шестомъ году, л. 7026, да зем- „лямъ и водамъ рубежъ учинити.“ ... Внизу: „Язъ „Бартоломей Капланъ сію запись писалъ рукою „своею сущею .... Писанъ въ В. Новѣгородѣ лѣта „7021 (1513) м. Маія въ 9 день.“

(155) Христіанъ въ 1520 году присылалъ 2500 ратниковъ въ помощь В. Магистру Нѣмецкому противъ Сигизмунда.

(156) См. нашей *Исторіи* Т. IV, стр. 23.

(157) См. Дѣла Прусск. Двора No. 1. Въ началѣ сказано: „Лѣта 7024 (1516) пріѣхалъ къ В. К. отъ „Максимиліана Алексѣй Заболотской, да Дьякъ „Олексѣй Малой, а ѣхали на Маистра Прусскаго „землю .... И Маистръ имъ говорилъ, чтобы В. „Государь меня жаловалъ и берегъ и во единаче- „ствѣ меня учинилъ съ собою; а язъ о томъ хочю „слати къ В. Государю своего человѣка, Шимбор- „ка. И. К. В. послалъ къ Максиміану Діака своего „Василья Тетерина, а поѣхалъ Васил. на Маистро- „ву землю, и К. В. приказалъ Маистру, что его „жаловати и беречи хочетъ.“

(158) Дѣла Прусск. No. 1, л. 37. Условія состояли въ томъ, чтобы В. К. помогалъ Магистру, а Магистръ В. Князю на Сигизмунда. Шонбергъ предлагалъ-было, чтобы Государь далъ Ордену 30 или 40 тысячь конныхъ воиновъ; но сіе осталось безъ дѣйствія. Въ записи посольской сказано между прочимъ: „И аще нѣчто взято будетъ у не- „друговъ, ближняя часть будетъ Государю Царю, „а другая середняя часть, ближняя къ землямъ Г. „Маистра, будетъ его Свѣтлости.“

(159) См тамъ же л. 30

(160) Дмитріемъ Давыдовымъ, отправленнымъ въ Мартѣ 1517.

(161) Вторый посолъ Орденскій, Мелхіоръ, 26 Авг. привезъ Магистрову грамоту къ Василію отъ 2 Іюля, въ коей сказано: „Потреба есть, чтобы „Величество Ваше на всякой мѣсяцъ 40,000 золо- „тыхъ Ренскихъ добрые цѣны и вѣса на удержаніе „десяти тысячь пѣшихъ людей, по четыре золо-

„шые на простого Желнеря, считая также на вся-
„кой мѣсяцъ 10,000 золотыхъ Ренскихъ по той-же
„цѣнѣ на удержаніе дву тысячь конныхъ людей, по 10
„золотыхъ на одного коня и одного человѣка, опро-
„че того, что хитрецемъ и къ пушкамъ присто-
„итъ, да готово имѣетъ.“ (Въ другомъ мѣстѣ ска-
зано, что давать на лошадь, которая везетъ пуш-
ку или снарядъ, по 3 червонца) ….. „Прошу убо
„смиреннѣйше, чтобы В. В. къ почанью кованіа
„денегъ 50,000 гривенокъ серебра чистого во Псковъ
„послалъ, что коли мы захотимъ начати брань
„нашу, и чтобъ то серебро привезено было въ
„Королевецъ (Кенигсбергъ), и тамо совѣтомъ при-
„ставниковъ В. В. учинена будетъ денга, чтобы
„20 ихъ достойны были золотово Ренского. На-
„знаменаетъ же ся денга выше-реченная съ ору-
„жій и надписаніемъ по изволенію В. В. А сере-
„бро и денги всегды имѣютъ быти въ рукахъ при-
„ставниковъ В. В., и добрымъ счетомъ и полнымъ
„давати, какъ приговоръ Теодрика Шхемборка ру-
„кою написаной яснѣ изъявитъ, которой послѣ
„себя въ канселаріи В. В. оставилъ.“

(162) См. между моими Кенигсб. бумагами пись-
ма Плеттенберговы къ Прусскому Магистру въ
1513 г. Онъ даже совѣтовалъ ему помогать Коро-
лю (No. 711).

(163) См. выше стр. 30.

(164) Дѣла Прусск. No. 1, л. 56.

(165) Дѣла Цесар. Двора No. 2, л. 3 и слѣд. Гер-
берштн. пріѣхалъ 18, а былъ представленъ 21 Апрѣ-
ля. Къ нему нарядили 15 Дѣтей Боярскихъ Мо-
сквичей и 30 конюховъ. Государь велѣлъ тотчасъ
отвести къ послу съ конюшни своей иноходца въ
сѣдлѣ. Съ Герберштейномъ былъ его племянникъ
Іоаннъ Фонъ-Турнъ.

(166) См. тамъ же, л. 36.

(167) Герберштейнъ 29 Апр. отправилъ въ Лит-
ву своего племянника съ извѣстіемъ о согласіи В.
К. вступить въ переговоры; а Королевскіе послы
прибыли 18 Окт. (См. Дѣла Польск. Двора No. 2,
стр. 114 — 117).

(168) См. *Архан. Лѣт.* 189. Сіе было въ 1515 го-
ду. — Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: „Лѣта 7023,
„Генв. въ 28, послалъ К. В. Воеводъ своихъ К.
„Ивана Шамина, да Юрья Замятнина, да Намѣ-

,,спнику Псковскому, Андр. Вас. Сабурову, Боярину Своему и Окольничему, да Дьяку Мисюрю Мунехину, велѣлъ имъ съ силою Псковскою и Новогородцкою ипппи подъ *Бряславъ* .... И посадъ ожгоша, да и подъ *Кажномъ* посадъ же ожгоша, и въ Друи сожгоша; а нынѣ городокъ на Друи новой .... И пріидоша Богомъ сохранени къ Опочки.“ Здѣсь говоришся, думаю, о разныхъ походахъ, хошя и въ одномъ году.

(169) См. *Никон. Лѣт.* 210 и Дѣла Прусск. No 1, л. 1. 2, гдѣ сказано: ,,И Государя нашего Дѣши Боярскіе, К. Ѳед. Вас. Оболенскій, дошелъ Лишовскихъ людей: спояла застава 5000, и онъ побилъ всѣхъ и переималъ; а въ другомъ мѣстѣ сынъ Боярскій, Ив. Колычовъ, 3000, и шѣхъ побилъ; а Ив. Вас. Ляпцковъ пришелъ на заставу опъ болшихъ людей за 5 верспъ, 6000, и Иванъ побилъ всѣхъ и переималъ . .. И ему сказали, что спюипъ иная засшава, многіе люди, опъ Государя нашего опъ Украйного пригородка опъ Краснаго, и Иванъ шѣхъ людей побилъ и Воеводъ переималъ, Черкаса Хрептова, браша его Мисюра, Ив. Зеленугу.“ — Чипая извѣсшія Лѣшописцевъ и наши Министерскія бумаги шого времени, дивлюсь ихъ согласію. Надобно думашь, что Государь Василій приказывалъ сообщать народу донесенія Воеводъ: можешъ быть, ихъ чипали въ церквахъ, а Лѣшописцы вносили въ свое повѣствованіе. — Въ *Псков. Лѣт.* Толсп.: ,,Лишва поганая опъ большія силы ходиша подъ Ворональ и подъ Велье и подъ Красной, даже думавше и до Пскова; а В. Князя сила пришла съ Лукъ Великихъ, и спояла за Сороною за рѣкою въ Изборшинѣ и въ Володимерцѣ. Ив. Вас. Ляпцкой опъ Большихъ Воеводъ со многими людьми перевозился черезъ Великую рѣку и черезъ Синю рѣку, а хопѣлъ ходипи подъ большою силою Липовскою; а иная сила Лишовская пришла опъ Брясловля Красногородцкіе волости: Воевода у нихъ Панъ Черкасъ — и обсторожилися на Бую, и услыша Ляпцкой полоняные наши, и обойдоша сила В. К. около острога ихъ и взяша острогъ, а полоненыхъ своихъ выпусшиша изъ церкви, а Черкасъ Воевода нача изъ Попова двора бипися, и пересѣкоша ихъ всѣхъ, а Черкаса и

„съ нимъ удалыхъ послаша къ Москвѣ, и бысть „*Лятцкому* отъ К. В честь велика."

(170) См. Дѣла Цесар. No. 2, л. 106 — 165.

(171) Тамъ же: „А отъ того тебѣ не меньши „честь будетъ, какъ Пирру, Царю *Индійскому*, „которой 200 поиманыхъ Римляномъ даромъ ото„слалъ." Герберштеинъ безъ сомнѣнія зналъ, что Эпиръ не Индія. — В. К. соглашался только оставить Королю Витебскъ и Полоцкъ, а на требованіе Герберштеиново, возвратить Смоленскъ, отвѣтствовалъ: „Жигимонте! мы вельми дивимся, „что которую нашу отчину намъ Богъ далъ, и „намъ бы тое отчины Королю поступитись!" — Литовскіе послы выѣхали Нояб. 18, а Герберштн. 22.

(172) Тамъ же, л. 166 — 219. Владиміръ Семеновъ Племянниковъ съ Толмачемъ Истомою Малымъ выѣхалъ изъ Москвы 24 Нояб. 1517, пріѣхалъ къ Императору въ Инспрукъ 23 Марта, а возвратился въ Іюлѣ 1518.

(173) Дѣла Прусск. No. 1, л. 88 на об.: „Не добро, „что Король прогонится, а Царь всея Руссіи ве„ликъ учинится."

(174) Дѣла Цесар. No 2, л. 219 и слѣд. Съ нимъ пріѣхалъ и Герберштеиновъ племянникъ, Іоаннъ Фонъ-Торнъ.

Описаніе сего Посольства издано въ 1603 году на Италіянскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Trattamento di pace tra il serenis. Sigismondo Rè di Polonia et Gran Basilio, Prencipe di Moscouia, hauuto dalli Jllustri Signori, Frances. da - Collo, Cauallier, Gentil' huomo di Conegliano, et Antonio de - Conti Cauallier, Gentil' huomo Padouano Oratori della Maestà di Massimilian, Primo Imperatore, l'anno 1518 Scritta per lo medisimo Sig. Caual. Francesco. Stampato in Padoa. Con licenza della S. Inquisitione. Переговоры съ Москов. Боярами описаны слово въ слово, какъ въ нашихъ Архивскихъ бумагахъ. Мы въ другомъ мѣсяцѣ переведемъ любопытнѣйшее изъ сей книжки, весьма рѣдкой (см. ниже).

(175) Тамъ же, л. 232.

(176) Тамъ же, л. 346. Къ симъ посламъ Максиміліановымъ пріѣхалъ изъ Вѣны чиновникъ Императорскій, Іоаннъ Кришпонъ: наши Бояре жаловались имъ на его неистовые поступки слѣдующими словами (л. 300): „Отъ того Яна брату Государя

„нашего, Максимiяну, много нечщи и безъимянiа „сталося .... Которой Подьячей В. Государя у „васъ стряпаетъ, вамъ кормъ даетъ, и онъ того „билъ самъ, а дѣтина его Подключникова дѣтину „кордомъ сѣкъ .... да у руки перстъ отнялъ, а у „иного человѣка взялъ корову ... А гдѣ Государя „нашего недруга Королевы люди сидятъ въ тюр-„мѣ, которые прiѣзжали отъ Литовскихъ Пановъ „къ измѣннику къ Глинскому съ грамотами и съ „неподобными рѣчми, и онъ къ нимъ съ ѣствою „посылаетъ и самъ къ нимъ къ тюрмѣ ѣздитъ,“ и проч. — О посланномъ къ Императору. Дьякѣ Семенѣ Борисовѣ см. л. 357 на об.

(177) Ноября 9.

(178) В. К. по кончинѣ Летифа отправилъ къ Царицѣ Нурсалтанъ человѣка его, у коего на рукахъ онъ умеръ, и жаловался Хану на разбои Крымцевъ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ, Шадринъ, возвратился въ Москву съ Ханскимъ чиновникомъ, Магмедомъ Агою; а скоро прiѣхалъ и товарищъ Шадрина, Илья Челищевъ, съ посломъ Кудояромъ. На рѣкѣ Самарѣ ограбленные Астраханцами, они шли пѣшiе до Путивля. Калга Ахматъ писалъ къ В. К., что онъ не можетъ сносить обидъ Царя, брата своего, и хочетъ переселиться къ намъ. Ханъ увѣдомлялъ Василiя, что его сыновья, Богатырь и Алпъ-Гирей, со 100,000 воиновъ идутъ на Литву, и проч. Магмедъ-Гирей, по увѣренiю нашихъ доброхотовъ, отказался отъ предлагаемыхъ ему Королемъ пятнадцати-тысячь золотыхъ и *девятныхъ* поминковъ, желая прiобрѣсти Василiеву дружбу. Калгу Ахмата убилъ племянникъ, Алпъ-Гирей, и заступилъ его мѣсто. Сынъ Ахматовъ, Геммешъ, находился тогда въ Константинополѣ. См. дѣла Крым. No. 5, л 495 — 548.

(179) То есть, не Оттоманскаго и не духовный. См. Дѣла Крым. No. 5, л. 653 — 732.

(180) Л. 735 на об: „Ахметъ Паша (товарищъ „Аппаковъ) ставъ на колѣнехъ, и колпакъ съ себя „снялъ; а К. Иванъ (Θедоровичь Палецкой) ему „рѣчь говорилъ отъ В. К., также ставъ на колѣ-„нехъ, да колпакъ съ себя снялъ.“ Аппакъ прiѣхалъ въ Мартѣ, а выѣхалъ изъ Москвы 8 Сент.

(181) 29 Дек. 1518 прiѣхалъ изъ Казани Кулдербышъ отъ Сеита, Улановъ, Князей, Карачей, Ичекъ,

Мурзъ, Моллъ, Шигъ-Зодъ и всѣхъ людей съ извѣстіемъ о смерти Царя. 6 Генв. Василій отправилъ туда Михайла Юрьева Захарьевича съ Дьякомъ Ив. Телешовымъ: они возвратились съ Казанскими послами Абибазеемъ, Карачемъ, Булатомъ, Княземъ Ширинскимъ, К. Шаисупомъ и Бузукою Бакшеемъ. 1 Маія объявленъ Царемъ Шигъ-Алей, сынъ Шигъ-Авлеаровъ, внукъ Салтана Бахтеяра, брата Ахматова, и 8 Марта поѣхалъ въ Казань съ Бѣльскимъ, съ Михайломъ Юрьевымъ и съ Дьякомъ Телешовымъ. Шигъ-Алей далъ особенную на себя грамоту В. Князю въ соблюденіи къ нему вѣрности.

(182) Дѣла Крым. No 5, л. 782.

(183) Въ лѣтописяхъ: „Костянтинъ Острожскій съ Ляцкими людми и съ Подоляны и съ „Волынцы пойде противу, и Богатырь Царевичь „Воеводъ и Пановъ многихъ побилъ, а иныхъ переималъ, а Острожской едва утекъ; и убили на томъ „бою Царевичи К. Василья Четвертенскаго и К. Александра Борямского, К. Василья, да К. Александра, да „К. Два Корецкихъ, да Гетмана Краковскаго Станислава, Старосту Каменского, да брата его Яна „Скурятцкихъ.“ Стриковскій (кн. XXIV, гл. 4) пишетъ, что Татары плѣнили 60,000 человѣкъ. Въ Дѣлахъ Турецк. No. 1, л. 192 (въ письмѣ Голохвастова изъ Кафы къ В. К.): „А Багатырю Царевичю, сказываютъ, бой былъ съ Острожскимъ; а „было Литвы и Ляховъ 20,000; и Острожской съ „малыми людми ушелъ ... Литву побили,“ и проч.

(184) См. Переписную Архив. Книгу, л. 205, гдѣ сей посолъ названъ Клементьевичемъ Протасьевымъ.

(185) Дѣла Турецк. No. 1, л. 105 и слѣд. Борисъ Голохвастовъ выѣхалъ изъ Москвы въ Мартѣ 1519.

(186) Преданный Геммету чиновникъ Крымскій, Бурнашъ, писалъ изъ *Ядрина* (Адріанополя) къ В. К.: „А Государю нашему, Гемметъ-Салтану, Богъ „счастокъ дастъ, въ Перекопи Государемъ будетъ.“ (Дѣла Турецк. No. 1, л. 135).

(187) Въ исходѣ 1519 г. наши посланники въ Кенигсбергѣ, Некрасовъ и Василій Бѣлой, писали къ Государю: „И мы Маистру говорили, по Государя „нашего велѣнью Крымской Царь посылалъ своихъ „дѣтей на Литовскую землю, а Турской посылалъ

„многихъ людей на Ляшцкую землю, по Государя „нашего велѣнію“ (см. Дѣла Прусск. No. 1, л.407).

(188) Турецк. No 1, л. 133. Голохвастовъ возвратился 8 Генв. 1521, черезъ Сербскую землю, Килію, Бѣлгородъ или Акерманъ и Перекопъ.

(189) Шонбергъ (который вшорично былъ у насъ въ Маршѣ 1519) въ своей посольской записи говоришъ: „Папа хочешъ его (В. К.) и всѣхъ людей Русскіе земли приняши въ единачесшво и согласіемъ „Римскія Церкви, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, но хочешъ покрѣпиши „и грамошою Aпосшольскою ушвердиши и благословиши вся ша предреченная: зане же Церковь „Греческая не имѣешъ Главы: Пашріархъ Консшаншинопольскій и все Царсшво въ Турскихъ рукахъ; „и онъ вѣдаешъ, что духовнѣйшій Мишрополишъ „есшь на Москвѣ: хочешъ его, и кшо по немъ будешъ, возвысиши и учиниши Пашріархомъ, какъ „было преже Косшяншинопольской, а наиясиѣйшаго и непобѣдимѣйшаго Царя всея Русіи хочешъ короноваши въ Кресшьянского Царя, и шого Папа „отъ сердца желаешъ . . . . а отъ шого Папа „не просишъ ничего прибышка, но шолько хочешъ „хвалы Божіей и соединенія Хрисшовѣрныхъ . . . . „А вѣдомо, что Лишву не надобѣ оружьемъ воеваши: *время ее воюетъ*: занеже Король не имѣешъ „наслѣдника . . . . а шо извѣсшно, что Лишва не похошяшъ никако же надъ собою Государя Ляха „имѣшя, ни Ляхове Лишвина, и отъ шого разоряшца оба Государсшва . . . . А нѣчто похочешъ К. „В. за свою отчину Косшяншинопольскую сшояши, и онъ имѣешъ нынѣ пригоденъ пушь да и помочь, что ни за сшо лѣшъ отъ сѣхъ мѣсшъ наслѣдники Консшаншинопольскіе не имѣли,“ и проч. (Дѣла Прусск. No 1, л. 164—167).

(190) Павла Іовія de legatione Basilii, въ Rer. Moscov. Auct. сшр. 120.

(191) Дѣла Прусск. л. 252. (въ наказѣ Посланнику Замыцкому): „Государь нашъ съ Папою хочешъ въ „дружбѣ и въ согласьѣ быши о дѣлѣхъ о кошорыхъ; „а какъ напередъ шого Государь нашъ съ Божьею „волею отъ прародишелей своихъ Законъ Греческой „держалъ крѣпко, шакъ и нынѣ съ Божьею волею „Законъ свой держаши крѣпко хочешъ.“

(192) Слова Магисшровы (л. 152 на об.): „Тошъ

„посолъ, Г. Николай Шхемборхъ Мнихъ, а въ Папинѣ Дворѣ въ Римѣ у его Святыни ближней служебникъ имѣется.“ См. тамъ же, л. 190 на об.

(193) Тамъ же л. 213—216. Сія *первая* Великокняжеская грамота къ Королямъ Французскимъ, послѣ обыкновеннаго титула, содержитъ слѣдующее: „Наияснѣйшему и вельможнѣйшему Каролу, Королю Фрянцовскому, поздравленіе. Намъ извѣстно „вѣдомо, колика твоя есть сила, благость и любовь „къ добрымъ, какъ намъ то также въ конечномъ „посольствѣ Албертовѣ, Нѣметцкого Чина высокого Маистра, Маркрабія Брандеборскаго, его посломъ Ѳеодорикомъ Шымборкомъ, гораздо Величества твоего и твоее персоны хвала изъявлена; а „и предки твои тотъ Чинъ въ великомъ до сего „времени жалованіи всегда возвысили и имѣли. Просимъ того ради и воспоминаемъ, чтобъ Величество твое, пресвѣтлѣйшихъ отецъ твоихъ послѣдуя стопамъ, тотъ Чинъ милостивнѣ берегъ и „его противу нашего недруга, Короля Польского, „не оставилъ; а тотъ Чинъ и Маистра Алберта „тебѣ поручаю, коего и мы всѣми силами, сколько „намъ Богъ поможетъ, не оставимъ; и что противу твоему Величеству учинити возможемъ, „обѣщеваемъ прилѣжаніемъ нашимъ, да возмогаетъ „благочестнѣ Величество твое. Писано въ нашемъ „Государствѣ, въ нашемъ градѣ Москвѣ, лѣтъ 7027 „Марта“ (1519).

Магистръ взялся доставить сіе письмо Королю, также и другое къ Курфирстамъ, къ Архіепископу *Магунскому* или Маинцскому и проч.

(194) л. 136: „И просилъ (Магистръ), штобы „посолъ отъ таковые почести престалъ: зане же „Г. Магистръ вѣдаетъ величество и превозвышенье „Государя Царя всеа Русіи, или паче же вѣрность „и велемощьство, что таковаго смиренья показанье „не пригоже ко Г. Магистру, и просилъ о томъ, „какъ опять Царя всеа Русіи Божьею помощью посолъ очи увидитъ, и онъ бы до земли отъ Г. Магистра не главою только, но и всѣмъ тѣломъ „смирится и преклонится и простреtся учинилъ.“ См. также л. 267. — Посолъ Магистровъ говоритъ въ своей запискѣ (л. 190): „Чтобъ Его „Величество изволилъ ослободити на годъ или на „два въ Новѣгородѣ или во Псковѣ побыти Вулкану

„Погу, слузѣ моего Государя, у Презвитера учи-
„тись языку и грамотѣ."

(195) Л. 145, 282, 283.

(196) Въ Генв. 1520 посолъ Магистровъ, Мелхіоръ, говоритъ нашимъ Боярамъ (л. 397): „Царь всея „Русіи съ Степаномъ писалъ, также съ Діакомъ „Ив. Харламовымъ приказалъ, что В. В. помочь на „1000 Жолнѣрей на годъ прислалъ: ино моему Го-„сударю нѣчто отъ того серебра съ своимъ Діа-„комъ прислалъ: его милость, какъ есть Вашему „Величеству пригоже, съ вел. благодареніемъ во-„спринялъ; но мой Государь какъ увидѣлъ то се-„ребро и уразумѣлъ скудость, что тотъ счетъ на „тысячю человѣкъ не полонъ, и нѣсть болѣ, но „только съ четыренатцать тысячь золотыхъ при-„носитъ; а В. Царск. Величеству во едином спи-„сочкѣ особномъ помѣчено, что на ту помочь надо-„бѣ пятдесять тысячь и пять тысячь золотыхъ."

(197) Въ письмѣ Некраса Харламова къ Государю изъ Риги, въ Ноябрѣ 1519 (л. 383): „Магистръ Ли-„вонской отвѣчивалъ Магистровымъ людемъ Пру-„ского: *язъ де живу у Вел. Государя всея Руси по-„ближе Магистра Прусского, а Руской обычай знаю: „словомъ сулятъ, а дѣломъ тому не мочно статись.*"

(198) Въ Мартѣ 1520 Государь велѣлъ сказать послу Мелхіору (л. 431): „и мы для Магистрова че-„лобитья на 1000 человѣкъ пѣшихъ ещо къ тому „посылаемъ своего серебра, что есмя къ нему по-„слали съ Дьякомъ своимъ, съ Иваномъ." Оно было послано съ Аѳанасьемъ Моклоковымъ.

(199) Въ *Псков. Лѣт.* Толст.: „Посла К. В. свое-„го Новогородцкого Намѣстника, К. Вас. Шуйско-„го, съ Новог. силою и съ нарядомъ большимъ, а „изо Пскова брата его К. Ив. Шуйского, со Псков-„скою силою и съ снарядомъ и съ пищальники и „съ *посохою,* а со Священниковъ кони и телеги, „и повезоша нарядъ рѣкою Великою до приста-„ни, а отъ пристани на Псковскіе кони и теле-„ги положиша и приставиша къ нему *посоху* къ „Полоцку, и начаша туры подъ городомъ стави-„ти и пушками бити городъ, и Полочане много „съ нашими бишася; а К. Мих. Кислица съ Мо-„сковскою силою пришелъ отъ Смоленска тутo „же; и бысть гладъ великъ: колпакъ сухарей въ ал-„тынъ и болѣ, и коневый кормъ дорогъ. И опять

„ша струги подъ городомъ, и въ тѣхъ Дѣти Боярскіе добрые, *хупавые* смѣльцы, перевезошася за „Двину на добытокъ; и отъ Короля шелъ Воевода „Волынецъ Полоцку въ помощь, и побѣгоша къ Двинѣ Москвичи, и не бѣ имъ перевезтися всѣмъ, и „потопоша ихъ много въ Двинѣ и отойдоша отъ „Полоцка .... А на лѣто (1519) посла К. В. К. Мих. „Кислицу съ Новогород. и со Псков. силою въ Литовскую землю подъ Молодечно, и выидоша здравы на Смоленескъ.“ Дѣла Прусск. No 1, л. 307 и 346: „И послали есмя нынѣ въ своего недруга въ „Литовского землю Воеводъ своихъ со многими „людми, отъ Смоленска К. Вас. Вас. Шуйского, а „отъ Новогородцкіе и отъ Псковскіе Украйны съ „Лукъ съ Великихъ Намѣст. Псков., К. Мих. Вас. „Горбатаго, а изъ Стародуба и изъ Сѣверы К. Семена Ѳед. Курбскаго . . . прямо къ Вилнѣ . . . И „пошли Авг. въ 1 (1519) . . . И въ Крешвѣ городкѣ „собралися были Литовскіе Панове, Виленской Воевода Николай Николаевъ, Троцкой Олбрехтъ Мартиновъ, Городенской Юрьй Николаевъ, Радивилова Старосты Жомотцкого сынъ, К. Мих. Жеславской, Янъ Николаевъ сынъ Радивилова и Ляцкой „Воевода Янъ Свирщевской . . . . И наши Воеводы, „оставя кошъ въ Красномъ, пошли на нихъ, да передних людей у нихъ побили, К. Вас. Полубенского, Ворошынского Королева Дворянина Чижа, да „Королева же Дворянина, великого человѣка, Рая „изымали, а Гроденского Воеводы кошъ взяли . . . . „И Воеводы наши воевали по Вилну, Логоескъ, Менескъ, Айну, Красное село, Молодечпу, Марково, „Лебедево, Кревъ, Ошмону, Мѣдники, Мяделу, Куренской Камень, Березвичи, Жесно, Курецъ, Волоескъ, Радошковичи, Борисово.“ См. еще *Никон. Лѣт.* 223.

(200) Дѣла Прусск. л. 433. О семъ походѣ В. К. извѣщалъ Магистра въ Мартѣ 1520 г.

(201) См. тамъ же, л. 487. Герберштт. сказываетъ намъ, что сей Царевичь былъ сынъ Алегамова брата, Меникпара или, по Розряд. Книг., Мулехдара. Съ нимъ находился Воевода и Бояринъ К. Мих. Данил. Щенятевъ. Братъ Ѳеодоровъ, Царевичь Василій, также именуется въ числѣ тогдашнихъ Воеводъ, и Авдовлетъ или Акидевлетъ, сынъ Шибанскаго Царевича, Ахтурта или Ахпурта. Отъ 1515

до 1519 года войско наше стояло на границахъ, въ Лукахъ, на Вошанѣ, угрожая Полоцку, Мстиславлю, Могилеву (см. Розрядн. Книгу). Въ послѣдній разъ упоминается о знаменитомъ К. Даніилѣ Щенѣ въ 1515 г.: онъ предводительствовалъ войскомъ, которое собиралось въ Дорогобужѣ. — Также въ Мещерѣ, на Толшикѣ, стояли Воеводы. Между новыми именами замѣтимъ Князей Кривоборскаго, Рѣпнина, Хованскаго, Галецкаго, Овчину-Оболенскаго, Мещерскаго, Голенина, Хрипуна, Кашина, Пестраго, Хохолкова, Алабышева, Збарецкаго.

(202) Дѣла Прусск. л. 521.

(203) Стриков. гл. XXIV, кн. 4.

(204) Дѣла Прусск. л. 84. Магистръ Прусскій велѣлъ сказать Государю: „Чахове и Нѣмцы, которыхъ Король у себя имѣлъ, такіе на Короля рѣчи „изнесли въ Чахѣхъ и Нѣмцѣхъ, что великую невѣр„ность на него положили."

(205) Въ первый разъ тогда, какъ измѣнилъ ему Мих. Глинскій.

(206) Дѣла Польск. No 2, стр. 118—120: „Посы„лалъ Григорей Ѳедоровичь къ Пану Николаю, Вое„водѣ Виленскому, человѣка съ грамотою о томъ, „будетъ Король похочетъ миру, и онъ бы слалъ „пословъ . . . . И по опасной грамотѣ приходили „Воевода Подляской, и Маршалокъ, Янъ Станисла„вовичь Лелюшевичь, и Подскарбій Земскій, Мар„шалокъ и Писарь Королевской и Державецъ Каме„нецкой Богушъ Боговитиновичь . . . . И К. В по„сылалъ (къ нимъ) съ отвѣтомъ Дворецкого Твер„ского, Мих. Юрьева, да Шигону Поджогина . . . . „И городовъ на обѣ стороны просили . . . . А по„слѣ тѣхъ рѣчей послы говорили, штобъ Государь „здѣлалъ перемирье годы на четыре или на пять, и „Государь такъ не хотѣлъ, а учинилъ перемирье съ „лѣта 7029 Сент. 2 по Масленое заговѣнье, доколѣ „отъ Короля Большіе послы придутъ, а въ то вре„мя съ обое стороны войны не вчинати, и опас„ную имъ грамоту на послы дали; а были у Госу„даря пятью, а на пріѣздѣ ѣли."

(207) Дѣла Прусск. л. 412, 470, 493. У Сигизмунда было 16,000 войска противъ Магистра, который сказалъ нашему Посланнику, Некрасу Харламову: „Хотятъ Польское войско итти къ Королевцу, а „мѣщане со мною не хотятъ стояти, и мнѣ вели-

„ка нужа; а шебѣ здѣсе бышн не пригоже: занеже „каково дѣло сшанешся, ино моя голова подоймешъ, „а шебя есми взялъ у Государя на свои руки . . . „и шебѣ пригоже бышн въ моемъ городѣ въ Мемелѣ, а съ шобою ошпущаю Брузвиньскаго Князя."

(208) См. Гаршкноха Alt und Neues Preussen, сшр. 323—325.

(209) Дѣла Турецк. No 1, л. 147. Трешьякъ выѣхалъ изъ Москвы 20 Іюня 1521.

(210) Бурганъ Ага Дездяръ Азовской, нашъ доброхошъ или *норовникъ*, писалъ къ В. К.: „Приказалъ „Великій Государь (Сулшанъ) ко Царю Магмешъ-„Кирею: слышалъ есмя, чшо хочешь пойши на Московского землю: и шы ся береги на свой живошъ, „и не ходи на Московского, занеже ми есшь другъ „великъ; а пойдешь на Московского, и я пойду на „швою землю. И Царь осердишился, а рашь его „собрана, а злобешъ добрѣ" (см. Дѣла Турецк. л. 146).

(211) Дѣла Турецк. л. 170 и 187 на об.

(212) Тамъ же л. 191: „Не велишь мнѣ пойши на „Московского и на Волошского, ино мнѣ чѣмъ бышн сышу и одѣшу?"

(213) Послѣ Боярина Прошасьева въ 1520 г. ѣздилъ въ Крымъ Михайло Никишинъ Измайловъ, а въ 1521 Василій Наумовъ; въ Москвѣ же находился шогда Ханскій посолъ Ахмешъ Паша (см. Архив. Переписн. Книгу л. 205—206).

(214) Гербершт. R. M. Comment. сшр. 68.

(215) *Казан. Лѣт.* гл. 16.

(216) Гербершш. R. M. Com. 68, и *Казан. Лѣт.* гл. 16, гдѣ сказано: „Всю Русь (Казанцы) присѣкоша, „при Царѣ Шигъ-Алеѣ служащихъ его Рускихъ лю-„дей и варваръ убиша 5000, и Царскую его казну „взяша . . . и Воеводы Москов. домъ разграбиша и „людей 1000 убиша." Во всѣхъ другихъ лѣшописяхъ сказано: „В. Князя госшей переграбивъ, у себя „(Казанцы) держали." Убіеніе Россіянъ случилось уже въ 1523 году. См. шакже Гербершш. R. M. Com. 68. Онъ пишешъ, чшо самъ Ханъ Крымскій былъ въ Казани и возвелъ шамъ браша на пресшолъ.

(217) *Казан. Лѣт.* гл. 17: „Веде съ собою болѣ „1000 рыболововъ Московскихъ, ловящихъ рыбы на „Волгѣ подъ горами Дѣвичьими и до Зміева Камени „и до Увѣказа, 1000 версшъ ошъ Казани; заѣхавше

„тамо, живяху лѣто все, и въ осень возвращахуся „на Русь съ рыбою."

(218) См. тамъ же.

(219) Герберш. R. M. Com. 63. Нижній Новгородъ и Владиміръ были, по его сказанію, опустошены Казанскими Татарами. Въ ветхомъ *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 543: „Великую рѣку Оку удобь „(Ханъ) прейде, и В. Князя Воеводъ побиша, и на „томъ бою убиша К. Волод. Курбского да Ив. „Андр. Шереметева, да Якова да Захарья Замятниныхъ и многихъ дѣтей Боярскихъ; да на томъ же „бою взяли К. Ѳед. Вас. Обол.-Лопату, и Коломенскія мѣста и Коширскіе и Боровскіе и Володимерскіе и подъ Москвою повоеваша, и монастырь „Николы на Угрѣшѣ и Вел. К. любимое село Островъ сожгоша; а иные Татарове и въ Воробьевѣ „въ В. К. селѣ были и медъ на погребѣхъ В. К. пили, и многіе села Князей и Бояръ около Москвы „пожгоша. Царь же стоя на единомъ мѣстѣ 10 „дней промежъ Сѣверки рѣки и Лопасны за 60 „верстъ отъ Москвы" (а Герберш. пишетъ, за 13 миль).... „И возвратися и пріиде къ Переславлю „къ Рязанскому.... И туто жъ подъ городомъ Иванъ „Вас. Хабаръ окупилъ К. Ѳед. Вас. Обол.-Лопату, „а далъ на немъ 700 рублевъ. А. К. В. былъ въ тѣ „поры и съ своею братьею, со К. съ Юрьемъ и съ „Андреемъ, въ Микулинѣ."

(220) См. тамъ же и Розряд. Кн., гдѣ сказано, что Бояре и Князья Дмит. Ѳед. Бѣльскій и Вас. Вас. Шуйскій были въ Серпуховѣ, К. Пенковъ и Лопата-Оболенскій въ Коширѣ, К. Мих. Дан. Щенятевъ и К. Ив. Мих Воротынской въ Торусѣ, и проч. Герберш. пишетъ, что В. К., по разсказамъ какихъ-то людей, нѣсколько дней укрывался близъ Москвы въ сѣнѣ. — *Никон. Лѣт.* говоритъ о семъ нашествіи, что Ханъ повоевалъ Коломенскія мѣста, плѣнилъ множество людей, осквернилъ церкви; что В. К. уѣхалъ въ Волокъ собирать полки, и что Магметъ-Гирей, боясь его, ушелъ назадъ.

(221) Герберш. R. M. Com. 63. Я не повѣрилъ бы ему одному; но Розряд. и Родословн. Книги подтверждаютъ его сказаніе (см. ниже, примѣч. 224). Онъ пишетъ, что въ Москвѣ находились тогда послы Ливонскіе, которые, боясь Татаръ, въ одинъ день прискакали оттуда въ Тверь.

(222) Въ 1504 году.

(223) Дѣла Турецк. No 1, л. 192 (въ письмѣ Бургана Паши Азовскаго, къ В. К.): „Пришло на „Крымъ Азпороканцовъ три спаницы, въ спаницѣ „300 человѣкъ, а въ другой 200 челов., а въ препей „80, и съ Крымскихъ Улусовъ поимали *есыри* и вер„блюдовъ, и иного живопу нѣсть числа; а Царя „Астороканского Ченибека не спало, а иного Царя „въ Азпорокани по сѣ мѣсяца еще не вѣдаемъ."

(224) Въ Родослов. Кн. (рукописныхъ): „А у Ва„силья Образца два сына, Ив. Хобаръ, копорой на „Рязани оманомъ взялъ у Крымского Царя грамопу „данную на В. К. въ лѣто 7029." Въ Розряд. Кн.: „Приходилъ Крымской Царь Магметъ-Гирей съ сы„номъ своимъ съ Салтаномъ Богапыремъ подъ *Ко„ломну* и много пакоспи доспѣлъ Христіанству; „и тогды Царь взялъ грамопу на В. К., что ему „дань давати, и тое грамопу Божіимъ милосерді„емъ взялъ у Царя на Рязани обманомъ Ив. Вас. „Хабаръ Симскій." Онъ пожалованъ въ Бояре 1524 г. Родъ его производятъ отъ К. Редеди, побѣжденнаго Мстиславомъ, сыномъ Св. Владиміра.

(225) Будто бы 800,000 человѣкъ; но самъ Герберштеинъ не вѣрилъ тому. Онъ въ числѣ ихъ именуетъ К. Ѳед. Лопапу, выкупленнаго въ Рязани. Въ Архив. *Ростов. Лѣт.*: „Много людей (Татары) из„сѣкли, и въ полонъ вели многихъ Болярынь и Бо„лярскихъ дочерей 150; дѣтей у персей отняли; да „опослѣ Татаръ скопивъ дѣтей и свезли къ Мо„сквѣ къ В. К."

(226) См. *Степен. Кн.* II, 200, и *Русск. Времен.* 280. Разсказываютъ, что Татары хотѣли выжечь Московскіе посады, но увидѣли вокругъ города безчисленное войско Россійское и съ ужасомъ прискакали къ Хану, который, не вѣря имъ, послалъ другихъ: „и видѣша того сугубѣйшее воинство Рус„кое . . . . И сказаша ему . . . . И претіе посла „нѣкоего отъ ближнихъ увѣдати истину . . . . И „трепеща прибѣже и вопія: *о Царю! что коснѣши? „побѣгнемъ . . . Грядутъ на насъ безмѣрное множе„ство войска отъ Москвы* . . . И побѣгоша." Это было видѣніе.

(227) Сіи ходы бываютъ 21 Мая, 23 Іюня и 26 Августа.

(228) Никласъ былъ родомъ изъ Спира, а Іорданъ

изъ окрестностей Инспрука. Герберштт. пишетъ, что В. К., при въѣздѣ въ Москву встрѣченный множествомъ народа, увидѣлъ Никласа и громко сказалъ ему: „знаю важную твою услугу и не оставлю тебя безъ награды.“ Тоже обѣщалъ и другому пушкарю, Іордану; но забылъ ихъ: наконецъ, услышавъ, что они въ досадѣ хотятъ ѣхать изъ Россіи, прибавилъ имъ по 10 флориновъ жалованья.

(229) См. Герберштт. R. M. Comment. 50 и 70, и въ *Собр. Государ. Грамотъ*, стр. 425, запись К. Ив. Михайлов. Воротынскаго, данную имъ въ 1525 г. Государю съ клятвою заслужить вину свою.

(230) Дѣла Турецк. No 1, л. 194 (въ письмѣ Бургана къ В. К.): „А Крымской Царь пришолъ изъ „твоей земли къ собѣ въ Перекопь, и велѣлъ по „три торги у себя въ Перекопи и въ Крымѣ и въ „Кафѣ кликати, чтобы Князи и Мурзы и Татарове были готовы всѣ, а кони бъ тучны, а хочетъ „итти сее же осени на твою землю.“

(231) Герберштт. R. M. Com. 36. — Въ Розрядн. Кн.: „Приговорилъ К. В. всеа Русіи съ братьею „своею и съ Бояры быти самому противъ Крымского Царя на Коломнѣ; а напередъ себя отпустилъ на Коломну Воеводъ, К. Дм. Өед. Бѣльскова, да К. Мих. Данил. Щенятева, да К. Мих. Вас. „Горбатова, да Окольничего Ив. Вас. Хобарова, „Андр. Вас. Сабурова, да Дворецкого Тверского „Мих. Юр. Захарьина. Изъ Вязмы велѣлъ итти на „Коломну же К. Андр. Бор. Горбатому, да Вас. „Андр. Шереметеву, да Мих. Сем. Воронцову, Ан, „Ник. Бутурлину, Ив. Вас. Ляцкому, К. Ив. Мих. „Шамину, К. Петру Өед. Охлябину. А самъ пошелъ К. В. мѣсяца Мая 19, а съ нимъ братья его, „К. Юрьи да К. Андрей Ивановичи, а Воеводы съ „нимъ К. Ив. да К. Сем. Өедоровичи Бѣльскіе, да „Окольничей Пет. да Вас. Яков. Захарьины, К. Ив. „Нѣмой, да К. Өед. Вас. Телепневъ, К. Сем. Дм. Серебряной, К. Ив. Өед. Ушатой, Мих. Андр. Плещеевъ, К. Юр. Андр. Хохолковъ-Ростовской, К. „Мих. Ив. Кубенской, Ив. Вас. Ляцкой, Оружничей Ник. Ив. Карповъ; а у доспѣха стряпали К. „Юр. да К. Вас. Иванов. Щенятевы; а *Рынды* (оруженосцы) были К. Юр. Мих. Булгаковъ, Ив. Юр. Сабуровъ, Подрынды Мих. Борис. Извольской, Петръ „да Васюкъ Ступишины.... Ясельничей Өед. Сем.

„Хлоповъ, да съ нимъ у коней стряпаютъ Васюкъ „Безъзубцевъ, у коня В. К. Ивашко Касировъ, а къ „нимъ 16 человѣкъ; а за постелею Козаринъ Буру-„новъ, да Ѳедецъ Кученской. А на Москвѣ оставилъ „зятя своего, Петра Царевича, а съ Коломны ве-„лѣлъ себя встрѣтити Бояромъ и Воеводамъ, а съ „ними сто человѣкъ лучшихъ Дворянъ; и пришедъ „на Коломну, послалъ брата своего, К. Юр. Ив., въ „Серпуховъ, а Воеводамъ велѣлъ стояти по мѣс-„тамъ: въ Больш. полку подъ Дѣвичьимъ К. Дм. „Ѳед. Бѣльской, да К. М. Д. Щенятевъ, да М. С. Во-„ронцовъ; въ правой рукѣ подъ Головинымъ К. А. „В. Горбатой, да В. А. Шереметевъ, да Игнатей „Мих. Салтыковъ; въ передовомъ на устъ Осетра „К. М. В. Горбатой, да К. П. С. Лобанъ-Ряполов-„ской, да К. П. Ѳед. Охлябининъ; въ лѣвой рукѣ „противъ Рославля Окольничей И. В. Хабаръ, да И. „В. Ляцкой, да Ив. В. Лопаковъ-Колычовъ; въ „сторож. на Коширѣ А. В. Сабуровъ, да А. Н. Бу-„турлинъ, да К. Ю. М. Шаминъ; а на Рязань по-„слалъ Воеводъ И. Ю. Микулина, да Дм. Ив. Волын-„ского . . . А какъ шолъ К. В. съ Коломны къ Мо-„сквѣ, а на Коломнѣ оставилъ брата своего, К. „Андрея Ивановича."

(232) Тамъ же стр. 70.

(233) Дѣла Турецк. № 1, л. 207 и слѣд. Губинъ пріѣхалъ къ Государю въ Коломну 18 Мая 1522, а Скиндеръ оставался въ Москвѣ.

(234) Тамъ же, л. 213 на об.: „Скиндеръ пришедъ „цѣловалъ В. К. въ руку, да отшедъ подалъ грамо-„ту Салтанову, и К. В. велѣлъ ему сѣсти близко „собя на скамьѣ, ближе того, какъ иныхъ Государ-„рей послы садятся."

(235) Скиндеръ сказалъ, л. 216 на об.: „Государь „мой приказалъ собѣ нѣкоторой товаръ купити „на свои потребы, и Государь бы К. В. тотъ то-„варъ ослободилъ купити, да и человѣка бы далъ, „кому тотъ товаръ указывати." — Султанъ пи-салъ еще къ В. К. о врачѣ Маркѣ: „пришелъ къ „намъ нашъ человѣкъ именемъ Андроникъ, и жа-„ловался намъ, что прежъ сего времени зять его, „Марко врачь, Царства *Миданицикъ*, торгованія „ради пришелъ въ землю благородства твоего, и „нынѣ есть тамъ, и сказываетъ туринъ его, что „во Царѣгородѣ жена его и дѣти: и того ради ту-

„ринъ его Андроникъ посланъ съ нашимъ посломъ....
„и ты бы того человѣка Марка къ намъ послалъ."
На сіе В. К. приказалъ отвѣчать Султану: „Марко
„ко пріѣхалъ къ Государю нашему давно, да билъ
„челомъ въ службу, да и о томъ, чтобы Государь
„приказалъ къ отцу твоему о его женѣ, чтобы
„отецъ твой жену Маркову къ нему отпустилъ....
„и отецъ твой хотѣлъ отпустити. А нынѣ въ В.
„Новѣгородѣ боленъ Бояринъ К. Алекс. Володим.
„(Ростовской), и Государь послалъ его того Боя-
„рина лечити" (*л.* 249).

(236) Иванъ Семеновъ Морозовъ былъ отправленъ уже въ Апрѣлѣ 1523 г. Между прочимъ надлежало ему говорить Султану: „Твои Казаки Азовскіе на-
„шихъ людей имаютъ на полѣ, да водятъ въ Азовъ,
„да ихъ продаютъ, а емлютъ съ нихъ окупы вели-
„кіе: и ты бы приказалъ, чтобы того не чинили...
„Въ нашей землѣ твоего гостя Ефабардѣя въ живо-
„тѣ не стало, и мы велѣли товаръ его переписа-
„ти и отдати твоему послу" (*л.* 233). Въ настав-
леніи, данномъ Морозову, сказано: „*О всѣхъ тамо-*
„*шнихъ* вѣстехъ пытати Ивану не приказныхъ
„людей: кто что ему скажетъ изъ сторонныхъ
„людей, и ему то писати; а приказныхъ не пыта-
„ти; а кто что молвитъ, ино то написати же....
„Ивану къ Пашамъ на подворье никакъ нейти, а
„говорити: *меня Государь послалъ къ Сулеманъ-Сал-*
„*тану: и мнѣ къ вамъ чего дѣля итти?* . . . . А въ
„ту пору будутъ у Салтана послы отъ Крымска-
„го или отъ Угорского или отъ Литовского или
„отъ иныхъ Государей, и Ивану съ посломъ къ
„Салтану ни съ которымъ не ходити, да ни индѣ
„нигдѣ съ ними ни пити, ни сходитися ѣсти, оп-
„ричь того, нѣчто которой посолъ похочетъ съ
„нимъ видѣтись о В. К. дѣлѣ, и Ивану велѣти ему
„быти у собя на подворьѣ или на поле выѣхати....
„И нѣчто взмолвятъ: есть ли съ тобою списокъ,
„каковѣ грамотѣ межи Салтана и Государя вашего
„пригоже быти? и Ивану говорити: *нѣтъ* . . . И
„нѣчто взмолвятъ: Государь нашъ съ В. К. на
„Крымского будетъ за-одинъ, а Государю нашему
„недругъ Литовской, и К. В. на Литовского бу-
„детъ ли съ нимъ за-одинъ? и Ивану говорити: о
„томъ отъ Салтана ко Государю съ его посломъ
„приказу не было, и Государь о томъ со мною не

„наказалъ ничего.... А опослѣ Ивану говорити на-„крѣпко, чтобъ Салтанъ послалъ къ В. К. своего „посла, человѣка доброго... Да и то молвити въ „разговорѣ: Государемъ великимъ пригоже промежъ „собя посылати такихъ людей, которые бы жили „близко при Государехъ и дѣло бы знали, а не ко-„рыстей смотрѣли... И нѣчто взмолвятъ Ивану: „пріѣхавъ къ Скиндерю люди на подворье, да людей „его перебили и самого лаяли, и въ томъ ему обо-„рони не учинили; и Ивану говорити: въ Государя „нашего Государствѣ много чюжихъ людей и изо „многихъ земель, и приставове Государя говорили „Скиндерю, чтобъ его люди безъ пристава съ под-„ворья не ходили, и они не слушали, и ѣхали пья-„ни Азтороканского посла люди, и Скиндеревы пья-„ни же съ ними побранили, и учали битись, и Скин-„деревы ихъ же били и перевязали, и приказщики „Государя нашего тѣхъ велѣли пустити: ино бы-„ло Скиндеревыхъ людей какъ боронити?" (л. 234—247).

Морозовъ нашелъ Солимана въ Анатоліи, въ ста-нѣ. Онъ пишетъ: „Приставове Чеуши осталися у „Салтанова шатра, а посторонъ Салтановы по-„латки сидитъ человѣкъ съ десять въ бархатѣхъ... „и вшелъ Иванъ къ Салтану, а онъ сидитъ на сво-„емъ мѣстѣ, а у него Ибреимъ-Паша, да Казначей „Діакъ Аббисаломъ, да у дверей Капичей-Баша, и „велѣлъ Паша Ивану пойти къ Салтану къ руцѣ; а „опослѣ Иванъ отъ Государя Салтану поклонъ пра-„вилъ и поминки являлъ по записи и посольство „правилъ и грамоты подалъ; а взялъ грамоты Ибре-„имъ-Паша.... Ибреимъ-Паша у Ивана рѣчи пе-„ренялъ, а говорилъ: иные рѣчи съ нами перегово-„рить, и мы ихъ Государю скажемъ. А Салтанъ не „проговорилъ ни одного слова, и вышелъ Иванъ отъ „Салтана.... а поминки В. К. велѣли приставове „у Казаковъ взяти Янычаномъ.... и Салтанъ по-„минки смотрѣлъ изъ-за людей... а корму давали „Ивану отъ Салтана колачи, да рыбу шеврижину „сухую, да на дву блюдѣхъ икры, да ягоды зятин-„ные соленые, да изюмъ, да арбузы и дыни." Ибра-химъ-Паша звалъ его къ себѣ въ шатеръ; но Моро-зовъ, исполняя въ точности Государевъ наказъ, не хотѣлъ къ нему итти. Паша разсердился и велѣлъ ему сказать: *коли ко мнѣ не ѣдешь, и мнѣ до тебя*

дѣла нѣтъ, а тебѣ до меня. Казначей Солимановъ требовалъ себѣ даровъ: Морозовъ отвѣтствовалъ, что послы ѣздятъ для государственныхъ дѣлъ, а не для посуловъ. Его представили вторично Султану и немедленно отпустили (л. 277—286). Онъ возвратился лѣтомъ въ 1524 году; а съ нимъ опять пріѣхалъ въ Москву Скиндеръ, но единственно для закупки соболей.

(237) Дѣла Польск. No 2, стр. 123—125.

(238) Сія договорная грамота хранится въ Архивѣ подъ No. 7. Въ ней сказано, что Россіи владѣть отъ Днѣпра ниже Смоленска рѣкою Мерею вверхъ, между Пречистые, Взруба и Звѣровичь въ Иваку рѣку.

(239) Стриков. кн. XXIV, гл. 4.

(240) Гарткноха Alt und Neues Preus. стр. 325—326.

(241) Арнта Liefl. Chr. 191.

(242) Сія договорная харатейная грамота, отъ 1 Сент. 1521, Русская и Нѣмецкая, находится въ Архивѣ между Лифляндскими трактатами подъ No. 4. Она писана въ Новѣгородѣ отъ имени Магистра, Архіепископа Рижскаго и Епископовъ Дерптскаго, Эзельскаго, Курляндскаго, Ревельскаго, и Новогород. Намѣстниковъ, К. Александра Ростовскаго и Мих. Морозова. Послами были фонъ-деръ-Тиманъ, фонъ-Боргъ, Іоаннъ Лоде, I. Дюкеръ и Георгій Ковіеръ. Магистръ обѣщался не имѣть союза съ Королемъ Польскимъ. Сказано, что рубежъ нашихъ владѣній идетъ отъ Чудскаго озера *стрежнемъ* (или, какъ нынѣ пишутъ, по *фарватеру*) Наровы рѣки поперегъ острова ниже Иванягорода и Ругодива или Нарвы въ Соляное море. См. Арнта Lief. Chr. 183-184. Въ *Псков. Лѣт.* Толст.: „Посла В. К. Намѣстн. Псков. „К. Петра Ряполовскаго въ Вороночь съ Дѣтьми „Боярскими и съ Тотары, и быша тамъ и до По„крова, а послы Нѣмецкіе ѣхаша на Псковъ къ В. „К. мира просити; и К. В. велѣлъ имъ миръ има„ти въ Новѣгородѣ, и поѣхаша туда отъ Пскова „Мисюрь Дьякъ и добрые люди." Тамъ же подъ годомъ 1523: „Проси Арцыпискупъ Ровенскій у В. „К. силы на Местера и посылаше къ Мисюрю Дья„ку, и К. В. не да ему силы."

(243) Въ договорѣ заключенномъ съ Императоромъ Максимиліаномъ въ 1514 году. — О городахъ

Рязанскихъ К. Θеодора см. въ завѣщаніи В. К. Іоанна Василіевича.

(244) См. Т. VI, примѣч. 563.

(245) Ибо они происходили отъ Святослава Ярославича, который былъ старѣе Всеволода, Мономахова отца.

(246) См. Герберштн. R. M. Comment. стр. 48.

(247) См. *Арханг. Лѣт.* подъ симъ годомъ. Въ другихъ нѣтъ о томъ ни слова.

(248) См. Герберштн. стр. 48, и Родослов. Кн. Первый разсказываетъ, что К. Іоаннъ Рязанскій имѣлъ еще двухъ старшихъ братьевъ, Василія и Θеодора; что они воевали другъ съ другомъ; что одинъ изъ нихъ лишился жизни въ междоусобной битвѣ на поляхъ Рязанскихъ, а другой братъ скоро умеръ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоитъ деревянный крестъ въ память сего происшествія. Думаю, что Герберштеинъ ошибся: по лѣтописямъ не видимъ, чтобы у К. Іоанна были братья. — Въ Архивѣ Иностран. Кол. нашлася слѣдующая бумага изъ розыскнаго дѣла о побѣгѣ изъ Москвы Рязан. Князя Іоанна: „Лѣта 7029 (1521), Авг. 31 сказывалъ „Мишька Сунбуловъ сынъ пытанъ, что Князь „Иванъ Рязанской съ Москвы побѣжалъ съ Недѣ„ли на Понедѣльникъ; а быть было ему въ Пу„стынѣ, или въ Шумашѣ, или въ Дубровицахъ. А „мнѣ послѣ себя велѣлъ назавтрее ѣхать на Ря„зань къ Мишурину и къ Клементію Кобяковымъ, „да къ Федору Сунбулову, да къ Назарію Семенову „сыну Глѣбова съ братьею, да къ Одувану; а ве„лѣлъ мнѣ имъ говорить, чтобы у него они были „въ Пустынѣ, или въ Шумашѣ, или въ Дубровицахъ; „а выѣхалъ бы къ нему изъ города потихоньку; а „къ Мишурѣ и Клементью Кобяковымъ и грамоты „со мною къ нимъ были, а писалъ тѣ грамоты „Клементьевъ сынъ Кобякова Гридя; а писалъ въ „нихъ то къ Мишурѣ да къ Клементью Кобяковымъ, чтобы они выслали конюховъ его съ конь„ми къ нему; а Клементью приказано было у него „кони и конюхи; и тѣ грамоты, сказываетъ Мишь„ка, взяли у него Татарове; а изъ Пустыни было, „или изъ Шумашы, или изъ Дубровицъ, Князю Ива„ну ссылатись со Царемъ (Крымскимъ); а нечто „не станется его ссылка со Царемъ, и какъ приве„дутъ къ нему кони свѣжіе съ Рязани, да Дѣтей

„Боярскихъ съ собою прибавить; а почуетъ Литву на Великаго Князя, и ему было тогда бѣжать „къ Литовскому. А нынѣ только будетъ его не „истеряли Татарове, и онъ одноконечно въ Пус„тынѣ, или въ Шумаши, или въ Дубровицахъ; и „Государь бы нынѣ послалъ меня съ кѣмъ нибудь, и „я чаю его допытаюсь; а на томъ Государю „крестъ цѣлую, что ему послужу прямо, и его „Князя поотвѣдаю накрѣпко, только будетъ ожъ „не убитъ.“

(249) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 172.

(250) См. сей *Исторіи* Т. V, стр. 30, и Герберштстр. 48.

(251) См. *Дѣла Турецк.* № 1, л. 3, 4; также Герберш. и Курбскаго *Исторію Царя Іоанна* въ началѣ.

(252) См. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, между бумагами Миллера, въ *Собраніи древнѣйшихъ дипломатическихъ извѣстій*, № 80 грамоты Шемякины къ Государю и Государевы къ нему. Сей Князь называется и *Шемячичемъ* и Шемякинымъ. Герберштпишетъ, что въ Путивлѣ господствовалъ прежде К. Димитрій, обнесенный Государю Шемякинымъ и заключенный въ Москвѣ; что сынъ его, именемъ также Димитрій, бѣжалъ къ Татарамъ, принялъ Вѣру Магометанскую, похитилъ одну знатную дѣвицу и былъ застрѣленъ ея родственниками; что отецъ Димитріевъ, свѣдавъ о кончинѣ сына, умеръ съ горести въ 1519 году; что Шемякинъ своими доносами погубилъ и К. Коширскаго (R. M. Com. 51). Мы не знаемъ ни К. Димитрія Путивльскаго, ни К. Коширскаго.

(253) По *Розрядн. Кн.* въ 1519 году уже не было К. Василія Стародубскаго. Герберштсказываетъ, что Шемякинъ выгналъ его и *завладѣлъ* Стародубомъ: это несправедливо. Розряды доказываютъ, что симъ городомъ управляли Государевы Намѣстники. Въ *Архив. Лѣт.* л. 181 на об., г. 1506: „Того „же лѣта, Апрѣля, говорили отъ В. К. Бояринъ „Яковъ Захарьичь, да Бояринъ Григорей Ѳеодоро„вичь, да Печатникъ Юрьи Дмитріевичь Траханіотъ, да съ ними Дьяки, Князю Василью Семено„вичу Стародубскому, что жалуетъ его К. В., „даетъ за него своякиню свою, Юрьеву дочь Сабу„рова.“

(254) Герберш. R. M. Com. 51. Тамъ сказано, что Шемякинъ писалъ къ Сигизмунду чрезъ Кіевскаго Воеводу, который прислалъ его письмо къ Василію.

(255) См. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи *Слѣдственное дѣло Максима Грека.* Великокняжескій чиновникъ Берсенъ говоритъ: „А що Митрополитъ „самъ позабылъ, что къ Шемячичу грамоту писалъ „и руку свою къ той грамотѣ и печать прило„жилъ, а взялъ его на образъ Пречистые, да на Чю„дотворцевъ, да на свою душу."

(256) Герберш. R. M. Com. 20. Варлаамъ оставилъ Митрополію 17 Дек. 1521, и скончался въ Симоновѣ монастырѣ. Даніилъ поставленъ 27 Февр. 1522.

(257) Въ *Дѣлѣ Максима* Грека (см. выше, примѣч. 255): „И Митрополитъ В. Князю велику хвалу „вздаетъ . . . . а се де Богъ его избавилъ запазуш„ного врага. И язь (Берсенъ) въспросилъ: хто запа„зушной врагъ? И Митрополитъ молвилъ: Шемя„чичь."

(258) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна.* Онъ разсказываетъ, что Василій, обманутый клеветою, велѣлъ привезти сего святаго мужа изъ Бѣлаозера въ Москву, оковалъ его и поручилъ истопнику, именемъ Павлу; что жена Павлова изъ человѣколюбія скрыла Порфирія и мыслила дать ему свободу: что истопникъ, устрашенный бѣгствомъ Царскаго узника, хотѣлъ зарѣзать себя ножемъ; что Порфирій явился и сказалъ ему: „се я: твори „со мною волю Государеву;" что Василій, тронутый симъ великодушіемъ, немедленно отпустилъ его въ мирную пустыню, и проч.

(259) См. *Ростов. Лѣт.* л. 580. Шемякинъ былъ еще живъ въ 1526 году.

(260) См. Архив. *Переписную Кн.* No. 1, л. 207, и *Дѣла Турецк.* No 1, л. 241.

(261) Поджогина: это было весною.

(262) См. Герберш. R. M. Com. 75-76.

(263) См. *Дѣла Крымск.* No 6, л. 2-34. В. Князю было извѣстно, что Саипъ-Гирей дѣйствовалъ въ семъ случаѣ по совѣту измѣнника нашего, Сеита Казанскаго, т. е. главнаго изъ духовныхъ сановниковъ.

(264) См. *Дѣла Турецк.* No. 1, л. 502. В. К. прибылъ съ братьями въ Нижній 23 Авг.

(265) „Въ большомъ полку К. И. Ѳ. Бѣльской, да „К. Мих. Вас. Горбатой, да Мих. Юрьев.; а въ пе„редовомъ полку К. Сем. Ѳ. Курбской, да И. Вас. „Лятцкой; а въ правой рукѣ К. Сем. Дмитр. Се„ребряной, да К. Петръ Охлябининъ; а въ лѣвой „рукѣ К. Юр. да К. Вас. Васильев. Шатые; а въ „стороженомъ К. Мих. Ив. Кубенской, да К. Ив. „Шаминъ; а въ конной рати Бояринъ Хабаръ, да „Мих. Сем. Воронцовъ, Вас. Андр. Шереметевъ, „Ѳед. Сем. Колычовъ, К. Петръ Ив. Рѣпнинъ, Дмит. „Бутурлинъ, К. Ив. Ѳед. Овчина, да К. Анд. Кро„поткинъ," и проч. — См. *Казан. Лѣт.* гл. 18, и Герберштт. R. M. Com. 71. Послѣдній сказываетъ, что Россіянъ было 180,000.

(266) Сына Фети-Гиреева.

(267) Герберштт. приписываетъ сей случай людямъ подкупленнымъ Россіянами.

(268) См. *Никон. Лѣт.* и Герберштт. Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Казанцевъ въ сей битвѣ, на полѣ Остановѣ, легло 42,000; начальниками ихъ были *Отучь Сильный* и Князь Аталыкъ.

(269) *Казан. Лѣт.* говоритъ объ истребленіи Яр툴ьнаго полку и другихъ, числомъ до 30,000 воиновъ. Герберштт. пишетъ, что Черемисы истребили нашъ конный, пятисотный отрядъ, посланный для развѣдыванія, и два раза побили К. Палецкаго.

(270) См. Рычкова *Казан. Исторію* стр. 102.

(271) См. *Никон. Лѣт.* 230, Герберштт. и *Казан. Лѣт.* Въ Архив. *Собраніи Госуд. Грамотъ*, стр. 423, напечатана запись Ив. Бѣльскаго отъ 20 Сент. 1523, гдѣ сказано, что В. К. отпускаетъ ему вину его по челобитью Митрополита и Духовенства. Герберштт. пишетъ, что одинъ пушкарь, родомъ изъ Савоіи, хотѣлъ уйти отъ насъ въ Казань, былъ пойманъ и не наказанъ: сіе обстоятельство многихъ увѣрило въ измѣнѣ главнаго Русскаго Воеводы.

(272) Послами были Аппа Уланъ и Бахкилдей Князь; а въ Казань ѣздилъ отъ насъ К. Вас. Данил. Пенковъ съ Дьякомъ Аѳанасіемъ Ѳедоровымъ Курицынымъ.

(273) Герберштт. R. M. Com. 73.

(274) См. Житіе Макарія въ Прологѣ.

(275) Въ *Дѣлѣ Максима Грека* (выше, примѣч. 255) Берсенъ говоритъ: „Митрополитъ В. Князю вели„кую хвалу вздаетъ, что городъ поставилъ: тѣмъ-

,,де городомъ всю землю Казанскую возметъ." Въ другомъ мѣстѣ: ,,Почто К. В. въ Новгородъ (Нижній) ѣздилъ? поставилъ на ихъ сторонѣ лукно: ,,ино какъ ся помирити? Ино было поставити на ,,своей сторонѣ; ино бы азъ миру быти."

Въ Мартѣ 1526 пріѣзжали въ Москву изъ Казани Казый Князь, Чюра Князь и Тевкель Бакшей; а въ 1527 ѣздилъ отъ насъ въ Казань Андрей Ѳедоровъ Пильемовъ.

(276) Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толст. подъ г. 1523: ,,Поѣха К. В. въ объѣздъ. Бысть же шествовати ,,ему на колесницѣ позлащеннѣй; оружницы съ нимъ ,,яко же подобаетъ Царемъ. И возрѣвъ на небо, и ,,видѣвъ гнѣздо птиче на древѣ и сотвори плачь и ,,рыданіе велико, въ себѣ глаголюще: лютѣ мнѣ! ,,кому уподоблюся? Азъ не уподобихся ни птицамъ ,,небеснымъ, яко птицы небесніи плодовити суть: ,,ни звѣремъ земнымъ, яко звѣри земніи плодовити ,,суть — ни водамъ, яко плодовити суть: волны ,,бо ихъ утѣшающе, и рыбы ихъ глумящеся. — И ,,посмотря на землю и глаголя: Господи! не уподобихся азъ ни земли сей, яко земля приноситъ плоды своя на всяко время, и тя благословятъ, Господи! И пріѣха тоя осени К. В. изъ объѣзда къ ,,Москвѣ, и нача думати со своими Бояры о своей ,,В. Княгини, что неплодна бысть; и нача съ плачемъ говорити къ Бояромъ: кому по мнѣ царьствовати на Русской земли и во всѣхъ городѣхъ ,,моихъ и въ предѣлѣхъ? Братіи ли дамъ? ино Братья своихъ Удѣловъ не умѣютъ устраивати. И ,,начаша Бояре говорити: Государь! неплодную ,,смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ винограда," и проч.

(277) См. выше, въ описаніи сего года. Въ Синодальной библіотекѣ, въ книгѣ подъ No. 347, л. 354-363, есть выписка изъ грамоты Паисія, старца Ѳерапонтовой обители, о второмъ бракѣ Василія, любопытная, но едва ли достовѣрная Тамъ сказано, что Великій Князь хотѣлъ знать мнѣніе Старца Симоновскаго, Вассіана, о разводѣ съ Соломоніею, именуя сего мужа подпорою Державы, *утѣшеніемъ* души своей, *веселіемъ бесѣды, наставникомъ любви*; что Вассіанъ объявилъ замышляемый имъ второй бракъ прелюбодѣяніемъ; что раздраженный Государь велѣлъ Дьяку Трифону Ильину отвести дерз-

каго Старца въ Чудовъ монастырь, где Дьяки Андрей Гончевъ и Семенъ Плѣшивый были его стражами; что Великій Князь, по совѣту Митрополита, писалъ къ Греческимъ Патріархамъ, требуя ихъ благословенія на разводъ; что Патріархи не дали онаго; что Іерусалимскій, именемъ Марко, въ духѣ пророка отвѣтствовалъ Василію: „если же„нишься вторично, то будешь имѣть злое чадо; „Царство твое наполнится ужаса и печали, кровь „польется рѣкою, падутъ главы Вельможъ, грады „запылаютъ,“ и проч.; что Митрополитъ Даніилъ сказалъ тогда: „мы обойдемся и безъ ихъ благосло„венія;“ что Государь уѣхалъ въ село Александровское и тамъ долго совѣтовался съ Досиѳеемъ, Епископомъ Сарскимъ, и съ Чудовскимъ Архимандритомъ Іоною; что въ сіе время возвратился изъ Крыма посолъ Ивачъ Колычовъ, а съ нимъ пріѣхалъ Инокъ Святыя Горы, Гавріилъ, съ письмомъ отъ всѣхъ тамошнихъ монастырей, которые также не одобряли развода — и проч. и проч. Въ сей выпискѣ много странныхъ выраженій и словъ *вымышленныхъ*, какихъ не бывало въ языкѣ нашемъ: роды Боярскіе именуются *Сарападасистіи*, Христіане *Урьзюкелями*, шапка Мономахова *ялдариломъ*, и проч. Инокъ Вассіанъ сочинилъ посланіе, въ коемъ онъ, укоряя Монаховъ въ нѣгѣ, доказываетъ необходимость отнять у нихъ вотчины. На сіе посланіе отвѣтствовалъ ученикъ Максима Грека, Инокъ Зиновій. „Вассіанъ (говоритъ онъ) не изволи брашна „Симоновского ясти . . . яде приносимое ему отъ „трапезы Вел. Князя, хлѣбы пшеничны, крупичча„ты, брашна заслажаемая и многопестротнѣ за„строяемая . . . піяше Романію, Бастръ (см. ниже, „примѣч. 399), Мушкатель, Ренское бѣлое вино . . . „Брашно же (въ монастыряхъ) хлѣбъ овсянъ невѣ„янъ, или класы ржаные толчены, и таковые хлѣ„бы сухи безъ соли; питіе же вода, и вареніе имѣ„ющихъ капустное листвіе; преимѣющіи же въ „нихъ, аще зеліе, имѣютъ свеклу и рѣпу; овощи же „имъ рябина и калина; о одежди же что и глаго„лати? искропаны,“ и проч. Сія рукопись въ Новогород. Софійской библіотекѣ. См. *Исторію Рос. Іерархіи*, Т. II, стр. XXX.

(278) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна* и Гербершть. R. M. Com. 58. Симеонъ Курбскій въ ста-

рости не ѣлъ мяса, а рыбу только въ Воскресенье, Вторникъ и Субботу.

(279) Архив. *Псков. Лѣт.* Малинов.: „К. В. по-„стриже Княгиню Соломонію, а Елену взять за со-„бя, а все то за наше согрѣшеніе . . . Иже аще „кто пуститъ жену свою, а оженится иною, пре-„любы творитъ."

(280) Герберштт. R. M. Com. 18, 19. Она вырвала кукуль изъ рукъ Митрополита, бросила на землю и топтала ногами, говоритъ сей Историкъ, прибавляя, что Шигона ударилъ ее и сказалъ: „смѣ-„ешь ли противиться волѣ Государя?" *А ты какъ смѣешь поднять на меня руку?* спросила несчастная. „Именемъ В. Князя," отвѣтствовалъ Шигона. — Въ Синод. Лѣт. No 365: „К. В. велѣлъ постричи свою „В. Княгиню и послалъ въ Суздаль къ Покрову въ „дѣвичь монастырь; а постригъ ее на Москвѣ у Ро-„жества Пречистые за пушечными избами въ дѣ-„вичѣ монастырѣ Никольской Игуменъ Старого „Давидъ." Въ Государственномъ Московскомъ Архивѣ хранится слѣдующая подлинная грамота: „Се „азъ Князь Великій Василей Ивановичь всеа Русіи „пожаловалъ есми *Старицу Софью* въ Суздалѣ сво-„имъ селомъ Вышеславскимъ съ деревнями и съ по-„чинки, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу и къ „деревнямъ и къ починкомъ истари потягло, до ее „живота; а послѣ ее живота, ино то село Выше-„славское въ Домъ Пречистые Покрову Св. Бого-„родици Игуменьѣ Ульянѣе и всѣмъ сестрамъ, или „по ней иная Игуменья будетъ въ томъ монасты-„рѣ, въ прокъ имъ. Писанъ на Москвѣ *л.* 7035, Сент. „19 дня" (1526 года). Весьма вѣроятно, что сія Монахиня Софія есть бывшая Вел. Княгиня Соломонія. Въ рукописной Суздальской лѣтописи сказано: „Вел. Княгиня *Соломонія*, въ постриженіи *Софія*, „скончалась 7051 (1542) Дек. 18; иночествовала 17 „лѣтъ и 15 дней; погребена въ Покровскомъ дѣвичь-„емъ монастырѣ."

(281) Герберштт. R. M. Com. 19.

(282) См. тамъ же.

(283) Въ Февр. 1527. См. въ *Собраніи Государственн. Грамот.* стр. 428, запись Князей Пенковыхъ и другихъ Дворянъ, данную ими Боярамъ, Князьямъ Бѣльскому, Шуйскому и Горбатому въ поручительство за вѣрность Михаила Глинскаго. Въ случаѣ

его бѣгства они обязывались заплатить 5000 рублей.

(284) См. *Древ. Рос. Вивліов.* XIII, стр. 5.

(285) Герберштн. R. M. Com. 96: Cum enim alteram uxorem duxisset, totam barbam abraserat: quod nunquam ab alio Principe factum perhibebant.

(286) См. *Никон. Лѣт.* г. 1521, и Павла Іовія de Legatione Basilii, Magni Principis Moscoviae.

(287) См. П. Іовія de Legatione etc. — Около сего времени писалъ *Альберто Кампензе* Lettera intorno le cose di Moscovia al beat. Padre Clemente VII, убѣждая Папу стараться о присоединеніи Россіянъ къ Латинской Церкви. Альбертъ слышалъ о Россіи отъ своего отца и братьевъ, которые долго жили въ ней; но почти всѣ его географическія извѣстія выписаны изъ Матѳ. Мѣховскаго.

(288) См. Архив. Переписную Кн. No 1, л. 262.

(289) См. тамъ же, л. 262. Въ выпискахъ Аббата Алберттранди изъ Ватиканской библіотеки есть наказъ, данный Сигизмундомъ сему послу Римскому. Король хотѣлъ заключить вѣчный миръ единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы Василій возвратилъ ему Смоленскъ.

(290) См. Архив. Переписную Книгу, No. 1, л. 256, гдѣ сказано: „Отпускъ ко Цесарю Великово „Князя Подьячево Якуша Полушкина, да Цесарско-„го Нѣмчина Вартоломея съ грамотами" (въ 1522 г.). Сей Бартоломей не былъ ни посланникомъ, ни гонцемъ Карловымъ, а находился у насъ, какъ вѣроятно, по своимъ дѣламъ. Въ 1524 году Якушъ возвратился въ Москву съ посломъ Антоніемъ, а К. Ярославскій Засѣкинъ съ Дьякомъ Семеномъ Борисовымъ отправились къ Императору.

(291) Данному имъ В. К. Іоанну.

(292) Герберштн. R. M. Com. 99, 100, 112, и Дѣла Польск. No. 2. стр. 133—134. Въ Ватиканскихъ выпискахъ Аб. Алберттранди, въ прибавленіи къ отвѣту, данному Сигизмундомъ посламъ Карлову и Фердинандову, сказано, что они по тайному предписанію должны были утвердить Василія въ ненависти къ Королю и произвести войну между ими, дабы Фердинандъ Австрійскій могъ тѣмъ удобнѣе овладѣть Венгріею и Богеміею. Это можно было думать, но было несправедливо.

(293) См. *Никон. Лѣт.* 232, и Архив. Переписн.

Кн. No. 1, л. 262. Бумаги сихъ посольствъ утратились.

(294) Мстиславскій выѣхалъ къ намъ въ Іюлѣ 1526, и въ 1529, 23 Авг., уже былъ супругомъ Анастасіи, дочери Петра Царевича. Въ данной имъ тогда записи онъ клянется быть вѣрнымъ Государю и не сноситься въ Литвѣ съ отцемъ своимъ, К. Михайломъ Ивановичемъ. См. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* стр. 433. — Въ Синод. Лѣт. No 356 сказано, что В. К. отдалъ Мстиславскому городки Шемякины въ отчину, Ярославецъ, Кременецъ, волость Мышегу, да Кочиру въ помѣстье или *въ кормленіе.*

(295) Дѣла Польск. No. 2, стр. 134—153. Не выписываемъ здѣсь мелочныхъ подробностей; замѣтимъ только, что Сигизмундъ въ 1529 году извѣстилъ Василія о возведеніи девятилѣтняго сына своего, Августа, на престолъ Королевскій; а въ 1532 году В. К. приказалъ остановить Литовскихъ пословъ на границѣ и спросить у нихъ подъ присягою, нѣтъ ли язвы въ Литвѣ? Новое перемиріе на годъ заключено въ Москвѣ въ 1532 г. Сапѣгою и Клочкомъ.

(296) См. Далин. Gesch. des R. Schw. III, 74, и сей подлинный договоръ, утвержденный въ Новѣгородѣ 3 Апрѣля 1524 и находящійся въ Архивѣ Ин. Коллегіи на Латинскомъ языкѣ. Внизу слѣдующія подписи: 1. ad hanc cedulam electi Regis Svecie Gos afui ego orator Chanatus Erici mandavi Capellano meo Iohanni Erasmo pro me apponere manum, quia ego scribere ne scio; то есть: „я посолъ Кануть велѣлъ за себя руку „приложить Капеллану моему, ибо самъ писать не „умѣю!“ 2 . . . Orator Bero Nicolai. 3 . . . . Orator Presbiter Iohannes Canonicus Aboensis.

Въ Архивск. Перепис. Книгѣ записано: „въ 7032 „(1524) году пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Мо„сквы Свейскихъ пословъ Ирика Флямина съ това„рищи.“

(297) См. Герберштт. R. M. Com. стр. 33, и Далин. T. III, стр. 112. Ваза посылалъ для того въ Москву вторично Эрика Флемминга, который выѣхалъ оттуда уже по кончинѣ Василія. О семъ посольствѣ упоминается въ Архив. Переписн. Кн. подъ 1534 годомъ, л. 276.

(298) Дѣла Турецк. No. 1, л. 290—334. Скиндеръ умеръ въ Москвѣ въ 1530 году.

(299) См. Дѣла Крымск. № 6, л. 159—160, и *Никон. Лѣт.* 234. Исламъ пришелъ къ Окѣ 5 Сент. Въ Архив. *Ростов. Лѣт.*: „Ѣѣ нѣгдѣ село В. К. а въ немъ „церковь Николы, и К. Алай Исламовъ тажже оную, „и ту удержанъ бысть гнѣвомъ Божіимъ и пои- „манъ Воеводами," и проч. Сей Лѣтописецъ говоритъ, что у Ислама было 60,000 воиновъ, и что самъ онъ стоялъ въ 20 верстахъ отъ Оки.

(300) Дѣла Крымск. л. 159 на об.: „А Крымскихъ „пословъ, Чабыка съ товарищи, К. В. въ тѣ поры „велѣлъ потопити."

(301) Предложимъ выписку изъ Крымскихъ дѣлъ. Сайдетъ-Гирей въ 1524 году прислалъ къ В. К. союзную грамоту, но включилъ въ оную выраженія непристойныя: ее не приняли. Сей Ханъ заточилъ брата своего, бывшаго Царя Казанскаго, Саипъ-Гирея, въ Балаклавѣ и думалъ умертвить племянника, Магметъ-Гиреева сына, Ислама, который, узнавъ о томъ, собралъ войско, схватилъ матъ Сайдетъ-Гирееву на пути въ Кыркоръ, отогналъ стада Ханскія и назвался Царемъ съ согласія Улановъ Крымскихъ. Сайдетъ-Гирей заперся въ Перекопи, освободилъ Саипъ-Гирея, далъ ему чинъ Калги, и его стараніями опять привлекъ къ себѣ Улановъ, такъ, что Исламъ, ими оставленный, долженъ былъ уйти изъ Крыма, ограбивъ на Молочныхъ Водахъ купеческій караванъ, въ коемъ находилось много Армянъ и Россіянъ: тогда послы Сайдетъ-Гиреевы, Чабукъ-Мурза и К. Янышъ, заключили въ Москвѣ союзъ съ Россіею (въ 1525 г.) Между тѣмъ В. К. звалъ къ себѣ странствующаго Ислама; но свѣдалъ, что сей бѣглецъ уже снова царствуетъ въ Тавридѣ, изгнавъ Сайдетъ-Гирея и побивъ 1700 Турковъ, пришедшихъ изъ Кафы на помощь къ Хану. Нашъ Бояринъ Колычовъ возвратился изъ Крыма съ симъ извѣстіемъ. Исламъ не долго властвовалъ, и едва не убитый Мурзами, бѣжалъ въ Тюмень; а послѣ примирился съ Сайдетъ-Гиреемъ, и напалъ на Россію. Чрезъ годъ онъ уже опять скитался въ степяхъ изгнанникомъ. Сношенія съ Ханомъ продолжались. Великокняжескій посланникъ Челищевъ умеръ въ Тавридѣ. Въ 1530 году Сайдетъ-Гирей требовалъ тысячи алтынъ съ Одоева и съ Рязанскихъ городовъ, сказывая, что сія дань со временъ дѣда его, Азй-Гирея, принадлежала одному знаменитому Крым-

скому чиновнику; ограбилъ нашего посла Злобина, и тревожилъ набѣгами Бѣлевскія и Тульскія мѣста. Государь (въ 1531 г.). послалъ въ Путивль Царя Шигъ Алея и Шибанскаго Царевича Ахдовлета съ Городецкими Козаками и съ служивыми Татарами, К. Бориса Горбатаго, Воронцова, Оболенскаго (Намѣстника Новагорода Сѣверскаго) съ дѣтьми Боярскими, Козаками и *Севрюками*, а въ Коломну и Каширу К. Василья Шуйскаго съ сильнымъ войскомъ, написавъ къ Хану грозное письмо. Умертвивъ Ширинскаго Князя, Бахтіяра, господствовавшаго въ Старомъ Крымѣ, и многихъ знатныхъ, Ханъ выслалъ Калгу Саипъ-Гирея, ненавистнаго Вельможамъ, въ Царьградъ, возобновилъ союзъ съ Василіемъ, вредилъ Литвѣ, и наконецъ (въ 1532 году) сверженный съ престола, уѣхалъ къ Султану. Исламъ объявилъ себя Царемъ: будучи изгнанникомъ, онъ требовалъ, чтобы В. К. усыновилъ его, и Василій далъ ему имя сына. По волѣ Султана уступивъ престолъ Саипъ-Гирею, Исламъ остался Калгою; а новый Царь, бывъ дотолѣ въ дружеской перепискѣ съ Василіемъ, началъ весьма грубо требовать богатыхъ даровъ. В. К. послалъ къ нему Вас. Левашева съ поздравительною грамотою. См. Дѣла Крым. No 6, отъ л. 52 до конца сей книги.

(302) См. *Никон. Лѣт.* 234 и слѣд.; также *Казан. Лѣт*, гл. 19. — Сафа-Гирей присылалъ Князей Табая, Даная и Бакшея Ибрагима въ Новую Слободу къ Государю; а послѣ Князей Мамыша и Кураша.— Въ большомъ полку съ Бѣльскимъ были Новогородскій Намѣстникъ К. Мих. Вас. Горбатой и К. Мих. Ив. Кубенской, въ передов. К. Ѳед. Вас. Лопата Телепневъ-Оболенской и К. Сем. Ѳед. Сицкой; въ правой рукѣ Ѳед. Юр. Щука-Кутузовъ и К. Ѳед. Мих. Курбской-Карамышевъ; въ лѣвой Ив. и Андр. Ник. Бутурлины; въ сторожевомъ К. Ив. Ив. Барбашинъ и Мих. Ильинъ Бокеевъ; а въ конницѣ К. М. Глинскій, Вас. Андр. Шереметевъ; въ передов. полку К. Ив. Ѳед. Овчина-Телепневъ-Оболенской и Чулокъ-Засѣкинъ; въ правой рукѣ К. Петръ и Вас. Ив. Рѣпнины; въ лѣвой К. Ѳед. Овчина-Телепневъ-Оболенскій и Ѳед. Ончковъ Рязанецъ; въ сторожевомъ Дм. Воронцовъ и К. Ив. Мезецкой. Конная рать имѣла нѣсколько стибокъ до соединенія съ главнымъ войскомъ. Въ Казани бы-

ли и Астраханцы. Объ Аталыкѣ сказано: „Спящу „ему въ шатрѣ съ женою на дворѣ своемъ, и вскочившу въ одной срачицѣ на конь, и безъ пояса и „необувенъ въ сапоги, и хотѣ во градъ убѣжати, „и конь его аки крылатъ рѣку перелетѣ: онъ же „спаде съ коня и остася на сей странѣ, и ту убиша его: наѣзжалъ на 100 воинъ, удалыхъ бойцевъ; „коего ударяше мечемъ во главу, и растинаше на „двое до сѣдла; стрѣляше далѣе версты въ примѣту; бѣ исполинъ тѣломъ; очи кровавы и велики „аки буйволовы .... К. Ѳед. Лопату въ мышку застрѣлиша, и отече рука его аки мѣхъ и умре въ „третій день." По другому извѣстію Аталыка убитъ съ женою въ острогѣ. Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Сафа-Гирей съ тремя тысячами Крымцевъ ночью пробился сквозь наше войско и раненый бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ жилъ 18 мѣсяцевъ. Сіе извѣстіе несправедливо: въ концѣ 1530 года онъ былъ въ Казани и прислалъ въ Москву пословъ. Въ Синод. Лѣт. No. 365: „Погониша за Царемъ къ Арскому городку; а промежъ Большими Воеводами „пришла брань и обозу города Гуляя не сомкнуша, „и пришла Черемиса, и городъ Гуляй взяли, и пищалей затинныхъ (ломовыхъ) 70 ... и на той „стравкѣ убили К. Ѳ. Вас. Лопату и К. Ив. Осиповича Дорогобужскаго, Порашу да Игнатья Ив. „Жулебина, да Григ. Андр. Сабурова, да Ѳ. Тимоѳ. „Замятнина; а Ив. Кляпикова на Свіязѣ взяли, и въ „Казани казнили." По другимъ лѣтописямъ Царь не выходилъ изъ Казанской крѣпости, К. Лопата былъ застрѣленъ съ городской башни, а Дорогобужской пронзенъ копьемъ.

(303) Въ Казанскомъ походѣ 1524 года.

(304) Будучи внукомъ В. Княгини Рязанской, сестры Іоанновой.

(305) См. *Казан. Лѣт.*, гдѣ сказано, что Казань три дни стояла пустая и беззащитная; что Россіяне взяли выходы и оброки впредь на 3 года; что никто изъ Воеводъ не хотѣлъ тамъ остаться; что Бѣльскій обогатился золотомъ; что, кромѣ Митрополита, ходатайствовалъ за него Троицкій Игуменъ Парѳеній; что Бѣльскій сидѣлъ 5 лѣтъ въ темницѣ. См. *Никон. Лѣт.* 257.

(306) Къ Сафа-Гирею ѣздилъ Боярской сынъ Иванъ Полевъ, который прислалъ Бояр. Сына Сурю Цеха-

ева съ вѣстію объ измѣнѣ Царя. Съ послами Казанскими въ Москвѣ говорили Өедоръ Ивановъ Карповъ и Дьякъ Меньшій Путятинъ. Ноября 24 отправили въ Казань Посника Головина съ письмами къ Уланамъ и Князьямъ, а Дек. 10 Шигъ-Алея съ Казанскими послами въ Нижній, куда 20 Дек. поѣхалъ Дьякъ Аөанасій Курицынъ съ новыми грамотами, которыя надлежало переслать въ Казань Намѣстнику Нижегородскому, Вас. Вас. Шуйскому. 17 Мая пріѣхалъ изъ Казани въ Москву Головинъ съ извѣстіемъ объ изгнаніи Сафа-Гирея, а чрезъ два дни послы отъ Царевны, Кичигилея Мурзы, К. Булата и всѣхъ Улановъ, чтобы дать имъ въ Цари Еналея. В. К. послалъ въ Мещерскій Городокъ Өед. Сем. Воронцова, велѣлъ Еналею къ 22 Іюня быть въ Василѣ, а Князю В. В. Шуйскому взять съ него присягу. Морозовъ и Дьякъ Курицынъ возвели Еналея въ Казани на престолъ Іюня 29. *Никон. Лѣт.* ошибается въ числахъ.

22 Февр. 1533 Еналей, Царевна и Вельможи Казанскіе прислали въ Москву К. Агыша съ прозьбою, чтобы Государь не бралъ у нихъ пушекъ. Іюня 6 Уланъ Аппай и другіе послы Казанскіе требовали у него дозволенія женить Царя и предлагали ему на рѣшеніе дѣла земскія.

(307) Въ Генварѣ 1533.

(308) Въ *Степен. Кн.* Латухина: „Вел. Княгиня „Елена вопроси нѣкоего мужа юрода, именемъ До„метіана, глаголя: что имамъ родити? Онъ же „яко юродствуя глаголаше: родится Титъ, широ„кій умъ.“ — Синод. библіот. въ Лѣтописцѣ Димитрія Ростовск. въ листъ, No. 87, л. 204: „Въ л. 7037 „К. Великій В. І. и съ Вел. Княгинею былъ на Во„логдѣ и въ монастырехъ у Чюдотворцевъ въ Ки„рилловѣ, на Каменномъ, на Глушицѣ, на Прилуцѣ „у Спаса, въ Корниліевѣ въ Павловѣ пустыни, и „милостыню велію давалъ и потѣтеніе по мона„стыремъ и во градъ Попомъ, а велѣлъ молитися „о чадородіи, чтобъ далъ Богъ, отродъ у него былъ; „а пріѣха на Вологду за недѣлю до Рожд. Христова; „а въ монастырь ѣздилъ 4 дни до Кириллова; а Рож„дество Христ. взялъ на Вологдѣ, назадъ ѣдучи изъ „Кириллова.“

(309) Въ *Ростов. Лѣт.* 587: „Въ настоящій часъ „рожденію его (Іоаннову) бывшу, внезапу бысть

„громъ страшенъ зѣло, и блистанію молніи бывшу *по всей области Державы ихъ*, яко основанію „земли поколебатися, таковому страшному грому.“ По другимъ лѣтописамъ сія необыкновенная гроза была только въ Новѣгородѣ.

(310) Синод. Лѣтоп. Димит. Ростов. No. 87, л. 204: „И на той радости К. В. пожаловалъ многихъ „людей опальныхъ, К. Ѳ. М. Мстиславскаго, да К. „Мих. Данил. Наримантова Щенятева, да К. Бориса Ив. Суздальскаго-Горбатова, да Мих. Андр. „Плещеева, да Як. Давид. Морозова, да Ив. Вас. „Лятскаго, да Ив. Юр. Шигону, да Ив. Ив. Телешова Дьяка, да иныхъ многихъ Дѣтей Боярскихъ— „и тюрмы велѣлъ распущать.“ — См. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* записи Мстиславскаго и Плещеева (стр. 439 и 448), писанныя въ 1531 и 1532 году: первый винится въ замыслѣ бѣжать въ Литву, а второй обѣщается впредь не приставать къ лиходѣямъ В. Князя и *Елены*. См. также Курбскаго *Исторію Царя Іоанна*: о гоненіи на тѣхъ, которые осуждали вторый бракъ Іоанновъ.

(311) *Степен. Кн.* II, 210. Въ Синод. Лѣт. No. 351: „Петру Чюдотворцу раку *злату* вычеканити повелѣ и образъ златъ каменіемъ украсити, а страны у раки сребряны, а Св. Алексію раку сребряну всю, а на ракѣ образъ его позлатити и столпцы у раки.“ Онѣ были сдѣланы въ 1535 году, и въ Февралѣ, въ Четвертокъ первой недѣли поста, Митрополитъ Даніилъ преложилъ мощи Св. Алексія въ новую раку.

(312) 30 Окт. 1532, въ седьмомъ часу дня; крещенъ на третьей недѣлѣ у Богоявленія на Троицкомъ дворѣ Игуменомъ Троицкимъ Іоасафомъ и Даніиломъ Переславскимъ. На пиру были Государевы братья и всѣ Вельможи.

(313) Андреевны, 22 Февр. 1533. — Братья Государевы, К. Симеонъ скончался 26 Іюня 1518, а К. Андрей 14 Февр. 1521.

(314) Въ 1528 и 1530 г. были у насъ Волошскіе или Молдавскіе послы, Александръ Кержа съ товарищи; а къ Господарю ѣздили Посломъ Константинъ Замыцкій, а Посланникомъ Чудинъ Карачаровъ (см. Дѣла Польск. No 2, стр. 139-145). 3 Мая 1532 посылалъ В. К. въ Молдавію черезъ Крымъ Подьячаго Ивашка Елизарова, который возвратился от-

шуда 7 Ноября съ Молдавскимъ чиновникомъ Юшкомъ, ошправленнымъ назадъ въ Молдавію 19 Іюня 1533 съ Дворяниномъ Ѳедоромъ Леонтьевымъ (см. *Архив.* и *Никон. Лѣт.*).

(315) „Іюля 21 (1532) пріѣхалъ на Москву изъ Асшорохани ошъ Касыма Царя человѣкъ его Злоба „съ шоварищи, съ грамошою, и послѣ шого пріѣхали съ Волги Казаки Городецкіе, да сказывали, что „Черкасы Асторохань взяли, Царя и Князей побили..... А Царемъ учинился Аккубекъ Царевичь. — „Того же лѣша (1533) Авг. пріиде на Москву изъ „Асшорохани ошъ Царя Абдылъ-Рохмана Кудояръ,“ и проч. См. *Архив.* и *Никон. Лѣт.*

(316) *Никон. Лѣт.* 249.

(317) См. *Архив.* и *Никон. Лѣт.* 250. Сіе было въ Сент. 1532. Бабуръ названъ *Падшею*, т. е. Пашею.

(318) См. *Архив. Ростов.* (л. 593) и *Никон. Лѣт.* 256. Государь выслалъ на Оку съ полками К. Дим. Бѣльскаго, В. В. Шуйскаго, Мих. Вас. Горбашаго, Мих. Сем. Воронцова, Ив. Ляшцкаго.

(319) См. Дѣла Крым. No. 7, л. 69—76.

(320) *Ростов. Лѣт.* л. 594: „Людіе же поразсудивъ и глаголаху въ себѣ, яко быши во Царсшвѣ „премѣненію нѣкоему.“

(321) Выписываемъ здѣсь подробносши изъ *Ростов. Лѣт.*, л. 594:

„Объявися у него болячка близъ нужнаго мѣсша, „на сгибѣ, багрова, верху нѣсшь, ни гною . . . . И „пріиде въ Нохабное село, и пойде нужно въ По„кровское въ Фуниково, и шу празднова Покрову, и „ошшуда пойде въ свое село Покровское и пре„бысшь 2 дни, и пріиде на Волокъ нужно въ Недѣ„лю послѣ Покрова, и бысшь пиръ у Дворецкаго „Тверскаго и Волоцкаго, И. Ю. Шигоны . . . Нау„шріе съ великою нуждею дойде до мыльни и за „сшоломъ сѣде въ посшельныхъ хоромахъ великою „нуждею; на ушріе же бысшь погодіе велико шѣши„шися Государю, и послаша по Ловчихъ, по Ѳедо„ра Михайлова Нагова, да по Бориса Васильева Дяш„лова, да по Бобрищу Пушкина, и пойде въ село „свое Колпь, болѣзнію одержимъ . . . . И ѣдучи ма„ло бысшь пошѣхи . . . . И сѣдяше за сшоломъ нуж„дею. Посла по браша, К. Андрея Іоан., на пошѣху „къ себѣ, и пріѣха. Тогда съ великою нуждею поѣ„ха со К. Андреемъ на поле съ собаками, и поѣз-

„дииа мало . . . . И сѣдящу ему за столомъ съ бра-
„томъ изнемогающе; и оттолѣ стола у него не
„бысть, но вкушаше мало на постели . . . . И по-
„велѣ прикладывати къ болячкѣ муку пшеничную
„съ медомъ прѣснымъ и лукъ печенъ . . . . И нача
„рдѣтися . . . И учинися прыщь малъ и появися ма-
„ло гною. Живе же въ Колпѣ 2 недѣли, и понесоша
„его на носилицахъ Дѣти Боярскіе и Княжата (въ
„Волокъ) . . . И повелѣ К. В. прикладывати масть
„(бальзамъ), и нача изъ болячки гной ити до полуста-
„за и по тазу . . . Въ грудѣхъ ему бысть тягость,
„и того ради *озяша* горшки тридневные и *сѣмен-*
„*ники*, и съ того пронесе ему нанизъ. . . И не на-
„ча ѣсти.“ (Тутъ посылаетъ за грамотами въ Мо-
скву) . . . . „Въ нощи противу Димитріевы Субо-
„ты спадше множество звѣздъ съ небеси яко веліи
„градовыя или дождевыя тучи проливахуся на зе-
„млю . . . Въ Субботу же противу Димитріева дни
„на 6 часу нощи повелѣ принести къ себѣ тайно
„духовныя грамоты . . . И нача мыслити, кого пу-
„стити въ ту думу.“ (Тутъ пріѣзжаетъ къ нему
братъ Георгій и ѣдетъ назадъ) . . . „Тогда же,
„предъ памятію Варлаама Хутынскаго, въ нощи
„выйде у него много изъ болячки гною, и стер-
„жень болѣ полуторы пяди, но еще не весь. Князь
„же Великій возвеселися, чая облегченія, и посла
„къ Москвѣ по Гетмана своего Яна. Янъ же нача
„прикладывати къ болячкѣ масть обычную . . . . И
„мало отокъ поляже . . . . И посла по старца свое-
„го, по Мисаила Сукина . . . Болѣзнь же его тяж-
„ка бысть . . . . и посла по Боярина по Михайла
„Юрьевича . . . И быша съ нимъ Дьяки его, Гр. Пу-
„тятинъ и Елизаръ Цыплятевъ, Аѳанасій Кури-
„цынъ, Третьякъ Раковъ . . . И не исхождаше отъ
„постели (В. Князя) ни мало; обращаху его со
„страны на страну. И егда же пойде съ Волока во
„Іосифовъ монастырь, и бысть у него въ каптанѣ
„(саняхъ) К. Дм. Ив. Шкурлятевъ, да К. Дм. Ѳед.
„Палецкой; обращаху его ѣдучи . . . И взяша подъ
„руки и пойдоша ко храму . . . Игуменъ же (послѣ
„обѣдни) моли Государя въ келліи, чтобы вкусилъ
„брашна . . . , И вкуси нуждею . . . . И посла бра-
„та съ Бояры во трапезу сѣсти, и ночева въ мо-
„настырѣ . . . Пойде къ Москвѣ, а брата отпу-
„стилъ въ его удѣлъ . . . Станы же В. Князя ча-

„ты.... И бысть въ Воробьевѣ два дни.... Мостъ
„намостища, а городовой прикащикъ бысть Дими-
„трій Волынской, да Алексѣй Хозниковъ и иные.
„На утріе же въ Недѣлю пойде В. К. въ Москву ....
„У каптаны въ оглоблехъ впряжены 4 санники во-
„роны . . . Пойде во врата Боровицкіе . . . . И по-
„велѣ тайно служити у Благовѣщенія въ придѣлѣ,
„въ Василія Великомъ, Благовѣщенскому Попу Гри-
„горію, а на обѣди тутъ были Владыка Коломен.
„Васіанъ, да Мисайло Сукинъ, да Протопопъ Алек-
„сій, и несъ дары Владыка . . . Въ среду же про-
„тивъ Четверга В. К. тайно масломъ священся, а
„передъ Николинымъ днемъ въ нощи явственно свя-
„щался.... И несъ къ В. К. дары Протопопъ Алек-
„сій . . Дару же и Пречистые хлѣбъ мало веземъ, и
„возлеже" и проч. Василій причащался 3 раза.

(322) См. *Собран. Госуд. Грам.*, стр. 416. Въ 1523 г. думая итти съ войскомъ къ Казани, В. К. подтвердилъ сіе первое духовное завѣщаніе, намъ неизвѣстное. — Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: „Нарече (Василій) сына своего при своемъ животѣ В. „Княземъ, и приказа его беречи до 15 лѣтъ своимъ „Бояромъ немногимъ."

(323) „Князь же Великій вкуси единыя миндаль„ныя каши, мало токмо ко устомъ принесе."

(324) Въ *Степен. Кн.* сказано, что Василій благословилъ сына и крестомъ Мономаховымъ, вручивъ ему вѣнецъ, діадиму, жезлъ и всю Царскую утварь сего древняго Великаго Князя.

(325) Жену Василія Андреев. Челяднина, бывшаго Дворецкимъ въ 1513 году.

(326) Жена Ивана Андреев., именемъ Елена.

(327) „Благословилъ его и далъ ему крестъ Пан„гійской, и приказа отнести тотъ крестъ по пре„ставленіи своемъ Боярину Михайлу Юрьевичу."

(328) „И посла своего Дворецкаго Тверскаго (Ши„гону) къ Алексію Протопопу, и повелѣ ему при„нести дары, и повелѣ его пытати, въ обычай ли „ему то дѣло, егда же розлучается душа отъ тѣ„ла? Протопопъ же отвѣща, егда мало того бы„вало . . . . И какъ начали Канонъ пѣти, и забывся „мало, и пробудився и нача говорити, яко видѣніе „видѣ: *Государыня великая Екатерина! пора цар„ствовати!* и пріимъ образъ Великомученицы Ека„терины и любезно приложися къ ней, и коснуся

„рукою правою образу ея: понеже бо въ тѣ поры „рука ему больна сущи . . . И мощи ея принесоша „къ нему . . . . Протопопъ хотя ему дары дати, „онъ же унявъ его, и рече: видиши самъ, что ле„жу боленъ, а въ разумѣ своемъ; и егда станешъ ду„ша отъ тѣла разлучашися, тогда ми и дары дай." Василій уже не могъ креститься: „И подносяше „ея (правую руку) Бояринъ его Михайло Юрьевичь „ . . . Патрахиль бѣ и пострижаніе у Митрополи„та. Еще тогда исповѣдалъ К. В. Митрополиту, „когда дары взялъ въ Недѣлю передъ Николинымъ „днемъ: аще ли не дадутъ мене постричи, то на „мертваго положи платіе Черническое . . . . Ми„трополитъ же埋 вземъ патрахиль и подастъ чрезъ „В. К. Игумену Іоасафу . . . . . И спѣшаху стри„чи его."

(329) „И видѣ Шигона духъ его отшедшь аки ды„мецъ малъ." — Всѣ сіи подробности взяты изъ *Ростов. Лѣт.*

(330) Василій въ 1531 году, Авг. 24, обязалъ брата, К. Юрія Іоанновича, клятвенною грамотою быть вѣрнымъ ему и сыну его. Она написана отъ слова до слова такъ, какъ писались договоры старыхъ Великихъ Князей Московскихъ съ младшими Удѣльными Князьями. Упоминается даже о *выходахъ* Ординскихъ: „Орды вѣдати мнѣ Великому Князю и „сыну моему, а тобѣ Ордъ не знати; а въ выходы „ти въ Ордыньскіе, и въ Крымъ, и въ Азсторо„кань, и въ Казань, и въ Царевичевъ городокъ, и въ „иные Цари и въ Царевичи, которые будутъ у ме„ня въ землѣ, и во всѣ Татарскіе проторы давати „ти мнѣ съ своей отчины, какъ отецъ нашъ напи„салъ." См. *Собр. Госуд. Грамотъ* стр. 445.

(331) „А у В. К. остася Игуменъ Троицкій Іоа„сафъ, да Старецъ его Мисайло Сукинъ, и начаша „его наряжати и браду чесати, якоже подобаетъ „по Черническому чину, и положиша подъ него отъ „Михайлова Чуда одръ . . . и Старцы Іосифовскіе „начаша его наряжати, а Стряпчихъ В. Князя от„слаша; и начаша пѣти у него Заутреню ... И по„говоря съ Митрополитомъ и съ братіею В. К. и „съ Бояры, Бояринъ его Михайло Юрьевичь повелѣ „ископати гробъ подлѣ отца его, противъ Симео„на Лѣтопроводца, и послаша Постельничаго Ру„сина, снемъ съ него мѣру, ему гробъ привезти ка-

„менный. Тогда же пріиде Митрополитъ и съ нимъ „Владыка Васіанъ Коломенскій и Досиѳей Крутицкой, а иные Владыки быша во своихъ областяхъ „и не поспѣша. Архимандриты же, Чудовскій Іона, „Симоновскій Филоѳей, Андрониковскій Зосима, „Игуменъ Троицкій, Іосифовскій и Московскіе всѣ.... „и повелѣша Діакомъ его любимымъ пѣвчимъ большой станицы стати во дверехъ, и начаша пѣти... „Великую же Княгиню несоша изъ ея хоромъ въ санахъ на себѣ Дѣти Боярскіе на лѣстницу. . . . Болярыня же тогда бысть съ нею К. Ѳед. Мстиславскаго Княгиня Анастасія, да К. Иванова Данилов. Пенково Княгиня Марья, да Челяднина Ивана Андреев. Елена, да Василья Андреев. Агрипина, „да Михайла Юрьев. Ѳеодосія, да Василья Иванов. „Агрипина, да К. Васильева Львовича Глинскаго „Анна."

(332) Въ Синод. Лѣт. Димит. Ростовск., л. 203 на об.: „Добрый и ласковый Государь."

(333) Павелъ Іовій, стр. 129: Specie corporis eximia. Мы имѣемъ портреты Василіевы, которые считаются копіями современнаго.

(334) Сихъ писемъ, хранящихся въ Архивѣ, пять (см. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* III, 99). Выписываемъ для примѣра:

„Женѣ моей Оленѣ. Что меня не держишь безъ „вѣсти о своемъ здоровьѣ, ино то дѣлаешь гораздо; и ты бъ и впередъ не держала меня безъ вѣсти, какъ тобя Богъ милуетъ. Да и о Иванѣ сынѣ „ко мнѣ отпиши, какъ его Богъ милуетъ. А язъ „здѣсе милостію Божіею и родительскою молитвою далъ Богъ живъ до Божіей воли и по-здорову „есми совсѣмъ. Да писала еси ко мнѣ напередъ сего, что противъ Пятницы Иванъ сынъ *покрячелъ*; „а нынѣ писала еси, у сына у Ивана явилось на „шеѣ подъ затылкомъ мѣсто высоко да крѣпко, а „напередъ сего о томъ еси ко мнѣ не писала; а нынѣ пишешь, что утромъ въ Недѣлю на первомъ „часу то мѣсто на шеѣ стало у него повыше, да „и червленнѣе, и гною нѣтъ, и то мѣсто у него „поболяетъ: и ты ко мнѣ напередъ того чего дѣля „о томъ не писала? . . . И ты бъ нынѣ отписала, „какъ Ивана сына Богъ милуетъ, и что у него таково на шеѣ явилося, и которымъ обычаемъ, и „сколь давно, и каково нынѣ; и со Княгинями бы

„еси и съ Боярынями поговорила . . . жыветъ ли „таково у дѣтей у малыхъ; и будетъ живетъ, ино „съ чего, съ роду ли или съ иного съ чего? О всемъ „бы еси поговорила, да ко мнѣ отписала подлинно, „чтобъ язъ вѣдалъ . . . И какъ нынѣ тобя Богъ ми- „луетъ и сына Ивана, ко мнѣ отпиши. А писалъ у „меня сію грамоту Діакъ мой Меньшикъ Путятинъ; „а запечаталъ есми ее своимъ перстнемъ."— Въ дру- гомъ письмѣ: „Да поболяетъ у тебя полголовы и „ухо и сторона; и ты бъ ко мнѣ и о томъ отписала, „какъ тобя Богъ миловалъ, не баливала ли у тобя „полголовы и ухо и сторона?"— Въ третьемъ: „Да „писала еси ко мнѣ, что Юрьи сынъ попысался, а „въ тѣ поры его парили въ корытѣ проскурникомъ, „а спускъ крѣпокъ, черпъ . . . Да Бога ради не кру- „чинся, а о всемъ клади упованье на Бога." — Въ четвертомъ: „А зубу моему таковожь, какъ ес- „ми къ тобѣ писалъ. . . Да о кушеньѣ о Ивановѣ и „впередъ ко мнѣ отписывай, что Иванъ, сынъ мой, „коли покушаетъ, чтобъ то мнѣ вѣдомо было." — Въ пятомъ: „Нынѣ есми послалъ къ Митрополиту „да и къ тобѣ Юшка Шеина, а съ нимъ образъ Пре- „ображенье; да въ сей грамотѣ запись свою руку: и „ты бъ ту запись прочла, да держала ее у собя. А „язъ, оже дасть Богъ, одноличио ко Крещенью бу- „ду на Москву."

Сіи грамоты писаны въ послѣдніе годы Василіевой жизни; но откуда, не означено.

(335) Въ Синод. Лѣт. No. 365: „Тояже зимы (въ „1525 г.) велѣлъ К. В. казнити Боярина своего Бер- „сеня-Беклемишова, голову съсѣчи на Москвѣ на рѣ- „кѣ; а Өедору Жареному языкъ вырѣзати." Злословіе Берсеня и Жаренаго описано въ дѣлѣ Максима Грека (см. ниже, примѣч. 344—346). Иванъ Берсень въ допросѣ 22 Февр. 1525 показалъ: „Угонилъ меня „Өедько Жареной тому съ недѣлю противъ Нико- „лы, а Максима уже изымали, и учалъ мнѣ сказыва- „ти: *велятъ мнѣ Максима клепати* . . . а сказы- „ваетъ, что К. В. присылалъ къ Өедьку Игумена „Троецкаго: *только мнѣ солжишь на Максима, и язъ* „*тобя пожалую.*"

(336) *Никон. Лѣт.* 184, и Герберш. R. M. Com. стр. 11.

(337) *Собран. Госуд. Грамотъ*, стр. 414, 425 и 430. Повинная запись К. Ив. Мих. Воротынскаго

писана въ 1525 году, К. Василія Шуйскаго въ 1522, съ ручательствомъ Духовенства; а Князей Ивана и Андрея Михайловичей Шуйскихъ въ Іюнѣ 1528, съ ручательствомъ Князей Ростовскихъ и многихъ Дворянъ, которые, въ случаѣ ихъ (Шуйскихъ) измѣны, обязывались внести въ казну 2000 рублей.

(338) Герберштп. R. M. C m. стр. 31.

(339) См. рукописн. повѣсть или *Сказаніе о Максимѣ Инокѣ Святогорцѣ Ватопедскія Обители*, найденное мною въ библіотекѣ Троицкой Лавры.

(340) Въ Посланія Максима къ В. К. Василію о переводѣ *Толковой Псалтири*: „Сотрудившихся со „мною и причастниковъ дѣла бывшихъ, Власа и Ми-„тю толмачей, и Михаля Медоварцова, и Сильвана „Инока, и брата нашего, писарей и малѣйшихъ „служебниковъ Царствія твоего познати да изво-„лиши и трудовъ поминати; мнѣ же и сущимъ со „мною братіи возвращеніе къ Св. Горѣ за вся про-„сящимъ даровати, да изволиши отъ долгія сея пе-„чали свободити. Воздай паки насъ добрѣ и опаснѣ „честному монастырю Ватопеди, издавна насъ „ждущу, по подобію птенцовъ питающія ихъ жду-„щихъ, да не лишимся многолѣтныхъ тамошнихъ „трудовъ и потовъ нашихъ, ихъ же положихомъ „тамо о надеждѣ нашего о Господѣ скончанія. . . . „Да уразумѣютъ отъ насъ и тамо пребывающіи „Христіане, яко имѣютъ еще Царя, не о языцѣхъ „токмо безчисленныхъ и о иныхъ множайшихъ уди-„вленія и слышанія достойныхъ царски изобилую-„ща, но яко правдою и православіемъ паче всѣхъ „прославденъ есть, яко Константину и Θеодосію „Великимъ уподобитися мощи, имъ же и твоя Дер-„жава послѣдующи, буди и намъ нѣкогда царство-„вати, отъ нечестивыхъ работы свобожденнымъ „Тобою: вся бо возможна всѣхъ Владыцѣ; и якоже „древле отъ Нижнихъ Галловъ воздвигнувъ великаго „въ Царехъ Константина Древняго Рима, злѣ стту-„жима, избави отъ нечестиваго Максентія: сице, „и нынѣ тезоименитаго тому Новаго Рима, тяжцѣ „волнуема отъ безбожныхъ Агарянъ, Державою „Царствія твоего да изволишъ свободити." См. сей *Исторіи* Т. VIII, примѣч. 71.

(341) См. рукописное собраніе Максимовыхъ твореній въ библіотекѣ Троицкой Лавры, числомъ 134. Означимъ титулъ нѣкоторыхъ: 1) *Посланіе къ*

Даніилу Митрополиту; 2) *Сказаніе о томъ, что подъ крестомъ на церкви мѣсяцъ младъ;* 3) *Слово на Николая Нѣмчина,* 4) *На Ивана Лудовика,* 5) *На Латеры,* 6) *На Самуила Евреина,* 7) *О пожарѣ Тверскомъ,* 8) *Благодарственное къ Богу о побѣдѣ на Крымскаго пса,* 9) *Отвѣтное Николаю Латинянину;* 10) *Словцо хотящимъ оставляти жены своя безъ вины законныя;* 11) *Посланіе къ В. К. Василію Ивановичу,* 12) *Къ Ѳед. Иванов. Карпову;* 13) *Похвала Акакію, Епископу Тверскому;* 14) *Совѣтъ на злодѣя Исаака Жидовина;* 15) *Предисловіе къ житію Чудотворцевъ Соловецкихъ;* 16) *Слово къ отрицающимся поставленія Греческаго Патріарха, аки въ области суще безбожныхъ Турковъ;* 17) *Слово къ самому Царю, В. К. Ив. Васильев. воспоминательно;* 18) *Посланіе къ нѣкоему другу сѣдящу въ темницѣ,* 19) *Къ потопляемымъ и погибаемымъ безъ ума гнуснымъ Содомскимъ грѣхомъ;* 20) *О Сивиллахъ, колико ихъ было;* 21) *Къ Сильвестру Попу;* 22) *Къ Григорію Діакону.*

(342) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна.*

(343) См. Курбскаго — и выше, примѣч. 341; но Максимъ въ разсужденіи своемъ говоритъ болѣе о тѣхъ мужьяхъ, которые, оставляя женъ, идутъ въ монахи. Въ Хронографѣ Гр. Толст. подтверждается сказаніе Курбскаго такими словами: „Писано, яко сего ради на Старца Максима и на прочихъ гнѣвъ бысть В. Князя, дабы изложенія и „обличенія ихъ не было, егда восхотѣ первую В. „Княгиню отринути отъ себя неплодства ради и „второму браку сопричаститися; и того ради „Симоновскій Старецъ Васіянъ отсылается въ „Іосифовъ монастырь, а Максимъ во градъ Тверь, „Саву въ Зосиминъ монастырь, Селивана въ Со„ловки, доброписца Михайла Медоварцова на Ко„ломну, иже данъ бысть Максиму писати книги.“ Въ другой, Синод. рукописи (см. выше, примѣч. 277) сказано тоже, съ прибавленіемъ: „Составилъ „(Митрополитъ) на Максима свѣдѣтеля Архим. „Чудов. Іону ... и Васьяна Топоркова, Еписк. Ко„лом., и велѣлъ Іонѣ глаголати на Соборѣ.“

(344) Въ Дѣлѣ Максима Грека, хранящемся въ Архивѣ: „Максимъ сказалъ: въспросилъ его Ив. Берсень: какъ тебя Государь хочетъ отпустити въ „Святую Гору? и язъ ему молвилъ: прошуся мно-

„го, да Государь меня не отпустить (не отпускаеть); и Берсень молвилъ: а и не бывать тебѣ „отъ насъ; и язъ его вспросилъ, за что мнѣ не „быти? и Берсень молвилъ: мнѣнья на тебя держить, что сюдѣ еси пришелъ, а человѣкъ еси „разумной, и свѣдалъ еси наша добрая и лихая, и „тебѣ тамо откедь сказати. Да вспросилъ меня „Берсень: вѣдаешь ли де, съ которымъ дѣломъ къ „намъ пришелъ Турецкой посолъ Скиндеръ? И Максимъ молвилъ: не вѣдаю, господине, а слышу, что „денги Салтановы съ нимъ, купить что приказалъ. „И Берсень молвилъ: начто намъ его дружба? „лутчи было не дружитися съ нимъ, по тому же, „какъ покойникъ К. В. Иванъ Васильевичь посылалъ „посла къ Турецкому къ Салтану, и Салтанъ призвалъ посла нашего и молвилъ ему: скажи своему „Государю: далече отъ меня живешь; нѣтъ ему до „меня дѣла; а будеть ему которое дѣло, ино сынъ „мой живешь въ Кафѣ: посылай къ нему. — И Максимъ сказывалъ: пришелъ ко мнѣ Берсень, коли „былъ въ опалѣ, а тому съ годъ нѣть, не помню, „о котору пору, и язъ попыталъ, былъ ли еси у „Митрополита? и Берсень молвилъ: язъ того не „вѣдаю, есть ли Митрополитъ на Москвѣ. И язъ „молвилъ: какъ Митрополита нѣтъ? Данилъ. И „Берсень молвилъ: не вѣдаю де Митрополита: простой Чернецъ; учительна слова отъ него нѣтъ „никотораго, и не печалуется ни о комъ; а прежніе Святители сидѣли на своихъ мѣстѣхъ въ „манатьяхъ, и печаловалися Государю о всѣхъ людехъ."

(345) Въ *Сказаніи о Максимѣ Грекѣ*: „Злоначальный врагъ (Діаволъ) воздвиже нѣкоторыхъ небратолюбцевъ на зависть, яко иноплеменный человѣкъ въ толику высость воздвигся; забыша бо „Апостольское слово: *нѣсть Іудей, ни Еллинъ, ни „варваръ, ни Скиѳъ: вси бо о Христѣ едини есте.* И „сего Максима оклеветаша еретикомъ и прелестникомъ, и врагомъ земли Русской ... лжесвидѣтельствомъ украшаху клевету. И тако неповиннаго заточенію осуждаютъ; и бысть въ заточеніи лѣтъ 22 во градѣ Твери .. и ослабу улучи „отъ Епископа Тв. Акакія, по благословенію Митрополита Іоасафа: къ церкви хожденіе и Св. „Таинъ причащенія." Самъ Максимъ въ посланіи

къ Митрополиту Даніилу пишетъ: „Осудисте мя „нѣкихъ ради малыхъ описей, обрѣтенныхъ въ „бывшемъ отъ мене преводѣ, о нихъ же вещахъ „вашему Собору, яко ниже по ереси, ниже по лу-„кавству, но по нѣкоему случаю, или по забвенію, „или по скорби смутившей мою мысль, или нѣчто „излишному винопитію погрузившу мя, написашесь „тогда тако. И падъ ницъ трижды предъ Собо-„ромъ, прощенія просихъ .... и вмѣсто прощенія „оковы паки дасте ми.“ — Въ одной лѣтописи сказано, что Максимъ былъ сперва сосланъ въ Іосифовскій Волоколамскій монастырь.

(346) Въ Дѣлѣ Максима Грека: „Берсень говорилъ, „что Государь упрямъ и встрѣчи (противорѣчія) „противъ себя не любитъ; а кто молвитъ про-„тивъ Государя, и онъ на того опалится. А отецъ „его К. В. противъ себя встрѣчю любилъ, и тѣхъ „жаловалъ, которые противъ его говаривали .... „Да въспросилъ язъ (Максимъ) Берсеня: Господине „Иванъ! за что К. В. такова разумна человѣка не „жалуетъ? И Берсень молвилъ: по грѣхомъ по мо-„имъ обговоры пришли на меня ... говорилъ встрѣ-„чи В. Князю о Смоленьску, и К. В. того не по-„любилъ, да молвилъ: *пойди, смердъ, прочь; не надо-„бенъ ми еси* ... А тебя есмя, господине Максимъ, „взяли изъ Св. Горы, да отъ тебя есмя какую „пользу взяли? И язъ ему молвилъ: язъ, господине, „сиротина: какой отъ меня пользѣ быти? И Бер-„сень молвилъ: ты человѣкъ разумной, и можешь „насъ пользовати, и пригоже было намъ тебя „въспрашивати, какъ устроити Государю землю „свою, и какъ людей жаловати, и какъ Митрополи-„ту жити. И язъ молвилъ: у васъ книги и правила „есть. ... Да Берсень же говорилъ: Добръ-де былъ „К. В. Иванъ и до людей ласковъ, и пошлетъ лю-„дей на которое дѣло, ино и Богъ съ ними; а ны-„нѣшней Государь не по тому: людей мало жалу-„етъ. А какъ пришла сюда мати В. Князя Софья „съ вашими Греки, ино земля наша замѣшалася; а „дотолѣ земля наша Руская жила въ тишинѣ и въ „миру; пришли нестроенія великіе, какъ и у васъ „во Царѣгородѣ. И язъ молвилъ: В. Княгиня Софья „по отцѣ Царьскій родъ, а по матери В. Дуксуса „Ферарійского. И Берсень молвилъ: какова ни была, „а къ нашему нестроенью пришла. Вѣдаешь, а и

„мы слыхали у разумныхъ людей, которая земля „переставливаетъ обычаи свои, и та земля не „долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи „К. В. перемѣнилъ. . . . Нынѣ Государь нашъ за- „перыися самъ-третей у постели всякія дѣ- „ла дѣлаетъ . . . . Подворье у меня отнялъ въ „городѣ, а поставили на немъ Шемячичеву Кня- „гиню; а изъ Новагорода изъ Нижнего людей всѣхъ „роспустилъ, а сына моего одного оставилъ .... А „нынѣ отвсюды намъ брани; ни съ кѣмъ намъ миру „нѣтъ: ни съ Литовскимъ, ни съ Крымскимъ, ни „съ Казанью, за наше нестроенье. И вьспросили „(судьи) Максима, что онъ молвилъ: *за наше не-* „*строенье?* и Максимъ молвилъ: мнѣ ся мнитъ по „моей мысли, какъ бы *несовѣтіемъ* и *высокоу-* „*міемъ*."

Сіи любопытные допросы уцѣлѣли въ подлин- никѣ; видны поправки въ рѣчахъ.

(347) P. Iovii de Leg. 129.

(348) Герберш. R. M. Com. 96.

(349) *Никон. Лѣт.* 219: „Выѣхалъ К. В. къ Ни- „колѣ на Угрешу (въ Маѣ 1519), а оттолѣ въ Ос- „тровъ, и тамо жилъ до Петрова заговѣнья; а „пріѣхавъ въ Москву, жилъ лѣто все въ Воронцовѣ „и до осени."

(350) На прим. въ Можайскѣ, гдѣ было заклю- чено перемиріе съ Литвою въ 1526 г.

(351) Герберштн. R. M. Com. 99.

(352) См. тамъ же.

(353) См. выше, примѣч. 231, и *Послужный Спи- сокъ Бояръ.* Первымъ Ловчимъ былъ въ 1509 г. На- гой, Оружничимъ въ 1511 Салтыковъ, Крайчимъ въ 1514 братъ В. Княгини Иванъ Сабуровъ.

(354) Герберштн. R. M. Com. 54.

(355) То есть, изъ лисьихъ *горлъ* или душекъ черныхъ. Фр. да-Колло сказываетъ, что при его встрѣчѣ стояло въ ружьѣ, отъ Кремля до Посоль- скаго Двора, 40,000 богато-одѣтыхъ воиновъ.

(356) См. Герберштн. R. M. Com. 89-101, и Tratta- mento л. 53 на об. Францискъ да-Колло пишетъ объ освѣщеніи улицъ: erano disposti et accesi *lumi di ti- glia* di altezza d' un passo, dall' una et dall' altra parte della strada, discosti l' un da l' altro intorno à due passi. Что такое lumi di tiglia? вѣроятно, не пылающіе

отрубки *липоваго дерева*, а пуки зажженной лучины. Они были вышиною около аршина и разставлены на обѣихъ сторонахъ улицы, шагахъ въ двухъ одинъ отъ другаго. — Великій Князь за обѣдомъ подзывалъ къ себѣ пословъ, и спросилъ между прочимъ у Герберштеина, брѣетъ ли онъ бороду? Брѣю, отвѣчалъ Баронъ. *Это по нашему*, сказалъ Василій.

(357) См. Дѣла Прусскія, л. 214.

(358) Тамъ же, л. 43. Фр. да-Колло упоминаетъ о Медикѣ *Николаѣ*, бывшемъ тогда въ Москвѣ: Maestro Nicolo Lubacense, professor di Medicina et di Astrologia, et di tutte le scienze fondatissimo; это *Николай Люевъ*, какъ вѣроятно. Онъ разсказывалъ Франциску много любопытнаго о горахъ Югорскихъ или Уральскихъ.

(359) Дѣла Турецк. 222, 249, и Фр. да-Колло л. 51 на об.

(360) См. въ *Указателѣ Рос. Законовъ* ч. I. стр. 81 и 86, Судебникъ Царя Ивана Васил.

(361) См. выше, примѣч. 112.

(362) Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 579: „Лѣта „7027 Септ. въ 6 (1518) пожаловалъ Государь В. К. „во своей отчинѣ, въ В. Новѣградѣ, слыша, что „Намѣстники сильно и Тіуны ихъ судятъ по мздѣ, „и велѣлъ своему Дворецкому Ив. Константиновичю, да Дворцовымъ Діакомъ, Семену Борисову, „да Звягѣ Софонову, выбрати изъ улицы лучшихъ „людей 48 человѣкъ, и къ цѣлованію привести; и „оттолѣ по Государеву слову В. К. *Іоанна* Васильевича оставили судити съ Намѣстники Старосту купецкого Василія Никитина сына Тараканова, а съ Тіуны судити цѣловальникомъ по четыре на всякій мѣсяцъ.“ Если здѣсь не описка въ имени В. Князя, то слѣдуетъ, что *Іоаннъ* обѣщалъ Новогородцамъ сихъ Присяжныхъ.

(363) Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* 588 на об.: „Прислалъ В. К. (въ Іюлѣ 1531) къ Архіеп. Макарію въ „В. Новградъ грамоты и Дьяковъ своихъ, Якова „Тишкина, Аѳан. Фуника и Дворцоваго Дьяка Митю Великого, и повелѣ имъ на Софейской сторонѣ улицы разсмотрѣть, и начаша размѣряти Великую улицу отъ Володимерскихъ воротъ прямо, „въ конецъ, и всѣ улицы изъ поля въ берегъ прямо, „и мѣста по всему пожару, и решетки повелѣша

„ставили по всему граду и огневщики уставили.
„Тое же осени начаша у решетокъ стречи Окт. въ
„1; но понеже прежде сего въ градѣ было много злыхъ
„человѣкъ, грабежи и татьбы и убійства, и от-
„толѣ начаша милость Божія быти и тишина по
„всему граду; и многи зліи человѣцы тоя ради крѣ-
„пости градской избѣгоша, а иніи на покаяніе обра-
„тишася и къ рукодѣлію навыкоша."

(364) См. *Никон. Лѣт.* 182, 187, 227, 251, 245. Ровъ Кремлевскій обложенъ кирпичами въ 1508 г.; крѣпость въ Нижнемъ застроена тогда же, Тульская въ 1520, Коломенская въ 1525, а совершена въ 1531. Въ *Архив. Лѣт.* л. 249: „Поставленъ бысть градъ „каменъ на Осетрѣ у Николы у Заразсково" (въ 1531 г.) Тогда же срубили крѣпость въ Черниговѣ и Коширѣ.

(365) Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 575: „Прислалъ „К. В. Боярина своего Борба (въ 1508 г.), велѣлъ „ему урядити въ Новѣгородѣ торги, ряды и ули-„цы розмѣрити по-Московски." См. выше, примѣч. 36.

(366) См. Въ *Собраніи Госуд. Грамотъ*, стр. 416, запись В. Князя, писанную въ Іюнѣ 1523 г., передъ его Казанскимъ походомъ. См. также *Архив. Лѣт.* л. 212 на об. и 238, гдѣ сказано: „Тое же весны „(1525) поставиша новой монастырь Дѣвичей у „града Москвы близъ монастыря Св. Савы за по-„садомъ." Тамъ же, л. 182: „Тогоже лѣта (1506) „заложиша во градѣ въ Москвѣ церковь Св. Нико-„лы, идѣже стояла старая церковь Николы *лняной*: „тако бо изначала именуема." Сію церковь освятили 1 Окт. 1506, и В. К. поставилъ въ ней образъ Св. Николая, украсивъ его золотомъ и каменьями драгоцѣнными.

(367) См. *Архив. Лѣт.* л. 184.

(368) См. *Архив. Лѣт.* л. 190 и 219 — *Ростов. Лѣт.* л. 578, и *Никон.* 182.

(369) *Никон. Лѣт.* 220.

(370) Въ *Продолженіи Нестора*, стран. 352: „Пой-„малъ К. В. (въ Маѣ 1509 г.) Новог. Арх. Серапіона „и велѣлъ его везти къ Москвѣ, и учиниша на не-„го Соборъ, что посылалъ Серапіонъ грамоту не-„благословенную на Іосифа, что Іосифъ отказался „изъ его Архіепископьи отъ К. Ѳедора (Борисови-„ча, двоюроднаго брата Государева) и съ мона-

„стыремъ къ В. Князю безъ его вѣдома .... Отпу-
„стилъ К. В. (15 Мая 1512) бывшаго Арх. Новог.
„Серапіона въ Сергіевъ монастырь.“ — Въ Архив.
Новогород. Лѣт. Малин.: „Лѣта 7034 Марта 4
„(1526) поставленъ бысть Архіеп. Новугороду и
„Пскову Макарій Архим. изъ Лушковъ на Москвѣ
„.... При немъ В. К. Дек. 24 (того же года) въ на-
„вечеріи Рождества пріѣхалъ на Тихвину, и бысть
„тамо 3 дни, и сталъ на Москвѣ на Крещеніе. И
„бысть при семъ Владыцѣ во всей его Архіепи-
„скопіи молитвами его времена тиха и прохладна,
„и обиліе веліе: коробью убо жита купили по се-
„ми Новогородокъ.“ — Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л.
578 на об.: „Смирился К. В. съ Серапіономъ (въ
„1516 г.); а кто ни постоялъ. Вас. Андр. Челяднинъ
„и Владыка Ростов. Васіанъ и братъ его Іосифъ,
„и Владыка Суздальскій, и того лѣта вси умерли;
„а Ив. Вас. Челяднинъ въ Литвѣ главу положилъ;
„а Рязанской Тарасій и Владычество оставилъ его
„же ради; да того же лѣта и Пермской Протасій
„умре. Того же лѣта преставися Серапіонъ Ар-
„хіеп. у Троицы въ Сергіевѣ въ Лазареву Суббо-
„ту и положенъ въ схимѣ.“ Тамъ же, л. 584: „Ар-
„хіеп. Макарій (въ 1528 г.) созва къ себѣ Игумены
„Антоніева монастыря и Деревяницкаго, и Благо-
„вѣщенскаго, и Оркажа, и прочіи, идѣже нѣсть
„общины, и нача ихъ учити, еже имъ устроити
„общее житіе койждо въ своемъ, и трапезы со
„церквами ставити каменныя, иніи же древяныя;
„а прежде бо сего токмо велицы монастыри об-
„щины имѣша, а въ прочихъ, иже окрестъ града,
„(иноки) койждо особѣ въ келліяхъ ядяху и всяки-
„ми житейскими печальми обдержими бяху; а въ
„лучшихъ монастыряхъ 6 или 7 Чернцевъ, а въ
„прочихъ 2 или 3. Тогда нача благодать множити-
„ся, и братія въ монастыри начаша приходити:
„идѣже было 2 или 3, ту 12 и 15; а гдѣ 6 или 7,
„ту 20 и 30; а въ прочихъ 40 и множае. Которые
„монастыри общины устроиша, се ихъ имена:
„Антоніевъ, на Деревяницѣ, Благовѣщеніе, Аркажь
„на Колмовѣ, на Волотовѣ, Каситецкій, Чудо Ар-
„хангела на Сковоротке, въ Нередицахъ, въ Чило-
„вѣ на Коломцахъ, на Липнѣ, на Перинѣ, на Нико-
„линѣ конецъ Легоши улицы, въ Пантелеевѣ. Толь-
„ко именитыхъ два монастыря не устроиша об-

„щины: Николинъ монастырь въ Перовскомъ Кон-„цѣ, а Игуменъ Илія Цвѣтной, да Рождество Хр. „на полѣ, а Игуменъ Іоаннъ Заяцъ; не хотяху: въ „томъ бо безчиніи обыкоша жити. — Тогда же „Архіепископъ и Черницамъ вдасть монастыри: „на Десятинѣ, Петровской, Инской, Иcкой на „Волоцкой дорозѣ, на Соколницѣ Богословской, на „Вяшкѣ, на Шнетинѣ; а прежде жили тамо Игу-„мены и Черницы, и Архіеп. повелѣ отвести Игу-„меновъ въ мужескіе монастыри, а Черницамъ „вдасть Игуменіи.“ Объ украшеніи Софійскаго храма см. тутъ же. Объ амвонѣ: „постави (въ „1533 г.) амвонъ вельми чуденъ, и Святыхъ на немъ „отъ верха въ три ряды тридесять, и рѣзію и „различными подзоры и златомъ лиственнымъ укра-„шенъ, а отъ земли амвона устроены яко человѣч-„ки древяные 12, и всякими вапы украшенны и въ „одеждахъ, и яко со страхомъ на главахъ держатъ „сію святыню.“ Далѣе разсказывается, что Макарій мыслилъ удивить народъ чудомъ: поставить мельницу на Волховѣ, на Софійской сторонѣ, гдѣ была на рѣкѣ баня: „а ту *рѣлу* (мысъ) звали „крюкъ, а на ней жили нарочитые Дворяне Влады-„чня двора.“ Сыскался хитрецъ, житель Псковскій, увѣривъ Макарія въ возможности сего дѣла: онъ началъ работать, затопилъ множество срубовъ, утвердилъ на нихъ жерновъ, хотѣлъ молоть; но весною пришелъ ледъ изъ озера Ильменя и разрушилъ все. Художникъ бѣжалъ; а Макарій велѣлъ поставить на семъ мѣстѣ конюшню.

Между бумагами Іосифовскаго Волоколамскаго монастыря находится грамота Св. Іосифа къ Вельможѣ Борису Васильевичу и его духовное завѣщаніе, писанное въ 1507 году. Въ первомъ изображаются всѣ наглыя обиды, претерпѣнныя имъ и монастыремъ отъ К. Ѳед. Борисовича, который отнималъ у него вклады, деньги, вещи; хотѣлъ сѣчь Монаховъ кнутомъ, и проч. (см. *Древ. Рос. Вивліов.* XIV, 177). Тутъ подробно описана ссора Іосифова съ Архіеписк. Новогородскимъ.

(371) Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 581 и 589 на об.: „Пріѣхаша къ Москвѣ (въ 1526 г.) Поморцы и Ло-„пляне съ моря Окіяна изъ Кандолажской губы, „устъ *Нивы* рѣки, изъ дикой Лопи, и били челомъ „Государю, и просили Антимиса и Священниковъ

,,церковь свящали и просвѣтити ихъ святымъ
,,крещеніемъ, и Государь велѣлъ Архіеп. Макарію
,,послати изъ Новаграда отъ Соборныя церкви
,,Священника и Діакона, и они ѣхавше свящали
,,церковь Рождества Іоанна Предтечи и многихъ
,,Лоплянъ крестиша .... Тое же зимы (1532) пріѣ-
,,хаша въ В. Новградъ Лопляне съ Мурманского
,,моря, съ Колы рѣки, съ Тутоломи, и просили у
,,Макарія Антимисовъ и Священника — и посла
,,отъ Соборныя церкви Священника и Діакона, и
,,они ѣхавше церкви свящали Благовѣщенія и Св.
,,Николая въ Филипповъ постъ, и самихъ многихъ
,,крестиша за Св. Носомъ Лоплянъ." — Въ 1530 г.
В. К. далъ милостивую грамоту Лапландцамъ, по
коей они долженствовали быть судимы не Намѣ-
стниками и не Тіунами Новогородскими, а Госуда-
ревыми Дьяками. Сказано: ,,Пожаловалъ есми въ
,,Вотцкой Пятинѣ у Студеново моря, отъ Каин-
,,скихъ Нѣмецъ съ рубежа, Лопь крещеную и не-
,,крещеную Шуи рѣки, Илейку Никитина, да Па-
,,влика, да у Кеми рѣки Старосту Сеньку, съ дву
,,сотъ и съ полутретьятцати луковъ ... приста-
,,вове-де Намѣстничи по нихъ ѣздятъ, а съ ними
,,ябедники Ноугородцкіе человѣкъ по тритцати,
,,а отъ поруки-де на нихъ емлютъ рублевъ по де-
,,сяти, а сроки наметываютъ въ дѣловую пору ....
,,А коли Дьяки наши посылаютъ къ нимъ моей да-
,,ни брати Подьячихъ ... и сроки имъ мечютъ
,,ставити въ Новѣгородѣ на Благовѣщеньевъ день ....
,,и тѣ Подьячіе медовъ и винъ съ собою не возятъ
,,и сзывовъ не чинятъ и лицковъ не емлютъ."
См. *Собр. Госуд. Грамотъ* стр. 436, Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 606 подъ годомъ 1534, и въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 149, грамоту Макаріеву къ жителямъ Вотской Пятины, къ Чуди погоста Толдожскаго, Ижерскаго, Дудровскаго, Замотскаго, Егорскаго, Ополецкаго, Кипенскаго, Исковскаго, Зарѣцкаго, и проч. Въ сей послѣдней сказано: ,,Жертву на сквер-
,,ныя мольбища носятъ Арбуевъ Чюцкихъ, и мерт-
,,выхъ кладутъ по кургановъ и по коломищемъ съ
,,тѣми же Арбуи .... и къ родильницамъ призыва-
,,ютъ ихъ, и тѣ Арбуи младенцемъ имена нарека-
,,ютъ свойски .... Арбуевъ бы есте и ихъ учени-
,,ковъ къ тому нашему Священнику велѣли на
,,поученіе приводити ... И вы бъ о тѣхъ непослуш-

„ницѣхъ сказывали тѣмъ Дѣтемъ Боярскимъ, ко-
„торые Христіане за которыми Дѣтьми Бояр-
„скими живутъ, чтобы они тѣхъ имали и къ намъ
„присылали.“ Писана 25 Марта 1534: слѣдственно
уже по кончинѣ Василія. Такого же содержанія
грамоту писалъ и Новогород. Архіеп. Ѳеодосій къ
сановникамъ Чудской земли, духовнымъ и свѣт-
скимъ, въ 1548 г.: см. *Вивліоѳ.* XIV, 167.

(372) См. въ *Псков. Лѣт.* Г. Толст. посланіе
Памфила къ Намѣстнику Псков., К. Димитрію
Владиміров. Ростовскому и проч. Вотъ собствен-
ныя слова его: „Егда приходитъ день Рождества
„Предотечева и прежде того, исходятъ *огавницы*,
„мужіе и жены чаровницы, по лугомъ и по боло-
„томъ, и въ пустыни и въ дубравы ищущи смерт-
„ные травы и *привѣтотрева* отъ травнаго зелія
„на пагубу человѣкомъ и скотомъ; ту же и дивія
„коренія коплютъ на потворенія мужемъ своимъ.
„Сія вся творятъ дѣйствомъ діяволимъ въ день
„Предотечевъ съ приговоры Сатанинскими. Егда
„бо пріидетъ праздникъ во Святую нощь, мало
„не весь градъ возмятется и въ селѣхъ возбѣсятся
„въ бубны и въ сопели и гуденіемъ струнныимъ,
„плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и
„главами киваніемъ, и устнами ихъ непріязненъ
„кличь, вся скверные пѣсни, и хребтомъ ихъ
„вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе;
„туже есть мужемъ и отрокомъ великое па-
„деніе, ту же и женское и дѣвичье шетаніе,
„блудное имъ возрѣніе, и женамъ мужатымъ осквер-
„неніе, и дѣвамъ растлѣнія,“ и проч.

(373) „Марта 4 приде изъ Царяграда Василій
„Копылъ да Иванъ Варавинъ, да съ ними отъ Па-
„тріарха Митрополитъ отъ града *Жихна*, да съ
„ними Старцы отъ Св. Горы изъ Ватопедя мона-
„стыря Максимъ Грекъ, да Неофитъ Грекъ, да Ла-
„вреншій Болгаринъ, а отъ Св. Пантелеймона изъ
„Русскаго монастыря Сава Игуменъ; а напередъ
„тѣхъ за годъ пришелъ отъ Св. 40 Мученикъ мо-
„настыря Исаіа Священноинокъ Сербинъ ..... и по-
„велѣ имъ В. К. пребыти въ монастырѣ у Михай-
„лова Чуда.“ Они поѣхали назадъ 11 Сент. 1519.

(374) См. въ Синод. библіотекѣ рукопись въ
листъ подъ No. 87, л. 407: *Соборъ въ богоспасаемомъ
градѣ Вильни бывшій* (Генв. 18, г. 1509). Кромѣ Ми-

трополита Іосифа находились тамъ Епископы: Вассіанъ Владимірскій и Берестенскій, Варсонофій Смоленскій, Кириллъ Луцкій и Острожскій, Евфимій Полоцкій и Витебскій, Арсеній Туровскій и Пинскій, Антоній Перемышльскій и Филаретъ Холмскій. Уложивъ, что Іереями быть могутъ единственно люди безпорочные и женатые; что Князья и Паны, хищники церковнаго имѣнія, отлучаются отъ церкви; что Иноки не выходятъ изъ монастырей безъ воли Настоятелей, Святители говорятъ далѣе: „Правилъ Божественныхъ мірскимъ „людемъ не подобаетъ въ себе (у себя) держати, „занеже держаще ихъ мірскіи люди въ нѣкоторыхъ „дѣлѣхъ законъ презираютъ и Пастырей своихъ „преслушаются; ино таковыи, по Св. Апостолу, *са-„ми собѣ законъ бываютъ.*" Осуждаютъ Епископовъ, которые берутъ на себя мірскія дѣла, и за недосугами уклоняются отъ церковныхъ Соборовъ. Въ заключеніи такъ: „Аще ли отъ Господаря или отъ Вель-„можъ у (въ) сихъ предреченныхъ дѣлѣхъ, нами со-„борнѣ положенныхъ, хотя въ единомъ изъ нихъ „до Митрополита или до Епископа присыланіе бу-„детъ, сію заповѣдь, по правиламъ святымъ нами „утвержденную, хотя зрушити, и ихъ волю вчи-„нити: намъ ни единому на то не дерзнути ника-„коже; всѣмъ намъ зъѣхатися до Митрополита, „кажный подъ своимъ накладомъ и шкодою, и о „томъ Господарю челомъ бити и непоколебимо „стояти." Внизу подписано: „Сей Соборъ на пар-„гаминѣ письмомъ стародавнымъ, яко же здѣ сло-„во въ слово имащи, есть писанъ, у него же пе-„чатей завѣшенныхъ осмь." — Въ языкѣ уже видимъ нечистую примѣсь Польскаго.

(375) Въ *Псков. Лѣт.* Толст.: „Отъ Ильина дни „(1521) мряхутъ во Псковѣ мужи и жены, старыя „и младыя, а отъ гостей и отъ лучшихъ людей „безъ мала вси не изомроша; а Москвичамъ то „бысть не обычно; а гостей кто применца у ко-„го за животъ, и тотъ весь вымретъ; и первое „почаша мерети на Петровской улицы у Юрья у „Табулова, и К. Мих. Кислица велѣлъ улицу запере-„ти, а самъ побѣже на Руху въ паствище. И освя-„щаша церковь кам. на Завеличьѣ Успенія 15 Авг. „и стекошася весь градъ, а иные пойдоша къ пе-„черѣ и молящеся о избавленіи града." Великій

Князь и Митрополитъ прислали Святую воду съ гонцемъ, а Псковитяне срубили церковь Покрова на Петровской улицѣ, гдѣ была прежде *Мотыльня гридница*. Моръ пресѣкся въ Февралѣ. *Ростов. Лѣт.* л. 574 и 590: „Бысть во Псковѣ (въ 1532 г.) „моръ великъ отъ Іюля и до Рождества, яко и Воеводамъ и сановникомъ страха ради смертнаго „вонъ выѣхати; въ селѣхъ и мѣстѣхъ тайныхъ „крыяхуся .... и Арх. Макарій мощи Святыхъ омывая и посылате Святую воду ... Тое же осени „въ Окт. нача являтися на человѣцѣхъ вредъ яко „прыщи ... и Арх. Макарій (8 Ноября) вниде въ Св. „Софію и нача молебная совершати отъ 2 часа „дни, и всему народу повелѣ лѣсъ на рли во Славнѣ „и церковь рубити ..... А Священники шести Соборовъ положиша Евангеліе на престолѣ, украсиша его паволокою и сребромъ....а людіе украсиша церковь Деисусы и иконами; и Архіеп. молебная совершая даже и до вечернія годины, и егда „совершися верхъ церкви, тогда вниде самъ въ „церковь, и свяща во имя Св. Евангелиста Марка „по жребію; прежде бо во всемъ градѣ не быша „храмовъ Св. Евангелистъ Матѳея и Марка .... и „помалѣ повѣтріе преста." См. *Продолженіе Нестора* 355. Въ 1506 г. былъ во Псковѣ моръ *безымянной*.

(376) См. *Архив. Лѣт.* л. 190, 238, 256, и *Ростов. Лѣт.* 592. Засуха 1533 г. настала послѣ ужасной грозы, бывшей 23 Іюня; молніею убило въ Москвѣ 9 человѣкъ.

(377) См. *Никон. Лѣт.* 213. Дожди начались въ Петровъ постъ.

(378) См. *Продолж. Нест.* 355.

(379) См. *Ростов. Лѣт.* л. 578 на об. В. К. ѣздилъ тогда съ супругою въ Ярославль и въ другіе города. См. еще Герберштп. R. M. Com. 45.

(380) См. Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 575, 588, 592, и *Никон.* стран. 245. „Авг. 20 (1508) загорѣлася „Торговая сторона (въ Новѣгородѣ) въ 11 ч. нощи „на Коржевѣ улицѣ ... мала часть стѣны опалася; мнози же и каменныя палаты развалишася .... „и церковь Димитрія въ Торгѣ выгорѣ ... и бысть „вихрь велій и гременія страшна, и вихромъ суды великія съ Волхова съ людьми и животы въ „огнь приношате; иніи же въ водѣ истопаша ....

„а горѣло день и нощь до полдней. — Бысть по-
„жаръ на Яневѣ улицѣ (въ 1531 г.) у тюремъ; изъ
„дву тюремъ Литву вывели, а изъ третьей не
„успѣли, и сгорѣ 145 человѣкъ; и Арх. Макарій по-
„велѣ ровъ ископати у Св. Арханг. Гавріила, конецъ
„Фревковы улицы, и пѣвъ самъ надгробное пѣніе,
„и погребоша ихъ. — Бысть во Псковѣ пожаръ
„(въ Авг. 1533), и весь средній градъ выгорѣ, гдѣ
„живутъ гости Московскіе. — Іюля 5 (1531) заго-
„рѣся въ Нижнемъ Новѣгородѣ на посадѣ, выше
„Козмы и Даміана, и кровля городская и зеліе пу-
„шечное въ Ивановской стрѣльницѣ, и паде стрѣль-
„ница, и внутри сгорѣ дворъ В. Князя ... И заго-
„рѣся зеліе пушечное на Москвѣ на Успленскомъ
„врагѣ, на Олевизонскомъ дворѣ: дѣлаша бо его на
„томъ дворѣ градскіе люди, и сгорѣ ихъ во единъ
„часъ болѣ 200 человѣкъ, и ко двору не прикоснусь
„огнь."

(381) Въ *Архив. Лѣт.* г. 1531: „Того лѣта явися
„звѣзда великая надъ лѣтнимъ восходомъ солне-
„чнымъ по многія заутреннія; лучи отъ нея сія-
„ша велики, и вверхъ идяше не по обычному те-
„ченію на полунощную страну, и послѣ являшеся
„на вечерней зарѣ червленымъ образомъ надъ лѣт-
„нимъ западомъ .... Окт. (1532) явися звѣзда за
„два часа до свѣта надъ зимнимъ восходомъ; лучь
„сіяше отъ нея великъ на полдни; являшеся на
„единомъ мѣстѣ отъ 1 дни Окт. до 9 Ноября ....
„Іюля (1533) являшеся звѣзда въ 4 часъ нощи надъ
„западомъ, а лучь отъ нее дологъ и широкъ на зим-
„ній востокъ по многія нощи." Въ *Ростов. Лѣт.*
сказано, что она показывалась дней 30 и болѣе. —
Въ *Псков. Лѣт.* Толст. упоминается о явленіи Ко-
меты въ 1520 году.

(382) На примѣръ, Анабаптисты и другіе.

(383) См. выше, примѣч. 341.

Выписка изъ лѣтописей:

Г. 1506. „Генв. 15 поставленъ въ Москвѣ Архі-
„еписк. Новугороду Серапіонъ, Игуменъ Троицкой
„Сергіева монастыря; а въ 18 день Архіеп. Вассіанъ
„Ростову и Ярославлю, Архим. Симоновскій." При-
ходили старцы отъ Св. горы, и черезъ 6 мѣсяцовъ,
9 Мая, выѣхали изъ Москвы обратно. В. К. посы-
лалъ К. Петра Семен. Лобана Ряполовскаго на

Бѣлую, чтобы основать тамъ новую крѣпость въ защиту отъ Литвы. „Пренесли въ Тройцкой монастырь *храмъ* Петра Митроп. изъ Петровскаго, а били челомъ міромъ Игумену Сергію."

Г. 1507. Въ Февр. поставленъ Андроник. Архим. Митрофанъ Епископомъ въ Коломну. В. К. вызвалъ изо Пскова К. Дим. Ростовск., а на его мѣсто прислалъ К. Петра Васильев. Великаго.

Г. 1508. 23 Генв. поставленъ Епископъ Крутицкій Досиѳей. 8 Марта умеръ въ Москвѣ Епископъ Суздальскій Нифонтъ и отвезенъ въ Суздаль. 25 Мая умеръ Тверск. Еписк. Вассіанъ. Расписана и украшена золотомъ церковь Благовѣщенія на Великокняжескомъ дворѣ въ Москвѣ. 14 Мая въ Москвѣ горѣлъ отъ Панскаго двора посадъ и торгъ. Совершена тамъ церковь Іоаннъ Лѣствичникъ подъ колоколами; 5 Ноября священа церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ, а 8 Михаила Архангела на площади. Заложили Псковичи стѣну около Гремячей горы.

Г. 1509. В. К. смѣнилъ Псков. Намѣстника К. Петра Великаго, а на его мѣсто прислалъ К. Ивана Михайлов. Рѣпню-Оболенскаго, прозваннаго во Псковѣ *Найденомъ*: „А по тому его назвали *Найденомъ*, что онъ не пошлиною (не по обычаю) пріѣхалъ; *нашли* его Псковичи на Загорскомъ дворѣ, „а Священники протибъ его съ кресты не ходили, „а пѣли молебенъ на торгу, да шли ко Св. Троицѣ „и посадили его на Княженіе; а бысть той Князь „лютъ до людей (см. *Псков. Лѣт.* Г. Толст.). — „На Масленой недѣли поимали (во Псковѣ) понамаря Троицкаго Ивана, а онъ изъ ларевъ деньги „ималъ 400 рублевъ, и на Вѣчи казнили его кнутьемъ, и онъ сказался, и посадили его на крѣпость, „и по Троицынѣ дни на Великой рѣки огнемъ сожгли его." Поставлены въ Епископы Авг. 21 Симеонъ Архим. Андрониковскій въ Суздаль, а 24 Игуменъ Богоявленскій въ Тверь. Совершили и 1 Сент. освятили на Симоновѣ церковь Рождества Богоматери. Сдѣланъ мостъ въ Новѣгородѣ черезъ Волховъ къ пріѣзду В. К. Написанъ Дейсусъ въ Новогород. Софіи Андреемъ Лаврентьевымъ и Иван. Дермаярцовымъ. „В. К., ѣдучи изо Пскова, велѣлъ „устроити у Св. Троицы свѣщу неугасимую день „и нощь, а въ Новѣгородѣ предъ Софіею .... Поста-

„ви гость Иванъ Сырковъ церковь Мироносицъ на „Дворищѣ, и въ ней три службы; да помѣстными „деньгами со всего града поставлена ц. Николы „конецъ Легощи улицы."

Г. 1510. 8 Сен. В. К. выѣхалъ въ Переславль, Юрьевъ, Суздаль, Владиміръ, Ростовъ; а въ Москву возвратился съ супругою 5 Дек.

Г. 1511 Апр. 26 занемогъ Митроп. Симонъ, послалъ за бывшимъ Новогород. Архіеп. Серапіономъ въ Троицкій монастырь, помирился съ нимъ, скончался 30 Апрѣля и погребенъ въ Успенск. храмѣ; Іюля 27 избранъ въ Митрополиты Симон. Архим. Варлаамъ, а 3 Авг. поставленъ Святителями. „После Велика дни скрыся гробъ Архіепископовъ Но„вогородскихъ Мартиріевъ да Семеновъ .... и ко „взятію Пскова скрыся, и ко сведенію Архіеп. „Симеона скрыся."

Г. 1513. Въ Февр. скончалась В. Княгиня Евдокія, сестра Государева, супруга Петра Царевича. Въ Маѣ умеръ К. Ѳедоръ Борисов. Волоцкій. Выгорѣлъ Изборскъ въ день Св. Георгія.

Г. 1514. Поновленъ въ Москвѣ славный образъ Богоматери Владимірской, а В. К. приказалъ сдѣлать для онаго кивотъ, украшенный серебромъ и золотомъ. Построены въ Москвѣ на большомъ посадѣ за торгомъ церковь Введенія, въ садахъ церковь Св. Владиміра, на Воронцовѣ Благовѣщеніе, на Государевомъ дворѣ Рождество Богоматери съ придѣломъ Св. Лазаря, за Неглинною Св. Леонтій Ростовскій и Петръ Чудотворецъ, на Ваганковѣ Благовѣщеніе, въ Дѣвич. мон. Алексій Божій человѣкъ, за рѣкою подъ боромъ Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, на Стрѣтенкѣ Введеніе и церковь Св. Варвары, созданная Василіемъ Бобромъ и братьями его (Архитекторомъ былъ Алевизъ). Юрій Григорьевъ Бобынинъ построилъ въ городѣ у Фроловскихъ воротъ церковь Аѳанасія Александрійскаго.

Г. 1515. 15 Февр. Архим. Чудова монастыря Іосифъ поставленъ въ Епископы Смоленску, куда и поѣхалъ въ Мартѣ. Государь въ первый разъ ѣздилъ на охоту въ Волокъ Ламскій. Авг. 12 святили въ Тихвинѣ церковь Успенія; *нарядчикъ* былъ Димитрій Сырковъ, а мастеръ Фрязинъ изъ Москвы. Авг. 28 преставился Ростов. Архіеп. Вассіанъ на

Дорогомиловѣ и отвезенъ въ Ростовъ. 12 Ноября скончался Суздальскій Епископъ Симеонъ. Игуменъ Сергій поставилъ церковь Преображенія на Хутынѣ въ Новѣгородѣ.

Г. 1517. 10 Февр. Владимірскій Рожественскій Архим. Геннадій поставленъ въ Епископы Суздалю, а Февр. 12 Архим. Андрониковскій Сергій Рязани. „Паде стѣны 40 саженъ (во Псковѣ) на Крому до „костра Снетоваго надъ рыбнымъ торгомъ, и на„дѣла Фрязинъ Иванъ ту сорокъ; а камень возиша „Священники, а стала 40 сажень В. Князю въ 700 „рублевъ опричи повозу Поповскаго; а Псковичи „песокъ носили решетомъ сѣючи. Тоя же осени „дѣлаша стѣну въ пескахъ на прудѣхъ къ Гремячей „горѣ и пескомъ посыпали; а чаяли Литвы подо „Псковомъ.“

Г. 1518. В. К. прислалъ во Псковъ ко храму Троицы большой колоколъ на мѣсто Вѣчеваго. Въ Іюнѣ Коломенскій Святитель Митрофанъ оставилъ Епископію. Въ Іюлѣ иконы древнія Спасителя и Дѣвы Маріи были принесены изъ Владиміра въ Москву, встрѣчены Митрополитомъ у Срѣтенія на посадѣ и внесены въ Успенскій Соборъ, гдѣ В. К., возвратясь изъ Троицкой обители, молился имъ съ усердіемъ, и велѣлъ поновить ихъ въ домѣ у Митрополита, который самъ участвовалъ въ трудѣ живописцевъ. Приходилъ Старецъ отъ Синайской горы. Разобрали въ Кремлѣ старую церковь Вознесенія. 12 Сент. освятили церковь Св. Леонтія за Неглинною. Ѣздилъ В. К. на охоту въ Волокъ и возвратился па Дмитріевъ день. Святили въ Москвѣ церковь Введенія па Стрѣтенкѣ.

Г. 1519. Съѣхали Намѣстники Псковскіе, К. Ив. Шуйскій и Андрей Вас. Сабуровъ; ихъ мѣсто заступили К. Михайло Кислица и К. Петръ Лобанъ-Ряполовскій. „Начаша Мисюрь Мунехинъ Дьякъ, „да его Подьячей Ортюша Псковитинъ назирати „убогое мѣсто, незнаемо никимъ же, подъ Нѣмецк. „рубежомъ 40 верстъ отъ Пскова, въ Тайловѣ по„гостѣ, 7 верстъ отъ Новаго городка Нѣмецкаго, „Печерской монастырь, Вифлеемскую пещеру, и „начаша на праздники Пречистыя Богородицы ѣз„дити со многими людми и монастырь кормити; „а монастырецъ былъ на версѣ горы .... и нача „Пречистая недужныя исцѣляти, и услыша вся

„земля Русская, яко не токмо Крестьянъ, но и Латыны исцѣляетъ, и нача Мисюрь волостьми своею казною по обѣ стороны ручья горы копати и церковь большую созидати и въ гору копатися далѣ и глыбле, и начаша монастырь строити въ подолѣ межъ горъ, а ручей сквозь монастырь и воду возведоша вверхъ, а Св. Ѳеодосія и Антонія снесоша съ горы въ печеру въ новую церковь, и начаша съ проскурою и со святою водою къ Государю ѣздити, и нача быти славенъ монастырь до моря Варяжска.“ Сент. 15 отпущены изъ Москвы поновленныя иконы Владимірскія: самъ Государь провожалъ ихъ за Андрониковъ монастырь, коего Архиманд. Игнатій отправился съ ними въ Владиміръ; а В. К. далъ пиръ Духовенству и Боярамъ, удоволилъ бѣдныхъ милостынею и велѣлъ праздновать сей день въ честь Богоматери. — „Былъ судъ Окольничему Андр. Ник. Бутурлину съ Андр. Никол. Яровымъ на Волокѣ на Ламскомъ: К. В. оправилъ Бутурлина и далъ ему правую грамоту.“

Г. 1520. Февр. 9 поставленъ Симоновскій Архим. Іоаннъ Архіепископомъ въ Ростовъ, Февр. 14 Игуменъ Угрешскій Тихонъ Епископомъ въ Коломну, Февр. 16 Игуменъ Соловецкій Пименъ на Вологду и въ Пермь. Священа въ Новѣг. церковь Климента на Иворовѣ улицѣ.

Г. 1521. Игуменъ Илья Цвѣтной поставилъ церковь Иліи на сѣняхъ въ Новогород. Николинѣ монастырѣ. 14 Мая нашли въ землѣ мощи Св. Макарія Колязинскаго при основаніи новой церкви.

Г. 1522. 23 Марта поставленъ Рязанскій Епископъ Іона, а 30 Тверскій Акакій.

Г. 1523. Окт. 1 святили въ Савинской пустынѣ церковь Покрова и гробъ Св Саввы Вишерскаго. Въ *Псков. Лѣт.* Толст.: „Поставлена церковь кам. Св. Димитрей въ Домантовѣ стѣнѣ и священа Окт. 26; а старая первая бысть во Псковѣ каменая съ кирпичемъ, а поставилъ ее К. *Авдъ*, нареченный во Св. крещеніи Дмитрей; а мощи его лежатъ у Св. Спаса на Мирожи на лѣвой странѣ подъ стѣною, а стояла первая церковь 400 лѣтъ безъ 20.“ — Татары сожгли посады въ Галичѣ. Близъ Новагор. выпалъ снѣгъ послѣ Троицына дня и лежалъ 4 дни.

Г. 1524. „Начаша поновляти Св. Пятницу (въ

„Новѣг.) Московскій гость Дмитрій Сырковъ и лю-
„діе, иже въ великомъ ряду сидятъ, и начаша голб-
„цы разрушати и помостъ возрывати, и ту об-
„рѣтоша сокровище сребра древнихъ рублевъ Но-
„вогородскихъ литыхъ 170, а полтинъ 44, и Намѣ-
„стники повелѣша вложити ихъ въ сосудъ и запеча-
„таша.“

Г. 1525. Апрѣля 2 поставленъ на Коломну Епископъ Вассіанъ Топорко, а на Вологду, 9 Апр., Алексій Игуменъ Кириллова монастыря. — Поставилъ Филатъ Бобринъ ц Св. Троицы на Коломцахъ въ Новѣгородѣ. „На 2 недѣли по Пасцѣ иде вода въ „Волховѣ ни вѣтромъ, ни бурею, но повелѣніемъ „Творца своего, Бога, и до дней 9, а на 10 возвра- „тися паки и пойде по своему подобію.“ Дьякъ Мисюрь во Псковѣ сдѣлалъ каменную стрѣльницу на Гремячей горѣ, исполняя повелѣніе Государя.

Г. 1526. 9 Сент. святили въ Новѣгор. церковь Св Филиппа на Нутной улицѣ. Въ Дек. Архіеп. Макарій ѣздилъ въ Тихвинъ, гдѣ былъ тогда В. К., молясь о чадородіи, и гдѣ роздали много денегъ бѣднымъ.

Г. 1527. В. К жилъ въ Воробьевѣ до Успенія. Онъ поставилъ на своемъ дворѣ церковь Преображенія, другую у Фроловскихъ воротъ Св. Георгія, а третью Бориса и Глѣба на Арбатѣ. Государь женилъ К. Ивана Пенкова на своей своячинѣ, Княжнѣ Марьѣ. — Архіеп. Макарій въ Новѣгор. поновилъ чудотворную икону Знаменія Богоматери и 20 Окт. поставилъ ее на Ильинѣ улицѣ въ церкви Знаменія, тогда же передѣланной.

Г. 1528: „Пріѣха Владыка Макарій во Псковъ „Генв. въ 26, а хотѣлъ жити тамъ мѣсяцъ, и Ми- „сюрь Дьякъ показалъ ему грамоту В. К., что ему „велѣно жити 10 дней; и срѣтоша его Намѣстни- „ки К. Василей Микулинской и Ив. Вас. Ляцкой „и весь Псковъ . . . Марта 11 преставися Дьякъ „Мисюрь и положенъ въ Печерѣ, и нача К. В. жи- „вотъ его сыскивати, а на его мѣсто прислалъ Во- „лодим. Племянникова, и найдоша въ его казнѣ кни- „ги вкратцѣ написаны, кому что далъ на Москвѣ „Бояромъ или Дьякомъ, и К. В. все то выискалъ на „собя, а иное его племянники; и Подьячей Ортю- „ша Псковитинъ, любезный его, на Москвѣ и на „пытки былъ; и бысть въ людехъ мятежъ о его

„живошахъ. И быша по Мисюри Дьяки частые и „мудрые, а земля пуста; и нача казна В. К. множитися во Псковѣ; а сами ни одинъ не съѣхаша „по здорову со Пскова къ Москвѣ, другъ на друга „воюя." В. К. провелъ осень въ Новой Слободѣ, а послѣ заговѣнья ѣздилъ въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, на Вологду и въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь. — Въ Новог. монастырѣ на Колмовѣ освятили храмъ Успенія; Сент. 9 двѣ церкви у Св. Николая на Полатяхъ во Дворищѣ, Вознесенія и Зачатія Св. Анны; а 13 Сент. Евангелиста Луки на Лубяницѣ въ полѣ. Въ Новѣгородѣ 28 Окт., въ часъ обѣдни, въ церкви Пятницы опустился помостъ у лѣваго крылоса, гдѣ прежде нашли кладъ: народъ бросился изъ церкви, и множество людей задавили, 80 женщинъ и 4 мущинъ; а тѣ, которые послушались Священниковъ и остались въ храмѣ, вышли цѣлы и не вредимы.

Г. 1530. Въ день рожденія Царя Іоанна вылили въ Новѣгородѣ большой колоколъ, какого не бывало.

Г. 1531. По волѣ Государя были принесены 2 ветхія чудотворныя иконы изо Ржевы въ Москву, Параскевы Преподобной и Мученицы, поновлены и назадъ отправлены: а новыя, съ нихъ списанныя, остались въ Москвѣ, въ церкви Параскевы, тогда же созданной близъ Покрова. Сію церковь освятили 27 Ноября и уставили ежегодный въ оную ходъ со крестами. Кострома сгорѣла. — Въ одной лѣтописи сказано, что 15 Авг. Новогородцы присягали В. Князю, супругѣ и сыну его Іоанну. Скончался Епископъ Суздальскій въ Москвѣ и погребенъ въ Суздалѣ. Въ Авг. В. К. поставилъ въ одинъ день церковь обѣтную на Ваганковѣ, Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, заложивъ ее собственными руками; весь Дворъ и городъ были на ея освященіи. — Свирѣпствовала язва въ Ревелѣ. Преставился Пафнутій Боровскій.

Г. 1532. Іюня 22 преставился Іосифъ, Епископъ Смоленскій, и погребенъ въ Смоленскѣ. — Николай Фрязинъ слилъ въ Москвѣ колоколъ въ 500 пудъ. — Совершена церковь Вознесенія въ Коломенскомъ, и Лѣтописецъ говоритъ, что такой великолѣпной еще не бывало въ Россіи. Государь украсилъ ее иконами и сосудами богатыми. 3 Сент. Митропол. святилъ ее, а В. К. въ сей день далъ пиръ въ Коло-

менскомъ, и жилъ тамъ 3 дни. — Государь въ Сент. ѣздилъ къ Троицѣ, былъ въ Слободѣ и 3 Окт. возвратился въ Москву. — Въ Новѣгор. на Павловой улицѣ построены 2 церкви каменныя, Апостола Іакова и Зачатіе, Москов. купцемъ Корюковымъ, а третья деревянная Успенія у каменной стѣны городской, по приказанію В. Князя. Тамъ же сдѣлали мостъ черезъ Волховъ, взявъ изъ казны В. Князя 200 рублей; а нарядчикомъ былъ Филатъ Бобровникъ. Тамъ же Окт. 16 святили церковь Козмы и Даміана въ Кузнецахъ на Гзени.

Г. 1533. 10 Марта выѣхалъ Государь къ Николѣ Заразскому и возвратился 19. Мая 24 была страшная гроза въ Москвѣ. Слитъ въ Москвѣ колоколъ *благовѣстникъ* (Николаемъ Нѣмчиномъ) вѣсомъ въ 1000 пудъ, и поставленъ на деревянной колокольнѣ. — 30 Авг. преставился Игуменъ Александръ, основатель монастыря на рѣкѣ Свирѣ.

(384) R. M. Com. стр. 11 и 92. Герберштт. говоритъ, что прежде его описывалъ Россію *Николай* Кузанъ: извѣстны сочиненія *Антонія* Кузана, напеч. въ Парижѣ 1513 г.; но въ нихъ не упоминается о Россіи. — Франдискъ да-Колло (см. выше, примѣч. 174) говоритъ (*л.* 51, 52), что воля Государева служитъ въ Россіи вмѣсто писанныхъ законовъ, и что кому Вел. Князь прикажетъ повѣситься, тотъ немедленно исполнитъ надъ собою сей указъ; что никто не смѣетъ называть свое своимъ, а все называется Государевымъ; что имѣніе дѣйствительно переходитъ изъ рукъ въ руки по волѣ Вел. Князя, который возвышаетъ или унижаетъ людей въ одну минуту; что они всегда благодарятъ его, и за милость и за наказаніе.

(385) Тамъ же, стр. 36, 37, и въ прибавленіяхъ къ старому Нѣмец. переводу Герберштт., напечатанному въ Базелѣ 1567 г. стр. 204. Фр. да-Колло пишетъ о 400,000 конныхъ воиновъ Россійскихъ, прибавляя, что они служатъ не изъ жалованья, а изъ любви, страха и повиновенія (per amore, timore et obedientia).

(386) См. Павла Іовія стр. 128, и Герберштт. R. M. Com. 21, 36, 38, 40.

(387) Тамъ же стр. 42, 45, 49, 53—59, и Пав. Іов. 126—128. Толмачь Димитрій, говоря съ Іовіемъ о нашемъ дикомъ медѣ, разсказывалъ ему, что одинъ

крестьянинъ, его сосѣдъ, спустился въ борть и едва не утонулъ въ меду, два дни имъ питался, кричалъ и не могъ вылѣзти вонъ; къ счастію, пришелъ медвѣдь и полѣзъ въ ту же борть задними ногами: крестьянинъ схватилъ его за хвостъ, и страшно закричалъ; медвѣдь испугался, бросился назадъ и вытащилъ крестьянина. — Фр. да-Колло цѣнитъ лучшаго соболя даже во 100 червонцевъ (л. 52 на об.). Онъ волчьи шкуры называетъ, кажется, собачьими: pelli di cani, che eccedono di bellezza et di pretio le pelli de Lupi ceruieri (рысьи). Далѣе сказываетъ, что большихъ собакъ впрягаютъ въ сани, тамъ, гдѣ ловятъ соболей.

(388) Герберш. 42. На Псковскихъ монетахъ голова человѣческая представлена такъ грубо, что она казалась Герберштейну бычачьею. На древнѣйшихъ Московскихъ, по его сказанію, изображалась роза.

(389) Тамъ же стр. 56—59.

(390) Тамъ же, стр. 11.

(391) Тамъ же, стр. 41.

(392) Тамъ же, стр. 45, 46, и Контарини въ Бержеронѣ стр. 53. Фр. да-Колло несправедливо пишетъ, что въ 1518 г. была только одна каменная церковь *въ Россіи*: Кремлевскій храмъ Успенія. Онъ говоритъ о четырехъ или пяти каменныхъ домахъ, построенныхъ Итал. Архитекторами въ Кремлѣ, и называетъ стѣны его *деревянными*.

(393) Герберш. стр. 41—56.

(394) См. сей *Исторіи* Т. II, въ примѣч. на *Рус. Правду*.

(395) Герберш. стр. 36.

(396) Тамъ же, стр. 35, 36—41.

(397) Тамъ же, стр. 40. Доказательствомъ, что свободные земледѣльцы продавали себя въ холопство, служитъ 77 статья Судебника, гдѣ сказано: „а которой крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи,“ и проч.

(398) Тамъ же, стр. 35, 40.

(399) Тамъ же, стр. 36, 40, 56 и выше, примѣч. 277. Всѣмъ извѣстно Бургонское вино, называемое Романеею, la Romanée. Вѣроятно, что его привозили въ Россію Нѣмецкіе купцы. Нынѣ у насъ въ питейныхъ домахъ именуется такъ наливка *красная*, составляемая изъ вина, черники, клюквы и меду. —

Бастръ (у Поляковъ Bastard, Baster, у Нѣмцевъ Bastardwein: см. въ Лексиконахъ Линде и Троца) есть Канарское вино. Имя Мальвазіи не встрѣчалось мнѣ въ древнихъ Русскихъ извѣстіяхъ: не она ли называлась Мушкателемъ? Въ старинныхъ Русскихъ Ариѳметикахъ, писанныхъ въ концѣ XVI вѣка, означена слѣдующая цѣна винамъ: „Ренского вина стопа 11 денегъ, Романеи 10, Бастру два алтына и „двѣ деньги“ (14 денегъ) „Алкану“ (Аликанту?) „по „семи денегъ, красново по алтыну.“ Герберштг. говоритъ, что Псковитяне стригли себѣ волосы какъ Поляки, и тѣмъ отличались отъ другихъ Россіянъ. — Выписываю, здѣсь, что говоритъ о старинномъ платьѣ Россіянъ Олеарій, бывшій въ Москвѣ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ:

„Сверхъ короткой рубашки (у богатыхъ вышитой разными шелками и даже золотомъ, на рукавахъ и на воротникѣ, который выставляется изъ„подъ одежды) они надѣваютъ узкое и короткое „полу-кафтанье, едва достающее до колѣнъ и сшитое всегда изъ тонкой матеріи (изъ тафты или „атласа) съ бархатнымъ или парчевымъ воротникомъ, высокимъ и стоячимъ, а сверхъ того кафтанъ, по икру, также изъ тонкой матеріи, но „всегда стеганый и называемый *фереземъ* или *ферезью*; а когда идутъ со двора, тогда всякой наряжается въ кафтанъ длинной, суконной, темносиней или кофейной, иногда же въ парчевой или „атласной, съ широкимъ воротникомъ, съ золотыми петлицами и съ длинными сбористыми рукавами. Такихъ богатыхъ кафтановъ хранится множество въ Царской кладовой; въ день аудіенціи „даютъ ихъ надѣвать чиновникамъ, и снова запираютъ въ сундуки. — Бояре, при всякомъ торжественномъ случаѣ, являются въ высокихъ шапкахъ „собольихъ и черныхъ лисьихъ; а другіе знатные „или богатые люди носятъ обыкновенно бархатныя съ собольею опушкою. Сапоги у нихъ короткіе, по большой части изъ Персидскаго сафьяна, „остроносые и съ высокими каблуками. Женщины „носятъ ферези, или сарафаны, а сверхъ шубу, или „длинное, широкое платье, почти такое же, какъ „мущины, съ застежками или съ серебряными пуговицами. Замужнія ходятъ въ шапкахъ съ бобро-

„вою опушкою, унизанныхъ жемчугомъ и выши-„шыхъ золошомъ; а дѣвицы въ большихъ лисьихъ.“

Гваньини, современникъ Царя Іоанна Василіевича, пишешъ, что по указу Государеву запрещалось бѣднымъ наряжаться, и что Москвишяне, видя просшаго человѣка въ богашомъ плашьѣ, говорили ему: „Ошкуда взялъ шы, измѣнникъ, шакую одежду, ко-„шорой самъ не сшоишь? смѣешь ли наряжашься „Паномъ? Вѣрно задумалъ бѣжашь въ Лишву!“ Онъ же сказываешъ, что вороты рубашечные вышивались обыкновенно въ женскихъ монасшыряхъ, и что сапоги, всегда подкованные желѣзомъ, не досшавали до колѣна.— Флешчеръ, описывая наши обычаи во время Царя Ѳеодора Іоанновича, говоришъ, что Русскіе богачи носяшъ на головѣ подъ шапкою скуфью, Taffia, вышишую золошомъ или шелкомъ съ жемчугомъ; на шеѣ козырь въ 3 или 4 пальца, шакже украшенный жемчугомъ; сверхъ рубашки легкое шелковое полукафшанье, Shepon, *зипунъ* или *жупанъ*, до колѣна; сверхъ жупана кафшанъ парчевой узкой, засшегнушой, съ Персидскимъ поясомъ, а за поясомъ ножъ съ вилками; сверхъ кафшана *ферезь*, или широкую шелковую одежду, подбишую мѣхомъ; сверхъ ферези *охабень*, Alkaben, или длинное плашье съ рукавами и ворошникомъ; сверхъ охабня, для выѣзда, *однорядку*, Honoratkey, суконную или камлошовую, длинную одежду, подобную охабню, но безъ ворошника; сапоги сафьянные съ жемчугомъ; нижнее плашье парчевое. — Фр. да-Колло пишешъ, что Вел. Князь жаловалъ храбрыхъ, любимыхъ воиновъ одеждами шелковыми, суконными, шубами, коихъ лежало всегда безчисленное множесшво въ кладовыхъ, занимавшихъ въ Москвѣ цѣлую улицу.

(400) Пав. Іовій стр. 127.

(401) См. сей Исторіи Т. VI, примѣч. 629, подъ годомъ 1473.

(402) Пав. Іов. de Legat. стр. 129. Фр. да-Колло: „В. К. Василій, вздумавъ жениться,“ (это было еще при отцѣ его) „обнародовалъ во всемъ Государствѣ, „чтобы для него выбрали самыхъ прекраснѣйшихъ „дѣвицъ, знатныхъ и незнатныхъ, безъ всякаго раз-„личія. Привезли ихъ въ Москву болѣе пятисотъ; „изъ нихъ выбрали 300, изъ трехъ сотъ 200, послѣ „100, наконецъ только десять, осмотрѣнныхъ по-„вивальными бабками; изъ сихъ десяти Василій из-

„бралъ себѣ невѣсту, и женился на ней (на Соло-„монiи): однакожь не имѣлъ удовольствiя быть отцемъ, и по тому не весьма уважалъ супругу, такъ, „что я, находясь въ Москвѣ, долженъ былъ хода-„тайствовать о свободѣ брата ея, сидѣвшаго въ „темницѣ за легкую вину.“

(403) Т. е. которыя горѣли въ навечерiи Богоявленiя Христова при освященiи воды. — Сiе описанiе Василiевой свадьбы напечатано въ *Древн. Рос. Вивлioв.* XIII, 5.

(404) Герберштт. R. M. Com. 92.

(405) Тамъ же стр. 35.

(406) Павл. Iовiя de Legat. стр. 128.

(407) См. тамъ же.

(408) Т. VI, стр. 153.

(409) См. *Степен. Кн.* II, 205, 206.

(410) *Степен. Кн.* II, 205, 206, 213.

(411) Сiи двѣ повѣсти: *Слово о нѣкоемъ купцѣ* и *Сказанiе о Дракулѣ*, нашелъ я между рукописями купленными Графомъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Толстымъ у Княгини Голицыной изъ Архангельской библiотеки К. Дмитрiя Михайловича Голицына, о коей упоминаетъ Татищевъ. Списокъ долженъ быть XVII вѣка; но сочиненiе древнѣе. Вотъ начало первой повѣсти: „Бысть нѣкiй купецъ богатъ въ Ру-„стѣй земля во градѣ Кiевѣ, именемъ зовемый Дми-„трей Басарга, тако нарицаемъ. Сей купецъ много „намъ повѣдаше приключавщуюся надъ нимъ бѣду, „глаголя, яко бысть мнѣ нѣкогда отплыти въ ко-„рабли отъ славнаго Царяграда; пловящу же ми по „морю — бѣ бо язъ единъ купецъ; рабовъ же моихъ „и наймитовъ въ корабли 150: бѣ бо у меня со „мною сынъ мой единочадый семи лѣтъ суще воз-„растомъ; а товару же много множество — пловя-„щу же ми по морю, возста буря и вѣтръ великъ „и волненiе носяще корабль на волнахъ; быше бу-„ря 30 дней. Божiимъ же изволенiемъ узрѣхомъ из-„далеча градъ великъ,“ и проч. Загадки Царскiя не весьма остроумны и весьма безтолковы. На примѣръ: 1) *много ли того, мало ли отъ Востока и до Запада?* Отвѣтъ сына Димитрiева: „Отъ Восто-„ку и до Западу ни много, ни мало: день съ ночью.“ 2) *Что есть: днемъ десятая часть по мiру прибываетъ?* Отвѣтъ: „десятая часть по мiру днемъ „убываетъ изъ моря изо всего, и изъ рѣкъ и изъ

„озеръ, на всякъ день солнцемъ усыхаетъ, а деся-„тая часть прибываетъ нощію изо дна моря." 3) *Что есть то, чтобъ тобѣ поганой не смѣялся?* Сынъ Дмитріевъ выпрашиваетъ у Сміяча корону, скипетръ, порфиру, мечь булатный, отсѣкаетъ Царю голову и говоритъ: „се язъ *отгонулъ* загадку твою, „чтобы ты, поганой, не смѣялся!"

Герой второй сказки, Дракула или Драгулъ (какъ его называетъ Византійскій Историкъ Дука, въ гл. XXVIII) былъ побочной сынъ Воеводы Волошскаго, Мильцы; служилъ Императору Греческому; разбилъ наслѣдника и внука Мильцына, Дама; отсѣкъ ему голову и сдѣлался Господаремъ Волошскимъ. Онъ дѣйствительно былъ тиранъ. — Въ примѣръ слога выписываемъ нѣсколько строкъ:

„Нѣкій купецъ приде отъ Угорскіе земли: оста-„вилъ возъ свой на улицы во градѣ предъ полатою „и товаръ свой на возѣ, самъ спяше въ полатѣ, и „пришедше нѣкто, украде его злато. Купецъ же „пойде къ Дракулѣ и повѣда ему изгубленіе злата. „*Поди: въ сію нощь обрящеши злато* — и повелѣ по „всему граду искати татя, глаголя: *аще не обря-„щетиа злато, весь градъ погублю* — и повелѣ свое „злато принести положити на возу нощію, и при-„ложи едину златницу. Купецъ же вставъ и обрѣ-„те единъ лишній златникъ, и шедше къ Дракулѣ „рече: *Государь! обрѣтохъ злато свое все; единъ ли-„шній, а не мой.* Тогда приведоша татя со зла-„томъ, и глагола Дракула купцу: *иди съ миромъ; „аще бы еси не повѣдалъ злата, то и тебя бы пове-„лѣлъ съ татемъ симъ на колъ посадити.*"

(412) Герберш. R. M. Com. стр. 74.

(413) Тамъ же, стр. 76. Герберш. прибавляетъ, что Ханъ имѣлъ обыкновенно четырехъ Совѣтниковъ для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ: первый именовался *Ширни*, вторый *Барни*, третій *Гаргни*, четвертый *Кипчанъ*. Въ Крымскихъ Дѣлахъ No. 8, л. 97, упоминается о сихъ четырехъ главныхъ совѣтникахъ Ханскихъ, или Карачахъ: о *Ширинѣ*, *Барынѣ*, *Аргынѣ*, *Кыпчанѣ*.

(414) Тамъ же, стр. 60 и 89. — Лербергъ, въ своемъ разсужденіи о землѣ Югорской, догадывается, что подъ именемъ *черныхъ людей* Сибирской торговли надобно разумѣть Индѣйцевъ или Бухарскихъ купцевъ, а *Грустинцы* должны быть Gaustinzi, о ко-

ихъ упоминаетъ Штраленбергъ въ описаніи Сибири, и которые жили близъ Томска: Татары идолопоклонники, числомъ до двухъ сотъ семействъ. Миллеръ въ своей Сибирской Исторіи называетъ ихъ Евштинцами (см. Лерберг. Untersuch. 38 и слѣд.). — Герберштейнъ зналъ Географію Россіи лучше, нежели Фр. да-Колло: послѣдній говоритъ нелѣпости о теченіи Дона, Волги, Двины (см. его Trattamento etc. л. 56).

Конецъ Примѣчаній VII Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

VII ТОМА.

Г Л А В А III.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

ВЪ VII ТОМѢ.

Напечат.	*Чит.*	*Стран.*	*Строк.*
Явову	Якову	20	17
хвяляся	хваляся	128	23
омой	домой	185	6
наемщикамъ	владѣльцамъ	215	9

Опечатки въ Примѣчаніяхъ.

Напечат.	*Чит.*	*Стран.*	*Строк.*
Митропол	Митропол.	4	36
Ѳедору	Ѳедоръ	23	16
Шемятичу	Шемячичу	24	11
y etzt	yetzt	25	35
накакихъ	никакихъ	40	6
Инока,	Инока	80	15
прославденъ	прославленъ	—	31

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

У Издателей Исторіи Россійской б. Слёниныхъ принимается подписка на Военную Исторію походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи на 1-ю Часть, содержащую въ себѣ полное описаніе походовъ Императора Петра Великаго противъ Шведовъ и Турокъ, предшествуемое введеніемъ, представляющимъ картину постепеннаго возрастанія могущества Россіи, издающуюся при Главномъ Штабѣ *Его Императорскаго Величества*, сочиненную Д Бутурлинымъ, Флигель-Адъютантомъ Е. И. В., а съ Французскаго переведенную Кварпирмейстерской части Генералъ-Маіоромъ А. Хатовымъ. Сія первая часть состоять будетъ изъ 4-хъ томовъ, изъ коихъ въ послѣднемъ Атласъ, изъ 14 плановъ и картъ состоящій. Подписная цѣна за всѣ 4 тома на лучшей бумагѣ съ разкрашенными планами 65 рублей. При подпискѣ выдаются первой томъ и часть четвертаго (5 плановъ), а на остальные билетъ. При второмъ выдадутся остальные планы, а при третьемъ генеральная карта театра войны.

Такъ же принимается подписка на *Учебную книгу* Россійской *Словесности, или Избранныя Мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ Риторики и Піитики, и Исторіи Россійской Словесности, издаваемую Николаемъ Гречемъ,* которая состоять будетъ изъ 4-хъ томовъ, заключающихъ въ себѣ до ста печатныхъ листовъ. Цѣна симъ 4-мъ томамъ въ бумажкѣ 20 рублей, а съ пересылкою 25 рублей. При подпискѣ 1-й томъ выдается. 2-й и 3-й печатаются. ГГ. иногородные получатъ всѣ 4 тома вмѣстѣ.

ГГ. иногородные, подписавшіеся на второе изданіе *Исторіи Государства Россійскаго*, съ приложеніемъ 5 рублей за почтовую пересылку, благоволятъ доплатить (по новому постановленію Почтамта съ 1-го Генваря сего 1819 года, въ-четверо) еще по 15 рублей, а съ сего времени Особы, какъ подписавшіяся такъ и желающія подписаться, благоволятъ препроводить сверхъ подписной цѣны вѣсовыхъ денегъ за 24 фунта.

По препорученію отъ Коммиссіи книгопечатанія при Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, изданныя на иждивеніе Его Сіятельства Г. Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова продаются нижеслѣдующія книги:

1.) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Два большіе тома въ листъ. Цѣна на бѣлой бумагѣ за 2 тома 50 руб. а на веленевой 70 руб. Равно желающіе имѣть и особо каждый томъ, могутъ получать, т. е. на бѣлой бумагѣ по 25 руб., а на веленевой 35 рублей за томъ.

2.) Законы Великаго Князя Іоанна Васильевича и Судебникъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, съ дополнительными указами, изданные К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ, напечатанные въ 4-ю долю листа. Цѣна по 5 руб. за экземпляръ.

3.) Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя съ прибавленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва, въ 4 долю листа. Цѣна 12 руб. экземпляръ.

ГГ. иногородные, желающіе имѣть сіи книги, благоволятъ адресовать требованія свои на имя братьевъ Слёниныхъ, съ приложеніемъ вѣсовыхъ денегъ, на 1-ю за 20 фунт., на 2-ю за 2 фунт. и на 3-ю за 3 фунта.

РОДОСЛОВНЫЯ

ВЛАДѢТЕЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ

РОССІЙСКИХЪ.

Здѣсь представлены не всѣ, но только важнѣйшія имена, для удобнаго обозрѣнія Княжескихъ поколѣній. Оставляю другому сочинить полныя росписи, коихъ матеріалы находятся въ сей Исторіи, или въ ея примѣчаніяхъ. Означаю или годъ смерти Князей (†), или тотъ, въ которомъ объ нихъ упоминается. — *Первая* роспись идетъ отъ XI вѣка до конца XII, также и *вторая*; *третья* отъ XI до половины XIII; *четвертая* отъ XII до XIII; *пятая* отъ XII до XV; *шестая* отъ XII до XIV; *седьмая* отъ XI до XIII; *осьмая* отъ XI до XV; *девятая* отъ половины XII до XVII вѣка.

РОСПИСЬ I.

ЯРОСЛАВЪ ВЕЛИКIЙ.

- *Илья.* † 1020.
- *Владимiръ.* † 1052.
  - *Ростиславъ.* † 1065.
    - *Рюрикъ.* † 1094.
    - *Володарь.*
      - *Ростиславъ.* 1126.
        - *Iоаннъ* Берладникъ. 1144.
          - *Ростиславъ.*
      - *Владимiрко.* † 1153.
        - *Ярославъ.* † 1188.
          - *Владимiръ* (женатъ на Болеславѣ, дочери Святослава Всеволодовича Черниговскаго). 1198.
            - Сынъ, женатъ на Феодорѣ, дочери Романа Галицкаго.
          - *Олегъ,* сынъ наложницы.
          - Дочь за Королемъ Венгерскимъ Стефаномъ III. 1167.
      - Дочь за сыномъ Императора Греческаго, Алексiя.
    - *Василько.*
      - *Иванъ.*
      - *Григорiй.*
- *Изяславъ.* См. No. II.
- *Святославъ.* См. No. III.
- *Всеволодъ* (женатъ на Греческой Царевнѣ). См. No. IV.
- *Вячеславъ* (женатъ на Одѣ, Графинѣ Штадской).
  - *Борисъ.* † 1079.
- *Игорь* (женатъ на Кунигундѣ, Графинѣ Орламиндской).
  - N. N.
    - *Мстиславъ.* 1099.
  - *Давидъ.*
    - *Всеволодко* (зять Мономаховъ). 1127.
      - *Борисъ.* 1131.
      - *Мстиславъ.* 1167.
      - *Глѣбъ.* 1167.
- *Елисавета* (за Гаральдомъ, Королемъ Норвежскимъ).
- *Анна* (за Генрихомъ I, Королемъ Французскимъ).
- *Анастасiя* (за Андреемъ, Королемъ Венгерскимъ).

РОСПИСЬ II.

ИЗЯСЛАВЪ, СЫНЪ *ЯРОСЛАВА* ВЕЛИКАГО.

- *Мстиславъ.*
  - *Ростиславъ.* 1093.
- *Святополкъ-Михаилъ.*
  - *Мстиславъ* (отъ наложницы). 1099.
  - *Брячиславъ.* † 1127.
  - *Ярославъ,* или Ярославецъ. † 1123.
    - *Юрій* (женатъ на дочери Всеволодка, внукѣ Мономаховой). 1144.
      - *Ярополкъ.* 1190.
      - *Иванъ.* 1166.
      - *Святополкъ.* 1168.
      - *Глѣбъ.* 1185.
      - *Ярославъ.* 1185.
      - *Мальфрида* (за Всеволодомъ, сыномъ Ярослава Изяславича, внука Мстислава Великаго).
      - *Анна,* супруга Рюрикова.
    - *Вячеславъ.* 1127.
  - *Изяславъ.* † 1127.
  - *Сбыслава* (за Болеславомъ Кривоустымъ, Королемъ Польскимъ). 1102.
  - *Передслава* (за сыномъ Коломана, Короля Венгерскаго). 1104.
- *Евпраксія* (за сыномъ Болеслава II).
- *Ярополкъ.*
  - *Ярославъ.* † 1102.
  - *Вячеславъ.* † 1105.

РОСПИСЬ III.

СВЯТОСЛАВЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

- *Глѣбъ.* † 1078.
- *Давидъ.*
  - *Изяславъ.* 1161.
    - Дочь (за Глѣбомъ Георгіевичемъ, внукомъ Мономаха). 1154.
  - *Святоша.* 1099-1106.
    - Дочь (за Всеволодомъ Мстиславичемъ, внукомъ Мономаха).
  - *Владиміръ* (ж. на дочери Всеволодка, внукѣ Мономаховой). † 1151.
    - *Святославъ* (зять Боголюбскаго). † 1166.
  - *Ростиславъ.* † 1120.
- *Ярославъ.* См. No. VIII.
- *Олегъ-Михаилъ.*
  - *Всеволодъ.* † 1146.
    - *Святославъ* (ж. на дочери Василька Полоцкаго). † 1194.
      - *Глѣбъ.* 1185-1205.
        - *Евфимія* (за Царевичемъ Греческимъ Алексіемъ, сыномъ Исаакія). 1194.
        - *Мстиславъ.* 1239.
      - *Владиміръ* (зять Михаила Суздальскаго). 1176-1182.
      - *Олегъ.* 1176-1210.
        - *Давидъ.* 1190.
        - *Борисъ.* 1166.
      - *Всеволодъ* Чермный (ж. на Маріи, дочери Казимира, К. Польскаго). † 1215.
        - *Дочь* (за Киръ-Михаиломъ Рязанскимъ).
        - *Дочь* (за Георгіемъ, сыномъ Всеволода Великаго). 1211.
        - *Св. Михаилъ* Черниговскій. † 1246.
          - *Ростиславъ* (зять Белы, Короля Венгерскаго).
            - *Бела.*
            - *Михаилъ.*
            - *Агриппина* (за Лешкомъ Чернымъ, Герцогомъ Польскимъ).
          - *Романъ* Брянскій.
          - *Мстиславъ* Карачевскій.
          - *Симеонъ* Глуховскій.
          - *Юрій* Торускій.
            - *Всеволодъ.*
              - *Андрей.* 1261.
            - *Константинъ.*
          - *Марія* (за Василькомъ Ростовскимъ).
      - *Дочь* (за Романомъ Глѣбовичемъ Рязанскимъ).
    - *Ростиславъ.* 1147.
    - *Ярославъ.* † 1200.
      - *Ростиславъ* (ж. на Всеславѣ, дочери Всеволода Великаго). 1187.
      - *Ярополкъ.* 1197. 1214.
    - *Святополкъ.* † 1162.
    - *Дочь* (за Владиславомъ Герцогомъ Польскимъ).
    - *Звенислава* (за Болеславомъ, братомъ Владислава, Герцога Польскаго.) 1142.
  - *Глѣбъ.* † 1138.
    - *Изяславъ.* † 1134.
    - *Ростиславъ.* 1142.
  - *Игорь.* † 1147.
  - *Святославъ.* † 1166.
    - *Олегъ* (зять Ростислава Мстиславича Смоленскаго (жен. на Агапіи). † 204.
      - *Святославъ-Борисъ.* 1185.
    - *Всеволодъ.* † 1196.
    - *Игорь-Георгій.* † 1202.
      - *Владиміръ* (зять Хана Кончака). † 1212.
        - *Изяславъ.*
        - *Всеволодъ.*
      - *Романъ.* 1212.
      - *Святославъ* (зять Рюриковъ). 1205.
        - *Олегъ* Курскій. 1228.
      - *Олегъ-Павелъ.* 1176.
    - *Владиміръ.* † 1201.
- *Борисъ.*
- *Романъ.*

РОСПИСЬ IV.

ВСЕВОЛОДЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

- *Янка.* † 1113.
- *Евпраксія* (за Императоромъ Генрикомъ IV?). † 1109.
- *Екатерина.* † 1108.
- *Владиміръ Мономахъ.* (Первая его супруга Гида, дочь Англ. Короля Гаральда.) † 1125.
  - *Мстиславъ-Θеодоръ Великій.* (Первая его супруга Христина, дочь Шведск. Короля Инга Стенкильсона.) † 1132.
    - *Всеволодъ-Гавріилъ* (ж. на дочери Святоши). † 1138.
      - *Іоаннъ.* † 1128.
      - *Владиміръ.* 1136.
      - *Верхуслава* (за Княземъ Польскимъ).
    - *Изяславъ.* † 1154.
    - *Ростиславъ.* † 1168. См. № V.
    - *Святополкъ* (ж. на Княжнѣ Моравской). 1144.
    - *Владиміръ.* † 1173.
      - *Ярославъ* (свояк Всеволода Великаго). 1181.
      - *Мстиславъ* (зять Святослава Всеволодовича Черниговскаго.) 1175.
        - *Изяславъ-Михаилъ.* 1190.
        - *Ростиславъ.* † 1198.
    - Дочь (за Норвежск. Королемъ Сигурдомъ, а послѣ за Датскимъ, Эрикомъ).
    - Дочь (за Брячиславомъ Борисовичемъ, внукомъ Всеслава Полоцкаго).
    - Дочь (за Канутомъ Св., Королемъ Оботритскимъ).
    - Дочь (за Ярославомъ, сыномъ Святополка II Михаила).
    - *Евфросинія* (за Королемъ Венгерскимъ Гейзою). 1149.
    - Дочь (за Греческимъ Царевичемъ Алексѣемъ, сыномъ Императора Іоанна).
    - Дочь (за Всеволодомъ Ольговичемъ.) 1140.
  - *Изяславъ.* † 1096.
  - *Романъ* (ж. на дочери Володаря). † 1119.
  - *Ярополкъ.* † 1139.
  - *Вячеславъ.* † 1154.
    - *Михалко.* † 1129.
  - *Святославъ.* † 1114.
  - *Андрей.* † 1141.
    - *Владиміръ.* 1166.
    - *Ярополкъ.* 1157.
  - *Георгій Долгорукій.* † 1157. См. № IX.
  - *Евфимія* (За Венгерскимъ К. Коломаномъ.)
    - *Борисъ* (ж. на родственницѣ Мануила, Императ. Греческ.). 1159.
      - *Коломанъ* (Правитель Киликіи.) 1159.
  - Дочь (за Всеволодкомъ Давидовичемъ, внукомъ Игоря, правнукомъ Ярослава Великаго).
  - *Марія* (за Леономъ Греческ. Царевичемъ).
    - *Василько.* 1136.
- *Ростиславъ.*

- *Мстиславъ.* См. № VI.
- *Ярославъ.*
  - *Мстиславъ* Нѣмый. 1184.
    - *Иванъ.* 1227.
  - *Всеволодъ* (ж. на Мальфридѣ, дочери Юрія Ярославича Туровскаго).
  - *Изяславъ.* † 1196.
  - *Ингварь.* 1202.
    - *Ярославъ.* 1229.
    - *Владиміръ.*
    - *Изяславъ.* † 1224.
- *Ярополкъ* (ж. на дочери Святослава Ольговича).
  - *Василько.*
- Дочь (за Рогволодомъ Борисовичемъ Полоцкимъ). 1144.

РОСПИСЬ V.

РОДЪ КНЯЗЕЙ СМОЛЕНСКИХЪ.

РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ МСТИСЛАВИЧЬ, ВНУКЪ МОНОМАХОВЪ.

- *Святославъ.*
- *Романъ.*
  - *Мстиславъ-Борисъ.*
    - *Святославъ.* 1232.
    - *Всеволодъ.*
- *Рюрикъ-Василій* (ж. на Анн̂ѣ, дочери Юрія Яросл., внука Святополкова-Михайлова. 1195.
  - *Предслава.*
  - *Евфросинія-Исмарагдъ.*
  - *Ростиславъ* (ж. на Верхуславѣ-Анастасіи, дочери Всеволода Великаго). 1189.
  - *Владиміръ-Димитрій.* 1187.
    - *Андрей* Долгая рука (родоначальникъ Князей Вяземскихъ).
- *Давидъ.* † 1197.
  - *Константинъ.* 1197.
  - *Мстиславъ-Ѳеодоръ.* † 1230.
    - *Ростиславъ-Борисъ.*
      - *Глѣбъ.*
        - *Всеволодъ-Александръ.*
          - *Иванъ.*
            - *Святославъ.*
              - *Юрій.*
                - *Ѳеодоръ.*
      - *Ѳеодоръ* Ярославскій.
        - *Давидъ.*
          - *Василій.*
            - *Василій.*
              - *Ѳеодоръ.*
                - *Александръ.*
- *Мстиславъ Храбрый* (ж. на дочери Глѣба Рязанскаго). 1173.
  - *Мстиславъ Храбрый.* 1224.
    - *Василій.* 1217.
    - Дочь (за Ярославомъ-Ѳеодоромъ, отцемъ Невскаго.)
  - *Владиміръ* Псковскій.
    - *Ярославъ* (ж. на Св. Евпраксіи).
      - Пасынокъ Евпраксіинъ.
  - *Давидъ* Торопецкій. 1214.

РОСПИСЬ VI.

РОДЪ КНЯЗЕЙ ГАЛИЦКИХЪ.

МСТИСЛАВЪ ИЗЯСЛАВИЧЪ, ПРАВНУКЪ МОНОМАХОВЪ, ЗЯТЬ БОЛЕСЛАВА КРИВОУСТАГО, К. ПОЛЬСКАГО.
† 1170.

- *Романъ* (ж. на дочери Рюрика.) † 1205.
  - Неизвѣстный.
    - *Всеволодъ.* 1245.
  - *Даніилъ.* 1224.
    - *Романъ.*
    - *Дочь* (за Андреемъ Ярославичемъ Суздальскимъ).
    - *Левъ* (ж. на Констанціи, дочери Короля Венгерскаго Белы).
      - *Юрій* (ж. на дочери Ярослава Тверскаго.) 1289.
        - *Михаилъ.* † 1284.
        - *Андрей.* † 1324.
          - *Георгій.* † 1333.
          - *Марія* (за Тройденомъ Мазовскимъ.) 1336.
            - *Болеславъ.* 1336.
        - *Левъ.* † 1324.
    - *Мстиславъ.*
      - *Даніилъ.* 1280.
    - *Шварно.*
  - *Θеодора.*
  - *Василько* (ж. на дочери Георгія, К. Владимірскаго).
    - *Дочь* (за К. Андреемъ Всеволод. Черниrов.). 1261.
    - *Владиміръ-Іоаннъ.* † 1289.
    - *Ольга.* 1289.
- *Святославъ.*
- *Всеволодъ* Бельзскій.
  - *Александръ.*
    - *Гремислава* (за Лешкомъ Бѣлымъ).
    - *Анастасія* (за Болеславомъ Мазовскимъ, а послѣ за Бояриномъ Венгер. Димитріемъ).
  - *Елена* (за Казимиромъ Справедливымъ). 1196.
  - *Всеволодъ.* 1211.

РОСПИСЬ VII.

РОДЪ КНЯЗЕЙ ПОЛОЦКИХЪ.

ИЗЯСЛАВЪ, СЫНЪ СВ. ВЛАДИМИРА ОТЪ РОГНѢДЫ.

- *Брячиславъ.* 1021.
  - *Всеславъ.* 1067.
    - *Рогволодъ.*
      - *Василько.*
        - *Всеславъ* (ж. на сестрѣ Мстислава Мстиславича Храбраго). 1103.
        - *Володша.*
          - *Николай.*
            - *Изяславъ.* 1181.
            - *Всеславъ.* 1181.
          - *Андрей.* 1181.
        - *Брячиславъ.*
          - *Василько* (зять Давида Смоленскаго). 1195.
            - *Дочь* (за Всеволодомъ Великимъ). 1209.
        - *Дочь* (за сыномъ Всеволода II Ольговича). 1144.
      - *Іоаннъ*
    - *Романъ.*
    - *Борисъ.*
      - *Брячиславъ* (зять Мстислава Великаго). 1129
      - *Рогволодъ* (зять Изяслава II). 1144.
        - *Глѣбъ.* 1181.
    - *Глѣбъ.*
      - *Всеволодъ.* 1158.
      - *Володарь.* 1163.
        - *Василько.*
    - *Давидъ.*
    - *Ростиславъ.*
      - *Ростиславъ.*
        - *Глѣбъ.* 1158.
    - *Святославъ-Григорій.*
      - *Вячеславъ.*
      - *Давидъ.*
      - *Евфросинія.*
      - *Горислава.*
    - *Дочь* (за сыномъ Императора Греческ. Алексія). 1104.

РОСПИСЬ VIII.

РОДЪ КНЯЗЕЙ РЯЗАНСКИХЪ, МУРОМСКИХЪ и ПРОНСКИХЪ.

ЯРОСЛАВЪ СВЯТОСЛАВИЧЪ, ВНУКЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

1127.

- *Ростиславъ* Рязанскій.
  - *Глѣбъ.*
    - *Романъ* (зять Святослава Всеволод. Черниговъ.).
      - *Романъ.* † 1237.
      - *Юрій.* † 1237.
        - *Θеодоръ.* † 1237.
          - *Іоаннъ* Постникъ. † 1237.
      - *Олегъ.*
        - *Романъ*
          - *Константинъ.*
            - *Ярославъ.*
              - *Іоаннъ.*
                - *Іоаннъ* Коротополъ. 1340.
                  - *Олегъ.* 1380.
                    - *Θеодоръ.*
                      - *Іоаннъ.*
                        - *Василій.*
                          - *Іоаннъ.* 148[illegible]
                            - *Іоаннъ.*
                          - *Θеодоръ.*
                    - *Родиславъ.*
    - *Игорь.* † 1194.
      - *Ингварь-Козма.*
      - *Юрій.*
    - *Владимiръ.*
      - *Глѣбъ* (зять Давида Смоленск.).
        - *Игорь.*
          - *Романъ.*
      - *Константинъ.*
      - *Олегъ.*
      - *Изяславъ.*
    - *Всеволодъ* Пронскій.
      - *Киръ Михаилъ.* † 1218
        - *Александръ.*
          - *Михаилъ.*
            - *Александръ.* † 1340.
              - *Ярославъ.*
                - *Димитрій.*
                  - *Владимiръ.*
                    - *Іоаннъ.*
                      - *Θеодоръ.*
                        - *Юрій.*
                    - *Θеодоръ.*
    - *Святославъ* Пронскій.
      - *Мстиславъ.*
      - *Ростиславъ.*
  - *Юрій.*
    - Сынъ. 1175.
    - Дочь. 1175.
- *Святославъ* Рязанскій.
  - *Владимiръ.* † 1161.
    - *Юрій* Муромскій. † 1175.
      - *Владимiръ.* † 1204.
      - *Давидъ.* † 1228.
        - *Юрій.*
          - *Ярославъ.*
            - *Юрій.* 1351.
            - *Василій.*
- *Юрій* Муромскій.

РОСПИСЬ IX.

РОДЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ВЛАДИМІРСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ.

ГЕОРГІЙ ДОЛГОРУКІЙ, СЫНЪ МОНОМАХОВЪ.

† 1157.

Ростиславъ. — *Андрей* Боголюбскій. — *Іоаннъ.* — *Борисъ.* — *Глѣбъ.* — *Мстиславъ.* — *Василько.* — *Ярославъ.* † 1166. — *Михаилъ.* — *Святославъ.* † 1174. — *Всеволодъ* Великій, прозваніемъ Большое Гнѣздо.

(Ростиславъ:) *Ярополкъ.* *Мстиславъ.* — (Мстиславъ:) *Святославъ.*

(Андрей:) *Романъ.* *Владиміръ.* *Изяславъ.* † 1165. *Мстиславъ.* *Георгій* (ж. на Тамари, Царицѣ Грузинской). — (Мстиславъ:) *Василій.* 1171.

(Михаилъ:) Дочь.

(Всеволодъ:) *Константинъ.* (Отъ него Ростовскіе Князья). — *Борисъ.* — *Юрій.* — *Ярославъ-Өеодоръ.* — *Глѣбъ.* † 1189. — *Владиміръ.* — *Святославъ.* — *Іоаннъ.* (Отъ него Стародубскіе Князья).

(Святославъ:) *Димитрій.*

(Ярославъ-Өеодоръ:) *Өеодоръ.* — *Александръ* Невскій. — *Андрей.* (Отъ него Суздальскіе Князья). — *Константинъ* Галицкій. — *Аөанасій.* — *Даніилъ.* — *Михаилъ.* — *Ярославъ.* (Отъ него Тверскіе Князья). — *Василій* Костромскій.

(Александръ:) *Василій.* — *Димитрій.* — *Андрей.* — *Даніилъ* Московскій.

(Даніилъ:) *Юрій.* — *Александръ.* — *Борисъ.* — *Іоаннъ I* Калита. — *Аөанасій.*

(Іоаннъ I:) *Симеонъ* Гордый. — *Іоаннъ II.* — *Андрей.*

(Іоаннъ II:) *Димитрій* Донскій. — *Іоаннъ.* — (Андрей:) *Владиміръ* Храбрый.

(Димитрій:) *Даніилъ.* — *Василій.* — *Юрій.* — *Андрей.* — *Петръ.* — *Іоаннъ.* — *Константинъ.*

(Василій:) *Іоаннъ.* — *Василій* Темный. — *Анна* (за Греческ. Царевичемъ Іоанномъ, сыномъ Мануила). 1414.

(Василій Темный:) *Юрій.* — *Іоаннъ III* Великій. — *Юрій.* — *Андрей.* — *Борисъ.* — *Андрей.*

(Іоаннъ III:) *Іоаннъ.* — *Василій.* — *Юрій.* — *Димитрій.* — *Симеонъ.* — *Андрей.*

(Іоаннъ:) *Димитрій.* — (Василій:) *Іоаннъ IV* Грозный. — *Юрій.*

(Іоаннъ IV:) *Димитрій.* — *Іоаннъ.* — *Өеодоръ* Царь. — *Св. Димитрій.*